

Виктор Сокирко и Лидия Ткаченко

**Жизнь и поражения
советского инакомыслящего**

На жизненном
подъёме
(1968 – 1979 гг.)

Том V

Москва, 2016

Оглавление

ПРЕДВАРЕНИЕ	5
РАЗДЕЛ 1. В КРУГУ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ	7
1.1. Бурный 1968 год.....	7
1.2. ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ. 1971-1972 гг.	12
1.3. ПАДЕНИЕ И ПОСЛЕ. 1973-1977 гг.	34
1.4. ПОСЛЕ СУДА. В СПОКОЙНЫХ ВОДАХ. 1973-1977 гг.....	54
РАЗДЕЛ 2. ЖЕЛАННОЕ БУДУЩЕЕ И ПУТИ К НЕМУ (ДУМЫ О РОССИИ) 67	
2.1. КАК НАМ СТРОИТЬ ДОМ	67
2.2. РЕЦЕНЗИЯ НА РОМАН Ю. ТРИФОНОВА "СТАРИК"	77
2.3. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Н.Н. ЯКОВЛЕВА "ПРОДАВШИЙСЯ" ("ЛГ" ОТ 20.2.74 г.)	87
2.4. ЯМА РАДИКАЛИЗМА (РЕФЕРАТ-РЕЦЕНЗИЯ КНИГИ ГОНИОНСКОГО С.А. "ГАИТЯНСКАЯ ТРАГЕДИЯ")	109
2.5. ПЕРЕПИСКА С ПАРИЖЕМ, 1975-1976 гг.	135
2.6. ПИСЬМА О КОНСТИТУЦИИ.....	158
2.7. "РЕФЕРАТ-РЕЦЕНЗИЯ КНИГИ Б. КОМАРОВА "ЗАПАСНАЯ СТРАНА"	183
2.8. ПИСЬМО Ф. АБРАМОВУ	232
РАЗДЕЛ 3. ПОИСК МЕРЫ УЧАСТИЯ В ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА	236
3.1. МЕЖДУ СТРАХОМ И НЕТЕРПЕНИЕМ	236
3.2. ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В. АБРАМКИНУ И ЕГО ДРУЗЬЯМ	267
3.3. <i>К. БУРЖУАДЕМОВ</i> "Я ОБВИНЯЮ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ – СЛУЖАЩИХ И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ЭКОНОМИЧЕСКИМ СВОБОДАМ И ПРОГРЕССУ РОДИНЫ" (ЗЭС№1)	278
3.4. ОБ ОЧЕРКЕ Ю. ЧЕРНИЧЕНКО "ПРО КАРТОШКУ"	302

РАЗДЕЛ 4. ПРИКОСНОВЕНИЯ К МИРОВЫМ РЕЛИГИЯМ324

4.1. Попытка дискуссии по темам статьи В.В. "Мое отношение к религии", 1974г.....	324
4.2. «История не суд, а воскрешение» (реферат-рецензия книги Фёдорова Н.Ф. «Философия общего дела», 1906г.).....	349
4.3. Реферат-рецензия «Протестантской этики» М.Вебера	406
4.4. О книге М.Поповского "Куда девались толстовцы"	436
4.5. Поповскому М.А.о книге «Жизнь и житие архиепископа Луки, профессора Войно-Ясенецкого» , 1971-75г.....	443
4.6. С.А.Желудкову после прочтения его "К размышлениям о всечеловеческой церкви",1979 г.....	457
4.7. Ответ священника С.А.Желудкова, март 1979 г.....	463

Предварение

В первых трёх томах В.В.Сокирко (для меня - Витя) рассказал, что вспомнил, о своих «корнях», о своих школьных и студенческих годах и о работе и занятиях в постстуденческие годы. Открытиями в последние перед тридцатилетием годы были диафильмы и мир «думающих о России» людей. Создание диафильмов и их показ гостям - набор впечатлений и отснятых цветных фотоплёнок, проявление их и написание рассказа-сценария с использованием отобранных слайдов, проговор перед микрофоном текста сценария в сопровождении подобранной музыки - занимали основную часть личного времени, наполняли его смыслом.

Сейчас по Витиной просьбе мы начали издавать написанные им сценарии, помещая их в каждый том: т.4 целиком заполнен сценариями и дневниками походов, из которых они в основном выросли (всего 20), а в первых трёх томах – 11 сценариев (диафильмы при желании можно смотреть на нашем сайте www.sokirko.info разделе «Диафильмы и дневники»). Издание сценариев продолжится и в последующих томах, только в т.5 их нет. В т.5 включены Витины мемуарные тексты времени его погружения в диссидентский мир, записанные в 1977г. (раздел 1), и нами совместно отобранные из нашего архива рефераты-рецензии, просто отклики на официально изданные и самиздатские книги и статьи добутырского времени, из которых Витя извлекал уроки истории, с которыми размышлял, «как строить наш дом–страну?» и что строителям-сверстникам надлежит делать, чтобы помочь стране выбраться навсегда из глубокой ямы рабской психологии и приблизиться к обновлению страны-жизни (разделы 2 и 3). В раздел 2 кроме того включены письма и предложения (1977г.) по изменению Конституции СССР и переписка о либерализме и социализме с владеющим русским языком и предложившим нам называть

его по-русски Робертом Павловичем, французским профессором-иезуитом Р.Боском, а в раздел 3 - письмо к В.Абрамкину как к одному из организаторов песенных слётов КСП. Клуб студенческих (самодеятельных) песен был тогда лесным, свободным существом (явлением) в условиях всеобщей несвободы, и Витя пытался передать свою энергию его организаторам для поддержания его жизни, когда над ним нависли щупальца горкома комсомола.

Жизнь во всех проявлениях в те годы очень интересовала Витю. Может это в порядке вещей, что мыслящий человек не имеет единомышленников – могут совпасть один-несколько секторов мировоззрения и только. Даже в диссидентской среде, куда Витя тянулся всей душой, его мысли редко встречали “горячий приём”. Так, манипуляции, проделанные с его предложениями об изменении нашей Конституции, доставили ему массу огорчений. А.Д.Сахаров передал их П.Г.Григоренко, который собирал подобные письма в бюллетень “Вокруг проекта Конституции СССР”. Витины предложения претерпели довольно значительную цензуру (без согласования с ним), и он написал резкое письмо составителям бюллетеня.

Возрождающаяся православная религия, уход друзей в православие, даже евреев по происхождению, сохранение другими евреями родительской веры, соприкосновение с крымскими татарами – носителями мусульманства и собственный атеизм требовали осознания своего места в нашем сложно переплетённом мире. Попытки разобраться, как разные религиозные установки влияли на жизни их носителей, в разделе 4 данного тома.

Правки первоначальных текстов я, конечно, делала, но минимальные, о сокращениях сообщала. Читайте - желаю найти в этой подборке мысли, созвучные Вашим! Л.Ткаченко, март 2016 г.

Раздел 1. В кругу инакомыслящих

1.1.Бурный 1968 год

Я считаю 1968 год кульминацией не только моей жизни, но и жизни многих моих сверстников. Однако в наших записях он отражен весьма скупо. Поэтому мне придется по памяти восстановить канву событий.

Февраль 1968 г. - К нам домой приезжает Зампира Асанова, активистка крымско-татарского движения за возвращение на родину и наша хорошая знакомая со студенческих лет. Она рассказывает о процессе над Галансковым, Гинзбургом и Лашковой, об обращении к мировому общественному мнению П. Литвинова и Л. Богораз, о Костерине и Григоренко, о сотнях протестующих и ... предлагает присоединиться.

Опасность такого поступка я вполне понимал: урок 1961 года для меня незабываем. Но прямой призыв к твоей совести и факт сотни уже подписавших для меня был внове. «Кто, если не ты, и когда, если не теперь? Я подписал протест.

«Ты не бойся, – успокоила меня на прощание Зойка-Зампира, - за подписи сейчас не арестовывают, могут только с работы выгнать». Но я-то знал, что это значит: «выгнать из института или с работы». Поседеешь от переживаний. Но Лиля к этим вещам - подписям и протестам - не должна иметь отношения. «Правильно, - поддержала меня Зойка, - у тебя, Лиля, грудной ребенок скоро будет, тебе нельзя волноваться». Ох, Зоя, волнений Лиле и со мной одним хватило, а вот устойчивость заработка хотя бы одного из нас при двух детях гораздо важнее...

Март-апрель 1968 г. – мое знакомство с П.Литвиновым, Л.Богораз, В.Красиным, П.Г.Григоренко. Регулярные посещения квартиры Литвинова на ул. Ал.Толстого. Кампания преследований за подписи. Но со мной все обходится спокойно (может быть, собранные

Зампирой подписи затерялись и не вошли в окончательный список...).

Очень памятна встреча¹ деятелей крымских татар и «демократов-подписантов»: Якира, Кима, Габая и всех вышеперечисленных. По марксистской терминологии это была «историческая встреча представителей национально-освободительного и общедемократического движений». Здравницы за возвращения на Родину, за права человека, за дружбу... но при этом одни клянутся ленинизмом (крымские татары), а другие – общечеловеческими идеалами и декларациями ООН.

Я смотрел на все это широкими глазами. А при возвращении, в утренней электричке, Красин рассказывал, что в Чехословакии, действительно, осуществлена полная свобода печати и слова... Действительно, отменена цензура! « Не может быть! При социализме такое невозможно! - « Да, да, в Чехословакии цензура отменена». Моя голова шла кругом...

Май 1968 г. - Рождение нашей дочери Гали. Лилино затворничество в новой (наконец-то своей) комнате коммунальной квартиры на Багратионовской...

Появление меморандума академика Сахарова, «отца советской водородной бомбы». «Вот здорово! - сверкал глазами Ролан Кадыев, крымский татарин и аспирант-физик, - Если бы еще десяток академиков такое написали, представляешь, что было бы?!» - А что было бы?.. - Разгон и высылка представителей крымских татар из Москвы.

Июнь 1968 г. – Подписи под письмами в Верховный Совет СССР с предложениями ратифицировать пакты ООН о политических и экономических правах человека. (Впоследствии эти письма были изъяты при обыске на квартире Литвинова еще до отправки их по адресу).

¹ Встреча состоялась на квартирке моей одногруппницы Семаде Асановой в г. Жуковский (Л.Т, 2016г)

Июль 1968 г. – Я в алыпллагере «Джан-Туган». Лиля дома.

Грозные статьи в «Правде» с недвусмысленными предупреждениями в адрес демократизирующейся Чехословакии. Было страшно и невероятно: «Ведь это почти объявление войны... Неужели будет война?» И как вести себя при этом?

Август 1968 г. – Возвращение домой. Тяжелая, выматывающая работа на новом трубосварочном стане подручным сварщика в вечернюю и ночную смены. Все до меня доходило с опозданием, сквозь недосып: гром от ввода советских войск в Чехословакию (я даже не знал, что на заводе было собрание по этому поводу), демонстрация на Красной площади Литвинова, Богораз, Бабицкого и других с лозунгами: «Руки прочь от Чехословакии», «За вашу и нашу свободу». Арест демонстрантов и подготовка суда над ними.

О демонстрации мне рассказала все та же Зампира: «Они спасли честь русской интеллигенции...» Этому нечего было возразить. На душе у меня двойственность: стыд от того, что узнал о 25 августа так поздно, и скрываемая, стыдная радость от того, что «минула меня чаша сия». Не работая я во вторую смену, наверное, пошел бы с ними, ибо остро чувствовал ответственность... А жизнь пошла бы по-иному.

Сентябрь 1968 г. – Теперь я стал посещать квартиру Якира. Мучительный вопрос: «Что же делать?» Новости о готовящемся процессе. Первые «Хроники текущих событий». Моя личная неудача с единственным показом диафильма «Обыкновенный культ», вылившимся в ожесточенный спор наших туристских друзей с «подписантами»: о «праве наших войск» на вмешательство в Чехословакии, на защиту социализма, на оборону от «натовской и западногерманской агрессии» и т.д. и т.п. Ожесточенные споры по всей Москве.

Октябрь 1968 г. – Три дня суда над демонстрантами на Красной площади, три дня перед зданием суда на набережной Яузы, три дня открытого противостояния «подписантов» и иностранных корреспондентов с одной стороны, и

дружинников с людьми «в штатском» с другой стороны (при расставленных вдоль улицы милицейских машинах).

При первом подходе к зданию суда – сосущее чувство страха: «А вдруг там будет заварушка и всех схватят, и сейчас я в последний раз вижу чистое небо?» А потом – восхитительное чувство опасной свободы в самом центре Москвы...

Эпизод со сбором подписей под протестом против фактической закрытости суда (в зал пускали только райкомовскую публику с черного входа): руководитель дружинников, холеного вида молодой бородач, вырвал у Григоренко текст с подписями и разорвал его. Взбешенный генерал надвинулся на него с возмущением: «Как Вы смеете... Что за хулиганство? Кто Вы такой...», на что тот, ни капли не смущаясь и стеклянно глядя сквозь нас, ответил: «Я - Олег Александров, рабочий, а вот вы...» Но договорить ему не дали: мы разом заорали что-то и как-то разом придвинулись вплотную, но сзади нас тут же одернули: «Только не драться, провокация...» Заторможенная энергия требовала выхода и, глядя с ненавистью на это холеное, чисто фашистское лицо, я выпалил: «Рабочий? Ты – рабочий? А ну, покажь руки!» и протянул для сравнения руку, и он, не поколебавшись, свою... И я, и «Александров» были детьми своего времени, оба смотрели одни и те же фильмы, где «красные» отличают «белых шпионов» по холенным рукам. Мы оба инстинктивно доверяли этому способу доказательства «рабочести и красности», в душе считали себя «рабочими и красными» и потому, не раздумывая, сдвинули раскрытые ладони. Конечно, контраст был разительным: чистая, розовая, руководящая ладошка «Александрова» и моя, огрубевшая от труб, в желтых мозолях и черных следах не отмытого машинного масла, лапа... «А... - закричали «наши», - какой ты рабочий, вот рабочий, а ты холуй (или что-то вроде)».

Разорванное заявление Александров отдал-таки. Конечно, среди нас почти не было рабочих по призванию, но практически их не было и с другой стороны. Кто же был в тот

год ближе к рабочим? Мы или «Александров»?.. Теперь, протрезвев, наверное, следует согласиться: тогда к их настроениям был ближе «Александров», а кто будет ближе в будущем – не знаю...

Другой эпизод. П.Г.Григоренко стоит в кругу заседающих малорослых дружинников: «Товарищ генерал, как же Вы дошли до жизни такой? Небось и из партии исключили?» Генерал величественно разворачивается к спрашивающему: «Да, я теперь не капе-эсесовец!»

Идет второй или третий день, страсти немного поутихли, но перед зданием суда не кончаются споры и дискуссии: подписантов и дружинников, дружинников и иностранных корреспондентов, подписантов между собой. «Корров» в зал суда не пускают («К сожалению, нет свободных мест»), но специально выделенный пресс-секретарь регулярно сообщает им «новости с процесса», а те – нам. Плюс сведения от выходящих свидетелей и родственников. Пятеро подсудимых держатся хорошо, спокойно, с достоинством, с сознанием значительности всего с ними происходящего.

А вечерами споры взрываются скандалами: «Александровы» подсылают к нам пьяных работяг и даже забубенных женщин, и те вопят: «Автоматами бы вас всех перестрелять... танками задавить... Моя б воля...» Иногда, когда поблизости находится группка корреспондентов, к изрыгающим проклятия пьяным подходят милиционеры и вежливо уводят их «со сцены». Дискуссии продолжаются...

Удивительные дни! Дубчек – снова секретарь Чехословакии, наши войска в Чехословакии – лишь временно... Да что творится кругом?..

Объявляется приговор: вместо максимальной меры по предъявленному обвинению (три года лагерей) трое основных демонстрантов - Литвинов, Богораз, Бабицкий приговариваются к ссылке. Корреспонденты шлют по миру сообщения: «Россия возвращается к добрым временам царской политической ссылки».

Ноябрь 1968 г. - Подпись на квартире у Якира обращения к Президиуму Верховного Совета СССР с просьбой пересмотреть судебное решение по делу демонстрантов.

Декабрь 1968 г. – Подпись на квартире у Григоренко письма в защиту права крымских татар на возвращение в Крым.

И лишь в феврале 1969 г. наступила давно ожидаемая мною расплата: разбор его персонального дела на профсоюзном собрании заводоуправления².

Таков был этот бурный год-вершина. От него у меня остались диафильм³, неудачный рассказ⁴ и переписка со знакомыми по поводу меморандума Сахарова⁵.

1.2.Хроника текущих событий. 1971-1972 гг.

В 1971 году Лиля защитилась, а я перешел на работу в академический институт и получил возможность без особых помех готовить диссертацию по совершенно новой для меня, но давно желанной специальности. Работа меня захватила целиком. Обостренное чувство опасности за полученное место (подписанты в академических институтах гуманитарного профиля удерживаются очень плохо), необходимость доказать свою профпригодность еще больше меня подхлестывали. Я вкалывал как крестьянин в сложных непогодных условиях на

²<http://www.sokirko.info/ideology/pv1/36.htm>

³ http://www.sokirko.info/Part3/Dzhan_Tugan/

⁴ <http://www.sokirko.info/Tom2/budem.html>

⁵ <http://www.sokirko.info/Tom2/app1.html>

своим полем в предвкушении богатого урожая (и не только денег).

И все же главным в эти два года было участие в так называемом «Демократическом движении», что для меня лично сводилось, в основном, к распространению «Хроники текущих событий». Конечно, упоминая в этом разделе это знаменитое издание, я буду рассказывать только о своих личных впечатлениях и переживаниях рядового распространителя, нисколько не претендуя на какие-либо общие оценки.

Сразу же оговорю свое понимание двух разных явлений. «Движение в защиту прав человека» у меня ассоциируется прежде всего с подписантством, открытым и легальным, т.е. лояльным противостоянием властям в их нарушениях законов и прав человека в стране. Под более же широким термином «Демократическое движение» в эти годы я понимал настроения и действия людей, издающих и читающих Самиздат и Тамиздат, в особенности «Хронику текущих событий». Долгое время я считал участников первого движения мужественной элитой, а второго - более робкой основной массы. И не изменил своего мнения. Но было здесь и нечто иное.

В 1968 году подписантство казалось мне преобладающим. Мир делился на подписавшихся или готовящихся к этому или на идейных противников. Потом все изменилось. Число открытых диссидентов резко сократилось до десятков и единиц. Эти немногие выстояли против всех угроз и стоят до сих пор. Теперь на подписи люди решаются, хорошо зная неизбежность «отрицательных последствий», спокойно их переносят и не отступают вскорости, как это было в 68-м. Начал действовать «естественный» отбор действительных борцов за гражданские права. Зато теперешний рост их числа – настоящий прогресс.

Подписанты много раз декларировали свое отвращение к политике и к любым организациям любого толка, но сами были вынуждены прибегать и к частым заявлениям и

интервью западной прессе с большим политическим откликом, и к созданию своих организаций («Инициативная группа по защите прав человека», «Комитет защиты прав человека», группа Международной Амнистии, и т.д.). Однако главное в них оставалась неизменным – принципиальная открытость перед властями и миром, легальность. Из-за этого они терпели много бед и неудобств, но в то же время – только благодаря этому они свободно живут и действуют. И только так можно долго и нравственно жить у нас. Сами репрессии, которым диссиденты подвергаются, вызывают сочувствие у молчащего и еще поддерживающего власть большинства, т.е. служат самой прочной связью с народам.

Те же, кто не смог выдержать угроз и реальных наказаний (или же сразу не решился на открытое сопротивление, или же вообще считал подписание бессмысленной фрондой), эти люди могли удовлетворить свое чувство протеста лишь в сочинении и распространении анонимного или псевдоанонимного Самиздата. Конечно, в таких произведениях можно было позволить себе делать самые крайние предложения и самые непривычные выводы. Тайной снималась узда ответственности перед властями и, следовательно, перед народным большинством, которое эту власть поддерживает, и открывался шлюз для выплескивания всего накопившегося радикализма и ненависти. Вина за отказ от легального сопротивления, за собственную слабость только усиливали эти чувства.

Боязнь репрессий приводит к анонимности и нелегальности. Фактическая нелегальность приводит к радикальной критике и требованиям, а их невыполнение и усиление репрессий приводит к полной нелегальности и насильственной борьбе. Таков порочный круг возникновения и развития революционных настроений – знакомый всем нам по истории России на рубеже столетий. Мне вспоминается эпизод из автобиографии В.Г.Короленко: он был одним из тех редких Дон Кихотов в среде революционной и оппозиционной интеллигенции, которые отказались от присяги новому царю

Александрю III, редких, поскольку этот «беспольный жест» грозил немедленными репрессиями. Отчаянные «революционеры» его не понимали. И действительно, Короленко тут же сослали в далекую Якутию. Лишь одна прозорливая женщина угадала: «Если бы Вы тогда приняли присягу, то стали бы после террористом». И Короленко с ней согласился: ему уже делали подобные предложения революционные активисты, но сознание исполненного долга, мужество открытого сопротивления удержали В.Г. от экстремизма, в отличие от большинства его современников.

Конечно, сегодня иное время: вместо одного отказавшегося от присяги Короленко на сотни народовольцев, существуют сотни подписантов на одного Ильина, стрелявшего у Боровицких ворот Кремля, но проблемы выбора линии поведения остались схожими.

Я сам был в числе отступивших и отказавшихся от подписантства, сам шел к Якиру после 25 августа 68-го года и спрашивал: «Что же делать?» и кажется, был готов на все, а свое отступление от легального протеста компенсировал работой над неподписанным или псевдонимным Самиздатом и распространением (перепечатыванием – Л.Т., 2016) Хроник.

Я пишу эти слова признания и преодолеваю тут же свой страх, хотя разум убеждает: давно пора сделать этот небольшой, но нужный шаг. Сказать открыто то, что скрывал, необходимо, если мечтаешь вернуться на трудный, но единственно верный путь открытости. Лучше признание в грехе анонимности сейчас перед людьми, чем потом – перед следователями и судом, с перечислением ненужных и прочно забытых подробностей.

Мой личный Самиздат был очень скромным: рецензия-анализ на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», анализ позиций правых, левых и просоветских компартий по материалам Совещания 1969 года и некоторые другие работы. Самиздатом я называю написанное мною лишь условно. Ведь настоящий Самиздат читается с помощью размножения экземпляров самими читателями. Мои же работы дальше

круга личных знакомых, по-видимому, не шли. Но я и этим был доволен. Кроме того, ощущение удовлетворения создавали и краткие извещения-рецензии в Хрониках (раздел «Новости Самиздата»): по-видимому, круг моих знакомых и круг создателей Хроник пересекался.

На моих глазах менялся вид и традиции этого журнала: от нескольких машинописных листков до 40 и больше страниц убористого текста; утвердились постоянные рубрики и разделы: Судебные процессы, Новости из политлагерей, Внесудебные преследования, Новости Самиздата, Поправки и дополнения и т.д. Каждый из выпусков содержал массу точной и достоверной информации – запретной, неслышанной, ужасной, прежде таинственной. Мне и моим знакомым Хроника всегда казалась самым страшным и запретным изданием Самиздата (насколько прочно была вбита в нас манера говорить «о воронках» в сталинское время только шепотом), что и сейчас боимся. Хотя на деле собираемые Хроникой факты почти полностью можно узнавать строго легально: от родственников осужденных, от адвокатов, из писем, советской и зарубежной прессы. Наверное, для самих следователей и преследователей все сообщаемое Хроникой было будничным и знакомым и потому они не могли оценить то поразительное влияние, которое оказывала она на нас своим произнесением вслух самых потаенных и страшных вещей и преодолением возникающего от этого страха. Прошли годы анонимного существования Хроники при фактической известности круга ее создателей, прежде чем последовали серьезные кары. Это казалось невозможным, почти чудом. Помню свой вопрос Красину – еще до его сибирской ссылки, когда он был очень активен: «Скажите, Витя, по Вашему мнению, сколько Хроника сможет продолжаться?» Он отвечал: «Они (т.е. власти) сейчас пока выжидают и думают, что делать, но дальше 10-го выпуска они нас, конечно, не вытерпят». – «Ну и что?» - «Сколько будет времени до разгона, то и наше».

«Они» терпели и выжидали до 22 выпуска (арест Якира), 25-го (арест Красина), 27-го (временное прекращение Хроники под угрозами). Но известно, что после недолгого перерыва Хроника стала выходить вновь и теперь никто уже не может предсказать ее конец с прежней красиновской уверенностью. Мало того, члены Инициативной группы – Ковалев, Великанова, Ходорович прямо объявили, что распространяли и будут распространять Хронику, не исключая передачи ее на Запад, и этим утвердили ее открытость и легальность. Преследований именно за это заявление не было, хотя Ковалева позже осудили в связи с литовским самиздатом.

Таким образом, либерализм властей превзошел все самые смелые ожидания 69-70 годов. С точки зрения диссидентов я произнес сейчас почти неприличные слова: читая сухую и точную летопись Хроники, видишь одни репрессии и держимордство. О каком же «либерализме» можно вести речь? И все же, если сравнивать наши субъективные ожидания мыслимых репрессий с действительно происходящими, то окажется, что власти много лучше и либеральнее, чем мы о них думали.

Несколько лет я, подобно Красину, был убежден в неизбежной гибели Хроники, в том, что наше бурное течение вылетит в пороги лагерей-изгнания или безусловного и полного отречения. И вот прошло 9 лет и с ними много несчастий и крушений, но Хроника жива и даже крепче, открытой стала. И осознание этого факта дает уверенность и оптимизм, дает перспективу долгой и устойчивой работы, причастности к судьбам страны.

Как это могло произойти? Мне кажется, главная причина заключается в том, что по своему духу Хроника всегда была неэкстремистским, а очень сдержанным, почти научным журналом. Само её название говорит: «Во мне лишь информация и никакой политики». Но подчеркнутая объективность, точность, даже беспристрастность, неоднократно подтверждаемая внеполитичность – только

усиливают эффективность воздействия ее на читателя, силу ее свидетельских обличений.

Для властей же сообщаемые Хроникой факты – не новость, а только неприятность раскрываемого «грязного белья». Но ведь от иностранных корреспондентов его часто не удавалось скрыть, а западные голоса все равно разносят эту информацию по стране. Так стоит ли начинать радикальные преследования «хроникеров» и их информаторов, т.е. десятков и сотен людей, и тем самым еще больше раздувать беспокойство и «крики о преследованиях»? Не лучше ли умиротворять их тихо и без особого шума, стремясь, чтобы Хроника сама собой заглохла?

Таковы, наверное, соображения властей, терпящих у себя под боком первый оппозиционный журнал. Кроме того, в некотором смысле Хроника могла казаться и полезной для властей. Я могу подтвердить: очень многих людей, взявшихся за чтение Хроники из любопытства, она вызывала отпугивающее чувство. То, что раньше казалось страшным и таинственным, и именно поэтому – далеким и не относящимся к тебе лично, после чтения Хроники вдруг оказывалось очень реальным, до ужаса простым и грозящим лично читателю (кто в наше время не читает Самиздат, не говоря уж о чтении вот этой самой хроники?) И человек начинает судорожно искать, как можно без потери своего достоинства избавиться от подобного чтения вообще, стать правоверней прежнего. В результате человек трезвеет и избавляется от экстремистской розовости. Но оказывается, что в таком «отпугивающем» воздействии на людей информации Хроники заинтересованы и КГБ, и диссиденты. КГБ – тактически, поскольку напуганные люди перестают резвиться и фрондировать, а диссиденты – стратегически, поскольку отрезвевшие от тайн и розовости люди уже не подвластны неожиданному страху и могут рассудительно строить свою жизнь согласно своим собственным склонностям и разумению. Трезвый и самоограничивающийся человек много лучше еще непуганого и восторженного.

Но последние соображения слишком уж далеки и сложны для экспертов КГБ. Тактически же запугивающая роль Хроники ими оценивается, наверное, гораздо выше. Ведь они заботятся о профилактическом воздействии своих наказаний. А для этого надо, чтобы «потенциальные преступники» получали достаточную информацию. Сообщать о процессах над «самиздатчиками» в официальной прессе – неудобно перед миром, ненужно для основной массы еще незараженной публики и непонятно для потенциальных диссидентов (поскольку приходится говорить о причине наказания обиняком, как будто речь идет не об идейных, а об уголовных преступлениях). Так, демонстрантов на Красной площади судили за «клевету» - мол, Дубчек не был лишен свободы, как считали демонстранты, и за нарушение правил дорожного движения. Хроника же говорит прямо, открытым текстом и именно тем, кому следует, о грозящих наказаниях самиздатчикам и подписантам. Как будто сама себе роет яму, как будто говорит: «Смотрите, здесь опасно. Начнете это – будет вам то-то и то-то». А уж читатель сделает вывод сам.

Действительно, многие отказались от подписанства, читая Хроники. Я сам из этого числа. И ни разу не видел, чтобы, прочтя Хронику, человек возмутился и стал писать протесты. Но не надо забывать о более дальних, стратегических воздействиях Хроники на пугающихся людей. Придет их время...

Кроме того, соблюдаем и меру в этом отождествлении интересов КГБ и действий Хроники. Хотя последняя и служит бескорыстным информатором о действиях КГБ, но интересы их противоположны: защита, а не наказание. Вскрытием правды о политических процессах Хроника связывает руки следственным и судебным властям, заставляет их больше придерживаться установленных законов и инструкций, соблюдать хотя бы профессиональные приличия. Вместе с иностранными корреспондентами, а иногда и вопреки им, Хроника информирует мировое общественное мнение о

нарушениях прав человека и тем заставляет власти проявлять сдержанность и осмотрительность. На деле Хроника (через мировое общественное мнение) была и есть главный защитник легальной оппозиции в стране.

Такова сложная роль, которую, на мой взгляд, играла Хроника в те годы и играет до сих пор: она как бы расслаивает людей на сильных и слабых: сильным – помогая и защищая, слабым – отталкивая.

По большому счету, никакое издание последних лет не принесло стране столько пользы, не сыграло столь важной роли, как «Хроника текущих событий движения в защиту гражданских прав человека в СССР».

И я горжусь своей былой причастностью к ней.

И еще одна важная сложность. Хотя по содержанию Хроника и раньше и сейчас является совершенно легальным и неэкстремистским изданием, но по методам своего существования, по анонимности редакции – она стояла на грани нелегальности, особенно в первый период 68-72 гг. На Западе ее называли: подпольный журнал, издаваемый в Советском Союзе. Но это было неправильно. Как можно называть подпольным издание, которое власти не признают, но и не сажают людей, причастных к нему? - Только как фактическую легальность, без юридического признания (де-факто). Однако полной убедительностью этот аргумент все же не обладал, что меня сильно мучило. Были вещи, которые косвенно свидетельствовали и о возможности оказаться в обстановке подполья.

Впрочем, в те годы я бывал в очень открытой и известной квартире Петра Ивановича Якира, которая стала для меня главным местом личных контактов с Хроникой, Самиздатом и вообще с «Движением». Петр был тогда для меня основным авторитетом, да и после его раскаяния на суде, у меня сохранилось к нему уважение. Я не осуждал его за проявленную слабость, так мне понятную, а лишь сожалел, что в предшествующие аресту годы он делал то, в чем ему пришлось и вправду раскаиваться. И вообще я был полон

благоговения и симпатии ко всей семье Якиров – и к его матери, жене легендарного командарма, и к жене Вале с ее лагерной биографией и рабочей профессией, и к дочери Ире, казавшейся тогда просто славной девчонкой, и к зятю Юлию Киму – автору песен, которые мне нравятся до сих пор больше, чем что-либо иное в самодеятельной песне тех лет.

В квартире на Автозаводской я бывал раз в одну-две недели, что диктовалось главным образом скоростью чтения Самиздата. В центре ее, как и всей семьи, конечно, находился сам Петр Ионович, веселый, толстый и добродушный. По обыкновению, вокруг него толпилось много людей, разных и часто меняющихся, шумных и эксцентричных иногда. Ни с одним из них не сходилась я близко. Удерживало чувство собственной чужеродности в этой немного богемной среде, ощущение карнавала, а я до праздников большой нелюбитель. Наверное, серьезные участники движения в защиту прав если и бывали на этой квартире, то не часто, не каждый день, и поэтому мне больше попадались люди, «околачивающиеся» у Якира, люди, находящие вкус в разговорах, в трепе на околотиссидентские темы или даже в каких-либо не очень опасных действиях. Я подозреваю, что как раз из таких людей, имеющих время и желание на разговоры и «деятельность» и рекрутируются, как правило, первые члены любых революционных организаций. Но, по-видимому, характер этих людей был близок и самому Петру Ионовичу.

Воспитанник колоний и лагерей (после 14 лет), он сначала формировался в пионерско-комсомольской среде, а потом – в блатной, но устоял, преодолел оба наследия и поднялся к осознанному и бескомпромиссному протесту. И это чудо в сравнении с судьбой и поведением детей иных репрессированных до войны руководителей. Но все же... У Петра Ионовича осталась вредная привычка к водке, которую поддерживала большая часть его окружения. Часто я наткался на застолье в доме Якиров по самым разным поводам. Вроде бы ничего особенного. И мне предлагали, но спиртное мне не в радость. Позже я видел иностранные

бутылки от друзей-корреспондентов. Вот это было много неприятней для моих инстинктов старого комсомольца. Оправдание ползло черепашным шагом.

Позже я с горечью вспоминал те треклятые бутылки, которые дали возможность пускать в ход слухи, что стоит западному корреспонденту придти сюда с бутылкой, как успех интервью обеспечен. Чем опровергать эти слухи? – Что Якир говорил коррам лишь правду? Что говорил он с опасностью для жизни и свободы? Что сама страсть его к спиртному – это не вина, а его горе, точнее, еще одна вина искалечившей его жизнь системы изоляции детей расстрелянных? – Что толку говорить это слабым голосом, когда тысячи глоток твердили: «За бутылку давал интервью». Да, нельзя было мешать водку и чистое дело. Потом на суде всплыли еще какие-то деньги из-за рубежа для семей политзаключенных, о которых раньше я ничего не слышал. Я убежден, конечно, что Петр Ионович был совершенно чист в денежных делах, но все так запутали в один грязный клубок, что отделить правду выпивок от лжи присвоения денег и продажности очень трудно... Да, подальше надо держаться от всяких денег и всяких тайн.

Другим недостатком Петра Ионовича оказалась любовь к политике. Хотя в основе его личных протестов, несомненно, лежало нравственное чувство, но его отношения к Движению и Хронике были пронизаны ожиданиям близких политических и радикальных перемен. Историк партии по образованию и профессии он отказался от официального марксизма, но сохранил большевистский стиль мышления, революционные схемы и догмы. В его уме, наверно, подписанты постепенно превращались в Демократическое Движение, с Хроникой в виде Центрального Органа, вокруг которого в будущем и соберутся новые люди. Выброшенный из института на какую-то механическую библиотечную работу, Петр фактически превращался в профессионального «демократа».

Аналогичному, но еще более глубокому изменению подвергался В.Красин. Соответствовали им и иные

завсегдаги квартиры на Автозаводской. Хотя, конечно, до рождения новой «демократической» партии или иной экстремистской организации было еще далеко.

Особые опасения у меня вызывало чтение журналов «Посев», органа той самой НТС, без обвинений в связях с которыми не обходится почти ни один из политических процессов. Эти журналы были наполнены хлесткой публицистикой и интересной для меня информацией, но я при этом волновался сутью и лицом этой самой организации - действительно ли она была связана с гитлеровцами и действительно ли призывает к вооруженной борьбе с советской властью? – Но как раз при обсуждении этих вопросов «Посев» был очень скуп. Правда, по сочувственным заметкам о Власове, по фразе о лейтенанте Ильине, стрелявшем в правителей у Кремля, как о примере сопротивления, можно было понять, что мои опасения имеют под собой почву, что эта эмигрантская организация не осуждает ни вооруженную борьбу с правительством, ни власовское движение... Потом я наткнулся на номер «Посева» с вырезанной программной статьей лидера этой организации. Мне сказали, что эту статью вырезали, чтобы написать открытый протест против содержавшегося в ней призыва к вооруженному сопротивлению и тем самым отмежеваться от таких провокаций в будущем... С нетерпением я ожидал появления этого открытого протеста-размежевания, но не дождался. Письмо-протест решили не отправлять, поскольку: «Мы не имеем к ним отношения».

Помню свое сильное этим огорчение. Оно стало для меня первым важным сигналом существования экстремизма. Я не поверил до конца данным мне объяснениям. Внутреннее чувство твердило: просто не хотят ссориться, терять источники Самиздата, возможности печататься и поддержки. Но ведь если такие опасения – справедливы, то это – начало политиканства, измена принципам. А что может быть хуже этого...

Теперь я вижу: мои опасения были напрасны. Для экстремизма в стране мало места именно потому, что мы его боимся, как огня. Даже у самой НТС экстремизм в программах – лишь дань прошлым убеждениям. В последующем я так и не встретил в их изданиях что-либо о вооруженной борьбе. Конечно, это можно расценивать и как маскировку, но думаю, что скорее осознание современной ситуации в стране, появление легальной оппозиции в ней заставляют членов НТС отказаться от столь устаревших положений. Мне просто хочется верить в разум этих людей, наверное, по-своему неплохих и честных людей. Было бы жаль ошибиться. Я лично призыв к вооруженной борьбе с правительством воспринимаю, как призыв к политическому бандитизму, и не могу не осуждать его. Сама практика работы НТС, на счету которой нет ни одной диверсии или вооруженных акций, а только пропаганда, подтверждает мои надежды: она не является преступной организацией.

В 1969-72 годах неопределенности и опасений было больше. И заглушал я их только доверием к Петру Ионовичу, его имени, его открытости. Был уверен: пока не трогают Якира, не тронут и Хронику, и всех нас. Но любые вызовы и угрозы в адрес Якира расшатывали моё самоуспокоение. Субъективно я плыл все в том же положении страха и неизвестности, со все большим и большим сожалением оглядываясь на неподвижный берег, на оставленных друзей-туристов, на утраченное спокойствие, которое так необходимо для обычной жизни и начавшейся в те годы научной работы.

Между тем в институте моя работа шла довольно споро, ведь работал я со страстью изголодавшего, с напряжением преследуемого. Правда, я достигал совсем не тех результатов, которых ожидал, но для практического «выхода» и они годились. Мой руководитель даже назвал такой темп «фантастическим», что еще больше стимулировало. Я откровенно торопился, торопился выйти на диссертационный материал, чтобы через три-четыре года защититься и догнать Лилю. Неустойчивость же положения «хроникера» и страхи

только подстегивали мою спешку: пока с Петром и Хроникой ничего не случилось, может быть, и удастся сделать диссертацию.

Не странно ли? Поверив Красину, что больше 10 выпусков Хроники власти не выдержат и начнутся наказания, из которых не выплывешь, я всё же начал диссертационную работу, для завершения которой надо быть спокойным и «идеологически чистым». Ну, а что мне было делать? – Заранее отказаться от надежд на научную карьеру, сидеть, сложа руки? – Не привык. Слиться с компанией Петра? – Не хотелось.

А потом, я уже привык к мысли: «голова боится – руки делают». Вдруг да получится? У нас уже был семейный опыт, когда успешно выходили из, казалось, безнадежных ситуаций. Хорошо помнился пример нашего североуральского похода, когда максимальным напряжением сил при небольших шансах на успех мы смогли-таки во время вернуться в Москву. Конечно, это был только эпизод, но воспоминания о Печоре ободряли меня в начавшейся диссертационной гонке... Вдруг выгребу?

Самиздат и даже диафильмы стали отходить на задний план. Правда, в 1971 году мы две с половиной недели путешествовали по Украине, по Закарпатья и затем продолжили знакомство с национальными окраинами в четырех диафильмах. В центральном из них – «Карпаты (Космач)» отражалась и наша «горная» тема, диссидентские настроения. Космач – это имя села, в котором жил и которое защищал известный украинский журналист и политзаключенный Валентин Мороз. Его самиздатская работа о сопротивлении самобытной гуцульской культуры и навела нас на мысль о путешествии в Космач... Прав ли Мороз в своем неприятии современной, материалистической культуры, в своем славянофильстве? Как относиться к насильственному, даже разбойному сопротивлению? Этот диафильм – еще один свидетель моего «отрезвления».

С началом 1972 года появились дополнительные причины для спешки. Подтвердились давние подозрения, что мне окончательно откажут оформить допуск к секретным материалам и под этим предлогом потребуют увольнения из института. Так оно и получилось. Я понимал, конечно, и причину отказа, и причину предложения об уходе: ведь и по существу, и по форме я мог продолжать работу в нашей, официально не закрытой лаборатории и без «допуска», только немного изменив тематику своей работы. Однако на деле меня должны были выжить из института совсем по иной причине: в академическом институте гуманитарного профиля нет места для подписантов. Институтское начальство будет исправлять допущенную по незнанию ошибку (ведь в анкете я не сообщал про свои подписи в 1968 году).

Однако пока мне еще не делали прямых предложений об уходе. Я продолжал надеяться, что зав. лаб. во мне заинтересован, защитит, поможет удержаться... Конечно, если не случится самого худшего, если не разгромят Хронику и всех, с нею связанных. Но об этом я вообще старался не думать.

Кажется, в начале 1972 года на квартире Якира был проведен обыск и изъято огромное количество «идейно-порочной» литературы и материалов. Был изъят и мой фотоаппарат, за месяц до того одолженный Красину. (Как выяснилось потом на следствии, он перефотографировал им Хроники). Очень мне было жаль своего старого товарища по походам, но тревоги от самого обыска было несравненно больше. Она звучала резким сигналом: сделали обыск, будет и решение на арест. Уже не действовала магическая защита отцовского имени. Умерла жена славного командарма, и как будто развязала этим руки госбезопасности. Да и сам Петр чем дальше, тем больше созревал для ареста. Почти прервались его связи со старыми большевиками, зато стали непрерывными связи с западными корреспондентами.

После обыска я решил на личную беседу с Петром Ионовичем. Настоятельно просил его предупредить свой

арест, заранее уточнив свои позиции и отвести готовящийся удар. Я просил его выступить с заявлением против обыска – и не только с протестом, но и с объяснением изъятых и компрометирующих его материалов. Я считал, что совершенно необходимо объявить о своей непричастности к НТС, раз у него изъяли залежи «Посевов» (ведь он же говорил неоднократно, что эти издания интересуют его лишь как историка, почему же не объявить этого вслух, предупредив будущее судебное обвинение?). Особого объяснения требовала запись в протоколе обыска об изъятии какой-то английской инструкции по эксплуатации множительной установки (откуда она взялась?) и пр. – «Не допускайте своего ареста, Петр Ионович» - просил я.

Он снисходительно улыбался: «Нет, такое заявление не нужно... Сейчас наверху идет большая игра... И мне нужно держаться твердо». Снова вступала в действие какая-то политика, какие-то непонятные и чуждые мне соображения о «твердости» и «единстве»...

Потом я делал еще попытки, но уже не надеясь на свои силы, просил членов Инициативной группы убедить Якира в необходимости искать принципиальный компромисс и защиту сейчас, перед арестом, чтобы избежать его. Но и они мне отказали: «Знаете, Витя, Ваше предложение бессмысленно. Если арестуют Петра, то вскорости возьмут и всех нас для большого процесса. Так что компромиссы здесь бесполезны. Напротив, важна решимость... Может, тогда и не осмелятся...»

Удивительное дело – чистые, благородные люди, безупречно мужественные, принципиальные сторонники легальности и строгой законности, а веяло от их слов жертвенностью и экстремизмом, каким-то духом «твердости и единства» - «в борьбе против»... Но ведь и с другой стороны требуют «твердости и восстановления советского единства». А такие, как я, мечутся между твердыми полюсами и орут: «Не надо! Не надо твердости, не надо арестов, не надо громких процессов... Жить, жить нужно!»

Неужели «большой процесс» неизбежен? Неужели вновь закрутится прошловековая спираль: протест – репрессии, усиление протестов – усиление репрессий, террор – расстрелы? В это время, в ожидании развязки, не только у меня сформировался образ спада нашего Движения, спуска с горы 1968 года в яму арестов и распада. Будущее не сулило ничего светлого. И только прирожденный оптимист мог уверять себя, что за спадом обязательно последует новый подъем. В июне 1972 года Петр Якир был арестован. В моем понимании это был перелом, начало разгрома.

Что же делать? – Ожидать вместе со всеми неизбежного конца или отходить от преследуемой, т.е. ставшей де-факто нелегальной Хроники? Первому мешали убеждения и заинтересованность в жизни и работе, второму мешала простая порядочность и чувство причастности к лучшим людям нашего времени. Я просто физически не мог решиться на второе, уподобиться крысе, бегущей с тонущего корабля. И потому сделал еще одну попытку обращения, теперь уже не конфиденциально, а открыто, к анонимной редакции Хроники. Я не знал и знать не хотел, кто в ней участвует, но был уверен, что мое письмо попадет по адресу.

Письмо в редакцию "Хроники"

На мой взгляд, арестом П.И.Якира кончается целый период нашей жизни, начавшейся в 1968 году обращением к мировой общественности П.Литвинова и Л.Богораз. За эти годы были арестованы П.Литвинов, Л.Богораз, П.Г.Григоренко, В.Буковский. Но пока П.Якир оставался на свободе – открытым и непримиримым, до тех пор оставалась надежда на легальность движения в защиту прав, на легальность открытого инакомыслия в нашей стране, в том числе и на легальность Хроники.

Конечно, постоянные внесудебные преследования за 4 года научили всех быть максимально сдержанными в выражении своих убеждений, учили скрытому инакомыслию,

в частности, учили редакцию Хроники «необходимым мерам предосторожности». Но все это было лишь временными мерами самосохранения от неофициальной мести со стороны сталинистов (каковыми, наверное, являются и многие работники КГБ). Но пока на свободе был Якир, принципиальная легальность движения в защиту прав была вне сомнения. Так же как сегодня свобода писателя Солженицына и ак.Сахарова обосновывают права советских граждан на свободу мысли, фактическое признание ее со стороны властей.

Власть отвергает, например, легальность демонстраций, немедленно арестовывая их участников. С движением же защиты прав человека она медлила четыре года. Впрочем, нет, пока существует комитет Сахарова, Шафаревича, Твердохлебова, Чалидзе, существует и право советских граждан на защиту гражданских прав – в неурезанном, академическом виде. Арест же Григоренко, Буковского, Якира фактически ставит вне закона вторую, не академическую (а скорее, демократическую) часть движения в защиту прав, голосом которого до сих пор являлась Хроника.

Власть сделала свой выбор. Говорят, ей виднее. - Говорят, ей нельзя иначе: только допусти легальную Хронику, придешь потом к свободе критики и партий, а в условиях свободы как же не погибнуть нынешней власти? Верная своей экстремистской идеологии, в согласии с возникающей сегодня экстремистской оппозицией снизу, власть сама верит в этот тезис и не видит для себя никакого другого выхода, как только давить, давить, пока силы есть, но давить. Печальный исторический опыт Александров и Николаев на русской почве её не учит.

Наше общество – сугубо переходного периода. Перед нами три пути: один ведет к демократическому и новому образу жизни, второй – путь неустойчивого статус-кво, когда требования граждан к осуществлению их прав вызывают не постепенную реформацию государственной структуры в сторону ее демократизации, а лишь примитивные репрессии

подавления, в силу чего эти требования будут перерастать в нелегальное движение. Взаимосвязанное и взаимообусловленное нарастание этой борьбы разрешается только в революционном взрыве, после которого восстанавливается прежняя система, но на новой основе и с новой властью. Наконец, третий вариант пути, с которого мы свернули только недавно – это практика культа личности, когда власть постоянно и трудолюбиво пропалывает общество от инакомыслия и методом прямой физической селекции уничтожает его в зародыше.

По-видимому, руководство нашей страной выбрало второй – средний путь. Обеспечит ли оно на нем свою сохранность. Я убежден – нет!

Устойчивость первого пути эволюционного развития доказана всей новой историей. Устойчивость нарастания преступлений против человечности на третьем пути доказана историей XX века. Устойчивость же среднего пути наша Власть рассчитывает доказать своим собственным примером. Она жестоко ошибается. Политика балансирования на втором пути, когда свобода мысли не выкорчевывается с корнем (для этого нужны концлагеря для миллионов), а лишь ограничивается запретом на ее внешние проявления, неизбежно приводит к усилению нелегальной борьбы с запретами. Россия уже имеет соответствующий опыт, и тем не менее власть начинает новую спираль этой кровавой истории, следующий тур подготовки нового революционного взрыва. Может ли она при этом остаться в живых? История царей и революций единодушно свидетельствует: «Нет!»

Легко запретить легальную оппозицию, труднее будет восстановить ее охранительную силу против возможного нелегального экстремизма снизу, труднее будет вернуться на эволюционный путь развития. Во всяком случае такая попытка русского самодержавия после 1905 года, когда в стране были воспитаны несколько поколений профессиональных революционеров-разрушителей, окончилась неудачей. Тогдашняя власть уже не могла

удержаться без давления. Ей только это и оставалось вплоть до бесславного конца.

Почему же сегодня повторяется эта страшная ошибка, гибельная и для страны, и для ее руководства? – Я не могу найти никаких причин, кроме элементарной недальновидности.

Однако сейчас меня волнуют не проблемы судьбы властей, а более конкретный и близкий вопрос. Как намерена поступить в новых условиях фактического запрета редакция Хроники, являющаяся, как мне кажется, принципиальным противником каких-либо нелегальных действий? Что она выберет: прекращение существования или продолжение Хроники, но уже в нелегальном положении и в ожидании ареста?

Честь и достоинство толкает на нелегальное издание, как ответную меру незаконным действиям властей, сама логика борьбы диктует этот выбор, но ясное сознание исторической и личной гибельности должно привести к отказу от такого выбора. На мой взгляд, из предложенной Властями ситуации: стать нелегальными «врагами общества» или умереть в качестве инакомыслящих, необходимо найти какой-то третий, легальный путь существования. Необходимо идти против течения, против развязывания гражданской борьбы.

Каким может быть этот путь, какова должна быть Хроника после своего преобразования, и может ли быть сейчас в легальном качестве вообще, я не знаю. Вероятно, на сегодня возможен лишь периодический выпуск сборников документов Комитета защиты прав человека и, конечно, широкий и разрозненный Самиздат, где каждый автор не связан ничем, кроме собственного выбора и личной ответственности. Может, иначе. Но я обращаюсь к вам с просьбой серьезно обсудить всю ситуацию.

Редакция Хроники должна остаться на свободе. А в условиях резкого уменьшения шансов на сохранение этой свободы, она обязана, на мой взгляд, принять действенные меры предосторожности – не в смысле усиления конспирации

(это может только на время задержать оргвыводы властей), а в смысле максимального возвращения в рамки легальности. Любое заключение в тюрьму участника движения защиты прав, на мой взгляд, вредно вдвойне: и как новый факт беззакония властей и их дискредитации в глаза мира, страны и самих себя, и как следующий шаг к усилению конфронтации в обществе. Мы все должны жить не в тюрьме, а на свободе, жить и работать вместе со всеми, в том числе с властями и поддерживающим их большинством.

Я принадлежу к тем, кто обращался к Петру Ионовичу Якиру после первого обыска на его квартире, когда опасность его ареста стала очевидной, с просьбой принять все меры, чтобы избежать ареста, путем ли прямых переговоров или принятием какого-либо компромисса. Однако Якир оставался непреклонным: «И буду таким до конца». По-иному он не мог. Это понятно. Ведь каждый сам выбирает свой путь. Но правильно ли он сделал с общей точки зрения?

Конечно, Якир не сказал первым горьких слов компромисса, так трудно отличимых от слов отречения. За эти полгода(от обыска до ареста) вышли еще три номера Хроники (пусть он и не принимал в них участие). Но возможности достижения какого-либо компромисса уменьшились до предела.

Важным является и вопрос: есть ли надежда, что после ареста редакции Хроники (что, на мой взгляд, теперь, когда все моральные колебания властей отпали и дело остается лишь за длительностью сыска, неизбежно), найдутся люди, которые продолжат бесперебойный выпуск Хроники? Что власти просто физически не смогут переловить всех «хроникеров»? – К сожалению, у меня такой надежды нет. Как показывает опыт, круг активных и заинтересованных читателей Хроники и, следовательно, ее возможных издателей, в настоящее время не расширяется, а сужается от страха и непонимания.

За пять лет своего существования Хроника выработала и свой стиль, и форму, и методы работы. Она значительно прогрессировала в профессиональном смысле. Но более

массовой и интересной не стала. Люди, не решившиеся в свое время (например, в 1968 г.) стать участниками Движения за права человека и читавшие Хронику с ужасом и тоской, сегодня ее просто не читают. Если аудитория Самиздата продолжает медленно расширяться, то аудитория Хроники (ранее совпадавшая с самиздатской) сегодня ограничивается только очень активной ее частью. Все больше Хроника становится внутренним органом, все больше замыкается на себя и испытывает все большее отчуждение и изоляцию от «молчаливого большинства». Тем самым опережается развитие этого большинства, что должно ставить вопрос о реорганизации даже помимо вопроса о легальности (хотя это все связано).

Доводы против реорганизации или самороспуска Хроники: уменьшение информации о нарушениях прав человека, проникающей во внешний мир, той информации, которая в какой-то степени удерживает власть от открытого произвола; неизбежное появление нелегальных изданий вместо Хроники, но носящих более радикальный, экстремистский характер (типа ДДСС); умаление чести и достоинства людей, сказавших когда-то открытое «нет» нарушениям прав человека, а сегодня вынужденных замолчать, прекратить первое в стране демократической издание со столь длительной историей.

Конечно, это большие издержки, но, на мой взгляд, на них нужно пойти. Информация о преследованиях будет проникать за рубеж с Хроникой и без нее. Ответственность за рост нелегалщины несет сама Власть. Что же касается чести и достоинства, то как раз эти чувства отщипания, борьбы, «око за око» и тянут нас порой на революционный в конечном итоге путь. Бунтарство заложено у нас в крови и, наверное, никакие доводы рассудка не смогут нейтрализовать его влияние, не смогут поставить ему преграду. Ленинское презрение к ликвидаторству, к отказу от нелегальной борьбы воспитано в нас с детства. Но следует ли культивировать его дальше?

Конечно, возражая сегодня против логики и морали борьбы, я вступаю в конфликт не только с традициями народовольцев и большевиков, но и с естественной человеческой моралью. Самого себя ловлю на сравнении с полицейским инспектором, который некогда возил измученного Ю.Фучека по Праге и говорил ему: «Смотри, жизнь идет, вернись туда, брось все...», ловлю себя на презрении и невозможности ответа «Да...» Почти физически трудно себя заставить вспомнить, что у нас ситуация совсем иная, что современное руководство страной – не иноземный враг, а власть, принимаемая сегодня большинством народа, что не только возможно, но нужно, необходимо сказать этой власти: «Да, я хочу спокойной жизни и работы, дайте только эту возможность...»

Как прилежный читатель и ревностный приверженец Хроники, после всех вышеизложенных раздумий, я предлагаю редакции обсудить еще раз вопрос о преобразовании Хроники в целях восстановления ее и вашей фактической легальности (включая возможность самороспуска, объявления о неперIODичности и т.д.), а в случае отрицательного решения информировать читателей о вынужденном переходе на нелегальное положение, чтобы каждый из них мог осознанно сделать свой выбор. 4.7.1972 г.

Я не знаю, обсуждалось ли моё письмо, знаю только, что Хроника некоторое время выходит по-прежнему, без всяких изменений. Видимо, редакция решила держаться «твердо и до конца»...

1.3.Падение и после. 1973-1977 гг.

Осенью 1972 года прошел слух, что «Якир потек», т.е. стал давать показания. Потом слух подтвердился. Предчувствие, что арест Якира будет концом всех нас, осуществлялось, но с неожиданной для меня стороны.

Были широко известны сказанные еще до ареста гордые слова: «Если Вам когда-нибудь скажут, что Якир

добровольно дает показания КГБ – не верьте этому. Этого не будет никогда»... Эти слова так шли к созданному нашим воображением духовному облику непреклонного сына легендарного командарма. Правда, еще раньше – летом 72 г. – мне пришлось услышать отрицательное мнение о Петре Ионовиче (что он человек невысокой морали и на следствии будет вести себя плохо). Помню свое изумление и негодование. Успокаивало только то, что собеседник лично был почти не знаком с Якиром и говорил со слов «неких хорошо информированных людей». Мне легко было противопоставить этой «сплетне» свой личный многолетний опыт встреч с Якиром и отвергнуть ее...

И вот теперь «хулители» оказались правыми, а мы все повисали в воздухе, как в общем, так и в личном смысле. Эта новость могла означать согласие Якира на организацию публичного покаянного и позорящего «Хроники» процесса, а его показания привести к обвинению конкретных людей.

Кажется, в конце октября у Якира была очная ставка с дочерью, на которой он ей сказал: «Помнишь мои слова, что я никогда не буду давать показания? – Так вот, забудь их. Я даю показания и тебе советую».

Трудно, конечно, представить, что пришлось пережить на этом переломе всем родным Якира: к горю от ареста и тревоге за его здоровье теперь прибавился стыд от его предательства, за гибель легенды. Разговаривая с ними, я был полон не только жалости и сочувствия, но и горечи по отношению к Петру Ионовичу: «Эх, Петр,... ведь просил, ведь упрасивал Вас: не допускайте своего ареста, пойдите на разъяснения, на разговор с властями... – не хотели принципы нарушать, непримиримость берегли... Зато теперь – не компромисс, а почти сдача, прямое падение... Результаты экстремизма...»

Впрочем, в квартире Якира теперь активничал вернувшийся из красноярской ссылки Красин. Он был прежним – деловым и целеустремленным. Все беспокоился о выпусках Хроники, хотя было понятно, что его роль в ее

издании теперь мала, практически ничтожна. Но были и внешние изменения – какая-то взвинченная боязливость (хотя бы при открывании дверей) – ну что ж, мы все тогда боялись – и желчная насмешливость: «Кстати, Ваш фотоаппарат... Сожалею, что его изъяли... Ведь он мне практически не понадобился... Жаль, что меня не было при обыске Петра – я бы не позволил его забрать... А впрочем, это ведь терпимая потеря? «Они» должны будут в будущем вернуть...»

Да, должны вернуть, только кому?

Пусто стало в доме Якира. И пусто без самиздата. И меньше людей. И нестерпимо жалко Валю, которая рассказывала: «Ты, Витя, не думай, Петр на самом деле почти не называет фамилий. Твоей, во всяком случае, там не было... И не будет, Витя, ты не бойся...»

Она же меня еще и утешала и успокаивала – это в своем тяжелейшем положении! («Почти каждый день вызывают в Лефортово и требуют показаний – иначе и Петру, и Юлику, и Ире грозит неизбежный лагерный срок – «от звонка до звонка»). А что это не пустые угрозы, Валя, сама сидевшая (ЧСИР 30-х годов), прекрасно знает. У дочери будет скоро долгожданное дитя, если только ничего не случится в этих муках... и это давит на Валю.

Что я мог на это отвечать? Только своим утешением, только пониманием, как трудно, видно, пришлось Петру в тюрьме, раз его сломили, только уверением, что за меня и таких, как я, ей беспокоиться нечего. «Конечно, дай бог, чтобы пронесло, но если вызовут, я просто откажусь от показаний и все... Ведь это не в тюрьме...»

Потрясение, вызванное отступничеством Петра, а потом и других, только укрепило решимость остальных не давать показания, выстоять, держаться на следствии. Причины капитуляция твердых диссидентов были немислимими. Угроза смертью? Гипноз? Переигрывание? Непонимание рождало внутреннее смятение, опасения сломаться самому (как говорила Софья Васильевна: «Я ничего не знаю о своем поведении в тюрьме»). Единственной опорой была

решимость: если вызовут, то «не вступать в игру с дьяволом», закрыть уши и сразу отказаться от показаний, не сотrudничать с ними ни единым словом.

Таково было общее настроение. И я не был, конечно, исключением. Как будто грозное время вышибло из меня весь опыт противостояния экстремизму, заставило заговорить языком непримиримости и фанатизма... из страха перед своей слабостью.

В эту зиму арестовали еще несколько людей из окружения Петра и иных. И они «потекли». Все рушилось... Наконец, взяли Красина, железного Красина, а через короткое время стало известно, что «потек» и он... Оставалось только ожидать и надеяться на чудо: пронесет! Ожидание развязки для меня было облегчено работой - продолжением диссертационной гонки. Расскажу о ней кратко, лишь для прояснения своего поведения на следствии и суде.

В апреле 1972 года я положил перед своим завлабом отпечатанный и выправленный отчет о большой годовой работе (в нем было 250 с лишним страниц), а перед этим была сдана редактору небольшая книжка на эту же тему (в которой шеф стал моим соавтором). В голове уже созрел план диссертации, по уже выполненной наполовину работе. Отсутствие допуска перестало пугать: можно работать и без него, хотя бы до окончания начатой темы. Завлаб не заводил о нём речь, только торопил с работой, и потому страх изгнания начал исчезать.

И вдруг: «Очень хорошо, Виктор Владимирович, что Вы закончили отчет. Здесь все экземпляры? – Тогда, давайте, уберем их в сейф. Хорошо... А теперь я должен поговорить с Вами о дальнейшем. Вы и сами, наверное, догадываетесь, что допуска Вам не дают. Мнение вышестоящего начальства однозначно: Вам придется уходить из института. Мне об этом прямо указано. Но я вас защищал: нельзя же человека так сразу выгонять, это не по-человечески, человек должен в отпуск сходить, новое место подыскать... В общем, отстоял Вас. Не волнуйтесь, ищите новую работу, я тоже могу Вам

дать некоторые адреса, в мае-июне отгуляете отпуск и будем прощаться».

Не могу передать, что я при этом испытал. «Я был поражен» - этого сказать мало. Почему-то было стыдно глядеть на шефа. Стыдило очевидное сходство произошедшего с примитивным «злодейским» водевилем: дожидаться выполнения работы, не говоря ни слова, а потом выгнать как собаку, выставляя притом себя благодетелем. До сих пор казалось, что в наше время столь банальный обман уже не водится... и от кого, от культурного ученого, завлаба одного из ведущих академических институтов страны! А ведь при поступлении на работу в личной беседе я говорил ему о своем подписанстве, и он вроде бы не испугался, отнесся с симпатией, да и сам разговаривал либералом. Принимал меня именно на защиту диссертации и поощрял бешеную работу, а теперь что?..

Моя первая реакция: «Но может, я потяну еще год-два, сделаю диссертацию, а потом уйду сам?.. Ведь на деле допуск мне не нужен» И натолкнулся на категорический, заранее продуманный отказ: «Нет, ничего из этого не выйдет. Никакой диссертации без знания секретных материалов сделать у нас нельзя, невозможно, немыслимо. И я не советую Вам пытаться переходить в другие лаборатории нашего института – не получится. Конечно, если Вы пожелаете продолжить начатые изыскания, например, по анализу зарубежных источников, мы можем поддерживать связь, возможно, готовить печатные совместные работы. Я даже заинтересован... Но диссертация исключена. На Ваше место придет другой человек, который и продолжит тему в полном объеме».

Мне впрямую говорилось: «Мавр сделал свое дело и должен уйти». Выжатый лимон должен оставить сок хозяину. Вот он, «либерализм ученых» в действии.

Мой шеф, конечно, был прав. Из попыток перейти в другие лаборатории института ничего не вышло. Типичное объяснение: хотя у нас незакрытое подразделение и работают люди без допусков, но бывают и закрытые темы и потому

принимать человека, которому отказано в допуске – неудобно, высшее начальство не разрешит...

Удивительной была реакция начальника 1-го отдела: «Да что ты говоришь? Уходишь с работы? А почему? Непонятно. У нас очень многим отказано в допуске и ничего, работают нормально... А почему именно тебе в допуске отказано, я не знаю – самому не говорят... Да чепуха это, не переживай. Работай спокойно».

Пробовал я передать этот разговор своему завлабу, он смущался и чуть ли не краснел, что-то бормотал о неосведомленности «первого». При очередной же встрече начальник «первого» уже недовольно мне буркнул: «Ну, не знаю, что у вас там... Если ему не хочется, то, что же сделаешь».

Я долго не мог уяснить себе причины такого поведения шефа: он не защищал меня от первого отдела, а совсем даже наоборот, прикрывался отсутствием допуска. Чем же я не угодил ему? Перебирал массу предположений, вплоть до самых диких, вроде моей чрезмерной самостоятельности и частых споров по существу работы и пр.

Сейчас я могу предполагать уже с уверенностью: люди, ответственные в институте за «чистоту» академических кадров (и связанные с ГБ помимо 1-го отдела) разобрались с моей «биографией» и решили исправить допущенную ошибку. Шеф выполнял настоятельные рекомендации, для такого типа ученых равнозначные приказу. Его податливость на такие рекомендации-приказы можно легко понять и простить, но играть при этом со мной в «допуска», стремясь выжать побыстрее работу и лишить надежды на получение результата (диссертации) – для этого надо было перейти рамки приличия, перейти рамки моего понимания морали...

Что было делать? – Я просто не мог не противодействовать грабежу, не противостоять ему. Иначе – жить противно. Пришло решение: в институте мне не удержаться, но задержаться надо как можно дольше, чтобы

собрать достаточные для диссертации материалы, написать ее и защититься в другом месте.

Вот когда, выражаясь словами нашего уральского напарника, началась «не прогулка, а страда»... Сравнение с разваливающейся байдаркой в печорских камнях почти физически преследовало меня – бешеная гребля, когда почти не осталось шансов... Никогда я так много не работал, и никогда уже так не буду. Воспользовавшись командировкой шефа, полубманом оформил письма-запросы в отраслевые институты и ездил с ними, собирая недостающие материалы. Вгрызался в теорию, писал диссертационный текст и тут же его печатал. 12-16 часов работы за столом ежедневно. В мае я начал плохо видеть – в глазах двоилось и расплывалось. Но переживать было некогда – насовсем примирился с потерей нормального зрения и пошел к врачу за очками. Очки мне выписали, но, слава богу, за лето, после окончания гонки, зрение восстановилось.

К началу июня первый вариант диссертации (около 300 страниц печатного текста –с запасом) был почти готов. Увенчались успехом и поиски ученого, согласного стать руководителем ее, взять на себя неблагодарный труд проводки моей работы до ученого совета. Я начал даже с ним чтение и правку, а закончил ее уже осенью, после летних каникул...

В октябре я перешел на новое место работы – в отраслевой институт. С грустью расстался с академической свободой рабочего дня и выбора работы, с изменением характера и темы работы. Но утешало, что работать я начал по рекомендации вновь приобретенных научных покровителей под началом их аспиранта – «завлаба и хорошего парня». Теперь от меня зависело не все, и дело неспешно двигалось к защите в покинутом мною институте. Выяснилось, что защищаться можно было только в нем (специализированный ученый совет) и с согласия моего бывшего шефа... С ним велись теперь многократные переговоры, чтобы он согласился не вмешиваться в мою защиту или стал официальным руководителем. Но тот был непреклонен: на мое место уже

был принят человек, которому, по-видимому, и передали «наследство». Мои покровители начинали нажимать, тогда в виде компромисса он предложил мне делать с ним новую диссертацию на боковую тему, оставив без использования все уже сделанное (!) В декабре мы устроили предварительное прослушивание (репетицию предзащиты) в лаборатории «покровителей» с присутствием бывшего шефа и других. Положительный исход этой «пробы» на него не подействовал – как об стенку горохом...

...Так и текла моя жизнь сразу по двум потокам – на видимом, диссертационном, где я медленно продвигался вперед, максимальным усилием стремясь убыстрить движение, и на скрытом, оппозиционном, где я плыл пассивно, со всеми вместе, бессильно ожидая: «Авось, обойдется». Наверное, по инстинкту самосохранения: я смертельно боялся в одном, а действовал – спасался – в другом направлении... Но, конечно, такая иллюзия не может длиться долго. Все взаимосвязано на этом свете, а уж подписание и возможность научной «защиты» - тем более.

К январю 1973 года переговоры с моим бывшим шефом окончательно зашли в тупик. Он не собирался пропускать уже почти готовую работу, ссылаясь на ее близость к секретной теме, а я просто физически не мог начинать новой работы по теме, далекой от интересов своего нового института. Что было делать?

Злоба на этого человека была у меня беспредельной: гораздо больше, чем на КГБ. И понятное дело: КГБ был невидимой, почти абстрактной организацией с неизвестными мне винтиками-членами, на которую сердиться казалось столь же нелепым, как на историческую необходимость, как проклинать стихии. А вот мой шеф – реальный человек, почти либерал, пользующийся затрудненными обстоятельствами бывшего подчиненного и страхом от «секретности» (т.е. призраком той же КГБ) как орудием ограбления, делающий свой маленький бизнес в создавшихся условиях – вызывал у меня ненависть. У них создалось своеобразное разделение

труда, симбиоз паразитов: ГБ всех тупо давит, а шеф – подбирает крохи личной выгоды.

Сейчас, конечно, страсти утихли, и я могу спокойней обдумывать этот интересный тип советского ученого. Беспартийный, еврей, без особых способностей (я думаю, что даже кандидатская ему далась с напряжением), он добился сравнительно многого – самостоятельной лаборатории в академическом институте, оклада в 400 рублей и в некотором смысле –ведущего положения в целой отрасли. От науки с ее критикой он отгораживал свои дела ссылкой на секретность исследуемой отрасли, а от критики отрасли – высотой и спецификой «академической науки». Блистая в среде ученых либеральным трепом и демагогической раскованностью, в контактах с начальством самого разного ранга и качества поражал послушанием и подобострастием. Такие люди, в конце концов, занимают удобное монопольное положение и пробуют властвовать над людьми, попавшими в сферу их влияния.

Сразу в таком человеке не разберешься. Беспартийность, пятый пункт, либеральная мимикрия – все это вначале вызывает сочувствие и расположение и лишь в самой работе, в столкновении жизненных интересов обнажается правда. А правда заключается в том, что перед нами – действительно, маленький человек с большим комплексом неполноценности, нацеленный лишь на одно – на успех, одержимый манией успеха. В драке за успех у него проявляется даже «талант», что автоматически отшибает его прочие человеческие способности (к науке или иному полезному делу).

Говоря терминами оптимальных задач, жажда личного успеха становится у таких людей основной целевой функцией, которая постепенно ослабляет, если даже не снимает все мешающие ограничения морального порядка (в которых, собственно, выражаются целевые функции более высоких уровней), расширяет тем самым поле «допустимых решений» и увеличивает величину достигаемого личного успеха. В

образовавшемся от снятия моральных ограничений множестве вариантов эта человеческая счетная машина находит самые наилучшие для себя лично решения.

В своих экономических убеждениях я уже давно стал приверженцем «экономических людей», рациональных, расчетливых, эгоистичных. Но, сталкиваясь с ними на практике (а мой шеф – яркий пример), не только не узнавал их с симпатией, но яростно с ними боролся... хотя бы за собственную шкуру, а то ведь сожрут эти «новые» люди, истинный крест, сожрут...

По «теории» именно такие люди, отрешившиеся от пут осточертевшего коллективизма, начнут развивать хозяйство, дело – ради собственной выгоды... Но черта с два! В существующих, неэкономических условиях, эти «независимые» люди действуют совсем не по известной аддамсмитовской схеме, а «социалистически» - не в развитие самого дела, а в сторону безудержной эксплуатации несовершенств существующей системы и ее пороков себе на пользу. Да и как не использовать «умным людям» таких могучих факторов как секретность и давление КГБ?

Тогда мне было далеко до теоретического осознания этих обстоятельств. Я воспринимал шефа просто как мерзавца, с которым у меня не было средств справиться. Он был неуязвим... Впрочем, средства борьбы с ним, конечно, были, но решиться на их использование мне стоило многих душевных колебаний. Собственно, только интерес к этому моменту, его связь с «новой моралью», заставляют меня описывать свою диссертационную эпопею.

Подписанство, это новое протестанство, возникло как движение людей с обостренной совестью, с возрожденными чувствами долга и личной ответственности. Лозунг: «Цель оправдывает средства» для них стал точкой отталкивания и трансформировался в противоположное: «Никакая цель не может оправдать плохих средств» или «Только моральность применяемых средств и есть истинная цель». В этом проявилась естественная реакция на расстрелы

тысяч и на лагеря для миллионов ради благородных целей коммунизма, защиты отечества и пр. На этой реакции, как необходимейшей основе, строились все обращения и требования к властям участников Движения в защиту прав: «Мораль и законность – превыше всего». Никакие «цели и интересы» не могут стать выше морали и законности. Требования морали и закона – абсолютны и непреложны! Но мы все живем в обществе, в котором действуют одни, а провозглашаются другие моральные кодексы и законы: ведь нам приходится избирать без выборов, соревноваться социалистически, т.е. без соревнования, словом или молчанием одобрять то, что не одобряешь, делать то, что считаешь вредным, если даже не преступным, обращаться в разные парткомы, завкомы и прочие «комы»... В общем, включенный в сеть сложившихся «неморальных» отношений, человек не может разорвать их сразу, не уйдя тем самым из этой жизни, он не может действовать сразу «не по лжи, не по правде».

Интуитивно люди это понимают и сами себе «прощают» обычное «советское поведение». Даже Солженицын, выдвигая свой лозунг-требование: «Живите не по лжи!», оговаривался, что не всем под силу выполнить его в полном объеме, что надо стремиться к его выполнению «по силам и возможности», т.е. из-за человеческой слабости делал свой лозунг относительным. Но дело не в слабости. Любой человек может выполнить это требование, но ценой разрыва всех своих отношений с существующим миром, ценой неизбежного ухода в тюрьму или эмиграцию. Такова судьба человека абсолютной морали: нежизненность и экстремизм. Абсолютность и экстремизм – родственные понятия. За нашими спорами об относительности и абсолютности моральных требований кроется дискуссия о принятии существующей действительности и ее эволюционном изменении или о радикальном ее неприятии и, следовательно, экстремистском взрыве. Эти споры и дискуссии имеют самое прямое отношение к жизни спорящих, к линии их реального

поведения. Если человек не считает возможным жить по правилам «простых советских людей», то он будет ощущать себя в приниженном и подчиненном положении, ибо его действия будут ограничены двойными требованиями: собственной морали и чуждой ему «традиционной моралью» окружения. У людей этого окружения будет гораздо более богатый выбор средств для достижения своих целей и больше шансы на успех. Но вечно приниженное положение (типа «святых в миру») не может стать типичным для многих людей. Приниженность и жизненные неудачи ведут к озлобленности и попыткам поторопить историю: силой перевести общество в систему новой морали. Чтобы избавиться от опасности сползания в экстремизм, необходимо добиваться реальных успехов – в этой жизни, а не в будущей. Но для этого – нужно быть одним из многих, уметь действовать по существующим правилам, пользоваться принятыми средствами. Но не будет ли это отказом от себя, от своей морали?

Нет, это означает только признание относительности, вернее, исторической изменчивости любых моральных систем. Это означает, что собственная моральная система, если она не является нормой для большинства окружающих людей, должна служить лишь ориентиром, лишь моральным идеалом, к осуществлению которого нужно стремиться, но осуществлять которую в реальных условиях можно только частично. Действуя в рамках не своей моральной системы, подчиняясь не своим моральным нормам, и добиваясь постоянного жизненного успеха, можно часть своих поступков подчинять новой морали и тем реально двигать общую жизнь по пути желаемых изменений моральных традиций. Но успеха в отношениях с людьми чуждых принципов надо добиваться. Не быть слабее их – не в грубом смысле, а в конечном, итоговом смысле. Иначе новое никогда не победит...

...Вот приблизительная канва моих рассуждений, когда я решался на использование против шефа его же оружия – секретности. По телефону напросился на конфиденциальную

беседу с ним и поздним вечером поехал в «Академию»... Не помню, о чем мы тогда говорили в самой лаборатории, вернее, о чем мне толковал тогда шеф со своими обычными остротами, с недавнего времени так мне опротивевшими. О деле он болтал прежнее: никак нельзя, он сожалеет, но был бы рад, если бы я не упряился, а поступил к нему в заочную аспирантуру на новую тему («А что? - Два-три года и ... защититесь!!»)... Я слушал это, как бред, почти не вникая в содержание, отделяваясь междометиями, а сам был занят поиском момента, когда способнее всего будет вытащить свое «секретное» оружие: «А у меня есть вот что... Иду на Вы!» Я препаршиво себя чувствовал в этой злодейской роли с камнем за пазухой, Раскольниковым перед убийством старухи. «Ведь он, бедняга, и не подозревает, что я могу решиться на это... Он уверен, что бывший подписант не может воспользоваться его собственным приемом, и потому спокоен и весел, а я ему нанесу сейчас, нанесу этот удар... Вот сейчас...» И вот поднимаю руку, т.е. пытаюсь повернуть язык – и не могу! Просто физически не могу... А время идет. –«Что же ты медлишь, мяля, дурак, слизняк нерешительный... Ну, давай же... ну... – Нет, не могу!»

Уже шеф выговорился, уже мы надеваем пальто, закрываем лабораторию и по пустому зданию спускаемся к вахтеру, а я – еще не могу... «Да что же это за наваждение! Неужели так и не решишься, неужели отдашь два года каторжного труда – этому мерзавцу, просто так, из-за своей... черт знает что... ведь как он выгонял тебя... так нагло... да и сейчас завел треп о каких-то курортных девицах... Ведь он просто смеется над тобой. Ну, конечно же, считает себя неизмеримо выше тебя, размазни... и он прав, черт бы драл тебя совсем. Не можешь даже пригрозить. Ну... ну скажи же... Последние минуты идут, вон троллейбусной остановкам!.. Смешно будет снова просить о встрече. Ведь он думает, что заговорил тебя напрочь, задавил, уничтожил в лепешку, в коврик под ногами, а завтра ты ему еще девиц подыскивать будешь... что же, дойдешь...»

Так я растревлял и взвинчивал себя. И под действием этих отчаянных самоуговоров, а может, под влиянием наступившей ночи (ведь темнота всегда способствовала злодействам), я выдал из себя: «Я обязан Вам сказать, что все обдумал и решил защищаться только по написанной диссертации, с Вами, как руководителем, или без Вас – как хотите... у меня нет иного выхода: семья, возраст, больше такой возможности у меня не будет...» - И вновь я начал заикаться, вновь стал уходить в сторону от задуманного. - А ну, не увильвай, - прикрикнул сам на себя и: «Вы все время ссылаетесь на фактическую секретность моей работы, хоть она вся на открытых данных, и потому отказываетесь мне помочь. Но почему Вы забываете, что я действительно работал у Вас в лаборатории больше года без допуска и действительно был близок к секретным данным? И почему Вы уверены, что я буду об этом молчать, если... если... Вы зададите мою защиту?..»

Во время всей этой, то запинаящейся, то горячно быстрой речи на троллейбусной остановке, шеф молчал. Подошел троллейбус и в толпе народа разговор продолжаться не мог. Казалось, что он явно не понимал нового разворота ситуации, но я чувствовал: уже прыгнул в эту мерзко холодную воду, уже преодолел себя и начатое доведу до конца. Троллейбус дошел до метро и на коротком переходе к лестнице, ведущей в метровскую глубину, я завершил начатое: «Так вот, я Вам обещаю, я гарантирую, что если будете препятствовать, то обязательно воспользуюсь всем, что знаю. И не думайте, что меня кто-либо может уговорить, мне уже ничего не страшно и нечего терять... И (выдохнул) – неужели Вы так наивны, чтобы не понимать, что за это время я не видел и не запомнил действительно совершенно секретные цифры?»

Теперь все. Мы стоим уже перед самой лестницей. Падает снег в свете голубых фонарей, поток людей, резкий профиль шефа с привычной, теперь приклеенной улыбкой.

«Вот как...» - говорит он.- «Да, так» - подтверждаю я, смотрю на ступени, и, подталкиваемый людьми, делаю шаг вниз. Тут же оборачиваюсь и от удивления возвращаюсь назад... Шефа нет – он не мог пройти мимо меня, но и сзади его нигде нет. Везде идут просто люди. Как будто исчез, испарился в этой слепящей темноте, исчез от собственных слов: «Вот как...» ...как злой дух от заклинания. Со мной редко случались мистические происшествия, но сейчас нельзя было не верить глазам своим, я чуть было не открестился: «Чур-чур меня» и поехал домой.

Злодеяние я сделал, но спал спокойно, и угрызений совести не чувствовал... Может у меня просто нет этой совести, нет этой новой «протестантской» морали?

Реакция моих друзей зато была иной. Остро отрицательно отнеслись к моему поступку, вернее, проступку, покровители и главные защитники их Академии: «Да ведь ты воспользовался таким же гебешным средством... если бы это сделал кто-нибудь другой и сознательно – я бы порвал с таким отношения!» Потом, успокоившись, более мягко: «Ты поступил очень плохо и должен, прежде всего, извиниться перед ним и, безусловно, снять все свои угрозы». Я упирался, оправдывался, оговаривался, что только грозил, и даже согласился извиниться в будущем... Вот в чем дело: мало того, что пришлось себя самого переломать всего, прежде чем взять с шефом правильный тон, так и друзья тебя стыдят-оттаскивают. Какой же тут может быть успех? И неосознанно пришлось лукавить: да, я извинюсь, но не буду торопиться с этим, подожду сначала результатов своей «беседы» с шефом. Даже интересно, что он сможет теперь сделать, если принял всерьез мою угрозу?

Допустим, факт утечки секретной информации станет известным – не в 1-м отделе института (это можно замять), а в аналогичном отделе Министерства. Тогда будет большой скандал и неприятности, если учесть, что у шефа там есть противники. Может, он и усидит на месте, но выговора ему не избежать, и позиции в отрасли будут подорваны. Нет, на такой

риск он не может пойти. Надо ждать... А через два дня мой главный покровитель сообщил: к нему как бы невзначай зашел мой шеф и завел речь обо мне: «Почему, мол, он волюнку тянет, ему уже давно советовали защищаться... Если он не хочет брать новой темы, я могу пойти в крайнем случае и на то, чтобы использовать максимум из написанной им работы, конечно, при соответствующей доработке. Давайте соберемся и решим, наконец, этот вопрос, найдем взаимоприемлемое решение».

Ну, а что я говорил? – Совсем иное дело, совсем иные песни! Вскоре, не мешкая, состоялось и четырехстороннее совещание: шеф, я и два моих покровителя. Я извинился за происшедший инцидент, на что получил: «Ну что, Вы, что Вы! Ничего ведь и не было». Шеф согласился стать официальным руководителем по уже написанной диссертации, за исключением одного важного ее раздела, которым мне пришлось-таки пожертвовать. Пусть! Согласились, что с защитой тянуть не следует: защиту готовить на осень, как реальный срок, согласовали кандидатуры оппонентов. Полный порядок.

Еще через неделю шеф сообщил, что после консультации с «начальством», он рекомендует мне зачислиться официальным соискателем. Подписав письма-рекомендации с работы, я в кратчайший срок был оформлен соискателем в том же институте, откуда недавно был фактически выгнан. Видно, прилично перепугался мой шеф, если даже смог преодолеть (или упротить) предубеждение своего начальства к бывшему подписанту.

Я вполне мог это оценить. Дело снова пошло полным ходом: консультации, переделки, перепечатки, подготовка двух еще не сданных кандидатских минимумов. Я чувствовал себя правым – жизнь это подтверждала. Но разве может практика быть судьей в моральных спорах? Совесть у меня была беспокойна.

Историю своего «грехопадения» и недоумения по этому поводу я рассказывал многим из своих знакомых и

получал различные оценки: от положительных до резко отрицательных. Для подытоживания этих споров и для отчетливого оформления своей позиции я составил три листка анализа, условно названными «Тезисы о морали», и надеялся, что смогу найти в них себе опору.

"Тезисы о морали"

(попытка самооправдания)

1. Принцип «цель оправдывает средства» обычно представляют основой аморализма и отвергают почти все официальные и неофициальные доктрины (не исключая и сталинской формы марксизма). Тем не менее, этот принцип (вернее, принцип «дозволенности всех средств») имеет широчайшее практическое использование. В частности, во времена «культа личности» ради достижения «светлых идеалов» одобрялись лицемерие, ложь, доносы (равносильные тайному убийству) и т.д.

2. В настоящее время реакцией на сталинизм выдвинуто требование: «Никакие цели не могут оправдать низкие, неморальные средства: убийство, предательство, доносы, сотрудничество с органами и т.д., что является единственной гарантией самоудержания от впадения в разгул «вседозволенных средств», оправданный «новой красивой целью».

3. Однако практически это требование обречено на невыполнение, как уже тысячи лет не выполняются христианские и иудейские заповеди: «не убий, не укради, не лги» и др. Сама христианская церковь славит воинов, канонизирует их как святых – этих людей, профессиональной обязанностью которых было именно нарушение заповедей «не убий», «не грабь» (чужих городов), «не обманывай» (военные хитрости) и т.д.

Категорическое выполнение моральных заповедей ведет к иступленному толстовству, делает невозможным нормальнойю жизнь человека в современном обществе.

Гуманист, призванный в действующую армию, готовится стать или даже становится убийцей. Врач, сделавший аборт, стоит в пограничной ситуации к детоубийству, а его пациентка – к сыноубийству. Впрочем, такое же обвинение и с тем же правом можно предъявить и супругам, не допускающим даже зачатия ребенка – они убийцы «потенциальных, но вполне реальных детей». Врач у постели больного нарушает правило «не лги», пусть это и гуманно. Разведчик в чужой стране лжет постоянно, пусть это и патриотично. Интеллигенция в тоталитарной стране молчит, т.е. позволяет властям лгать за себя и молчаливо соглашается с ними, что равнозначно лжи – только ради самосохранения. Таких примеров можно привести очень много.

4. Попытки перестроить сегодняшнюю жизнь под категорическое выполнение моральных правил невозможны еще и потому, что ставят такого человека в невыносимые условия существования. Абсолютная мораль призывает к полному отказу от жестоких средств, присущих реальному миру, и это обезоруживает человека перед его противниками и предопределяет его поражение и гибель. Непротивление злу, толстовство ставит добро в невыносимые условия и потому фактически губит его.

Но это не означает, что мир был и всегда останется одинаково жестоким и неморальным. История – это движение от животной морали человеческого стада, где убийство себе подобного, в общем, было привычным и, может, даже геройским делом – вроде людоедства – к морали цивилизованного общества с его терпимостью и гуманностью. Но это движение совершается совсем не прямо, совсем не быстро и уж, во всяком случае, не одним поколением, не враз, эпохи.

5. Приемлемой альтернативой как отказу от «цели, оправдывающей все средства», так и нереальным требованиям абсолютной морали, является, на мой взгляд, принятие установки на законность, мораль, добро.

Человек с такой установкой относится ко всем людям изначально, как к законопослушным, моральным, добрым, и поступает с ними соответственно. Однако он не теряет трезвого взгляда на жизненную реальность и, если убедится, что с ним контактирует человек совсем другого склада и привычек, то будет поступать с ним по навязанным ему правилам, а не по своим, более высоким.

Человек с установкой на законность, гуманность, добро хотел бы, чтобы другие также имели такую установку и общались с ним по правилам высокой морали. Но он не имеет цели всех переделать под свою мораль. Это от него не зависит. Хотя, если «оппонент» вдруг превратится в морального человека (крайне редкий случай), человек с установкой, конечно, изменит к нему свое отношение.

Человек не может переделать общество, от него зависит только собственная жизнь и свой вклад в дело продвижения общества на пути морального совершенствования. Но живет он в реальном мире, и потому не отказывается категорически от использования всех средств этого мира. Если ему их навязывают – он пользуется, потому что сознает неизбежность в противном случае поражения и невыполнения своей жизненной задачи.

Человек с установкой на гуманизм может стать убийцей – например, при нападении на него ночью бандитов с ножами.

Такой человек может стать доносчиком. Вспомните хотя бы сцену в трактире из «Бориса Годунова», когда припертому к стенке доносом Григория Отрепьева Варлааму ничего не оставалось, как самому прочесть царский приказ о поимке Отрепьева, т.е. фактически донести на своего недавнего товарища по странствию. Варлаам изначально не желал худого Григорию (имел на него установку товарищества), но, столкнувшись с предательством, сам ответил доносом, схватился за карательное орудие государственной машины. И думаю, он был прав, хотя по

правилам категорической морали Варлаам должен был скорее сам сесть в каталажку, чем указывать стрельцам на Григория.

б. Установка на высокую мораль отрицает применение неморальных средств по собственной инициативе, но признает возможность их использования для самозащиты. Действительно, «с волками жить – по волчьи выть», но от этого нельзя становиться просто волком, как не становится профессиональным убийцей прохожий после схватки с бандитами, как не стал доносчиком Варлаам после эпизода в трактире, как не становится только лицемером молчаливый интеллигент.

Важны – не наша цель и не средства, к которым вынуждает нас жизнь, важно только, максимум ли возможного добра в своей жизни мы осуществили и не добавили ли в мир лишнее зло. И если сознаёшь, что баланс решительно склоняется в пользу добра, умирать можно со спокойной совестью. 26.2.1973 г.

Перечитывая эти тезисы, мне хочется дополнить их сравнением выдвинутого понятия «моральной установки» с математическим понятием «скорость», в частности, скоростью изменения величины добра. Конечно, в итоге нам важен общий объем добрых дел, но в конкретные жизненные моменты нужно руководствоваться именно скоростью перехода к большему количеству добра. Такое дифференцирование абсолютной морали позволяет сделать ее теорию более гибкой и практичной, позволяет понять взаимосуществование людей разных моральных систем, возможность эволюции моральных принципов, что еще важнее... Мне кажется, что приверженность к абсолютной морали – одно из основных заблуждений и несчастий экстремизма, ибо она не дает ни возможности понять, ни ужиться, ни простить, а требует только твердого противостояния, тотального изменения всей реальной жизни сразу.

В этих тезисах я утверждал допустимость в некоторых случаях даже самых отвратительных с точки зрения

диссидентов преступлений: убийства и доноса. Мой поступок с шефом можно было, например, квалифицировать, как угроза доносом (шантаж). Можно было подвести под изложенную теорию и множество других случаев – например, взаимоотношения инакомыслящих и КГБ на допросах и т.д.

И жизнь очень скоро, буквально через неделю, предоставила мне возможность, нет, просто заставила решать моральную задачу на такую серьезную и опасную тему. Оказалось, что, даже имея за плечами теоретическое решение («Тезисы о морали»), нелегко заставить себя действовать по нему на практике. Переделка себя тоже требует времени. Но ведь еще Линкольн утверждал: «Во время брода не перепрыгают лошадей». Мне же пришлось менять свои принципы именно во время брода... (Через неделю началось следствие, закончившееся судом над Витей по ст.182 УК РСФСР за отказ от дачи показаний по делу Якира-Красина⁶, - Л.Т., 2016)

1.4. После суда. В спокойных водах. 1973-1977 гг.

Суд еще не разрушил моих надежд на диссертационную защиту, на научную судьбу. Софья Васильевна говорила, что через три месяца можно подавать просьбу о сокращении срока наказания ввиду «хорошего поведения», но, даже если она не будет удовлетворена, то сам Юрий Иванович, т.е. КГБ, рекомендовал мне настоятельно просить о снятии судимости. И тогда уже в декабре у меня будут «чистые» анкеты и можно назначать день защиты. Хуже, если не снимут судимость и придется ждать полтора года – материалы устареют, и придется снова возиться с переделкой уже надоевшего, неразвивающегося текста (служба у меня уже другая).

⁶ <http://www.sokirko.info/Tom2/small.html>

Я продолжал «махать веслами». Сразу после суда, в мае, сдал кандидатский экзамен по диссертации, а в июне – экзамен по политэкономии (два других были сданы раньше). В совхозе заработал хвалебную характеристику, на основе которой просил начальство написать ходатайство о сокращении срока наказания (по совету С.В.), но получил отказ. Дирекция института не могла решиться на столь «опасный» и «ответственный шаг». Что ж...

Осенью я окончательно исправил текст работы, перепечатал и даже переплел (и зачем столько денег ухлопал!). Оставалось только ждать.

Кажется, в августе прошел суд над Якиром и Красиным. Задуманный грандиозно, с сотнями свидетелей и целой бригадой следователей, этот «большой» процесс прошел серо и бесцветно, без общественного внимания, без свиста и гвалта. И хоть обвиняемые признавали свою вину и подтверждали все, что угодно: связи с НТС, чужие деньги и пр... - в конечном счете и это дело свелось к «мелкому» процессу. Приговоры были мягкими. После пресс-конференции по телевидению, где осужденные публично покаялись перед миром и советским народом, им вообще сняли тюрьму и отправили в трехгодичную ссылку: Якира – в Казань, Красина – в Калинин. Уже в конце года по выходным дням их стали видеть в Москве. ГБ выполнила свои обещания. Ну и хорошо...

Почти успокоенные, с радужным ощущением, что главные пороги уже позади, мы с Лилей отправились в давно задуманное двухнедельное путешествие по Крыму, используя мои накопленные в совхозе отгулы. Гуляние по Крыму, официально числясь на исправительных работах, мне доставляла особое удовольствие. Слайды от этих двух недель дали материалы для серии из пяти диафильмов.

После возвращения меня снова отправили на работу в совхоз. Видно, начальству понравилось иметь работника на таком положении: посылать его, куда и насколько надо.

Солнечным осенним днем, копаясь на морковном приокском поле, я был окликнут неожиданно материализовавшейся здесь Лилей. Она примчалась за полторы сотни километров от Москвы, только чтобы сообщить, что был обыск у нашего знакомого (назовем его Женей), изъято много самиздатской литературы, в том числе и моей, а главное – записи и дневники ужасающей подробности. И все это он подтверждает на допросах. Говорила Лиля торопливо, чтобы успеть обернуться этим же днем в Москву, не более 20 минут, и убежала... Она приехала потому, что боялась: заберут, а я ничего знать не буду. Ну, положим, ареста не будет, я уверен, а вот возможные показания на меня Жени – это очень плохо, гораздо серьезнее показаний Красина о несчастном фотоаппарате. Здесь были и Хроники, и диафильмы, и другое...

И все же теперь, после майского суда, мне уже не было страшно. Было только обидно за очередное препятствие к защите (вряд ли теперь мне отменят судимость), но больше было сочувствия к Жене и его жене: и их теперь затрясла пороговая лихорадка. Нам-то, со столь давней привычкой – много легче, а вот им-то в первый раз – каково сразу попасть в такое тяжелое положение. Как же он мог так беспечно вести свои дневники и записи? Пожалуй, именно беспечность, отсутствие тревоги за судьбу людей, которые невольно доверяли ему свои секреты, - я ставил ему в вину. Поведение же после обыска на допросах было понятно – действовала инерция шока и растерянности. Первый раз и сразу 11-часовой допрос. Разложенные на столе собственные записи и картотека с фрондирующими записями типа: «Сегодня встречался с...»; вели «контрреволюционные разговорчики», «опять занимались антисоветчиной» и т.п. Какие еще нужны улики и доказательства? Тоскливое ожидание ареста... Катастрофа... И отсутствие заранее продуманной линии поведения (если бы он думал, то всех этих «улик» просто не было бы – но в том-то и дело, что он не видел опасностей, считая, что сначала должны взять, по крайней мере, Сокирко,

а уж потом... Иначе, где же справедливость... Но у карательной машины свои понятия о справедливости и очередности.

Растерянность и заставила Женю подтверждать свои записи. Только немного освоившись, он стал вести себя более разумно, брать назад некоторые свои показания, отрицать справедливость своих ироничных записей... Но в целом, было уже поздно: по его показаниям начали вызывать на допросы его друзей и знакомых. Такова цена беспечности. Что с того, что в будущем Женя станет более осмотрительным? Такая цена за первоначальный опыт – слишком велика.

Кстати, упомяну и о моих разногласиях с друзьями в оценке поведения Жени на тех допросах. Мне говорили: «Он совершил предательство, почти донес на друзей из-за трусости. И как же ты можешь знаясь с ним, рискуя повторением такой же ситуации, рискуя безопасностью не только своей, но и остальных? Во всяком случае, мы не желаем видеться с ним в вашем доме». Это был почти ультиматум!

Но мне было важно выстоять и сохранить собственное мнение. Ибо я чувал и здесь экстремистский дух нетерпимости. Время, конечно, сгладило углы, мы продолжаем дружбы семьями, но даже сейчас мне приходится специально заботиться, чтобы «разные» наши друзья и знакомые не пересеклись нечаянно в нашем доме. И каждый раз я с грустью думаю, как много в нас еще внутренней жестокости, как мало смирения и понимания, зато р-р-революционной страстности – на много веков.

Из показаний Жени и его знакомых следователи начали создавать дело, условно названной ими «Самопал» (кто-то вспомнил, что в давние студенческие времена свою компанию они в шутку так звали за спонтанное остроумие участников). Компания эта продолжала жить и после института, встречаясь друг у друга не только за столом, но и за поочередно подготавливаемыми докладами на «бесконтрольно

выбранные» темы. Теперь же им приходилось расплачиваться за свой «самопальный», неофициальный семинар.

Меня вызывали одним из последних, предназначая, по-видимому, одну из заглавных ролей: обвиняя в передаче зловердных Хроник и Самиздата, и вообще в связях «Самопала» с диссидентством. Допрос шел на Малой Лубянке – за тем громадным мрачным зданием на пл. Дзержинского. Допрашивал капитан Трофимов (или «Толик», как фамильярно звали его допрашиваемые, делясь дома пережитым). Своим видом он напомнил мне заводского комсорга, набывчившегося от напряжения, но не злого по натуре. Его манера смотреть в упор и пугать глазами казалась мне смешной. Громкие и страшные слова – не трогали. А может, это я изменился за прошедшие полгода? Может, мне помогал лефортовский опыт? Это дело для меня лично было много хуже, а внутреннего спокойствия и уверенности – стало гораздо больше. И не только в опыте дело. Просто я чувствовал, что после неудачи и замазывания результатов процесса Якира и Красина, властям совсем ни к чему ввязываться в новое дело, и заранее выбрал свойственную себе позицию: не отказываться от разговоров и показаний, не скрывать своих убеждений (например, в полезности «Хроники» и Самиздата), но в то же время не давать конкретных показаний, избежать всего, что может быть поставлено в вину кому бы то ни было. Я отказался от чуждой мне твердости и снова приобрел свою голову – отсюда и уверенность.

Приятно, когда принятую позицию выдерживаешь: когда следователь, безуспешно потоптавшись перед твоим категорическим отказом путаться в конкретных датах («Самиздатом обменивался, но когда, с кем и какими вещами – не запоминал, не помню и недостоверных показаний давать не буду под любым следовательским нажимом»), исчерпав свой арсенал угроз (вроде – «в лагере по-другому будете разговаривать») и пугающих взглядов – все же смиряется и начинает писать протокол, как тебе надо.

Да, я мог быть доволен собой, хоть и дал показания по всем заданным мне вопросам и почти не отрицал показаний других свидетелей. Но в одном эпизоде я отступил от своих правил и потом жалел. Подтвердив еще раз свои майские показания о знакомстве с Якиром, я не отрицал, что читал и мог брать с собой самиздатовские произведения и Хроники в его доме. Мне тогда казалось, что после благополучного окончания суда и собственных показаний Петра Ионовича, я не принесу ему вред.

Однако, спустя некоторое время после описываемого допроса, мне рассказали про отрицательную реакцию Иры Якир... Она считала, что появление дополнительных «улик» против отца – «это очень плохо. А ведь отец ничего о Сокирко не говорил...»

Я был обескуражен – как нехорошо вышло. Ведь, действительно, Петр ничего обо мне не говорил (хотя, может, его и не спрашивали). А я мог бы обойтись без тех показаний? При уже зафиксированном Красиным знакомстве Сокирко и Якира, при не отрицании чтения Хроник и Самиздата?– Связь была чрезвычайно отчетливой. Но, с другой стороны, я мог бы изложить свои показания аккуратнее, снова сослаться на «не помню». Почему я отступил от своего правила: показания на кого-либо можно давать только при согласии этого человека (и сам разрешал в деле «Самопал» давать на себя показания). Но в случае с Якиром это требование заменил собственной оценкой очевидной безвредности для него моих «новых показаний». А вот для Иры Якир очевидным показалось совсем иное.

И ведь был аналогичный случай, давно, правда, еще в 68 г. Один из моих знакомых, студент, попал в неприятную историю: поделился Самиздатом с другом-активистом и по доносу последнего его вызвали в КГБ: «Откуда взяли Самиздат?» - В ответ он мычал что-то нечленораздельное. Отпустили, чтобы подумал и вспомнил, иначе... Растерянный, он спрашивал меня: «Можно ли ему назвать кого-либо из известных подписантов, кто не скрывает своих связей с

Самиздатом? Иначе – исключение из института...» Мне тогда эта просьба казалась вполне естественной, и я пошел к Якиру, но натолкнулся на иную реакцию. Петра дома не было, и я разговаривал с его мамой и женой. «Ни в коем случае – запротестовали они. – На Пете и так навешено дел более чем достаточно... Мне стало стыдно за свою просьбу. Больше я ни к кому с этим не обращался, предоставил право своему студенту сослаться в случае необходимости на меня. Но он все же выкрутился при следующем допросе, показав на какого-то человека, облик и фамилию которого он никак не может вспомнить... Эпизод закрыли и дали ему закончить институт. Вспоминая тот случай, мне стало стыдно, что в этот раз я присвоил себе право решать за Петра Ионовича степень опасности для него тех или иных показаний.

В препакопном состоянии я поехал объясняться на Автозаводскую. Дома были и Валя, и Ира, и маленькая, недавно родившаяся внучка Петра – Наташа, показавшаяся мне удивительно красивым, чуть восточного типа ребенком. Давно я здесь не был, с тех пор, как год назад Валя настоятельно посоветовала мне не посещать их дом.

Подробно рассказал о своем последнем допросе, винуясь, говорил, что прямо на Петра Ионовича я не показывал, а лишь косвенно: на квартире Якира читал Самиздат и Хроники и брал с собой. На удивление, они обе отнеслись ко мне с мягким пониманием, о вреде моих показаний не говорили, а больше рассказывали о здоровье Петра Ионовича.

Так был закрыт этот эпизод, и я мог считать себя прощенным. Однако условие: «Не давать вредящих показаний без предварительного согласия», думаю, стало для меня непреложным. Хотя, с другой стороны, технически бывает очень трудно установить, это согласие или нет, и бог знает, смогу ли я в будущем выдержать это правило.

Больше на Автозаводской я не бывал. Наверное, это нехорошо по отношению к Петру Ионовичу, но я и раньше приходил к нему ради чтения, а сейчас, когда «это» исчезло из

их квартиры, приходиться только ради утешения и навязываться на душевное сближение – не хочется.

В конце 1973 года наступила развязка и в деле «Самопала» - его решили закрыть, ограничившись предупреждениями и административными мерами по месту работы «самопальцев» - по большей части, проработкой на заседании «треугольника» с участием офицера КГБ.

Было такое и со мной. После этой очередной «неприятности» надеяться на помощь того же треугольника института в ходатайстве о снятии судимости было, конечно, нереально. Тем не менее, я выполнил наказ Юрия Ивановича и обратился с такой просьбой в Президиум Верховного Совета: чем черт не шутит, может, там заранее подготовлено такое решение, и лишь дожидается моей просьбы (весть о «Самопале» могла и не дойти до этого органа). Однако из Президиума я получил лаконичный ответ: «Сообщаем, что Ваше ходатайство о снятии судимости рассмотрено и отклонено», что заставило меня тихо ругнуться – нет, не по поводу пославшего этот ответ, а по поводу Юрия Ивановича, так обнадежившего меня своими многозначными намеками. Надул на всякий случай... Нет, Юрий Иванович не то, что обманул меня, он просто и не подумал обеспечить свое обещание. А в наших условиях необеспеченное «содействием» обещание не будет выполнено и потому равносильно обману... Я сужу об этом по судьбе фотоаппарата, хоть и опознанного Лилей, но так и не вернувшегося из цепких рук новых владельцев (Я не уверена, что не ошиблась при опознавании – Л.Т., 2016).

После суда над Красиным и Якиром я некоторое время выжидал извещения о возвращении его, но не дождался и начал звонить в Лефортово. Юрия Ивановича уже не было: он отбыл по основному месту службы, а отвечал мне, в конце концов, майор Кислых: «Ваш аппарат конфискован как орудие преступления». Тон его был суровым, и, я бы сказал, - удивленным: «Ему бы радоваться, что не посадили, а он о фотоаппарате печется. Экая мелочность...» Но на меня

оттенки следовательских голосов уже мало действовали. Процессуальный Кодекс РСФСР утверждает четко: «Имущество, не принадлежащее осужденному, должно быть возвращено владельцу». Послал заказным письмом в Лефортово уже официальное требование вернуть мне походного товарища, ссылаясь на статьи закона, но письменного ответа не получил. Меня просто разыскал по телефону все тот же майор Кислых. Тон его голоса был много добродушнее: «Вы нам пишете... Но это совершенно невозможно... Постановлением суда по делу Красина и Якира Ваш аппарат вместе с другими орудиями преступления конфискован и реализован. Я сообщаю Вам это совершенно официально, и никакого иного ответа не будет. И не пытайтесь».

Меня поразили слова: «Уже реализован». Это значит, что если мне и вернут что-либо, то только денежную компенсацию – а это уже совсем, совсем не то. Ведь не в 100 рублях дело. Жалко мне было своего друга до невероятности. Особенно широкоформатный объектив «Мир» - отсутствие которого я и теперь остро чувствую (в магазинах их больше не бывает) при съемке тесных улиц старых городов.

Потом С.В. мне объяснила, что намеренно или случайно (мне-то кажется, что первое – недаром Лиле не сразу принесли наш аппарат для опознания), произошла судебная ошибка с этой конфискацией, но чтобы исправить ее – надо пересмотреть решение по делу Красина и Якира. А чтобы добиться пересмотра столь громоздкого дела, надо затратить слишком большие усилия.

Вообще говоря, было бы очень забавно доказать неправильность процесса Якира-Красина – результат работы множества следователей и юристов – хотя бы из-за моего аппарата. Но это требовало бы громадного количества времени и нервов, адвокатского искусства. Пришлось помириться еще с одним обманом.

Последующие наши годы были много спокойнее. Не стало гор и байдарок. Главенствующей стала тема семьи и

шабашки. Не стало прежней близости к «Хронике», но и потерялась надежда на науку. И почему это так связалось?

1974 год мне памятен встречами с районным КГБ, которому я был непосредственно передан под наблюдение («они» так я выразились: «Мы Вас из виду не выпустим»). Первый раз «они» (зам. нач. и непосредственный куратор нашего института) прочитали мне знаменитый Указ-предупреждение об уголовной ответственности за антиобщественное поведение, вызвавшееся в распространении Самиздата и показе «тенденциозных диафильмов» (отзвук «Самопала»). Подписал и был очень скромн.

Вторая встреча произошла весной, когда я пытался получить в институте характеристику для диссертационной защиты еще до окончания срока судимости. Мое институтское начальство, симпатизируя лично, не могло ничего поделаться в таком щекотливом деле без «совета с КГБ», а те пригласили меня самого и поставили условие: «Разорвите все отношения с «нехорошими» друзьями!» - «А что, нельзя видеться с не осужденными людьми?» - «Можно, конечно, но тогда и на нашу помощь не рассчитывайте, а институтские товарищи без нашего поручительства вряд ли Вам поверят» и т.д. и т.п. Разговор окончился ничем.

Однако через некоторое время меня снова вызвали в знакомый закоулок. Теперь хозяева пустынного этажа были необычайно любезны и ласковы. Уже не было речи о том, чтобы я бросал своих друзей, нет, нет, как раз наоборот – надо, чтобы я помогал им избавляться от заблуждений, оберегал от неправильных поступков, налаживал понимание между друзьями и сотрудниками ГБ («Вы же сами этого хотите?»). «И все будет очень хорошо, - уверяли меня любезные, а недавно столь суровые собеседники, - конечно, мы поможем Вам в защите диссертации, не только кандидатской, но и докторской» - и тут же лезли в стол, чтобы достать эту «докторскую».

Какое удовольствие я им доставил, когда начал давать положительный ответ: «Я согласен беседовать с Вами на любые темы, работать на взаимопонимание, но ... только я не буду скрывать содержание этих бесед от своих друзей. Это неперемное условие...» Ах, как не понравилось последнее моим собеседникам: «Ну, это Вы несерьезно, так от Вас все отвернутся...» - «А Вы что, хотите из меня стукача сделать?» - «Фу, какое некультурное слово... Не стукача, а работника идейного тайного фронта. Здесь не в Ваших друзьях дело, они нас и не интересуют, а интересуют нас гораздо более важные, далекие и секретные дела... Ну, Вы понимаете...»

Такой разговор шел минут сорок, пока из-за двери не вышел подслушивающий начальник и не заявил: «Хватит. Дальнейший разговор бесполезен. В лагере он бы по-другому говорил. Можете не возмущаться, мы Вам совсем не угрожаем, а совершите преступление – посадим. И не рассчитывайте на содействие. Никаких защит, никаких материальных поощрений!»

Да, он был груб и откровенен, этот холеный седоватый господин с профессиональными жесткими манерами. Он неприкрыто угрожал – да и чего ему бояться в собственных стенах? Хорошо, что в наше время не все от них зависит... Это была моя последняя встреча с КГБ. С тех пор они меня не трогали.

В моих делах наступила полная ясность. Отныне диссертационные дела я вел чисто механически – чтобы упереться в окончательный и всем убедительный тупик. Когда окончился мой срок судимости, я собрал документы и потребовал «чистой» характеристики, ссылаясь на дух законов: после окончания срока судимости официальные документы не должны его упоминать. Впрочем, результаты моего штудирования юридической литературы по этому вопросу показали вопиющие противоречия в самом законодательстве, с одной стороны, ограниченный срок судимости потому и введен, чтобы оградить человека от позорного пятна в последующей жизни, т.е. не наказывать его

на всю жизнь, с другой стороны, другие законы требуют, чтобы в трудовой книжке навсегда записывался срок наказания, чтобы вычесть его из трудового стажа. Также закон не запрещает сообщать о снятой судимости в официальных характеристиках.

ГБ выполнила свое обещание. Когда год назад в наш институт пришел новый директор и пообещал «пробить» запрет на меня, то получил очередной отказ с прибавкой: «Смотрите, даже если вы ему все же дадите положительную характеристику, то все равно этим не поможете». Теперь же мне отказали даже в отрицательной характеристике.

Так и вышло, что полностью выполненная и предварительно защищенная диссертация вдруг пропала, исчезла, была изъята самим составителем. Как-то на днях, случайно, лоб в лоб я встретил своего бывшего шефа и руководителя диссертации. Шеф радостно приветствовал: «Где же Вы пропадаете?» - и выслушав мое краткое объяснение, которое он, наверное, и сам знает, посочувствовал: «А жаль ...С мыслью была работа, интересная...» И чего я с ним раньше не ладил?

Сегодня мне кажутся смешными свои волнения о защите, о научной карьере. Сегодняшние интересы тянут совсем к иному, к самостоятельной работе над историей, экономикой, мировоззрением. Ведь жизнь одна! Хватит заниматься ее обеспечением, пора просто жить. А деньги для жизни можно заработать и на шабашке. Были бы руки и здоровье...

Конечно, я не могу сказать, что уже вышел на желанный стиль жизни. Нет, я еще не избавился от страха, и порой боюсь при чтении иных книжек, я еще молчу там, где следовала бы не молчать. И все же, мне кажется, шаг за шагом, наступает освобождение. Вот эти откровенные дневники – один из таких шагов. Другой шаг я сделал полгода назад, направив в Конституционную Комиссию свои предложения и поправки к опубликованному тогда проекту Конституции, и, тем самым, раскрыв перед властью и миром

свое мировоззрение и свои желания – и этим еще уменьшил в себе область потаенного и страшного (см. раздел 2.6 этого тома). И даст бог, - это не конец в очищении от страха.

Спокойное и мощное течение несет нас вперед. И сладко жить, налегая изо всех сил на весла. 1977г.

Раздел 2. Желанное будущее и пути к нему (Думы о России)

2.1. Как нам строить дом

(отклик на статью "Дом, который мы строим" ж-л "Вече", № 3, 1971г.)

Не имея возможности подробно разбирать фактический материал упомянутой статьи, обсудим лишь ее заключительную часть, а именно:

"Буржуазная цивилизация начала свое победное шествие более 100 лет назад. Главный девиз "Свобода, равенство, братство" претендовал сыграть на лучших качествах человека, девиз негласный "Все – для тела" сыграл на худших качествах. Невиданные материальные и социальные блага манили все слои общества. Соблазненное человечество ринулось вперед, к "прогрессу".

Сумеет ли оно остановиться, или движение необратимо, стремительно. Буржуазная меркантильность, буржуазное равнодушие к природе, буржуазное отсутствие духовности – вот силы отрицательного избрания, поставившие на грань само существование человечества.

США являются страной, в которой "так называемая техническая цивилизация" получила свое крайнее выражение и... "выступила как форма развития, противопоставленная природе" (П.Олдакс).

Но может ли существовать в природе нечто противоположное ей? Об этом должны спросить себя страны, которые все еще мечтают "догнать и перегнать Америку" в

пресловутом "производстве на душу населения" – в деле самоудушения!

Быть или не быть народам и человечеству? – Вопрос, который может быть подменен равнозначным и обыденным: "Хотят ли американской шикарной жизни?" Или мы благословляем относительную бедность и учимся жить в согласии с родной землей?

Может быть оплотом, противостоящим американскому пути, станут развитые страны некапиталистического строя, СССР в первую очередь?

Но нет. Пока что лозунг "догнать и перегнать" еще не снят с плакатов. Пока что наша молодежь из года в год наслаждается роскошью зарубежных фильмов и требует "красивой жизни", такой, "как там". Спрос рождает предложение: мы строим еще и еще ГЭС, еще и еще хим.заводы, еще и еще автомобили и т.д. и т.п.

"Все для человека! Все во имя человека!" – и мы мучаем подопытных животных, топчем травы, рубим деревья, губим воду и воздух, уничтожаем все живое – на погибель человеку.

Стремление "догнать и перегнать"... неизбежно должно привести к "американскому" способу производства. История не знает пока обществ более производительных, нежели буржуазное. И не удивительно. Вспомним, что писал о буржуазии великий знаток ее К.Маркс: "В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мешанской сентиментальности... Не мудрено, что она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность... Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, не революционизируя... всей совокупности обществ.отношений... Всюду она должна внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи" – вот они, причины завидной социальной устойчивости, необыкновенного буржуазного самомнения, завидных экономических достижений".

"Догнать и перегнать Америку" – еще не реализованное в производстве и государстве, уже пронизывает сознание масс. Ослепленное блеском богатств, прельщенное силой своей воли, человечество готово шагнуть через край пропасти. Человечество не планирует свертывание технического прогресса и не собирается отказываться ни от автомобилей, ни от добычи и сжигания топлива, ни от обработки руд, ни от ядохимикатов. В результате люди на сегодняшний день не в состоянии предотвратить ни демографический взрыв, ни уничтожение биосферы, ни кризис информации, ни превращение цивилизации в единый кибернетический механизм, который может быть запрограммирован на уничтожение...

Ощущение того, что критическая точка нашей цивилизации приближается, охватывает людей все глубже. Не исключено, а интуиция некоторых прямо предполагает, что в историю могут вмешаться иные силы... Во всякой развивающейся автономной системе содержатся факторы, играющие роль внутренних ограничителей развития.

Как сработают эти ограничители? Через посредство человеческого разума, который заставит людей опомниться, отступить и спастись? Или движение необратимо и неизбежно глобальные катастрофы?

"...Космогония и астрофизика продемонстрировали, что катастрофы могут быть огромных, чудовищных масштабов. Мы живем в сложном запутанном мире: кривом, плохо детерминированном, расширяющемся, в мире, в котором часто нет преемственности" (Г.Наан. "Точные науки и здравый смысл", "Неделя", № 9, 1968) "

Что ожидает нас. Мы привели это заключение полностью по причинам его цельности и выражению в нем целого мировоззрения. Поскольку журнал не поместил никаких примечаний к статье, можно предполагать, что это мировоззрение разделяется не только автором статьи и журналом, но и широким кругом новых славянофилов.

Поэтому имеет смысл и обсуждение вышеприведенных экстравагантных положений.

1. Очень легко отмахнуться от любых пророчеств о скорой гибели человечества, указав, что в каждую эпоху и не раз таких апокалипсических пророков было достаточно, и их доводы были очень убедительными, однако люди живут до сих пор. XX век – не исключение.

Мало того, можно привести много примеров катастроф, которые постигали человечество за долгую историю его существования: превращение пастбищ Сахары в пустыни, гибель восточных цивилизаций от засоления земель, от песков, от огромных наводнений, от опустошительных эпидемий и заразных болезней, возникших сразу же, как только человечество выросло в числе и построило городские муравейники и т.д. и т.п. В общем – человечество выживало, за свои успехи платя лишь частично.

Однако новость XX века заключена в том, что люди очень близко подошли к овладению такими могущественными средствами воздействия на биосферу и весь земной шар, которые могут привести к их полному разрушению. Ядерное оружие – тому известный пример. Мало того, в будущем возможно проникновение науки и эксперимента в такие глубины мира, когда даже нечаянно, внезапно, неожиданно можно уничтожить весь наш мир.

В этой связи достаточно вспомнить те дискуссии и сомнения, которые охватили атомных физиков в США перед первым испытанием урановой бомбы: не распространится ли цепная реакция деления, начавшаяся в уране, на обычное вещество, на всю землю? – Только после тщательных изысканий и доказательства невозможности такой общей цепной реакции началась атомная эра. Как видно, к такому пределу всеобщего спонтанного саморазрушения (о чем, видимо, и говорит Г.Наан) наука еще не подошла. Такая возможность, сегодня еще ничтожно малая, нулевая, с ростом науки увеличивается, и нам остается только надеяться, что эта вероятность не станет реальной до тех пор, пока человек не

заселит космос и не перенесет свои опасные эксперименты на космические окраины.

Что же касается предвидимых опасностей, то можно только приветствовать все мрачные пророчества и расчеты, даже если в их непреложность не хочется верить. Устное и письменное выражение такого беспокойства надо приветствовать, потому что обсуждаемые опасности – реальны и избежать их можно только с помощью большого труда и самомобилизации. Чем быстрее человечество поймет реальность этих опасностей, тем быстрее возьмется за их устранение. Таким образом, эти предсказания относятся к классу самоуничтожающихся прогнозов, и то обстоятельство, что они обычно не исполняются, является не недостатком, а достоинством их.

Разногласия обычно начинаются при определении пути преодоления этих опасностей. Автор статьи, видимо, выражая мнение славянофилов, призывает: отступить и отказаться от "технического и буржуазного пути". Остальное человечество (исключая аналогичных "филов" в других странах – сторонников китайской исключительности, индийской философии, негритюда и т.д.) стоит на этом "техническом и буржуазном пути", ликвидируя одни опасности (например, проблемы голода и эпидемий) и вызывая другие (демографический взрыв, загрязнение среды и пр.). Причем зачастую уничтожение одних опасностей приводит к возникновению других (уничтожение эпидемий – демографический взрыв). Видимо, человечество всегда будет иметь перед собой опасности и всегда у него будет необходимость работать над их преодолением. И в этом – не только технический прогресс, в этом – сам способ человеческого существования. Отказ от этого способа развития – подобен возвращению к первоначально-обезьянному состоянию.

Совершенно очевидно, что славянофилов мне убедить не удастся, но не следует оставлять без ответа их доводы.

2. Попробуем рассмотреть последствия отказа страны от техники и лозунга "догнать и перегнать" ради возвращения к чистым лесам и водам.

Автоматическим следствием отсюда является техническая отсталость, а вслед за этим – экономическая и политическая зависимость от технически могущественных стран, в том числе и пресловутых США, вплоть до последующей колонизации, когда с помощью нескольких "небольших" колониальных войн (наподобие опиумных войн Англии с Китаем в прошлом веке) буржуазный и технический мир взламывает двери "нового" славянофильского Китая – для технической цивилизации.

Это уже много раз было: Япония, Китай, допетровская Россия, все остальные колонии Европы. И все попытки противостоять технике самых различных народов и самых различных культур кончались крахом.

Но допустим другой, почти невысказанный вариант: Россия указала миру свой путь бестехнического, духовного развития, и... весь мир безропотно остановил свои фабрики и заводы, разогнал ученых и стал думать лишь о мистике и согласии с природой, "благословляя относительную бедность".

На каком техническом этапе человеческого развития следует тогда остановиться и организовать счастливое общество?

Очевидно, что поскольку дальнейший технический прогресс запрещен, придется исключить и сохранение современного технического статус-кво: перечисленные в статье опасности вызываются именно современным производством, наукой и техникой. По-видимому, придется "отступить" несколько назад, на позиции более "гармоничного и естественного" общества. Очевидно, таковым не может быть названа эпоха раннего капитализма. Ибо достаточно вспомнить Англию или Германию начала промышленного переворота – черное от копоти небо, угольный дым, запахи газа на улицах, масло и грохот трансмиссий, реки, полные краски и пр. – чтобы с умилением вспомнить сегодняшнюю

цивилизацию электричества, уборочных машин и очистных сооружений.

Но также очевидно, что не стоит останавливаться и на эпохе позднего феодализма, милой сердцу некоторых славянофилов, ибо что же может быть хорошего в распаханых степях, вырубленных лесах, высохших от этого реках, выбитых зверях, массовых эпидемиях? (Последние ведь необходимы, чтобы регулировать численность феод.общества) Эпоха раннего феодализма, Киевская Русь и прочая патриархальщина славна своим подсечным земледелием, варварски уничтожавшим леса, истреблением целых видов зверей (вроде туров) и прочими преступлениями против земли и природы. Придется идти нам вглубь первобытных веков, о которых мы ничего не знаем, но можем догадываться, что воздействие человека на природу там тоже не было безобидным (еще раз вспомним вытаптывание первобытной Сахары). Кажется, дальше нам двигаться некуда в поисках "гармоничного и естественного" общества. Правда, есть еще ступень действительно полного слияния с природой, вплоть до невыделения из нее – общество наших обезьяньих предков. Правда, для торжества этого принципа придется свести количество людей на земле до численности обезьяньего стада (ибо если земля и техника могут прокормить сегодня 3 млрд.людей, то прокормить 3 млрд.обезьян она не в состоянии). Но на что не пойдешь ради славянофильской идеи?

3. Это была, конечно, шутка, но разве можно всерьез воспринимать советы отказаться от технического прогресса, от конкуренции с США? Если же эти советы произносятся всерьез и в журнале, который считает себя серьезным, то тогда надо действительно всерьез домысливать собственные предложения и положения. И также серьезно доказывать ошибочность противоположных взглядов, например, о возможности устранения обсуждаемых опасностей с помощью науки, техники и экономических (буржуазных, по терминологии автора) методов. Опасность демографического

перенаселения – расширением навыков регулирования семьи и возможностей сельского хозяйства, опасность загрязнения среды – переводом работы заводов на замкнутый цикл, кризис информации – использованием ЭВМ и еще более глубоким машинным моделированием способностей человеческого интеллекта и пр.

В статье же я нашел только одно соображение, пытающееся доказать невозможность для США справиться с загрязнением среды: расходы на программу защиты среды от производственных отходов в 6 раз превышают расходы США на космос, но поскольку конгресс и на космос сегодня выделяет с большим скрипом, то на очистные сооружения их тем более не даст! – Логика более чем удивительная! Известно, что космическая программа США преследовала не производственные, не научные, и даже не оборонные цели, а, прежде всего – престижные цели конкуренции с СССР. Поскольку американское первенство в космосе теперь установлено на необозримо длительный срок (пока мы не высадимся раньше американцев где-нибудь на Марсе), постольку ассигнования на космос сокращаются, тем более что бюджет США постоянно сводится с дефицитом. Что же касается скупости конгресса на программу защиты среды, то, как известно, худо-бедно, но конгресс США все же отражает волю избирателей, и если до сих пор деньги промышленных кампаний, растрачиваемые на избирателей, перевешивают все тяготы их от "самоудушения", то, следовательно, опасность удушения еще не так велика, она еще не так ощутима, чтобы быть осознанной народом. Придет время – избиратель осознает, и тогда конгресс проголосует неизбежно за широкую программу защиты среды, как раньше голосовал – за антирестовские законы, за прогрессивные налоги, за пособия по безработице, за антикризисную политику, за вступление во вторую мировую войну и прочие акты, казалось бы, несовместимые с "буржуазным равнодушием и отсутствием духовности". Заявление автора о противоположности

"буржуазного и технического развития" природе остается лишь громкой фразой.

Своим же фактическим материалом автор доказывает лишь то, что на сегодня человечество тратит слишком мало сил и денег на устранение опасностей и что оно может за это сильно поплатиться. Но и только. В действительности перед человечеством нет пути назад – есть только возможность дальнейшего технического и научного развития – не только ради автомобиля, нейлона, электричества – но и ради достатка еды, чистого воздуха и рек, парков и заповедников, массовой высокой культуры.

4. Здесь будет уместно обсудить и антибуржуазную направленность статьи, обвинения в адрес "буржуазной меркантильности, равнодушия к природе и отсутствия духовности". До чего же затасканные обвинения! До чего же они навязли в зубах официальной пропаганды, не говоря уже о наших ушах, чтобы читать этакое еще и в Самиздате!

Видимо, под буржуазной меркантильностью следует понимать любовь к деньгам, т.е. стремление их накапливать и экономить. Но что же может быть плохого в экономии денег, т.е. человеческого труда и природных богатств? Что в этом плохого, кроме пользы для всего общества и, конечно же, природы? И что же хорошего в "духовности", которая презирает любой денежный счет и экономию и транжирит человеческий труд и природные богатства – направо и налево?

Автор статьи может истолковывать свои слова как угодно, но объективно они направлены против экономических методов управления хозяйством в нашей стране. Что его призывы противоречат повышению благосостояния народа и страны, противоречат техническому и хозяйственному прогрессу – так это, по-видимому, автора серьезно не волнует. Но ведь отказ от экономических, т.е. "меркантильных" методов стимулирования и управления – противоречит и сохранности нашей природы. Именно отсутствие солидной платы за испорченный воздух и воду, за порубленные леса, испорченный природный ландшафт и минеральные богатства

– приводило и приводит и у нас, и на Западе к безудержному и хищническому разбазариванию этих природных богатств. Даровые, бесплатные, почти безграничные (на наш век хватит) – бери, пользуйся, жги, уничтожай! Это как раз следствие отсутствия меркантилизма или его недостаточности (недостаточно высокой платы). Что это так, а не иначе, показывает сравнение использования земли – платной на Западе и бесплатной, государственной даровой у нас. Здесь не нужно подсказок – автор статьи может и сам вспомнить, что именно у нас, в стране "социалистической духовности", в результате бесплатности были затоплены и затопляются громадные площади лучших наших с.-х. земель в долинах рек, строятся безобразнейшие по своей раскиданности города и т.д. А бесценные (в прямом и переносном смысле) богатства Байкала и Севана? А мертвые затопленные леса? А случаи поджога бесплатных лесов заготовителями, лениющимися собирать отходы после лесозаготовок? А множество других фактов, которые на "буржуазно-меркантильном" Западе сегодня практически отсутствуют только из-за платности земли и необходимости ее максимально экономить? Сегодня это начинает понимать и руководство нашей страны, но только не славянофилы.

Я убежден, что и проблема сохранения чистого воздуха и воды в США и других капиталистических странах сегодня не решается только потому, что к ней не применен еще меркантильный, экономический подход, что эти природные богатства до сих пор считают даровыми, безграничными, почти "духовными". Измените это положение, и я уверен – США и в области чистой природы покажут путь развития остальному миру, в том числе, конечно, и славянофилам, сохранившим до сих пор каким-то чудом барское презрение к буржуазии и технике, экономии человеческого труда и деловому использованию и сбережению природы.

Подводя итог, следует еще раз сказать: нет, не антитехнические утопии, не китаистское равнение на бедность

идеализированной прошлой России, не презрение к другим народам, и особенно к буржуазному Западу, а трезвая положительная работа, внедрение экономических расчетов и отношений, свободная и трудовая жизнь полной грудью в единстве с наукой и техникой – вот истинный выход из опасностей, нарисованных автором статьи "Дом, который мы строим". 1971 г.

2.2. Рецензия на роман Ю.Трифонова "Старик"

(ж-л "Дружба народов", № 3, 1978 г.)

Этот роман читают по-разному и разное в нем видят. Для одних – это книга о сегодняшней жизни и буднях, перемежаемая воспоминаниями Старика – отживающего свое участника революции. Для других – революционная трагедия, до сих пор еще не понятая нами, но определяющая нашу жизнь, просвечивающая даже в сегодняшних житейских дрызгах. Мне кажется, что именно последнее понимание близко к авторскому, и именно о нем следует говорить.

В романе реально существует только сегодняшняя жизнь – мелкая и пошлая. И лишь революционное прошлое Старика оказывается настоящей жизнью, осмысленным подвигом, только старики, близкие к революции, оказываются лучшими людьми. Почти в каждой трифоновской фразе я ощущаю ненависть к современной среде. Как и в прежних, "городских" повестях, так и здесь, действуют современные герои пустоты и бессодержательности, фальшивых слов и мещанских чувств. Автор как бы вымучивает им свое сочувствие, заставляет себя не то чтобы уважать их, а хотя бы маскировать свое презрение вежливостью и якобы нейтральной доброжелательностью. Настоящая же его любовь отдана людям героического прошлого, революционным "отцам".

Как мне кажется, Трифонов выражает мироощущение детей старых большевиков, по большей части

репрессированных в 30-е годы. В своем детстве они испытали ужасающий разлад между детской любовью к революционным родителям, восторг перед высотой их морали и эрудиции - и последовавшей после репрессии родителей тяжелейшей жизнью детей "врагов народа" (хоть "дети не отвечают за родителей", но отвечать им пришлось почти всю жизнь). Для них сталинизм – личный, родовой враг, надругавшийся не только над любимыми "отцами", но и над собственными молодыми жизнями.

С главным врагом в единое враждебное целое слилась и окружавшая их после ареста родителей мещанская, народная среда. Вынужденное переселение из относительно комфортабельных дач и квартир высокопоставленных партийцев в обычные "коммуналки", да еще осложненное злорадством и злобностью многих соседей, должно было воспитать в "детях старых большевиков" жгучую и неизбежную ненависть к этому "некультурному, грязному, мещанскому миру". В их памяти сталинизм и мещанство стало одним враждебным целым. Когда-то отцы победили в революцию мещан, но потом сталинисты сломали отцов, отдав их детей на унижение мещанам. И потому в своих мечтах дети, подобно отцам, снова должны возвыситься и победить мещан, но вместе с тем – не поддаться новым сталинистам.

Мне кажется, что Трифионов в своих романах и повестях тоже подчиняется этой логике воспитанных в детстве пристрастий. Для него борьба со сталинистами неотделима от борьбы против мещанства или нового буржуинства. И наоборот. А победа добра связана только с победой революционных отцов и с унижением всего, что им противостояло и противостоит: дореволюционной России юнкеров, попов и буржуев, сталинской России – проходимцев, переукрашенных контриков, циников и демагогов, сегодняшней России – обывателей, безвольных интеллигентов, попусту разглагольствующих диссидентов. Все ненавистно автору, и потому перед читателем предстает выжженный (не столько московской жарой 1972 года, сколько

трифоновской неприязню) мир с одной единственной доминантой революционного идеала. Все окрашено в черноту. И только талант художника заставляет его находить в этой мгле какие-то серые полутона.

Сплошь черной краской нарисован, например, Карнаухов – супермен и деловой человек. Это само воплощение современного дьявола – советского буржуа во плоти, подчинившего свою жизнь одному циничному расчету – достижению власти, богатства, материальных благ, заграникомандировок, прочих удовольствий. И как всякий дьявол, он неуязвим в этой земной жизни (никто не может ему противостоять), и лишь судьба (или Божье наказание – понимайте, как хотите) с помощью неожиданной болезни кладет конец его победам. По законам жанра, автор наделяет Карнаухова немалым набором привлекательных качеств, в том числе редкой энергией и деловитостью, работоспособностью и целеустремленностью – "до упора". Кажется, это единственный действующий современный герой романа, но его активность и "прелести" нужны Трифонову только для того, чтобы усилить наш страх от дьявольского "бездушия и порочности". Никакого желания понять Карнаухова и его поступки автор не испытывает, подсовывая вместо исследования причин выдуманные им самим мотивы. Он просто живописует современного буржуазного дьявола, чтобы заклеить его и противопоставить идеалисту Мигулину в революционном прошлом, чтобы разместить между этими крайними полюсами всех остальных героев.

Ближе всего к Карнаухову оказывается перекрасившийся белогвардеец и юнкер, а ныне кооперативный общественник и прощелыга Приходько. Потом идет Николай Эрастович, православный святоша (может, даже диссидент), прямой духовный потомок того толстовца, который едва не выдал под белогвардейский расстрел в пору гражданской войны самого Старика, тогда звавшегося Павликом. Потом – сын Старика – Руська, диссидентствующий либерал – говорун и пьяница, бездельник

и хапуга (оба они борются с Карнауховым за дачный домик и потому уподобляются последнему). Затем – слесарь Митька, циник и халтурщик. Ну и так далее...

И только Старик, невесть как сохранивший свою память и свои идеалы в этой душевной атмосфере безысходной "буржуазности", существует островком, к которому могут примкнуть сегодняшние люди в редкие часы осветляющего их раскаяния и очеловечивания (на это больше способны женщины - Трифонов судит женщин менее строго, чем мужчин, что, возможно, объясняется его детскими привязанностями).

Что же представляет собой другой, революционный мир романа? Он разворачивается последовательно, как хроника жизни самого Павлика, но главный нерв этих воспоминаний – в реабилитации настоящего революционера и героя гражданской войны – Мигулина. Реабилитации не формальной, не внешней, не перед официальными инстанциями, а внутренней, по самой сути, по критериям общечеловеческих идеалов революции.

При чтении романа поражаешься мужеству Трифонова, столь смело пускающегося в беспощадный анализ революционной истории и правды о ней, решающегося на открытый разбор своей главной веры в святость революционных отцов. Выводы же, которые он вынужден сделать из этого анализа (вернее, выводы, которые делает внимательный читатель романа), очень далеки от официального славословия коммунистической партии.

Оказывается, что все наши беды, беды культа личности, извращений и деформаций социализма и т.п. начинались совсем не в 1937 г., и даже не в 20-е годы после воцарения Сталина, а много раньше, в годы самой революции и еще раньше. Уже знаменательная встреча большевика Шурика и поставляющего ему оружие бандита Грибова вводит в наши раздумья тревожные вопросы сложности и моральной неоднозначности революционных действий. А потом, после победной революции и в пылу гражданской войны вперед

выдвигаются всяческие фанатики и бывшие каторжники, не испытывающие к нормальной жизни ничего, кроме мести и ненависти, насилием внедряющие свой "порядок". Всяческие Браславские, Шигонцевы, Бычины, Логачевы, Харины... Кажется, что они не остановятся перед уничтожением всех "буржуев", кроме казаков, да и всех людей, если те окажутся "зараженными" (как это проделали недавно красные кхмеры в Кампучии). Эти люди – готовые сталинисты и бериевцы – успешно расстреливают уже в гражданскую войну. Мигулин (а за ним негласно и сам Трифонов), находит для них емкое имя: "лжекоммунисты" и даже объявляет им войну.

Но "лжекоммунисты" – отнюдь не редкое исключение в гражданской войне, а, напротив, чуть ли не самая главная сила красных войск и власти, ведь на них опирается и защищает все централизующий аппарат власти – от Троцкого до Янсона и прочих деятелей Южного фронта, а снизу их подпирают входящие в силу завистники и мещане, т.е. нарождающаяся уже тогда, в огне революции – новая, советская буржуазия. Парадоксальная ситуация: революционный идеалист Трифонов, анализируя историю нашей великой революции, подвергает осуждению большинство реальных революционеров. Даже самый "правильный" коммунист – Шура (прообразом которому послужил, возможно, отец или дядя писателя), оказывается бессильным в этой грязной толчее и отступает, едва ли не предавая пламенного Мигулина, а вместе с ним и собственную революционную страсть, т.е. ломается как революционер... Сначала он отказывается быть комиссаром у Мигулина, поскольку не может преодолеть сопротивление верховных "лжекоммунистов", с одной стороны, и утихомирить неукротимого Мигулина – с другой; потом отказывается участвовать в трибунале, судящего Мигулина за несанкционированное сверху революционное выступление на фронт – как бы умывает руки, не желая ни защищать, ни участвовать в его расстреле. Шура занят спасением личной чести, но не самой революции. Правда, вдалеке еще

светит авторитет Ленина, поскольку Мигулин все порывается донести "всю правду". Но и Ленин то ли от высоты, то ли от занятости и болезни – бессилён изменить гибельный ход вещей. И революция гибнет – не наружно, а внутренне – через гибель истинных революционеров. Причём оказывается, что истинным революционером (настоящим коммунистом) является отнюдь не какой-то член компартии, а сам Мигулин, бывший народный социалист или труженик, бывший казачий подполковник, на воззваниях которого Троцкий пишет уничтожающий отзыв: "Эсеровщина и донская учредилковщина". И это истинная правда: члены компартии в своем преобладающем большинстве не были революционерами, т.е. людьми революционной страсти. Они были людьми порядка, централизации, глубоко враждебные революционным стихиям.

Блестящий художник и истинный социалист – Ю.Трифонов подводит своих читателей к тому же выводу, который еще раньше сделал социалист Дж.Орвелл, наблюдая испанскую войну 1936-1939гг.. ("Письма о Каталонии"): "Именно компартия была одной из самых сильных антиреволюционных партий". Сам Трифонов, возможно, и не хотел таких выводов, но тем убедительнее и естественнее они всплывают в воспоминаниях Старика: лжекоммунисты-таки задавили Мигулина в самом конце гражданской войны, и все, что за этим последовало, все, вплоть до серости сегодняшней жизни – лишь расплата за те первоначальные грехи советской истории.

Со страниц трифоновского романа мы видим гражданскую войну совсем иной, чем привыкли ее видеть в школе – не красно-белой, а многоцветной, когда и белые, и красные сходились в своей жестокости, централизованности, диктатуре, к своей ненависти к людям, отстаивающим человеческую свободу, стихию, т.е. к искренним революционерам, которые, в свою очередь, самым ходом вещей втягивались в борьбу и с белыми, и с красными лжекоммунистами. Такими были и упоминаемый в романе

атаман Григорьев, судьбу которого едва не повторил Мигулин, и анархистский вожак Махно, и глава крестьянского восстания на Тамбовщине эсер Антонов, и участники знаменитого кронштадского восстания с их лозунгом: "За Советы без коммунистов", т.е. без "лжекоммунистов" и т.д.

Большинство из этих людей поднимали борьбу против "лжекоммунистов", терпели поражение, погибали, оставаясь в официальной истории изменниками и контрреволюционерами. Сегодняшняя реабилитация и восстановление о них всей правды – святое дело... Другим повезло больше: они погибли раньше, еще в боях с белыми, и не успели втянуться в мятеж против "лжекоммунистов" и потому остались в официальной истории героями. Таким, наверное, был Чапаев... В детстве мы смеялись над его ответом на мужицкий вопрос: "Ты, Василий Иванович, за большевиков или за коммунистов?", а тот отвечал: "За Третий Интернационал!" – и только теперь, после трифонового романа, до нас доходит и сокровенный смысл мужицкого вопроса ("Ты за большевиков, которые сделали революцию и отдали народу землю, или ты за коммунистов, которые отбирают хлеб продотрядами и стреляют?"), так и чапаевского ответа: ("Я за истинных коммунистов, за настоящую революцию")

В суровые годы гражданской войны партийное руководство терпело этих людей – за их талант, за авторитет у людей, за военные победы и эффективность, но в более спокойные годы оно их устраняло от дел, а при сопротивлении – просто ставило к стенке. Такой деловой, функциональный подход применяла компартия и к военспецам, позже – к технической интеллигенции и ученым. И с такой страшной деловитостью укрепившаяся диктатура при нужде перемалывала и своих ревностных изобретателей и служителей, всяческих Троцких и Янсонов. Но их черед наступил несколько позже. А в гражданской войне расстреливали больше внепартийных революционеров. Описание суда над Мигулиным, переживаний подсудимых, их раскаяния-покаяния, самооговоров – дает понимание

психологии подсудимых и более поздних знаменитых процессов 30-х годов. На деле они только повторяли то, что уже происходило в годы гражданской войны.

Революционная свобода была в первый раз укрощена приходом к власти централизаторской компартии в 1917 г., и с той поры постепенно, но неуклонно сокращалась сфера ее существования, сдавливалась вплоть до своего окончательного удушения. Сдавливалась руками самих Мигулиных и Шур, руками самих революционеров. Это было неизбежно: ведь стихия не вечна, порядок должен восстановиться. Но только какой порядок? – Об этом-то и спорили в гражданскую войну. Белые хотели восстановить старую абсолютную монархию, красные – создать абсолютную власть своей партии, Мигулин хотел какой-то справедливой, т.е. своей власти, пытался опереться на зеленых, на дезертиров, но безуспешно.

Для России было бы лучше, если бы восстановился такой порядок, при котором могли бы мирно ужиться и красные, и белые, и зеленые, и все прочие, и Мигулин, и Мелехов..., т.е. – демократия. Но, к сожалению, такой порядок может быть создан не из гражданской разрухи, а лишь из давних правовых традиций. Гражданская война могла закончиться лишь победой одной из диктатур (или разделением государства), страшной в своей мести – независимо от цвета. Помочь стране в такой ситуации могло только быстрее окончание смуты, т.е. отказ от участия в ней. Попытки же Мигулина и иных истинных патриотов были безнадежны, исторически обречены. И чувствуя это, Мигулин сам пытается себя убедить в справедливости одной из диктатур – красной, заставляет себя примкнуть к компартии, быть верной ей несмотря ни на что. Он ломает самого себя под партийную доктрину, но не может сломать до конца, не может пересилить в себе ни любви к народу, ни трезвого видения мира, ни революционных идеалов. Отсюда его метания – от попыток вступления в компартию до арестов партработников в качестве заложников. А потом вновь слезы и раскаяния на суде, превращение из народного трибуна – в старика,

просящего лжекоммунистов о пощаде перед расстрелом. И снова – фронт и верность компартии. Так ломались и "воспитывались" революционные бойцы, превращаясь в "солдат партии". Так они приучались жить не по своим убеждениям, а по партийным директивам. Сам Мигулин так и не смог до конца сломаться, а всяческие Буденные и Ворошиловы "воспитались вполне". И понятно: посредственности приспособиться к чужим директивам много легче, чем настоящим талантам.

А с другой стороны фронта разнообразие участников было еще более разительным. Величайший роман на революционную тему - "Тихий Дон" повествует достаточно ярко о метаниях казаков. А сколько метаний было у Самарского правительства эсеров и меньшевиков в их противостоянии и красной, и белой генеральской диктатуре ("лжеконституционалисты"). То же в Архангельске на Севере, в Баку – на Юге... Красные комиссары и белые генералы, Троцкий и Деникин совместно растаптывали истинных русских – демократов. Гибель их исторически неизбежна – в этом главная трагедия революции. Эту трагедию Трифонов чувствует и доносит до нас, предоставляя выводы делать самим.

Читая этот роман, снова убеждаешься, сколь мало мы знаем о великой революции, мы - ее прямые наследники. Сколь многого не понимаем. Хотя понять все очень трудно, почти невозможно. Недаром и сам Старик кончает свое существование в романе тем же вопросом, с которого начал: "Зачем же Мигулин выступил на фронт?"

Я думаю, что и Трифонов многого не понимает. Во всяком случае, его философское обобщение революционных событий, как столкновения космических сил веры и неверия – воспринимаются лишь как литературная догадка:

"Я объясняю: то истинное, что создавалось в те дни, во что мы так яростно верили, неминуемо дотянулось до дня сегодняшнего, преобразилось, преломилось, стало светом и воздухом, чего люди не замечают, о чем не догадываются.

Дети не понимают. Но мы-то знаем. Ведь так. Мы-то как? – Мы-то видим это отражение, это преломление ясно. Поэтому так важно теперь, через полвека, понять причину гибели Мигулина. Люди погибают не от пуль, болезни или несчастного случая, а потому что сталкиваются величайшие силы и летит искорками смерть... А сам думаю: они потом никогда не поймут, как мы все это смогли вынести... какие силы нас разрывали... Мигулин погиб оттого, что в роковую пору сшиблись в небесах и дали разряд колоссальной мощи два потока тепла и прохлады, два облака величиной с континент – веры и неверия. Умчало его, унесло ураганным ветром, с которым перемешались холод и тепло, вера и неверие. От смещения всегда бывает гроза и ливень проливается на землю. Ливнем кончится и этот нещадный зной (лето 1972г. в Москве) ".

Трифонов здесь поднимается до религиозных высот, до создания новой религии света и тьмы, тепла и холода, веры и неверия, нового маздакизма. По-видимому, революционный идеализм отождествляется у него с верой, теплом, светом, а диктатура лжекоммунистов – с неверием, холодом, мраком. Но с полной определенностью утверждать это нельзя. Да если мы и правильно поняли новую "религию" Трифонова, то что может дать для нашего понимания такая космизация революционных стихий?

Я лично убежден, что глубокий анализ истории революции и попыток осуществления ее идеалов должен привести к развенчанию и последних революционных иллюзий, т.е. святости и самого Мигулина. Я уверен, что он приведет к оправданию идеалов естественного, неревolutionного развития. Трифонов на такое "предательство идеалов отцов" пойти, наверное, не сможет, надеясь очистить их от лжекоммунистов, но для его читателей таких "табу" не существует. Писательский же талант делает свое благое дело и приводит к пониманию того, что преддверием революционной трагедии, почти детерминирующим ее ход, являются трагедии

дореволюционной жизни, всей нашей истории, приведшей нашу страну не к мирному эволюционному развитию, а к срыву ее в революционном буйстве. И предвидя в будущем необходимость перемен, ощущая перед страной ответственность, нельзя не думать о том, что только сейчас и возможно что-то решить. Потом – будет поздно. Январь 1979 г.

2.3. По поводу статьи Н.Н. Яковлева "Продавшийся" ("ЛГ" от 20.2.74 г.)

(Письмо представлено с сокращениями, касающимися значения инакомыслия в нашей стране)⁷

Николай Николаевич! До сих пор я не боялся причислять себя к "инакомыслящим". Ведь если человек думает, то думает по-своему, иначе от других. Думать одинаково, едино – невозможно, можно только одинаково лицемерить или "едино" не думать вовсе. Но после Вашей статьи я понял, что с Вашей легкой руки могу из "инакомыслящего" (т.е. просто "думающего") превратиться в "диссидента", а потом – в "отщепенца", а сверху подпечатают еще "продавшийся"! А ведь это очень страшно, Николай Николаевич, когда тебя вот так всенародно и безответно заклеивают продавшимся и отщепенцем. Пусть со мной это пока не случилось, слава Богу, но ведь, по Вашей логике, может случиться завтра!

Дело в том, что я всегда, с 1962 г., считал А.И.Солженицына замечательным писателем, сочувствовал его судьбе и судьбе его героев, его произведения стали

⁷ Полный текст можно прочесть на <http://www.sokirko.info/ideology/pv1/50.htm>

составной частью моего духовного мира. Поэтому-то я и воспринимаю Вашу критику Солженицына как критику самого себя. Тем более что она обращена не только и не столько к Солженицыну, как к диссидентам, т.е. "инакомыслящим", в том числе ко мне, а меры, примененные к Солженицыну, могут быть с тем же успехом использованы против любого "мыслящего"... Будущее кажется безысходным, и лишь повторяешь про себя вопрос: "За что?".

Правда, Ваша статья, кроме обвинений, содержит и объяснения, что обнадеживает и заставляет меня писать, и просить дальнейших разъяснений и уточнений. Для меня это жизненно важно.

Прежде всего, меня волнуют Ваши обвинения против всех "диссидентов", как явления. Если я правильно понял, то Ваши доводы состоят в следующем: в стране существуют ныне люди, которые не только имеют отличающиеся от официальных статей воззрения (или даже противоположные им), но и высказывают их открыто и вслух – даже на весь мир. К этим нестандартным и подчас оппозиционным мнениям отдельных советских граждан очень чутко прислушивается западная пресса. Далее цитирую: "Злобное шипение отщепенцев, неизмеримо усиленное техническими средствами – радио, телевидением, прямо-таки оглушает иных за рубежом. А в итоге осложняет международные отношения, ибо продолжает поступать топливо в затухающий костер "холодной войны".

Далее Вы приводите слова Дж.Ф.Кеннана, характеризующие эмигрантов из соцстран в США: "Их идея проста – США должны рады выгоды этих людей воевать с русским народом, дабы сокрушить традиционное российское государство, а они установят свои режимы... Наш опыт общения с диссидентами, бежавшими из Советского Союза, показывает: их идеи... часто сводятся к ожиданию, что мы разрешим и поощрим их поставить к стенке недавних политических противников... А затем они усядутся править с нашей помощью, установив диктатуру собственного образца".

Затем Вы пишете: "Особенно важна работа диссидентов в идейной области... суть которой сводится к тому, что с Советским Союзом, якобы, нельзя иметь дело, а потому международная разрядка – несбыточная мечта. Это влечет за собой опаснейшую гонку вооружений. И если мы ворчим порой по поводу тех или иных нехваток и трудностей, то полезно вспомнить, что это прямой результат "холодной войны"... вины тех..., кто пытается клеветнически наделить наше общество такими чертами, которые сделали бы его парией в международной семье народов".

В этих доводах сразу можно найти много слабых мест. Наверно, неправильно упрекать инакомыслящих в том, что их слова кто-то может использовать во враждебных целях. Этот кто-то (а именно западная пропаганда) может использовать и использует в своих целях все, что угодно, и вина за это ложится, конечно же, не на инакомыслящих. Также неправильно отождествлять каких-то антисоветских эмигрантов в США с советскими гражданами, отличающимися от остальных только смелостью в обнародовании своих политических убеждений. Если кто-то в Америке желает поставить к стенке своих политических противников, то почему я обязан за них отвечать? Или Солженицын? Обвинения же инакомыслящих в гонке вооружений, нехватке товаров и трудностях хозяйственного развития – звучат не только анекдотически, но и зловеще, вполне в духе "поиска вредителей" или "изгнания ведьм".

...

С инакомыслящими в нашей стране никто не спорит, никто из руководства не обсуждает их взгляды, не отделяет важных для страны истин от преувеличений. Их никто даже не опровергает серьезно, даже на суде, хотя при осуждении инакомыслящих всем очевидно: характер убеждений подсудимого для членов суда играет не последнюю роль. Что простится пьяному на мостовой, то будет поставлено в вину человеку с плакатом в руках.

Создается впечатление, что руководство страной и официальная общественная наука желают не выяснения истины, а лишь одного – исчезновения инакомыслящих! Но, может быть, Вы скажете: "Неправда, я участвую в дискуссии с инакомыслящими. Моя статья "Продавшийся" и посвящена разбору взглядов одного из них – Солженицына А.И." – и я с Вами соглашусь. Так хочется в это верить! Именно потому я и пишу Вам, что надеюсь на объяснение, что увидел в Вашей статье первый официальный серьезный отклик на "иные взгляды" (впрочем, следует упомянуть и статью А. Яковлева "Антиисторизм", посвященную разбору произведений советских инакомыслящих иного толка).

3. Конечно, Николай Николаевич, Вы понимаете, что одной статьей сложившуюся систему взглядов не опровергнешь, тем более Солженицына и его читателей. Я читал лишь некоторые произведения Солженицына: "Один день Ивана Денисовича", "Раковый корпус", "В круге первом", "Август четырнадцатого" и др. Естественно, что у меня сложился определенный образ Солженицына и его побуждений, и этот образ встал в резкое противоречие с Вашими доводами.

Думаю, что Вам будет интересно ознакомиться с этими вопросами, возникшими у читателя Солженицына при изучении Вашей статьи. Я постараюсь касаться лишь существенных моментов, закрывая глаза на бранные слова в адрес разбираемого Вами автора.

И начну, конечно, с "Августа 14-го", со своего первого впечатления от чтения этого романа, чтобы впоследствии сравнить его с Вашей критикой.

Главный герой романа – полковник Воротынцев – видит смысл своей жизни в "спасении России и ее армии". Он – кадровый военный, прогрессист, борец с мертвящей рутинной армейской службой, с губительным влиянием придворных бюрократов. Его тревога и опасения вполне оправданы – ведь были уже Цусима и Порт-Артур. Роман посвящен военной катастрофе царской армии по вине

самодержавного управления. И я согласен с Вами, что этот роман - "обвинительное заключение в адрес самодержавия", но не соглашусь с Вашим определением этого обвинения: 1) что оно – запоздалое (применительно к историческим романам это неуместный эпитет – иначе потеряет смысл любое историческое исследование); 2) что оно написано с "позиций буржуазии".

Почему – буржуазии? Роман написан с позиций полковника Воротынцева, по-видимому, беспартийного интеллигента, одного из тех, кого в гражданскую войну называли "военспецами". Думаю, что генерал Брусилов не был большевиком в 1916 году, когда осуществлял "брусиловский прорыв", не был тогда, наверное, он и кадетом, а просто служил русскому народу и правительству так же, как и после революции продолжал служить русскому народу и его новому, уже революционному правительству. Ведь никто не называет позицию Брусилова в 1914-1916 гг. буржуазной или какой-либо еще!

Я не знаю, чью сторону выбрал бы в революцию полковник Воротынцев, но это никак не определяет его буржуазность до революции, в 1914 г. Никак. И никакого значения не имеет, какого мнения в это время придерживались Гучков и Миллюков.

Непонятно также Ваше обвинение Солженицына в "оплевывании всего русского". Я воспринял этот роман как слишком русский. Эти восторги автора перед русскими солдатами, типами лиц, эта усиленность русским православием, постоянное подчеркивание стойкости и выносливости русских солдат, их героизма – все это в моем восприятии несколько не покрывается той объективностью, с которой описывается немецкая сторона. Но Вы эту вынужденную для писателя необходимость отдать противнику должное – возводите в чудовищное обвинение "преклонения перед прусским милитаризмом"! Да помилуйте! Вспомните желчные описания немецких генералов в "Августе 14-го", их ошибки и неповоротливость, которые неминуемо привели бы

их к поражению, не будь у них противником еще более неповоротливые и медлительные царские армии. А заключительные строки романа о создании немцами первых концлагерей для русских военнопленных – в устах бывшего эка эти строки прямо кричат обвинением!

Если что и показалось мне слабым в романе – так это образ поручика Леонардовича – социалиста-пораженца, написанного достаточно черными красками. Партийная принадлежность его не уточнена, да это и не столь важно, но думаю, что пораженческой идеологии придерживались, как правило, не примитивные люди, а трагизм их положения в действующей армии, когда необходимо было воевать, вопреки убеждениям, т.е. фактически выбирать между изменой фронтовой Родине и изменой своим убеждениям, следовало описать с гораздо большей серьезностью и вниманием.

Но, как ни удивительно, именно мимо этого слабого места романа Вы спокойно проходите (как, впрочем, и все критические отклики нашей печати). Мало того, Вы упрекаете Солженицына фактически в пораженчестве, в том, что он, якобы, был против вступления России в войну, против самсоновского марша в Восточную Пруссию, в то время как этот марш, может быть, спас бы Париж от немецкого натиска!

Но ведь это прямо противоречит ленинской позиции поражения своей страны в империалистической войне! Конечно, Вы не обязаны сегодня, как историк, придерживаться ленинской точки зрения. Но мне все же очень любопытно было бы услышать от Вас подтверждение этому. Однако, сейчас для меня, еще не привыкшего к подобной переориентации официальных воззрений, Ваши сравнения показали просто кощунственными. Ведь надо же было так сказать: грохот советских танков в Восточной Пруссии в 1945 г. был тысячекратно усиленным эхом шорохов шагов самсоновских воинов-мучеников! Как будто советские танки пришли в Германию 1945 г. не как мстители за разорение нашей страны и всей Европы, а как мстители за царских солдат, бездарно брошенных в 1914 г. на чужую землю, в

империалистическую войну вопреки протестам всех дальновидных русских людей, в том числе и Ленина. Как будто в 1945 г. дело было не в фашизме, а лишь в разрешении старых споров Германской и Российской империй, в сведении националистических немецко-славянских счетов. Неужели мы докатились до этого!

А дальше Вам совершенно изменяет чувство меры. Я имею в виду обвинение Солженицына в гнусных и тяжких преступлениях в действующей армии 1945 г. Я понял бы возможность обвинения служащего победоносной армии в мародерстве, насилиях и т.д., такое, к сожалению, случилось. Но обвинить боевого офицера, командира батареи, провоевавшего всю войну, бывшего немцев все 4 года – обвинить его в том, что он в конце войны вдруг встал на колени перед прусским милитаризмом и стал "подрывать боевой дух армии"? Как можно так писать, Николай Николаевич? Ведь Вы отлично знаете, за что именно был арестован Солженицын и что его полностью реабилитировали в 1956 г. после XX съезда партии. Как же можно в печати не обращать внимания на этот акт реабилитации, снова повторять старые судебные ошибки, совершенные в годы культа личности? Возвращаться к беззаконию, и так беззастенчиво? Ведь чтобы заявлять такое, надо было предварительно добиться нового пересмотра дела Солженицына 1944 г. и доказать его виновность. А до осуществления этого доказательства в открытом судебном заседании – извиниться перед напрасно оскорбленным Солженицыным и перед теми официальными лицами, которые подписали и утвердили его реабилитацию.

4. В отличие от Вас, я не читал "Архипелаг Гулаг", поэтому с большим вниманием буду разбирать предоставляемые Вами сведения, как единственный источник об этом произведении.

Прежде всего, удивляет Ваш вывод о том, что главной целью Солженицына в этом произведении является доказательство неисторичности и случайности свершения

Октябрьской Революции и возникновения социалистического строя в стране.

В предшествующих произведениях Солженицына я таких утверждений не встречал, но, допустим, Вы правы, и он пришел к такому выводу в последнее время. Но выводите отсюда, что так думают все инакомыслящие без исключения, "что в этом направлении устремлены все их усилия" – совершенно неверно. Разве Вы спрашивали всех инакомыслящих, Николай Николаевич? И разве пристала ученому такая безапелляционность?

Среди инакомыслящих очень много людей марксистских взглядов, но не в этом дело. Даже верующие люди в своем большинстве не могут отрицать очевидное: такие гигантские сдвиги в историческом развитии России, как революция 1917г. и гражданская война – не могли быть случайностью, не могли не иметь глубоких истоков и причин.

Другое дело, что для России была возможность идти по капиталистическому пути (с более отдаленным последующим переходом к коммунизму совместно со всей Европой и миром) развития. В этом смысле абсолютной неизбежности свершения социалистической революции в начале XX века в России не было. Кажется, этого никто и не отрицал до Вас.

"Сможет ли Россия избежать капитализма?" – ставили вопрос революционеры-демократы XIX века. Альтернатива капитализма им казалась очевидной. О возможности (только о возможности) социалистического пути в России писал Маркс. Так же ставил вопрос Ленин. А сейчас о таком выборе перед всеми развивающимися странами говорят компартии на своих совещаниях.

Впрочем, что я доказываю. Вы же противоречите сами себе. Сначала отмечаете мнение ведущего "советолога" проф.У.Лакера: "Большинство историков теперь согласно, что ... шансы на мирную эволюцию царизма, каким он был в 1914 г., были весьма сомнительны..." А 10 строками ниже это сомнение Лакера Вы формулируете уже следующим образом:

"Никто, даже ярые антикоммунисты, ныне не отрицают неизбежности революции в 1917 г. в России!"

Но ведь таким образом можно доказывать все, что угодно. Теперь становится понятно, как мог Солженицын в Вашем переложении вдруг "отрицать объективные предпосылки революции".

А через два абзаца своей статьи Вы тем же способом пробуете опровергнуть следующее утверждение Солженицына: "По манифесту октября 1905 г. разрешались все политические партии, созывалась дума и амнистия давалась честная и предельно широкая". Казалось бы, Вам надо было последовательно показать, что не все политические партии разрешались, что дума не была созвана или была плохой, что не было амнистии или она была нечестной и т.д. Но вместо этого единственного доказательного опровержения Вы просто ссылаетесь на мнение одного члена ЦК кадетов: "Старый строй не рухнул, царь, двор, министерства, провинциальная администрация – все осталось на месте..." Так в чем же эта цитата опровергает или хотя бы противоречит утверждению Солженицына, или каким образом она доказывает правильность известного всем тезиса, что "октябрьский манифест был издевательством над свободой"?

Поймите, Николай Николаевич, такими методами Вы ничего не доказываете, а напротив, лишь поселяете уверенность в правоте критикуемого автора, логика у Вашего читателя простая: раз Вы очень стараетесь опровергнуть, но приводите лишь неудачные доводы, то для беспристрастного читателя это является признаком того, что ничего лучшего в опровержение Вы найти не смогли. А уж если это не удалось даже такому умному и образованному человеку, как профессор Н.Яковлев, то, по-видимому, убедительных доводов против вообще не существует, и что Солженицын в этих пунктах, несомненно, прав!!

5. Пойдем дальше, и разберем Вашу полемику о характере интеллигенции в 1917-1918 гг. Солженицын утверждает, что ее называли околкадетской и по этому

признаку "гребли в тюрьму". Вы не возражаете, по сути, против самого тезиса, что "околокадетскую интеллигенцию гребли в тюрьму". Возражаете только против оценки Солженицына размеров этой прослойки, как 80% всей интеллигенции. Солженицын обосновывает свою оценку просто: "Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80% ее и была "околокадетской", т.е. он говорит, что вся беспартийная интеллигенция придерживалась в целом кадетских позиций. Можно ли это доказать или доказать обратное? – Наверное, да. И вы, как историк, пытаетесь опереться на исторические материалы. Однако используете их таким образом, что невольно возникает сомнение в Вашей научной компетенции. Неужели небольшой численный состав кадетской фракции в IV думе, черносотенной по преимуществу, может что-либо сказать о поддержке кадетов интеллигенцией? Разве эту Думу избирала только интеллигенция?

В Учредительном собрании 1918 г. кадеты имели лишь 4,7% депутатов. Это достоверно, поскольку выборы в Учредительное собрание, проходившие после Октябрьской революции, были весьма свободными, демократичными и представительными. Но надо учитывать и обстановку: за свергнутых к тому времени кадетов не могли голосовать рабочие, крестьяне, промежуточные м/буржуазные слои городских обывателей, обычно склоняющиеся на сторону победившей власти. Кадетов в то время могли поддерживать только убежденные люди. А 4,7% голосов от всего голосующего населения России – немалая величина. Я думаю, она как раз соизмерима с удельным весом интеллигенции в населении. Конечно, часть из них имела дворянское звание. Но Вам же известно, что дворянское звание в царской России получали лица, имеющие высшее образование – сплошь и рядом.

Чтобы решить этот вопрос, Вам следовало бы просто задаться вопросом: а каких взглядов могла придерживаться

беспартийная интеллигенция в то время? – Очевидно, не большевистских и не революционных, ибо они всегда были верными служащими. Но, конечно, они не были черносотенцами и реакционерами. Самое естественное их положение – прогрессисты буржуазно-демократического толка, по нашей терминологии (т.е. "околокадетской"). Т.е. мнение Солженицына представляется весьма вероятным, а Вашу экстравагантную точку зрения, что беспартийная дореволюционная интеллигенция в своей массе была левее кадетов, надо доказывать более тщательно (например, привести распределение депутатов Учредительного собрания, выбранных интеллигенцией – по партийной принадлежности и т.д.).

Обсудим теперь отрицательное отношение Солженицына, а также некоторых других инакомыслящих – к репрессиям революционных масс, к факту, выраженному в словах: "Эти хари, эти мурлы, травившие инженеров..." или вышеприведенное: "гребли в тюрьму интеллигенцию".

Вопрос очень сложен. И здесь неуместны одностороннее суждение или воспевание. Известно, что в целом революция – массовое, стихийное явление, в котором действовали не только сознательные рабочие, но и пугачевствующие крестьяне, и анархистствующие матросы, и просто озверевшие банды и погромщики. Поэма Блока "12" прекрасно передает эту атмосферу (кстати, Вы помните, что она была написана под непосредственным впечатлением от расправы матросов с двумя интеллигентами – членами ЦК партии кадетов, что было осуждено молодым советским правительством). Новорожденная Советская власть лишь с большим трудом и постепенно обуздывала этот поток, эту стихию, немилосердно борясь с революционной анархией и партизанщиной. Правда, обстановка была еще сложнее, в необоснованных репрессиях были виновны зачастую не только неорганизованные массы, но и ошибки самих новых органов власти. И это неудивительно: ведь власть сама только-только возникла из разбушевавшегося народа, легко ли ей

самой было войти сразу в рамки строгой законности. Все очень естественно и исторически понятно, даже неизбежно, хотя отнюдь не умаляет боли и горя за жертвы, которые можно было избежать. Вспомните хотя бы, что в органах ЧК было немало левых эсеров (ее первый председатель Урицкий был эсером), вспомните личность знаменитого Блюмкина, убийцы германского посла и сотрудника ЧК – даже после убийства графа Мирбаха, вспомните его художества, и Вы оцените, насколько трудно было Дзержинскому не только в борьбе с контрреволюцией, но еще более – с воспитанием уважения к закону у своих сотрудников.

Конечно, Вы правы, Николай Николаевич, когда утверждаете, что все революции, вернее, их большинство, пользовались насилием и даже массовыми репрессиями. Соответственно, Солженицын не прав, если он и вправду не признает исторической неизбежности всех свершившихся революций. Войны и революции происходят, нравится ли это нам, или нет. Мы можем горевать о жертвах этих бурных событий революций, но не можем обвинить кого-либо в них, ибо обвинять придется сам народ, свершивший революцию. Но скорбеть можно и должно.

Разве Вы, Николай Николаевич, вместе с миллионами советских зрителей "Оптимистической трагедии", не переживаете, когда, пользуясь понятием "революционного правосудия", анархисты-матросы расстреливают двух возвращающихся из плена офицеров, видимо, беспартийных интеллигентов (и возможно, "околокадетских")? Разве Вас не охватывает чувство возмущения "мурлами и харями Вожака и Сиплого, этих р-р-революционеров? Но ведь они типичные образцы той эпохи. Так почему же Вы запрещаете возмущаться Солженицыну? Почему Вы забываете отношение к этим событиям революционной власти, которая, конечно, в борьбе со своими врагами сама объявляла массовый, т.е. несправедливый по отношению к отдельным лицам, террор, а с другой стороны – боролась со стихийным террором масс? Я думаю, что этот сложный вопрос нельзя решать так

односложно, как в Вашей статье. Тем более, что нельзя запрещать Солженицыну оплакивать невинные жертвы войн, революций, даже Октябрьской. Гибель всегда есть гибель.

Вы скажете, что тем самым Солженицын пытается обосновать нежелательность революции, революционного насилия и тем самым обвините его в контрреволюционности. Но я с этим не соглашусь. Можно быть против насильственных методов в революции – но за осуществление результатов мирным путем. Во всяком случае, такова позиция большинства современных компартий по вопросу о революции в капиталистических странах.

6. Мысль Солженицына: "Благословенны не победы в войнах, а поражения в них" – кажется мне очень верной, в определенных условиях, конечно. В войне с фашизмом благословенна, конечно, была победа, но в Крымской войне прошлого века, войнах с Польшей, колонизации Кавказа, русско-японской войне 1904 г. – благословенны были поражения. Кажется, такую позицию занимали большевики в прошлом, да и в настоящем, по-видимому. А разве не связана революция 1917 г. с общим военным поражением России в первой мировой войне? Возможно ли было свержение победившего в войне царизма?

Почему же Вы эту справедливую, в общем, и даже общепризнанную мысль – выдаете за "монументальное признание лютой ненависти Солженицына ко всему, что свято для русского"? Неужели "русский" – по-вашему, обязан быть шовинистом, быть только за "победу русского оружия" в любых случаях? (Даже в Венгрии 1849 г., даже в Польше).

Неужели ленинская позиция пораженчества в Вас не вызывает сочувствия? А если да, то почему бы не отнестись серьезно и с уважением к пораженчеству Солженицына, пусть даже он не прав в оценке конкретных Полтавской и Бородинской битв (вопросы достаточно сложны)?

Сегодня в моей голове все перепуталось! Вы, считающий себя несомненным ленинцем, выступаете против ленинской линии на поражение армии русского царизма в

войне 1914-1917 гг., характеризуете антипораженческий, славянофильский роман "Август 14-го" как "манифест воинствующего врага русского народа", ругаете его за преклонение перед пруссаками, за пораженчество. А Солженицын, считающий себя православным и певцом исконного благочестия русского и доблести и воспевающий их в "Августе 14-го", вдруг говорит о "благословенности поражения". Но, что касается войны 1914 г., то здесь и Н.Н.Яковлев, и А.И.Солженицын равно выступают против ленинской позиции пораженчества, оба явно славянофильствуют и, тем не менее, Вы умудряетесь ругать своего фактического "единомышленника" в этом вопросе. Положение крайне странное.

7. Но я, кажется, начал понимать, из-за чего так получилось. Вам очень хотелось доказать, что Солженицын стоял за поражение нашей страны в войне с немецкими фашистами, и доказательство этого желаемого обвинения вы начали издавать, поставив в вину пораженчество в войнах царского самодержавия. Но, как говорится, Вы увлеклись и тем испортили все дело. А заодно поставили на одну доску, приравнивали царское правительство с его войнами и наше правительство с нашими войнами. По-видимому, это получилось помимо Вашего желания, но объективно получилось именно так. Забыли о революционном пораженчестве и т.д. Вот к каким грубейшим просчетам приводит пристрастность и неаккуратность в полемике.

Образу же фронтового офицера Солженицына, необоснованно репрессированного, эти нападки не повредили, заделали только Ваш авторитет ученого-историка.

7. Другое дело – имя Власова. В этом пункте у меня действительно поселились определенные сомнения, вернее, недоумения в позиции Солженицына. Что Власов – предатель, я знаю с детства. Объяснить себе, как может Солженицын, провоевавший с немцами почти до победы, не бывший в плену, вдруг стать власовцем – я не могу. Впрочем, Вы тоже признаете эти затруднения, когда пишете: "Трудно представить

себе, но Солженицын действительно сожалеет о том, что мы одержали победу в смертельной схватке с фашизмом". Тем более надо помочь читателю (не читавшему "Архипелаг ГУЛАГ") понять это фантастическое перевоплощение, привести необходимые доказательства. К сожалению, Вы начинаете доказывать антирусскость Солженицына, что подрывает к Вам доверие, а затем приводите ничего не значащие цитаты. Поэтому и самый главный пункт обвинения против Солженицына (его особое отношение к Власову) у Вас смазывается. Каким образом и за что фронтовик может оправдать предателя? – Ответа на это недоумение я не нахожу в Вашей статье.

Не скрою, этот вопрос настолько мучительный, что в попытках его разрешения я принимаю теперь самые различные предположения... Все теперь перемешалось. Раньше была абсолютная ясность на черном имени Власова. Теперь же, когда наша пресса соединила с ним имя Солженицына, поползли самые странные слухи. Я перечислю только некоторые: что власовские части освобождали Прагу еще до наших войск, т.е. воевали не с нами, а с немцами (?), а до этого, мол, у них был особый договор с немцами, по которому, якобы, Власов набирал в свои части добровольцев-военнопленных и только обучал их, но в военных действиях на русском фронте не участвовал, и даже – что основная линия Власова – против Сталина и его злоупотреблений властью (т.е. против культа личности), которого он считал хуже немцев, что он был сторонником поражения Сталина и в связи с этим суд над ним после войны был секретным и т.п. Я обрисовал Вам, Николай Николаевич, эти домыслы совсем не потому, что я в них верю и желал бы убедить вас в клеветнических измышлениях. Совсем наоборот. Надо опровергнуть эти странные слухи и измышления. Но сделать это надо доказательно и прочно. Рассекретить процесс Власова (какая нужда теперь в его секретности?), опубликовать полностью материалы и не бояться обсуждения отношения Власова к Сталину. Ибо именно здесь я чувствую основную сложность,

корень вопроса. Власов, будучи честолюбивым мерзавцем, вполне мог играть на естественных чувствах советских людей, возмущенных преступлениями Сталина (хотя бы тех, о которых поведал нам XX и XXII съезды партии) и запутывал их на антисталинском пораженчестве, чему способствовала и тяжесть положения советских военнопленных, вызванная не только зверствами немецкой охраны, но и антигуманным отношением Сталина ко всем нашим военнопленным и окруженцам.

Истоки предательства должны быть объяснены полностью. А для меня Власов остается предателем, но в неизмеримо более сложной ситуации, в которой можно запутаться, как возможно, запутался Солженицын...

Но, с другой стороны, Николай Николаевич, ведь из Вашей статьи так и не видно, как именно относится Солженицын к Власову. Только Ваши собственные утверждения, что - "хорошо". Но после стольких переделок и натяжек, которые Вы допустили раньше, мне просто не верится очередному уверению в этом чудовищном вопросе. Необходимо весьма детально изложить необходимые доказательства. Возможно, опубликовать все эти "десятки страниц, посвященных Власову", пусть даже в качестве обвинительного заключения Солженицына, если он действительно запутался и виноват.

8. По прежним произведениям Солженицына известно, что его основная тема, тема его жизни – лагерная, разоблачение преступлений культа личности. Это понятно, и, на мой взгляд, необходимо. По-видимому, таково основное содержание и нового произведения "Архипелаг ГУЛАГ". Да и название об этом говорит.

А как не удивиться, что по этим основным вопросам, поднятым Солженицыным, по его главному стержню, Вы ничего не говорите, ограничиваетесь буквально отпиской, парой фраз. Вы заявляете: "Это совершенно другой вопрос, по которому существует полная ясность".

Но откуда она, эта ясность?

Ведь Вы историк, Николай Николаевич, ведь историк же! Неужели кто-либо из историков может предположить всерьез, что такой громадный период русской революции, как 20-50 годы в их внутривосточном (а не хозяйственном) аспекте может быть "совершенно ясный?" Неужели кто-либо может серьезно предполагать, что преступления Сталина не будут разобраны по мельчайшим деталям – ну, пусть не сегодняшними, а завтрашними историками? Статья в "Правде", на которую Вы ссылаетесь, утверждала, что у нас были опубликованы ряд произведений, содержащих критику недостатков и ошибок прошлого... Но что это за произведения? Откуда – целый ряд? Перечислите, пожалуйста. Я не знаю ни одного опубликованного и толкового исторического труда по этой, может быть, самой важной теме нашей прошлой, и, следовательно, будущей жизни. Ведь Вы правы, заявляя, что это - "наше дело, наше горе и наша беда". Неужели лучше эту тему отдавать на откуп одним зарубежным советологам, а самим молчать?

Как будто мы сами изо всех сил стараемся не быть историками, не изучать свой собственный опыт, как будто мы изо всех сил стараемся, чтобы страна как можно скорее забыла о злоупотреблениях Сталина и как можно скорее впала в них снова. Вы этого желаете, Николай Николаевич? Желаете повторения "нашего горя и нашей беды"?

Ну что я спрашиваю? – Ваша статья свидетельствует об этом неопровержимо. Вы снова обвиняете Солженицына в фантастических преступлениях 1945 г. и столь не обоснованно, как и тогда, повторяете старые злоупотребления, почти ничего не изменив. Так куда мы катимся? Поймите, Николай Николаевич, я совсем не думаю, что Солженицын изложил в своей книге одну неопровержимую правду. Он ведь тоже живой человек, и страдавший, и не беспристрастный. Наверное, это так. Но я признаю его право на пристрастность, даже на озлобленную необъективность и ненависть к системе лагерей. Необъективность ему можно и следует прощать (хотя и не

забывать поправлять в порядке обычной литературной и научной критики).

Вот вы говорите, что у Солженицына не было уважения к партийцам, сохранившим веру в партию (добавим еще – и в Сталина, ибо тогда эти слова стояли рядом). Ну что ж, у меня тоже нет уважения к Ягоде, Ежову, Берии, когда они попали в тюрьму и клялись именем партии. В отличие от Солженицына, я не смог бы отказать в уважении действительно беззаветно верующим в живого Бога Сталина, даже в его тюрьмах. Но уважения к их способности трезво смотреть на мир – такого уважения быть не может.

Читаем дальше: "эпизод с заключенным-диверсантом", погубившим нашу парашютную дивизию и которым Солженицын, якобы, восхищен.

Чтобы фронтовик мог с восторгом говорить о враге-диверсанте – совершенно немыслимо! Поверить в это я смогу, только прочитав самолично весь эпизод в книге. А приводимую Вами единственную фразу: "Во всей этой арестантской летописи больше не встретится такого героя" – понимается только в том смысле, что за всю историю своей лагерной жизни Солженицын только один раз встретил настоящего диверсанта, которого и описал, употребив слово "герой" в ироническом смысле. Остальные арестанты, по мнению автора, совсем другие, наверное, невиновны. Так, пытаясь снова опорочить Солженицына, Вы достигаете иного результата.

Но вот Вы касаетесь вопроса, который, несомненно, лучше знаете, чем Солженицын: о причинах относительного миролюбия западных держав по отношению к Советскому Союзу. И это сразу чувствуется. Доказательный материал, который Вы приводите, убедительно показывает, что у Запада действительно были "руки коротки", что именно Вы правы, а Солженицын и его товарищи-сокамерники – не правы. Мало того, Вы убедительно (по крайней мере, для меня) показываете ограниченность Солженицына, его ослепленность бедами заключенных. Лично у меня это вызывает сожаление,

но я настаиваю: Солженицын был несправедливо осужден, и поэтому его необъективность можно понимать и извинять. Вот если бы Вы так же доказательно разобрали все остальное содержание книги Солженицына! Но этот эпизод в статье – единственный.

9. Последний раздел Вашей статьи – о "технократических убеждениях" Солженицына. Меня он удивил. Насколько было известно из "Ракового корпуса", идеалом Солженицына является нравственный социализм (возможно, христианского толка), имеющий отличия как от централизованного социализма, отождествляемого с возможностью злоупотреблений властью, так и от капиталистического (буржуазно-демократического) строя. По Вашей же статье я вижу, что, забывая критику Солженицыным капитализма и буржуазной демократии, Вы обвиняете его в тоталитаризме и технократизме! Но ведь так можно обвинить в подобных вещах любого социалиста. Я даже поразился той ловкости, с которой Вы подвели Солженицына к выводу о бесполезности 100 адвокатов – американских сенаторов-болтунов. Ничего не скажешь, ловко поддели! Но чтобы быть уверенным в добротности этого выпада, надо было доказать, что речи героев "Августа 14-го", на которые Вы ссылаетесь, - действительно отражают авторскую точку зрения. Но это не сделано. И заряд пропадает впустую. Хотя, возможно, Вы и правы, если судить по приведенной Вами цитате Солженицына: "Разве профессиональные политики – не чирьи на шее общества?" (удивительное по близорукости заявление!).

Вы правы, ссылаясь на опровержение технократических надежд "отцом кибернетики" Н.Винером. Но, к сожалению, и здесь не можете удержаться от примитивной передержки: Винер полон сочувствия к простым людям - "мышам": "Без сомнения, было бы очень приятно для нас, мышей, если бы хищные кошки всего мира (политики) носили такие колокола (знак предупреждения для мышей), но кто возьмется это сделать?... "

А дальше Вы продолжаете сами: "Винер прекрасно понимал, что водятся и злонамеренные мыши" (т.е. те, которые хотят повесить колокол на шею кошке-власти?)... об одной такой претенциозной мыши (Солженицыне, по-видимому), мы и ведем речь..." Желая оскорбить Солженицына, Вы в очередной раз попали впросак: зачислили Солженицына вместе с Винером в один разряд неполитиков-мышей, да еще и "злонамеренных", т.е. пытающихся обезопаситься от котов-политиков.

10. Конец Вашей статьи повторяет ее начало: обвинение инакомыслящих в подрывной работе против Родины, в "прямых обращениях к руководящим кругам Запада с почтительной просьбой усилить давление на Советскую страну по всем линиям". Но об этом я уже говорил: Ваше негодование было бы оправдано, если б под ним были обоснования, если б действительно были такие обращения! Но доказательств нет, а из одних Ваших обвинений ничего не поймешь.

Я кончаю, Николай Николаевич, свое затянувшееся письмо. Я не смог быть кратким, потому что хотел быть откровенным и полностью высветить все свои вопросы и недоумения. Я искренне старался понять Вас и стремился, чтобы и Вы поняли меня и мне подобных, и тех, кого Вы переименовали из инакомыслящих в отщепенцев.

Очень прошу продолжить поднятый Вами разговор. Надеюсь, что, наряду с другими откликами, это письмо даст Вам дополнительный материал для продолжения этой важной темы, важной для страны и для ее будущего.

Мало того. По уважению, оказанному Вашей статье в "Литературной газете", я догадываюсь, что к Вам может прислушаться и наше руководство. Сам я не могу обращаться к органам власти прямо, ибо имею печальный опыт неоднократных административно-общественных наказаний за такие обращения, поэтому пользуюсь этим частным письмом к Вам, лицу, которому оказывают доверие. Если будет у Вас

возможность, то доведите, пожалуйста, до нашего руководства личное мнение одного советского гражданина о следующем:

В целях лучшего разбора поднятых Солженицыным вопросов (опровержение неправильных суждений, принятия правильных) и учитывая жгучий интерес многих граждан к личности Солженицына, следует опубликовать его произведения, конечно, с соответствующими комментариями.

В связи с громадным значением изучения истории злоупотреблений культа личности, следует больше публиковать материалы и исторические труды, освещающие этот период. Только изучение этого опыта может обезопасить нас от повторения его в будущем. Поскольку возникли какие-то сомнения относительно предателя Власова, следует опубликовать и его процесс.

Следует признать существование инакомыслящих в стране, как естественную и добропорядочную часть общества, лояльную к власти и единую со всем народом по отношению к его основным интересам. Мы все можем придерживаться различных точек зрения не только по отношению к научным концепциям в математике, физике, биологии т.д., даже к религии и философии, как это признается сейчас, но и по отношению к нашей истории, к современной внешней и внутренней политике. Следует дать возможность инакомыслящим высказывать свою точку зрения в дискуссионном порядке, даже в печати. Следует изучать их предложения. Обеспечение таких прав инакомыслящих поднимет правовой престиж нашей страны в мире. Признание существования инакомыслящих ни в коей мере не подорвет действительного единства народа, а, напротив, укрепит его, породит взаимопонимание.

Наконец, последнее. Я не берусь оспаривать решение Президиума Верховного Совета СССР об изгнании из страны А.И.Солженицына. Но мне кажется, это решение противоречит принципам современного права: "Каждый человек может быть осужден и подвергнут преследованиям только после осуждения в ходе открытого судебного процесса

с участием прокурора и адвоката". Мне кажется, что изгнание из страны Солженицына (а тем самым и его семьи), "гражданская смерть" по характеристике нашей печати – очень тяжелое наказание, чтобы можно было проводить его в административном порядке и без открытого и правильно организованного суда. Этот акт внесудебной высылки не укрепит авторитет права в нашей стране и престиж последней в мире. В связи с этим я думаю, что следовало отменить этот указ. А если Солженицын действительно нарушил законы страны, его следует вернуть и судить в открытом судебном процессе, а уж после наказывать тем или иным способом или оправдать. В противном случае это решение открывает путь внесудебным гражданским смертям других людей, а за ними – кто гарантирует иное – и произвольным иным смертям.

Я надеюсь, Николай Николаевич, что с этой просьбой не показался Вам слишком дерзким. Надеюсь, что ничем не оскорбил Вас в этом письме. Если же что-то я просмотрел, то прошу извинить мою неловкость, тем более что оскорблений в Вашей статье неизмеримо больше, чем это допустимо между обычными людьми.

Наконец, последнее. Мне очень боязно, Николай Николаевич, отправлять это письмо Вам, частному лицу. Мало ли каким образом оно может попасть от Вас в соответствующие административные инстанции, и меня снова начнут "перевоспитывать" по службе или по-иному. А ведь это очень мешает моей работе и жизни моей семьи. Поэтому, Николай Николаевич, я рассчитываю на Вашу порядочность и прошу Вас не предавать гласности это письмо. Со своей стороны, я также буду считать его частным (если Вы не раскроете его, и меня не будут трепать на работе)... 1974г.

2.4. Яма радикализма (реферат-рецензия книги Гонионского С.А. "Гаитянская трагедия")

Законспектировать эту официально изданную книгу (в 1974г. издательством «Наука») меня побудила сама трагическая судьба Гаити - страны, которой, казалось, сам Рок судил стать полигоном для осуществления всех возможных безумств правого и левого экстремизма в их нескончаемой чередой (цитаты из книги закурсивлены мною—Л.Т., 2016). В отличие от антиутопии Орвелла, история Гаити вполне реальна и потому гораздо сильнее должна действовать на людей в качестве предупреждения: не попадитесь в экстремистскую яму.

Хуан Бош: "В Гаити диктатуру можно изучать в наиболее чистом виде. Все составляющие ее элементы проявляются здесь сильнее, чем где бы то ни было".

К сожалению, при изложении основного содержания книги нельзя обойтись без конкретных фактов гаитянской истории, но, я уверен, что важность темы оправдывает большой объем конспекта.

Гаити - это негритянская республика, занимающая западную часть острова Гаити в Карибском море, недалеко от Кубы. 5 миллионов населения, из них 95% - негры, 5% - мулаты. До 16-го века здесь жили индейцы, потом испанцы их истребили, а взамен ввезли негров-рабов. В 18-м веке зап. часть острова принадлежала Франции и имела развитое, крупное и эффективное плантационное хозяйство на рабском труде негров. К моменту Великой французской революции здесь было только 0,5 млн человек, из которых 87% - черные рабы, 8% - белые господа и лишь 5% - свободные мулаты.

Именно бесчеловечность рабского труда вызвала при первой же благоприятной возможности (революция во Франции) - революцию рабов, по своей беспощадности и радикализму затмившей свою французскую сестру. Идеологией восставших рабов - от тех пламенных лет до наших дней - стала языческая

негритянская религия - "культ воду". Первый вождь восставших Александр Вукман призывал: *"Добрый бог, сотворивший солнце, что светит нам с высоты небесной, вздымающий морские волны, заставляющий бушевать бури, - этот бог скрывается в тучах. Оттуда он смотрит на нас и видит все, что делают белые. Бог белых толкает людей на преступления, наш бог побуждает на добрые дела. Но наш бог, такой добрый, призывает нас к мицению. Он будет направлять и поможет нам. Уничтожайте изображения бога белых, который жаждет наших слез! Пусть в нашей душе звучит голос, призывающий к освобождению!"*

Его сменил в 1791 г. бывший раб и воспитанник французского управляющего - Туссен Лувертюр, провозгласивший: *"Победить или умереть!", "Смерть или свобода!"*

Революционная Франция далеко не сразу признала права восставших рабов. Но, играя на противоречиях французских и испанских властей Гаити (в нынешней Сан-Доминиканской республике), Т.Лувертюр победоносно продолжал революционную войну и укреплял негритянские силы. Наконец, в 1794 году Конвент в Париже отменил рабство, а Туссен Лувертюр, порвав союз с испанцами, взял власть в стране. Даже последующее падение якобинцев не помешало укреплению гаитянской революции. В 1801 году весь остров был очищен от испанцев и от рабства, Лувертюр стал пожизненным правителем с конституционным правом выбора себе преемника. Очень интересна экономическая система, установленная победившей революцией.

«Свобода негров может быть закреплена только процветанием сельского хозяйства», - заявил Туссен. Развитие сельского хозяйства обеспечивалось, среди прочего, тем, что по конституции запрещалось менять место жительства: жители острова были прикреплены к земле. Запрещалась также распродажа государственных земель участками, не достигавшими 50 акров; на новых владельцев возлагалась обязанность обеспечивать рентабельное землепользование. Таким образом, вводилась система

плантационного хозяйства. Руководителями плантационных хозяйств назначались, как правило, офицеры, на многих плантациях оставались их старые хозяева. Туссен лично вникал в хозяйственные дела, повсюду ввел образцовый порядок, что в немалой степени содействовало расцвету экономики, а рассвет экономики, в свою очередь, стимулировал внешнюю торговлю. Развернулось городское строительство. Когда руководившие плантациями офицеры уподоблялись ненавистным плантаторам старого типа, Туссен призывал их к порядку или смеялся...

Так, восставшие негры сами восстанавливали плантационное, рабское хозяйство, только на место относительно культурных французских управляющих у них стали свои черные "офицеры". Рабы не знали ничего, кроме рабства, и, победив, могли построить только новое рабство... Какое сходство с нашим послереволюционным устройством: ведь мы тоже не могли придумать ничего лучшего, кроме возврата к крепостничеству (новому, сталинскому)!

В 1804 году Наполеон решил подавить гаитянское "своеволие", послав на остров 34-тысячный экспедиционный корпус. Туссен объявил народную партизанскую войну. *Вот приказ Туссена: "Возьмите под контроль все дороги, трупы убитых солдат противника и лошадей бросайте в водоемы и колодцы. Сжигайте, уничтожайте все на своем пути, чтобы те, кто пришел сюда вновь обратить нас в рабство, повсюду видели перед собой ад, который они вполне заслужили".*

Не напоминают ли Вам эти слова вождя Туссена при нападении на него вождя Наполеона ситуацию последней войны: призыв нашего вождя, когда на него напал немецкий? - Но как раз тут и начинаются различия. Ибо если Сталин дальновидно побеспокоился о своих потенциальных конкурентах, вырезав их всех перед войной, то Туссен этого не сделал, и в какой-то момент его предали собственные же генералы и он погиб во французской тюрьме, однако и французы после первых побед не смогли удержаться на враждебном им острове. Новый негритянский вождь Дессалин

уничтожал французов безжалостно - в ответ на казнь 500 негров Дессалин повесил 500 белых - таков один из эпизодов этой войны.

В 1803 году негры одержали полную победу, изгнав французов и провозгласив независимость. Так рабы, недавние дикари, со своей дикарской религией, но обученные западной технике и военному искусству, победили учителей. Автор книги пишет: *«Так совершилась первая и самая радикальная революция в Латинской Америке. Ее движущей силой были негры-рабы, революция уничтожила рабство и стала колыбелью гаитянской нации. Революция на Гаити потрясла весь колониальный мир, под ее влиянием восстали рабы в английских, испанских, французских, голландских и португальских колониях, в Америке»*. Такая маленькая страна - и такое всемирное значение! Что же тогда говорить о значении 1917 года в России?

Однако как развивались в Гаити события дальше? А обыкновенно: революционный вождь Дессалин ввел в стране военную диктатуру, а затем... провозгласил себя императором (в этом он был последовательнее Сталина и Мао Цзэ-дуна). *Оставшиеся на острове белые, недовольные победой рабов, всячески интриговали против правительства, устраивали заговоры, подстрекали к расовым беспорядкам. Дессалин решил покончить с оппозицией белых. 22 февраля он устроил варфоломеевскую ночь - было убито более 3 тысяч французов. Смерти избежали единицы, преимущественно не французы.*

Дессалин создал сильную армию. По оценке выдающегося географа и путешественника А.Гумбольдта, армия Дессалина насчитывала 37300 человек. По мысли Дессалина, каждый гаитянин должен быть либо солдатом, либо фермером.

В 1805 г. была принята новая конституция Гаити, подтвердившая отмену рабства и носившая ярко выраженный централистский характер. "Все гаитяне, независимо от цвета кожи, - негры", - провозглашала конституция. В ней предусматривался переход в собственность государства земельных угодий,

принадлежавших до революции французским плантаторам. Конституция запретила белым иностранцам владеть на территории Гаити какой-либо движимой собственностью. Провозглашалась свобода культов. Признавались гражданский брак, право на развод...

У нас в 20-30-х годах также интриговали недобитые остатки, и их также "ликвидировали" во имя революции и ее императора. Очень интересен также пункт гаитянской конституции против иностранной собственности, так соответствующий нашей "монополии внешней торговли". Этот пункт был отменен лишь в нашем столетии, и, таким образом, не только не спас страну от иностранной зависимости, но, напротив, обрек страну на отсталость (вкупе, конечно, с остальными причинами). Во всяком случае, ссылка автора книги на засилье американских монополий, как на главную причину отсталости Гаити, выглядит явной недобросовестностью.

Однако Дессалину все же было далеко до Сталина и иных диктаторов XX века по части обеспечения собственной безопасности. Он, во всяком случае, еще не побеспокоился вырезать своих основных соратников, и потому был убит ими. Борьба за власть между его преемниками продолжалась вплоть до раздела страны в 1807 году на "Королевство Гаити" во главе с повстанческим черным генералом Кристофом и "Республику Гаити" во главе с мулатом Петионом (обратим внимание и на эту деталь: радикальная черная часть Гаити объявила себя королевством, а более умеренная и богатая, мулатская часть - республикой. Для нас, конечно, более интересно революционное, черное королевство, чем буржуазная мулатская республика. Как же жили победившие черные рабы?

Кристоф провел некоторые прогрессивные реформы, построил первые школы, пригласил ученых из Европы, возвел мощные военные укрепления, создал хорошо организованную и дисциплинированную армию, учредил военные школы. Но он ничего не изменил в экономике. Права земельной

аристократии (новой, конечно) были расширены, а бывшие рабы превращены в крепостных крестьян. Вместо жалования рабочие получали 1/4 часть урожая (кроме того, каждой семье разрешалось иметь собственный огород). Земельный кодекс жестоко регламентировал режим работы и жизни на плантациях: в 3 часа утра звонил колокол, будивший женщин, готовивших завтрак, в 4 часа 30 минут колокол созывал на молитву, потом начинался рабочий день; в 9 часов утра объявлялся небольшой перерыв на завтрак, и снова работа до полудня. Два часа - до двух часов дня - отводились для сиесты (отдыха), и затем работа до захода солнца; наконец, молитва и сон. Нарушение режима каралось тюрьмой и принудительным трудом. Были введены телесные наказания, смертная казнь. Военным не разрешалось жениться на женщинах, занятых в сельском хозяйстве, чтобы не лишать плантации рабочих рук. Вообще, в те годы, как, впрочем, и позднее, браки в Гаити официально оформлялись редко...

За порядком на плантациях следила королевская кавалерия, состоявшая из негров, завезенных из Дагомеи и прошедших специальную подготовку. Многие из этих дагомейцев были поставлены во главе хозяйств. За хищения наказывали весьма жестоко, поэтому склады обычно не запирались. Любой предмет, найденный на улице, должен был быть немедленно возвращен хозяину или в полицию. Изнурительный труд и жесточайшая дисциплина - таков был идеал Кристофа для народа. Для себя он построил на вершине горы Лаферрьер великолепный дворец Сан суси ("без забот") высотой в 51 м. Строительство длилось несколько лет и обошлось в 15 млн. долларов, сумму по тем временам огромную.

Мрачным был конец правления Кристофа. 15 августа 1820г. Кристофа сразил апоплексический удар... Последние дни он провел во дворце, всеми покинутый. Ночью 8 октября 1820г. он застрелился. На следующий день сын Кристофа - Виктор Энрике - был расстрелян, а жена и дочери отправлены в изгнание.

"Туссен-Дессалин-Кристоф", разве эта троица не напоминает деятельность и психологию "Ленина-Троцкого-Сталина"? Разве не удивительно такое совпадение характеров вождей революций разных стран и времени?

В Республике Гаити, где президент Петтион также стал пожизненным и взял себе официальный титул "Отца Доброго сердца", были заведены несколько иные, более умеренные порядки. Земли были розданы свободным крестьянам, что, однако, привело к ликвидации плантационных, эффективных в то время хозяйств. Доходы государства резко упали, что компенсировали лишь инфляционным выпуском денег. В каком-то смысле реформы Петтиона были сделаны в попытке перевести страну на свободное прогрессивное развитие, но в условиях отсталого и неразвитого населения (согласного работать лишь минимум), они окончились неудачей. Во всяком случае, они не могли дать быстрых положительных результатов в среде недавних рабов. Ждать же и вырабатывать из себя свободных людей на Гаити не умели.

Преемником Петтиона стал комендант его гвардии генерал Буайе, объединивший на диктаторских началах весь остров и правивший Гаити 26 лет - до 1843 года. По своей посредственности и долголетию он больше иных гаитянских вождей напоминал нашего "Вождя".

Буайе правил железной рукой. Он содержал огромную армию (по одним данным - 28 тыс., по другим - 52 тыс.) и жестоко расправлялся со своими противниками. Получить высокий офицерский чин мог только приверженец президента, доказавший ему свою преданность. По одному подозрению в либеральных взглядах человека немедленно увольняли и сажали в тюрьму. Любое мало-мальски критическое выступление в печати приводило журналиста за решетку. Буайе был изоциренным интриганом и укреплял свою власть, направляя одних гаитян на других. Он по-своему толковал известный принцип "разделяй и властвуй": "Подели человека надвое - и одна половина не будет доверять другой"

При Буайе католическая религия была объявлена государственной, а главой церкви был объявлен президент. Католические священники буквально наводнили страну. К 1840г. их было 70 тыс. Они вели себя разнузданно, первыми нарушали христианские заповеди; Буайе пришлось вмешаться - издать закон, регламентирующий поборы, а наиболее зарвавшихся служителей культа выгнать из страны. Буайе предпринял попытку возродить крупные плантации... На плантациях применялся принудительный труд под контролем солдат...

Режим Буайе - вот итог первой и самой радикальной революции рабов нового времени. Эта революция оказалась способной только закрепить государственное рабство. К старости, однако, Буайе стал помягче, или просто проморгал заговор. Во всяком случае, в 1843г. ему пришлось выехать из страны, а президентом стал мулат Эрар. Однако ...Новый правитель не знал иной формы правления, кроме военной диктатуры. Созданная для выработки новой конституции Законодательная Ассамблея запуталась в нескончаемых дебатах. Тогда Эрар установил в зале заседания две пушки и объявил, что если депутаты сейчас же не кончат дебаты, он их расстреляет. Конституцию немедленно утвердили, а Эрар в январе 1944года был «законно» избран президентом. Милитаризм – типичная черта гаитянской истории. Военная верхушка задавала тон в стране. Не раз президент был лишь игрушкой в руках военной клики. Личный состав армии неуклонно возрастал. Так в 1943г., когда население Гаити насчитывало меньше миллиона человек, под ружьём находилось 28тысяч солдат и офицеров, из них 33 полковника, 95 подполковника, 825 капитанов, 654 лейтенантов, 577 мл. лейтенантов, 6815 младших офицеров и 26 офицеров медицинской службы. Кроме того в органах власти насчитывалось 9 генералов, 63 полковника, 48 подполковника и т.д.

Дальнейшая история Гаити полна переворотами. С 1843 по 1847гг. было свергнуто 4 президента, пережиты войны и восстания, прежде чем власть попала к Сулуку.

Сенат Гаити, собравшийся для выборов, не мог остановиться ни на одной из кандидатур, выдвинутых различными группировками. Когда после восьми голосований сенат окончательно зашёл в тупик, один из сенаторов предложил кандидатуру начальника президентской стражи – тупого, невежественного солдата в генеральском мундире негра Фаустина Сулука. Поскольку Сулук не был связан ни с одной из враждовавших групп, против него не возражали и 1 марта 1847года он стал президентом. Так сбылось предсказание, сделанное когда-то в приступе раздражения президентом Буайле: «Ещё наступят времена, когда президентом сможет стать кто попало, даже вон тот глупый негр»- сказал он, и ткнув пальцем в сторону Сулука.

Как не вспомнить нашу историю, реальную историю воцарения Сталина, использовавшего противоречия признанных партийных лидеров: сначала Троцкого и Зиновьева с Каменевым, потом Каменева и Бухарина... потом настали 34-37гг.

12 лет пребывания Сулука у власти были для Гаити 12-ью годами кошмара. В течении первого года он действовал очень осторожно и соперничавшие клики пытались перетянуть его на свою сторону. Но Сулук решил править самолично и для начала создал тайную полицию, нечто вроде гестапо. За один год он навёл на гаитян такой ужас, что в стране воцарилась кладбищенская тишина. На второй год Сулук преобразовал республику в империю и провозгласил себя императором Фаустином I... Сулук не раз пытался завоевать Доминиканскую республику, но походы его неизменно кончались поражением. После очередной неудачи Сулук расстреливал «виновных» и готовился к новому походу... За годы правления Сулука население Гаити ещё более обнищало, экономическое положение страны ухудшилось, разногласия обострились. Сулук всячески преследовал мулатов

(«буржуазную прослойку»). Многие мулаты занимали выгодные экономические позиции и стремились сохранить те привилегии, которыми в своё время пользовались на законном основании люди со светлой кожей... В годы правления Сулука обрёл легальность и расцвёл культ воды... В январе 1859г. пресловутая империя Фаустина I развалилась и император позорно бежал.

И снова пошла чехарда восстаний и переворотов – 17 президентов за 56лет, до американской оккупации в 1915г. Положение в стране первой и радикальнейшей революции рабов в западном полушарии было безнадежно, перспектив для развития никаких. С диктаторами, грабившими страну до нитки ради роскоши своих дворцов, можно было справиться только восстаниями и переворотами, а от последних можно было оградиться только террором и силой. Но чёрные повстанцы и чёрные императоры-президенты в равной степени ненавидели свою мулатскую буржуазию и регулярно уничтожали и её богатство и её саму. Взор этой буржуазии поворачивается к иностранному покровительству, которое бы вывело страну из этого тупика, обеспечило б ей спокойствие и процветание... пусть даже силой, пусть чужая демократия поможет им устроить свою судьбу. В 1915г. в Гаити появились американские войска...

Почти все американские авторы утверждают, что США оккупировали Гаити ради блага народа. Типично в этом смысле высказывание А.Б.Томаса: «США высадили в Гаити свои вооружённые силы, чтобы защитить безопасность и собственность американских граждан и помочь гаитянам создать прочное правительство».

Гаити стало фактически протекторатом США. В 1918г. под нажимом американских пехотинцев была введена новая конституция, написанная, кстати, будущим великим президентом США Франклином Д.Рузвельтом. И как же приняли эти благодеяния потомки чёрных революционеров? – Партизанской войной крестьян! Война против могущественной страны началась уже в 1915г. и шла до 1920г.

Если бы этот героический народ так же щедро тратил свои силы и энергию не на революции и партизанщину, а на положительное дело и свободное развитие, каких бы успехов он добился! Но даже подавив вооружённое сопротивление, американцы не преуспели в реформах и преобразованиях. С ними сотрудничали лишь презираемые всеми люди без чести и совести. В оппозиции организованной американцами «демократической власти» был весь гаитянский народ – и в городе и в деревне. И продолжалось это до тех пор, пока ставший президентом США Рузвельт не плюнул на помощь и благодеяния, пока не поступил по принципу «живите, как хотите».

Признавая этот американский эксперимент отрицательным, нельзя забывать о положительных случаях. Так, в ФРГ, Италии, Японии после 1945г положительная роль США в укреплении демократических систем власти очевидна. Видимо, есть какой-то уровень самосознания народа, по достижению которого помощь иностранных демократий может быть принята и оказаться полезной. При низком уровне свободы и самостоятельности населения помощь извне способна принести только вред. Вьетнам тому подтверждение, Гаити тоже.

Американцы ушли в 1934г. Президент страны снова пожизненный диктатор, снова царят страх и хищения. Жизнь вернулась в прежнюю колею. Оппозиция опять в нелегальном положении. После 1946г., правда, набрала силу левая оппозиция, а её лидер Даниель Финьоле даже вошёл в правительство, став министром труда, а его ближайший помощник по партии Франсуа Дювалье –его заместителем. Впервые на политической арене появилась фигура зловещего гаитянского диктатора папы Дока и появилась в качестве второго лидера самого мощного в стране левого (видимо социалистического или «рабоче-крестьянского» движения). Ну, как не вспомнить в этой связи судьбы Муссолини и Гитлера или... коммуниста Мао?

Но когда президент Эстимэ сделал резкий крен направо Д.Финьоле в знак протес вышел из правительства. Дювалье остался и отошёл от оппозиционного МОП. Более того, был назначен министром здравоохранения.

После очередного переворота, сменившего относительно либерального Эстимэ на диктатора Маглуара, Дювалье вновь становится «левым» и даже переходит к «подпольной борьбе».

Из политических соображений Дювалье хотел создать вокруг своего имени ореол мужественного борца. Но его подпольная деятельность больше походила на детскую игру... Достаточно вспомнить, что всё это время он находился в контакте с начальником полиции Мариэсом Проспером.

В 1957г. в стране происходит очередной кризис, после которого весьма непопулярный, «противный лилипут» Дювалье с помощью интриг и «доверчивости» временного «рабоче-крестьянского» президента Д. Финьоле, назначившего начальником штаба армии генерала Кебро- ставленника Дювалье и командира дювальвистских «штурмовых» отрядов, будущих "тонтон-макутов", стал очередным диктатором. Сопrotивление сторонников свергнутого благодетеля Финьоле и прочих демократов было подавлено свинцом и кровью. Как провозглашалось впоследствии, произошла "дювальвистская революция". Как не вспомнить социалиста С.Альенде, расчистившего путь для фашиста Пиночета!

С чего же начал свое правление "революционный вождь-лилипут"? - С перетряхивания всего государственного аппарата, организации единственной в стране "Партии народного единства", т.е. с запрета оппозиции, запрета независимой печати, отмены всех "формальных", буржуазных свобод. И с массовых политических процессов. Дювалье, конечно, не повторяет наивностей Лувертюра и Дессалина. Он уже знает опыт и секрет устойчивости однопартийных диктатур. И потому, прежде всего, организывает свою "госбезопасность" и свой 37-й год. Шеф тонтон-макутов

получает от Дювалье приказ "убивать ежегодно по 300 человек". - И тут "план, хоть удавись!"

Дорвавшись до власти, Дювалье начал осуществлять давно задуманную акцию -физическое истребление своих оппонентов и критиков... Директора и издатели семи ведущих органов печати Гаити были заключены в тюрьмы, подвергнуты пыткам... В тонтон-макуты шли деклассированные элементы, уголовники, промотавшие отцовское наследство сынки богатых родителей, сержанты, которым пообещали офицерское звание. Рядовые тонтон-макуты жалованья не получали- они добывали себе деньги вымогательством, насилием и грабежом. В их обязанности входило: собирать налоги, взимать всякого рода поборы, вылавливать лиц, подозреваемых в антипатии к Дювалье, и расправляться с ними...

Тонтон-макут - наемник, убийца, и сам при этом - раб. Власть свою он получает от "папы Дока", чтобы его защищать и быть от него в полной зависимости. Такова заповедь, согласно которой живет и действует каждый тонтон-макут, будь он министр или рядовой агент. По данным американского энциклоп.ежегодника за 1969 г. их было 10 тыс. В действительности же, по-видимому, намного больше 25 тысяч. Кроме корпуса тонтон-макутов, Дювалье располагал пятитысячной регулярной армией и 7 тыс. полицейских, составляющих личную, "президентскую" охрану....

Были запрещены политические партии, закрыты все прогрессивные издания. Дювалье распустил профсоюзные и студенческие организации, в суды назначил своих ставленников, выслал из страны священников, не желавших прославлять его режим. Ежедневно ответственные чины тайной полиции являлись к президенту с донесениями, и он лично решал, за кем надо следить, кого нужно арестовать, кого уничтожить... Его излюбленным занятием был сбор с помощью тайной полиция "добровольных" пожертвований, якобы способствовавших процветанию Гаити. Вооруженные

автоматами "привидения" взимали до 300 долл. ежемесячно с каждого предприятия в качестве "добровольных пожертвований" в фонд "экономического освобождения Гаити", созданный для личных нужд Дювалье.

Надо согласиться, что, придя к власти, Дювалье сохранил свой радикализм и против "буржуазии" действовал весьма решительно, как видно из выше приведенного отрывка.

По примеру Сталина и Гитлера Дювалье бдительно следил за своими ближайшими соратниками и друзьями, расправляясь с ними при первой же возможности. Он сумел создать в стране такую степень страха, что уже ни одна попытка заговора и восстания не могла быть успешной. Подобно великим диктаторам нашего времени, он понимал или чувствовал необходимость такой степени страха и отупления страны, чтобы вокруг него оставались только прирожденные рабы, неспособные к жизни и деятельности без него самого и потому рабски ему преданные, вернее собаки.

А теперь посмотрим на идейный багаж нового гаитянского вождя:

Безудержная демагогия была одним из основных средств, с помощью которой диктатор держал в узде народные массы. "Я - это новая Гаити. Уничтожить меня - значит, уничтожить самую Гаити. Я живу ею, и она живет мною. Я - знамя Гаити, единое и неделимое. Я - это демократия" - таков любимый набор его лозунгов-заклинаний. "Папа Док" не уставал твердить о том, что он совершил "революцию" и "освободил" гаитянский народ. Среди лозунгов дювальевистской революции фигурировал и такой: "Власть - неграм!" Он означал призыв к перераспределению богатств, созданию негритянской олигархии за счет помещиков-мулатов и капиталистов-мулатов... Идеи "негритюда" отстаивал Дювалье в книге, которую он опубликовал в 1958г. в соавторстве с неким Ломером Дени, "Борьба классов в истории Гаити". Пронизанная социальной демагогией, она проповедует "черный расизм", призывает к борьбе за "социальную республику".

Другой, не менее демагогический "принцип" Дювалье, состоял в том, что при "папе Доке" взобраться на самую вершину социальной лестницы якобы может и человек из низов. Несколько таких случаев, действительно, имело место, но при одном неперемennom условии: если человек "из низов" превращался в робота Дювалье, готового по его приказу грабить, насильничать.

Идеологической основой "дювальевистской революции ...является оголтелый антикоммунизм...Дювалье ловко спекулировал на невежестве крестьянских гаитянских масс, он объявил себя "помазанником африканских богов", "гаитянским мессией", "духовным отцом гаитян". Официальная государственная религия в Гаити - католицизм, но большинство населения (около 80%) исповедует культ вodu. Исповедовал его и Дювалье... Раз в году он спал на могиле основателя нации Дессалина, чтобы пообщаться с его душой...

Автор книги утверждает, что социальной базой власти Дювалье являются помещики и буржуазия (2% населения), но в этом легко усомниться, усвоив другую приводимую автором цифру: 88% населения современного Гаити - крестьяне.

Американские исследователи Уингфильд и Парентон пишут: "По иронии судьбы, несмотря на невероятно низкий уровень жизни, полное отсутствие политических прав и поголовную неграмотность, именно крестьяне создают основу существования Гаити.

В очень большой степени хозяйство Гаити находится еще на стадии "натуральной экономики". Доля капиталистов в производстве нац.продукта не достигает и 15%. Крестьяне Гаити, отсталые и невежественные, такие же, как и 200 лет назад - вот основа власти гаитянских революционеров и диктаторов типа Дювалье.

Автор книги утверждает, что главной идеологической базой Дювалье является крайний антикоммунизм. Если это истина, то очень поверхностная и ограниченная. Ведь коммунизм и антикоммунизм очень часто переходят друг в

друга по закону "крайности сходятся". Известно, что главный идеолог нацизма А.Розенберг в годы нашей гражданской войны был очень близок к большевикам и даже ко вступлению в их партию, а через несколько лет стать яростным антикоммунистом. Известно, что Гитлер считал именно собрания коммунистически настроенных рабочих наиболее благоприятной для себя аудиторией, а, с другой стороны, известно, как коммунист Мао окончил "оголтелым антисоветизмом". Такова же судьба "большевика-ленинца" Троцкого и многих других. Рассматривая взаимоотношения всех этих экстремистов, видишь, что их неизбежная вражда вызвана, прежде всего, глубоким внутренним сходством, или, пользуясь языком биологии, агрессивной конкурентностью весьма близких видов в борьбе за выживание.

С Дювалье дело обстояло еще проще. Будучи большим прагматиком, он становится левым или правым, сторонником США или коммунистов, в зависимости от обстановки. США были ближе и сильнее, поэтому он и стал антикоммунистом по преимуществу.

В мае 1960 г. состоялся конгресс Национального союза гаитянских студентов... Студенты резко критиковали Соединенные Штаты за вмешательство во внутренние дела Гаити. На открытии конгресса с приветственной речью выступил министр просвещения, а затем Дювалье, заявивший без обиняков, что если США не увеличат помощь Гаити, он будет вынужден обратиться за помощью к коммунистам.

И еще пример: когда США добивались исключения коммунистической Кубы из Организации американских государств в 1961 году, Гаити буквально продала свой голос США «за помощь в 25 млн. долларов».

Газета "Нью-Йорк таймс" писала 28 мая 1961г., что за поддержку позиции США в ОАГ Гаити требует ежегодной компенсации в размере 12,5 млн. долларов.

Столь же успешно наладил Дювалье отношения с церковью. После первоначальных трений с Ватиканом,

вызванных высылкой непокорных священников, эти отношения были перестроены на нужных Дювалье принципах. *Контакты с Ватиканом вскоре были восстановлены. Как писал в 1970г. чилийский католический журнал "Менсахе", "ныне высшая церковная знать Гаити находится на содержании у семейства Дювалье: она получает от диктатора роскошные подарки и деньги, в благодарность за это церковь молчит и покрывает все преступления Дювалье, более того, высшие сановники прославляют Дювалье, ставя его в качестве примера молодежи." "Единение церкви с властью, - подчеркивал журнал, - теперь поистине полное". Священника, выражавшего малейшее недовольство режимом Дювалье, гаитянские епископы объявляли "подрывным элементом" и подвергали гонению. Ни одно назначение на церковные должности не происходило без ведома и одобрения диктатора.*

Начиная с 1962 года, когда американцы уже разобрались, с кем имеют дело в Гаити, они вместо дружбы с "антикоммунистом папой Доком", стали поддерживать его противников вплоть до заговоров и вооруженных выступлений. Однако, наученные недавним горьким опытом прямого вмешательства, они были весьма сдержанны. Кроме того, в условиях, когда рядом с Гаити появилась столь же диктаторско-коммунистическая Куба, угрожающая советскими ракетами самим США, американцам уже совсем не улыбалась перспектива нового превращения папы Дока - теперь уже в коммуниста. Поэтому они были очень осторожны, что вызывает, однако, удивление у нашего автора: *Политика президента Кеннеди в отношении Дювалье носила двойственный характер: поддержка, но не дружба, заговоры и интриги, но не свержение...*

Впрочем, и у американцев не выдерживали нервы. Так, в 1963 г. в гаитянские воды вошла американская военная эскадра, а Вашингтон объявил, что "правительство Дювалье разваливается на части". Однако это не испугало папу Дока, объявившего себя "избранником Бога" и "пожизненным

президентом" именно в этот критический момент и выславшего американское посольство из страны.

В американской печати того времени появлялись сообщения о так называемом "конflikте" между правительством США и Дювалье. При всей своей неуравновешенности президент Гаити трезво оценивал настроения масс и время от времени рядился в тогу борца против империализма США. С другой стороны, Вашингтон, опасаясь, что гаитяне поступят с Дювалье так, как кубинцы поступили с Батистой, был не прочь заменить его менее одиозной фигурой...

Убийство президента Кеннеди 22 ноября 1963г. было отпраздновано с шампанским в президентском дворце Гаити. На радостях Дювалье послал секретного эмиссара на могилу Джона Кеннеди. Там, как сообщает амер.журнал "Тайм", посланец "папы Дока" наскреб горсть земли, подобрал увядший цветок, запечатал в бутылочку немного воздуха Арлингтонского кладбища и благополучно доставил трофеи в Гаити. Как выяснилось, эти "сувениры" понадобились Дювалье для магических заклинаний, с помощью которых он надеялся "заточить" душу Кеннеди в бутылку и подчинить ее своей воле, чтобы оказывать влияние на решения госдепартамента в выгодном для себя направлении.

Следующим американским президентом стал Джонсон, и американо-гаитянские отношения вновь нормализовались, несмотря на выступления американской печати.

Антинародный режим Дювалье подвергался резкой критики в Западном полушарии. В печати систематически появлялись статьи о злодеяниях, чинимых "тонтон-макутами" и самим "папой Доком.

Лидеры студенческого движения, перед которыми Дювалье недавно выступал, были арестованы и подвергнуты нечеловеческим пыткам. Луи Друн по приказу Дювалье был расстрелян, всех его родственников прогнали нагими по улицам города, заперли в военную казарму, подвергли пыткам... Дювалье приказал ему отрубить голову и, чтобы

выяснить планы оппозиции, часами с ней... беседовал. Головы казненных заговорщиков систематически выставлялись для устрашения гаитян в президентском дворце...

15 июля 1963г. личная охрана Дювалье расправилась с шефом "тонтон-макутов" Клеманом Барбо. Но на этом дело не кончилось. По утверждению Дювалье, Клеман Барбо превратился в ... черную собаку. Началось преследование всех черных собак...

Дювалье создал разветвленную сеть тюрем и концентрационных лагерей. Особенно печальной славой пользовалась столичная тюрьма: пытками и казнями там руководил сам президент, изоциренный садист, человеконенавистник...

"Обстановка в Гаити, - писал мексиканский еженедельник "Ой", - убедительное свидетельство того, что ад на земле существует. Фотоснимки отрубленных голов и висящих на балконах изрешеченных пулями трупов мелькали в гаитянских газетах до самого недавнего времени, до тех пор, пока это не стало коробить некоторых слабонервных американских туристов. За 14 лет пребывания Дювалье у власти "пропало без вести", иначе говоря, было уничтожено, более 50 тыс. патриотов; более чем 300 тыс. гаитян пришлось эмигрировать".

При этом повторялись знакомые формулы: "Президент Дювалье сам выполнял обязанности палача, нагло утверждая при этом, что в Гаити нет политических заключенных".

Все эти ужасы в "республике кошмаров" соединялись с небывало высоким уровнем демагогии, отлично действующей на массы потомков первой победоносной революции рабов. Автор, правда, не говорит об эффекте этой демагогии, но по собственному опыту нам известно, что самые жестокие годы репрессий для остального (нерепрессированного) населения обычно выглядят самым прекрасным временем небывалого единства и счастья. Так действуют рука об руку, в одном направлении, страх и пропаганда!

Свое правление Дювалье решил увековечить строительством города, который он назвал в свою честь Дювальевиль... всех гаитян обязали вносить пожертвования на его строительство, однако город не построен и до сих пор.

Без тени юмора гаитянская газета "Гаити джорнэл" 4 марта 1964г. писала: "Дювалье - сгусток энергии. Как и Наполеон, он укрепляет души, вселяет силы. Дювалье - один из величайших лидеров современности. Обновитель гаитянской нации, он воплощает в себе мужество, смелость, гениальность, дипломатический талант, патриотизм и такт, характерные для исполинов древности и современности".

В апреле 1964г. в Гаити появилось несколько книг и статей, содержавших пожелание, чтобы "ради блага страны" Дювалье стал "пожизненным президентом". Были организованы манифестации с требованием "заставить" Дювалье выполнить "волю народа". Как-то, обращаясь к толпе демонстрантов, состоявшей из тонтон-макутов и переодетых офицеров армии и полиции, диктатор цинично изрек: "Реакционные правительства обычно рвутся к власти, чтобы использовать ее против народа, но в данном случае именно народ взывает к одному человеку, умоляя его остаться у власти...и он должен остаться у власти. Я не честолюбец, а революционер... Настоящих революционеров мало, такие люди появляются не чаще, чем раз в 50, а то и в 75 лет... Но я как раз такой революционер, я выражаю интересы родины".

25 мая 1964г. утверждена новая конституция, ст. 196 которой гласит: "Гражданин доктор Франсуа Дювалье, верховный руководитель гаитянской нации, впервые с 1804 года выразивший национальные чаяния, добившийся радикальных изменений в политической, экономической, социальной, культурной и религиозной жизни Гаити, избран пожизненным президентом, чтобы под знаменем национального единства гарантировать и закреплять завоевания дювальевистской революции.

За новую конституцию Гаити проголосовало на 800 тысяч больше избирателей, чем было в наличии. Такого превышения "плана" не достигали даже мы со своими 99,9 %. *Национальная Ассамблея присвоила Дювалье следующие титулы: "непререкаемый лидер революции", "апостол национального единства", "достойный наследник основателей гаитянской нации", "рыцарь без страха и упрека", "великий электровозбудитель(!) души", "верховный вождь революции", "покровитель народа", "лидер третьего мира", "большой босс коммерции и промышленности", "благодетель бедных", "исправитель ошибок" и пр. и пр.*

Как же правил страной этот столь знакомый нам великий вождь?

Во время заседаний кабинета министров президент обычно держал под рукой на столе свой револьвер, при этом "обновитель нации" нередко углублялся в чтение газеты, предоставляя секретарю прочитывать членам правительства тезисы решений; подлежащих "выработке" и "единодушному одобрению". После чего, не проронив ни слова, знаком руки Дювалье указывал министрам на дверь. Он все время менял приближенных, предпочитая, как правило, тупых, но преданных ему людей. За несколько последних лет его правления сменилось пять начальников генштаба. Дювалье любил публично унижать своих подчиненных, издеваться над ними. Бывали случаи, когда на заседаниях правительства он бил по лицу своего министра... Министр Луи Бланише, доложивший Дювалье, что в 1962-63 учебном году школу посещало 19,3 % детей школьного возраста, а в 1966-67г. этот процент снизился до 16,6 %, был немедленно уволен за "дезинформацию".

Вот как описывает корреспондент журнала "Ньюсуик" беседу с Дювалье: "Сам папа Док похож на Большого Брата, маскирующегося под Сумасшедшего Шляпника из "Алисы в стране чудес".

Автор озвучил сделанное чужими устами сравнение Дювалье с Большим Братом из романа Орвелла "1984г. (кто знает - поймет). И дальше:

Брошюра под названием "Символ апостолов" была названа угодливыми льстецами "катехизисом революции". Составлена она, действительно, наподобие катехизиса. Вопрос: Кто такой Дювалье? Ответ: Дювалье - величайший патриот всех времен; освободитель масс, обновитель гаитянской нации, воплощение национального достоинства, вождь революции и пожизненный президент Гаити. Вопрос: Какова главная заповедь Дювалье? Ответ: Главная заповедь Дювалье - это таинство, совершаемое народной армией, гражданской милицией и всем гаитянским народом под руководством своего вождя, почетного доктора Франсуа Дювалье с помощью гранат, минометов, пистолетов, базук, огнеметов и другого оружия. Оно состоит в подавлении, уничтожении и искоренении всех врагов родины, которые, поддерживая связь с границей и получая жалованье от врагов нашей нации, представляют собой угрозу суверенитету государства...

Его брошюра "Мысли Дювалье", образцом для которой послужил цитатник Мао Дзэ-дуна, распространялась среди гаитян в принудительном порядке, по разверстке. Сборник же речей Дювалье стоимостью 15 долларов обязан был приобрести каждый работающий гаитянин. Вычеты из жалованья на покупку "трудов" президента производилась автоматически...

Какова же конструктивная деятельность этого революционера? Какова экономическая основа этого радикального общества?

Размышляя о трагической судьбе современной Гаити, Хуан Бош говорил: "Гаити - это страна, которая не развивается, а идет вспять. С каждым днем в Гаити возникает больше трудностей, чем путей их преодоления. Гаитянское общество являет собой пример регресса". Такой тип "развития без развития" Хуан Бош назвал "гаитизацией". Термин привился. Гаити стала синонимом регресса, нищеты...

Появление этого монстра на арене политической жизни Гаити обусловлено рядом факторов, в первую очередь феодальной структурой гаитянского общества. В самом деле, небольшая группа помещиков монопольно владеет землей, работает на помещиков огромная армия безземельных крестьян. В стране сохраняются формы докапиталистического хозяйства, существует сектор так называемой "натуральной экономики", препятствующей развитию денежных отношений, экономика при монокультурном сельском хозяйстве зависит от экспорта. Не менее зловещую роль сыграло экономическое и политическое господство американского империализма...

Промышленность в Гаити - немногочисленные иностранные предприятия. В определенном смысле такая структура экономики является еще большим регрессом, чем плохо управляемая "национализированная" экономика других диктатур. Сельское хозяйство чрезвычайно отсталое. Так, в 1971 году там работало всего 20 тракторов. Большинство крестьян (94%) живут мелким натуральным хозяйством размером менее 6 га.

Положение трудящихся не поддается описанию. Годовой доход на душу населения - самый низкий в Латинской Америке: по данным журнала "Ньюсуик", он составляет всего 45 долл. Полуквалифицированный рабочий получает 35 центов в день... Специалисты считают, что 95% населения Гаити живут вообще вне сферы денежного обращения. Экономисты утверждают, что из 2,5 млн. гаитян, ищущих работу, заняты всего 57 тыс.

Дойдя до этого места книги, я буквально споткнулся: 95% населения революционной страны живет без презренных денег! Какое полное осуществление коммунистических идеалов! Да это же и есть земной рай!... Но как же он похож на земной ад... И как не вспомнить нашу же "коллективизацию", резко отбросившую крестьянство от денежного рынка к натуральным трудодням, как не вспомнить и хвалебную литературу про "зажиточное життя" и реальную ужасающую

нищету. Но пойдём дальше в описании хозяйственной жизни этой страны.

Гордость режима - плотина под названием "Дювалье-Пелигр-Люмье", сооружение которой после многолетних проволочек, наконец, завершилось в 1971 г., должна была обеспечить орошение засушливых земель и увеличить производство электроэнергии. Однако широковещательные обещания не выполнены: дело с ирригацией заглохло, гидрогенераторы часто выходят из строя. Страна изобилует реками, т.е. имеются все возможности для ирригации, но огромные пространства земли находятся в запустении. Немногочисленные оросительные каналы были построены ещё в колониальную эпоху... Электропромышленность отдана на откуп американцам ... В Гаити мало дорог, а те, что есть, непроходимы во время дождей... В дождь водителям и пассажирам приходится вытаскивать автобусы из ям и колдобин. В хорошую погоду 80 км от Жакмеля до столицы занимает 3-4 часа, а в сезон дождей - 15-20...

В столице Гаити - Порт-о-Пренсе, застроенной в основном 2-4-х этажными домами, проживает около 500 тыс. человек. Мостовая главной улицы вся в выбоинах. Дальше к морю - район трущоб, где нет ни уличных фонарей, ни водопровода, ни канализации, только грязь и гниющие отбросы... В бедственном положении и другие города Гаити. Так, пришел в полный упадок город Жакмель... Портовая гавань города занесена песком, склады на замках. На улицах никого не встретишь. Лишь кое-где на обочинах играют стайки оборванных ребятишек. В пустующих отелях изнывают от скуки горничные и портье, а на центральной площади красуется полуразрушенное здание ратуши, на фасаде которого с трудом можно разобрать слова: "Свобода, равенство, братство"...

Гаити - единственная страна в мире, где за последние 7 лет непрерывно снижался объем национального продукта. Так, в 1969г. население Гаити увеличилось на 2,3%, а национальный

продукт всего лишь на 1,3%. За тот же год доходы населения уменьшились на 20%.

92% населения Гаити неграмотно. В сельских районах имеется всего 495 школ, в которых обучаются 133 968 учащихся, а детей школьного возраста около 1,2 млн. Дювалье при этом цинично разглагольствовал о "счастливой доле" неимущих и неграмотных, которые, по его мнению, и должны быть основой нации. Ведь это Дювалье требовал "оставить массы необразованными, не улучшать их вкусы, не цивилизовать их, так как все это сделает их более несчастными".

В невыносимых условиях живут около 95% жителей. И лишь правящая верхушка, составляющая менее 5% населения, живет в роскоши, владеет прекрасными особняками и автомобилями последних американских моделей... Многие гаитяне, особенно интеллигенция, спасаясь от террора и преследований, покинули родину. Вот несколько цифр: за 10 лет (1957-67гг.) мед.институт Гаити выпустил 264 врача, из них на родине остались всего трое, остальные разбрелись по свету. В Канаду, например, уехали 250 врачей; теперь в Канаде больше гаитянских врачей, чем в самой Гаити...

Характерная черта Гаити - коррупция гос.аппарата, бесконтрольность администрации...

Понятны причины безудержной эмиграции... Что же, влияние такой эмиграции придется испытать и нам, мы уже сегодня присутствуем при ее печальном начале. Свободные люди выбирают свободу, остальные же заслуживают того, с чем они остаются.

Дювалье умер своей смертью 21 апреля 1971г. Он был похоронен с необычайной пышностью, а правление перешло к его сыну и преемнику Жану Клоду Дювалье. Знакомая картина: механизм страха и "народной любви" действует эффективно и после смерти своего творца.

Жерар Пьер Шарль в свое время следующим образом прокомментировал назначение нового президента: "Ничто не изменится в Гаити". О новом кабинете он сказал: "Все его

члены принадлежат к группе, стоящей у власти уже много лет. У каждого из них нечистые руки. Сейчас они вынуждены объединиться, создать синдикат преступников. Сколько времени он просуществует, вот вопрос!"

Дювалье-сын идет обычным путем всех прежних диктаторов в американском присутствии: с одной стороны, объявляет о либерализации режима, а с другой - втихую укрепляет свою власть, реорганизуя госбезопасность. К чему все это приведет? В стране действует коммунистическое подполье, а главное - столетние традиции радикального экстремизма толкают всех оппозиционеров именно в лагерь коммунистов, наподобие лагеря Фиделя Кастро.

Партия коммунистов представляет собой единственную организованную прогрессивную силу в Гаити, проявляет твердость и самоотверженность в жестокой борьбе за свержение тирании, за национальное освобождение от гнета империализма... "До тех пор, - говорится в заявлении ЦК Объединенной партии гаитянских коммунистов, - пока останется в живых хоть один коммунист, партия будет существовать. На место погибшего встанут десять новых. Коммунисты бессмертны. Несмотря на тяжелые потери и трудности борьбы, компартии удалось сохранить боевой порядок и организацию".

Отвратить гаитянский народ от симпатий к коммунистам, как наиболее радикальным и, следовательно, "родным и знакомым" противникам существующего режима, может только отрицательный пример правления коммунистов на соседней Кубе. Однако шансы на это невелики. В унисон с мировой печатью, автор заканчивает свою книгу:

Всякий, кто следит за развитием событий в Гаити, понимает, что гаитянская трагедия близится к развязке. Страна накалена до предела, взрыв народного возмущения неизбежен. Какую он примет форму, предсказать трудно... Объективные условия для революции на Гаити созрели, быть может, больше, чем в любой другой стране Лат.Америки. Примечательно, что в этом духе высказываются многие

органы печати самых различных направлений. "Многие из тех условий, которые обеспечили сторонникам Кастро победу на Кубе, существуют и в Гаити. Сообщения о действиях партизан в горах, пока, правда, редки, но в стране есть немало молодых людей, искренне восхищающихся кубинской революцией". К такому выводу приходит лондонская газета "Тайм", не отличающаяся симпатиями к коммунистам. Правящие круги Гаити вынуждены будут отступить перед народом.

И я вынужден согласиться с этим парадоксальным прогнозом. Шансов на иное развитие (типа Португалии или Испании) у этой страны практически нет. До эволюционного и потому действительного развития Гаити еще далеко, очень далеко. Гаити - наиболее чистый вид революционно-рабской общественной структуры, исторического тупика, и выбираться из него будет, наверное, много дольше иных стран. Оглядываясь еще раз на историю Гаити, видишь, что именно прямое, радикально-насильственное выступление против рабства, "рабская революция" заложила главную основу гаитянского тупика, что долг каждого разумного и честного человека - сопротивление любым попыткам развития своей родины по такому ужасному пути. Долг людей - в недопущении нетерпеливого экстремизма, рабства навыворот.

2.5. Переписка с Парижем, 1975-1976 гг.

Первое письмо в Париж в конце 1975г.

Дорогой Роберт Павлович! Я долго думал, как суметь основательно поговорить в короткое время Вашего пребывания в Москве, и ничего не мог придумать... Но почему бы не начать разговор в письмах, если, конечно, у Вас найдутся время, силы и интерес. Думаю, что Ваши ответы будут интересны не только мне.

Прежде всего, мне важно получить ответ на вопрос: "Почему, Роберт Павлович, Вы положительно относитесь к левацкой идеологии третьего мира, в том числе - к маоизму?"

В годы своего студенчества я сам пережил период влюбленности в Китай, штурмуемый стройку коммунизма, и веры в идеи Мао Цзэ-дуна. Несколько лет даже носил на груди с вызовом значок Мао. Теперь вижу - это была ошибка, моя личная "болезнь левизны". Ведь сейчас и нам, а раньше и Вам, было видно, к какой растрате духовных и материальных сил приводят такие "р-р-революционные рывки"! Как же можно оправдывать маоизм, или "культурную революцию", или маоистских последователей и союзников в странах третьего мира? Эти страны только-только стали выходить из состояния технической и культурной отсталости. В естественных условиях они должны были бы от состояния "дикости" или иных докапиталистических укладов переходить к капитализму и дальше. Но сейчас многие из этих стран стремятся миновать стадию частнособственнического капитализма, вернее, совсем ее не допустить. Эти страны считают для себя более удобным путь "некапиталистического развития" - что ж, может им и удастся установить у себя социализм нашего типа. Но ведь и капиталистический путь развития для ранее отсталых стран - прогрессивен. Маоисты и лидеры третьего мира часто говорят о "третьем пути": не капитализм, но и не социализм советского типа. А что же может быть еще? - Может, сохранение остатков дикости и азиатского деспотизма (как в Китае)? Что может быть в этом привлекательного?

Мне важно узнать Ваши взгляды на идеалы третьего мира, потому что Вы, гражданин западной цивилизованной страны, солидаризируетесь именно с ними. Значит, в перспективе и для Франции, например, Вы не хотели бы иного?

...Мною движет не простое любопытство, а потребность в проверке собственных убеждений. И если хороший человек придерживается идей, тебе противоположных, то очень хочется понять свою возможную неправоту. Вот почему я решился задать эти вопросы, надеясь не очень затруднить Вас. Только ради бога, не отсылайте меня

к своим французским работам: без знания языка понимать эти тексты невозможно...

Ответ из Парижа 19 апреля 1976г.

Дорогой Витя, дорогая Лиля... Спасибо за Ваше интересное письмо... постараюсь ответить на все его вопросы, хотя по-русски мне очень трудно... Жаль, что Вы не читаете французские книги, ведь точно по этой проблеме я написал статью "Маоизм, ленинизм и народничество". Она опубликована в журнале нашего института... в марте 1974г., уже после моего путешествия в Китай. Вот пункты, которые я считаю интересными и важными:

1) Удивительно, что Вы думаете, что я положительно отношусь к "левацкой идеологии". Никогда в своей жизни не увлекался такой идеологией. Как Вы знаете, я преподаю "социологию международных отношений" в нашем институте, поэтому меня очень интересовала китайская революция, руководимая Мао Цзэ-дуном. Я читал много книг, написанных противниками и сторонниками ее, также посетил коммуны и разные институты. Наверное, многое, очень многое ускользнуло от моего внимания, но все же думаю, что Ленин был прав и проницателен, когда в статье, опубликованной в 1912г. "Демократия и народничество в Китае" написал, что Сун-Ят-сен и русские народники были очень схожи по своей идеологии. Мао, наследник Сун-Ят-сена и китайских националистов начала нашего века, сохранил многое из понятий этих националистических антиимпериалистических кругов, даже после того, как познакомился с марксизмом-ленинизмом. Надо только помнить, что Мао и его первым сотрудникам было уже 25 лет, когда в 1919 г. они впервые услышали о Ленине (и, вероятно, тогда же - о Марксе). Наверное, в последующие годы они много читали и изучали марксизм, но для них марксизм не был "научной доктриной", а просто "инструментом" для китайской антиимпериалистической революции. Кроме того, большинство населения в Китае - крестьяне, и, в силу своего личного происхождения, Мао интересовался проблемой

освобождения крестьян (подобно "народникам"). После разгрома рабдвижения в китайских городах в 1927-30гг., пришлось организовывать крестьян, чтобы продолжать революцию. Т.о. можно понять, почему маоизм выбрал, в конце концов, другой путь. Вот историческое объяснение (повторяю: думаю, что Ленин в своей статье 1912г. хорошо предугадал эту ориентацию китайской революции, в первую очередь, на интересы крестьян).

2) По-моему, есть много полезного в маоизме для стран третьего мира, и особенно в условиях китайского народа (это не "левизна" и не "азиатский деспотизм", а, если можно так выразиться, именно "народничество"). В своих путешествиях в Лат.Америке и Африке я заметил, что так называемый "некапиталистический путь развития" во многих странах можно было бы называть "народничеством"...

Вы знаете, что я - не марксист. Уважаю Карла Маркса, большого социолога, может быть, наилучшего социолога XIX века, но боюсь, что его наследники не были верны его учению: из учения Маркса они сделали догматы. Руководители стран третьего мира, особенно в арабском мире, думают, что можно использовать социальные открытия и учение марксизма, но все-таки найти новый путь к социализму. Почему Вы это называете "левизной" или "левацкой доктриной"?

Вы говорите о "левацкой доктрине" третьего мира, в том числе о маоизме. Думаю, что так говорить неправильно: можно спорить о "левацком" характере маоизма (по-моему, единственная левацкая черта маоизма состоит в тезисе о "непрерывной" революции). Но было бы лучше характеризовать маоизм, как особый динамический вид народничества с сильно выраженными чертами национализма и антиимпериализма; Нельзя говорить о "левацкой идеологии третьего мира". Правда, в странах третьего мира, как во всех странах капиталист.мира, есть много студентов, увлеченных этой идеологией, но я не знаю никакого правительства в Африке, в Азии или Лат.Америке, которые положительно относятся к левацкой идеологии. Однако есть много людей -

не только студентов - которые относятся со вниманием к китайской революции, потому что видят в ней очень интересный опыт (социальный эксперимент) быстрых перемен в стране, где большинство населения состоит из крестьян. Все знают, что условия развития революции в Китае, стране громадного населения и ресурсов, не схожи с условиями маленьких государств Африки или Лат.Америки. И все-таки этот опыт увлекает, главным образом оттого, что кажется менее догматичным, чем в других социалистических странах. Не понимаю, почему Вы говорите об "отсталости" маоизма: конечно, Китай во многих аспектах остался относительно отсталой страной, и сами китайцы это признают, но искренно думаю, что в маоизме главное - динамический процесс развития. Это не значит, конечно, что я - слепой поклонник маоизма! Пожалуйста, не обвиняйте меня в этом!! Знаю, что в Китае есть две линии, и что противники Мао Цзэ-дуна уже давно предпочитают другой курс. Может быть, после смерти вождя (как после смерти Сталина) произойдут важные перемены, но, думаю, что даже при политическом и идеологическом сближении с СССР у китайской революции останется оригинальный (своеобразный) путь к социализму.

Что касается моей страны, Франции, то я не понимаю, почему Вы подумали, что я "хотел бы для Франции и для нас отсталости и маоизма?" Думаю, что каждый народ должен сам выбирать свой путь к социализму! У нас, во Франции, существуют длительные традиции политической борьбы: и теперь у нас есть социалисты и коммунисты. Что касается групп маоистов, то они очень маленькие, преимущественно из студентов, для которых маоизм означает шумный обоюдный протест; борьба на два фронта: против капитализма, с одной стороны, против догматизма коммунистической партии - с другой. Существует большое различие у нас между "маоистами" и многими людьми, которые со вниманием и интересом следят за китайской революцией, надеясь, что там существует что-то важное для развития человечества.

Может быть, дорогой Витя, дорогая Лиля, Вы не согласитесь со мной: нам нужно было бы много времени для обмена опытом и мыслями. Не думайте, что я увлекаюсь левизной! У нас во Франции, особенно у меня в условиях работы преподавателем и профессором в Университете, считаю необходимым для прогресса общества и освобождения человечества построить такой тип социализма, в котором всегда сохранится возможность для гражданина выразить свое несогласие относительно официальной мысли. В эти дни читаю "Записки революционера" Кропоткина, эта книга мне очень нравится и интересна...

Второе письмо в Париж. 19 мая 1976 г.

...Многое разъяснилось, но, конечно, не все. Я понял, что мне следует задавать свои вопросы многословнее и точнее, опираясь на уже высказанные Вами суждения, чтобы и Вам стало легче отвечать на них.

Проверьте, Роберт Павлович, правильно ли мы поняли Ваше письмо.

- Каждый народ должен выбрать свой путь к социализму. Для Франции желателен социализм с сохранением свободы критики официальной мысли.

- Для стран третьего мира, с преобладающим крестьянским населением, очень интересны идеи народничества, идеи некапиталистического пути развития, а также опыт китайской революции;

- Маоизм можно назвать разновидностью народничества с уклоном в сторону национализма и антиимпериализма. В маоизме есть лишь один элемент левизны - тезис о непрерывной революции (динамизм).

- К левацкой идеологии у правительств стран третьего мира и у Вас лично существует скептическое и даже отрицательное отношение. Более благосклонны Вы к марксизму, первоначальные (недогматические) элементы которого Вы предлагаете использовать для поиска нового пути к социализму.

Правильно ли я Вас понял? Если да, то буду считать, что получил от Вас следующий ответ: Никогда не увлекался левацкой идеологией, но считаю, что у каждого народа - свой путь к социализму. Для Франции желателен социализм, допускающий свободу критики правительства и официальной идеологии. Для крестьянских же стран третьего мира интересны народничество и маоизм.

Судя по этому ответу, мы с Вами оказались большими единомышленниками, чем я даже ожидал: мы тоже против левачества и за свободу критики. Для полного же разрешения моих недоумений остается выяснить следующие детали.

Термин "народничество" родился в России - огромной крестьянской стране. Но сегодня относить Россию к странам третьего мира невозможно - она уже прошла эволюцию от аграрной страны народнических идеалов к технически развитой стране с социально-демократическими идеалами. Не означает ли этот исторический факт, что народническая или маоистская идеология - лишь этап в идейном развитии крестьянства при их переходе к индустриальному обществу? Что такой тип идеологии носит переходящий характер, а с нашей точки зрения, граждан развитого мира - она неприемлема, ложная. Ведь Россия так и не осуществила народнические идеалы, а пришла к своему современному состоянию, которое многие из ваших коллег называют государственным капитализмом. За это время сменились идеологические ориентиры, народничество забыто и отвергнуто. И как Вы не желаете для Франции народничества и маоизма, так и я не хотел бы этого ни для прошлой России, ни для нынешней, ни для какой-либо иной страны.

Таким образом, исторический опыт России записал народничество в разряд несостоятельных, ложных идеологических систем. Искать в нем что-либо полезное для развитых стран - бесполезно. Вы согласны?

Мало того, народничество кажется мне вредной идеологией даже для крестьянских стран, поскольку оно выдвигает ложные, неосуществимые идеалы. Конечно, есть в

истории прецеденты, когда ложные идеалы толкали людей на полезную деятельность (как Колумб открыл Новый Свет в поисках Старого Востока). Но, кажется, к народничеству это не относится.

Ведь народнические идеалы коллективизма, общинности, всеобщего равенства и пр. при попытках своего осуществления ведут к отрицанию свободы экономической деятельности людей, развития человеческой личности, против свободы творчества, т.е. ведут к казарме, к запрету на развитие, к диктатуре и реакции. На это еще указывал Ленин в своей полемике против народничества в конце прошлого века, при обосновании возможности капиталистического пути развития России. И я удивляюсь Вашему мнению о том, что в народничестве-маоизме есть много полезного для крестьянских стран.

Что же именно там полезного? Обычный буржуазный либерализм был в России прошлого века гораздо более полезной и прогрессивной идеологией. Он правильно предсказывал ближайшее капиталистическое развитие России, технический прогресс, и потому в те годы Ленин был заодно с либералами (они носили название "легальные марксисты") - против народников.

Конечно, легко отмахнуться от этой мысли, как от старой и неинтересной истории. Но может, как раз в истории существует закономерность, по которой нынешние крестьянские страны станут со временем индустриально развитыми, повторят пути развития Франция или России? А если такой закон существует, то, может, нынешним гражданам стран третьего мира лучше следовать примеру Ленина конца прошлого века и объединяться с буржуазными либералами против народников-маоистов? Прав я, или нет?

Однако не только гражданам стран третьего мира приходится решать этот вопрос: народники-маоисты или либералы и марксисты? И во Франции есть сторонники маоизма, и у нас, наверное, есть потенциальные сторонники народничества. Нужно ли с ними спорить с общих

либеральных позиций? Или напротив - объединяться с ними против либералов?

Однако, объединяясь с буржуазными либералами против народников, наверное, нужно знать возможные пределы этого союза. Ведь либералы не хотят идти к социализму. На их знамени стоит лишь "буржуйский" лозунг: "Свобода и благосостояние!"

Вы написали, что каждый народ должен идти своим путем к социализму, т.е. преодолевать буржуазный либерализм. Но интересно, почему Вы считаете, что социализм выше "свободы и благосостояния"? На каком этапе истории буржуазный либерализм должен быть упразднен социализмом и почему?

И, наконец, последний вопрос: "Вы обмолвились, что китайская революция дает миру пример быстрых изменений в крестьянской стране. - Но разве в Китае за годы революции произошли какие-либо существенные изменения в образе жизни людей? Разве Китай стал технически развитым и цивилизованным? Разве он перестал быть крестьянским и диктаторским? Разве исчез отработанный тысячелетиями механизм смены революций-восстаний - периодами реакции и имперской власти?"

По-моему, ничего в Китае не меняется по существу, и весь его "р-революционный динамизм" - это бег на месте. Вот Япония - это совсем другое дело!..

Ответ из Парижа. 8 июня 1976 г.

...Согласен с Вашим "резюме" моего предыдущего письма. Вы отлично поняли мою точку зрения, и я очень рад, что Вы сами написали: "Судя по этому ответу, мы с Вами оказались большими единомышленниками, чем я даже ожидал!"

Теперь я постараюсь ответить на Ваши новые вопросы:

1. Правда, термин "народничество" родился в России прошлого века, но он также очень часто употреблялся в Южной Америке в 30-50 гг. нашего века. Формулировка - неопределенна, расплывчата - это признаю. Но, думаю, что

этот термин хорошо определяет (подходит) многие политические системы третьего мира, особенно в Африке и Азии, где социальные примитивные структуры быстро изменяются под руководством некоего "вождя" (а не под руководством класса - ни буржуазного, ни рабочего).

Вы пишете, что это - "несостоятельная, ложная система". Несостоятельная - наверное! Но ложная - почему? Если для этих стран такой этап будет полезным, то увидим...

Не буду защищать употребление слова "народничество" во всех этих случаях: знаю, что лидеры стран третьего мира предпочитают слово "социализм", думаю, что это слово не однозначно для них и для нас. Я стараюсь определить, что они понимают под словом "социализм". Правильен или неправилен их путь - не мне судить. Думаю только, что термин "народничество" точнее соответствует такому типу правительства, чем термин "социализм". Но, может, я и ошибаюсь в терминологии.

2. Терминология - это неважно. Можете называть эти попытки маоистов в Китае или других лидеров в Африке или в Азии - как Вам угодно. У нас во Франции тоже существуют течения (например, в профсоюзах СФДТ), которые стараются выдумать свой путь к социализму, опираясь не только на сочинения Маркса и Энгельса, но и на других авторов. Иначе говоря, они думают, что, хотя Маркс был, наверное, наибольший социолог своего времени, связавший экономическую науку (теорию) о социальных действиях с социальным действием (практикой), но такой доктрины, как "научный социализм", просто нет. Конечно, есть какие-то закономерности в развитии человеческого общества и тенденции, но не все из них возможны и полезны. Некоторые попытки ошибочны. А с другой стороны, (например) в арабских странах, многие умные люди не довольны догматизмом так называемого "научного социализма", который им представляется продуктом позитивизма прошлого века.

3. Я плохо понимаю Ваш третий вопрос: "На каком этапе истории буржуазный либерализм должен быть упразднен?" Если "свобода и благосостояние" - положительные результаты либерализма, то надо их сохранить и защищать, всякая социальная система имеет свои ошибки и свои недостатки. История указывает, что надо быть осторожным: все исторические завоевания свободы, равенства и солидарности - непрочны, слабы, хрупки: после французской революции пришла победа Наполеона и капиталистической эксплуатации; после русской революции пришло время сталинизма. И всегда необходимо защищать эти социальные достижения, чтобы не впасть в реакцию и консерватизм.

4. Наконец, постараюсь ответить на Ваш последний вопрос - о китайской революции. Признаюсь, что судить об этом очень трудно. Журналисты и туристы видят только маленькую часть страны. Но думаю, что Вы ошибаетесь, когда говорите, что за "годы революции не произошли какие-либо существенные изменения в образе жизни людей". Наверное, существует определенная оппозиция к линии Мао, и после его смерти многое прояснится. Но и сейчас можно видеть очевидное экономическое и социальное развитие: крестьяне живут лучше. Я критикую "культурную политику", которая мне кажется ошибочной и деспотичной (судя по тому, что китайцы теперь знают и читают в университетах об истории, об искусстве...). С другой стороны, есть некоторые положительные черты: борьба против бюрократизма, стремление развивать инициативу людей. Как бы то ни было, вижу, что многие лидеры третьего мира интересуются оригинальностью китайской революции, и стараюсь понять: "Почему?" Хотя в маоизме существуют некоторые элементы "левачества", но не они привлекают внимание лидеров третьего мира в поисках ответа на социальные проблемы своих стран, особенно тех лидеров, которые не удовлетворены решениями, найденными в европейских социалистических странах.

Перечитывал это письмо, боюсь, что не смог хорошо ответить на Ваши вопросы: эта тема требует долгого разговора. Но надеюсь, что Вам, по меньшей мере, будет ясно: по-моему, нет единственного политического пути, я против догматизма в социальной науке, а с другой стороны, я не "релятивист в философии" и признаю некоторые социальные ценности (свобода, равенство, взаимное уважение, солидарность...), которые необходимо осуществить (воплотить в действительность) в любом обществе... И для этого осуществления учение Маркса очень важно, потому что оно подчеркивает материально-экономические условия существования этих ценностей, оно защищает нас от опасностей идеализма...

Третье письмо в Париж. 3 июля 1976 г.

... Позвольте еще раз пройти по Вашему ответу 8 июня 1976г.

Вы согласны, что народничество - несостоятельная идеология, но возражаете против термина "ложная". Я употребил эти определения как однозначные, но согласен с Вами, что их следует различать. Коли согласиться, что народническая идеология неверна, утопична, т.е. провозглашает неосуществимые идеалы, и, тем не менее, успешно существует и ее лозунгами руководствуются в своей деятельности множество людей (она "работает"), то лучше сказать, что эта идеология - ложна, но состоятельная (т.е. люди ее воспринимают, ценят). Но в целом, обсуждение "состоятельна, но ложная", или "верна, но несостоятельная" становится уже терминологическим, несущественным спором. Я считаю, что мы могли бы закончить дискуссию по этому пункту.

На второй вопрос: "В чем же преимущества народнической идеологии в сравнении с буржуазным либерализмом (даже в развивающихся странах), ответа я не получил. Вы, Роберт Павлович, стали защищать право на существование народнической идеологии рядом с "научным (или догматическим, по-Вашему) социализмом", а я пытался у

Вас узнать совсем другое, просил сравнения народничества именно с либерализмом, потому что последний в условиях развивающихся стран кажется мне более прогрессивным и полезным.

Наиболее интересным для меня оказался Ваш ответ на третий пункт, где Вы фактически берете под защиту буржуазный либерализм: ("Если свобода и благосостояние - положительные результаты либерализма, то их надо сохранять и защищать" - Ваши слова). Но как быть тогда с Вашей симпатией к социализму?

Впрочем, я догадываюсь, в чем суть нашего взаимонепонимания. Перечисляя лозунги французской революции: свобода, равенство, солидарность, как и некоторые другие ценности, которые надо осуществить, Вы ощущаете только их слитность и взаимосвязанность. Я же, напротив, чувствую их несовместимость, взаимоисключаемость. Особенно свободы и равенства. Именно противоречивость этих идеалов и делает неустойчивым и временным их совместное осуществление. Возможно или то, или другое.

Свобода - означает свободу не только для идеального равенства, но и для обыкновенного и привычного всем неравенства. Ведь людям свойственны именно различия, дифференциация способностей и основанное на этом разделение труда и неравенство материальных и социальных положений. Свобода выбора способов жизнедеятельности приводит людей к предпочтению сложного, разделенного общества, позволяющего использовать наиболее выгодным, оптимальным образом все многообразие человеческих способностей. Выигрывает на этом все общество.

Равенство же означает запрет на неравенство, выгодное всем неравенство, игнорирование общественных выгод неравенства. Поскольку свободному человеку свойственно стремиться к оптимальному, наивыгоднейшему способу существования, которое возможно лишь при неравенстве, то лозунг "равенство" (если понимать его в

социалистическом смысле) фактически означает призыв к несвободе. И если для социалистов главным считается лозунг равенства, для либерализма - лозунг свободы, то становится понятной причина столь глубокой исторической враждебности этих идейных течений.

До сих пор, Роберт Павлович, я думал, что Вы близки, прежде всего, к социализму (т.е. к цели "равенства"), но, оказывается, что и от либерализма Вы не желаете отказываться. А если придется выбирать, что Вы выберете: свободу или равенство? Кто Вы по преимуществу: либерал или социалист?

О китайской революции. Конечно, китайские крестьяне сейчас живут лучше, чем до 1949г. - Слава богу, существует же в мире земледельческий прогресс, и за последние 30 мирных лет, конечно, можно было немного превысить уровень периода войны и хозяйственной разрухи. Такие мирные и относительно даже сытые периоды бывали в истории Китая и раньше, в перерывах между войнами и революциями.

Что касается китайской "борьбы с бюрократизмом", "критики снизу" и прочих "привлекательных для иностранцев" дел, то мне эти "плюсы" кажутся несерьезными. Ведь это обычное для социалистических стран явление "критики и самокритики снизу" - во имя выполнения единой генеральной партийной линии или указаний вождя (у нас - Сталина, в Китае - Мао...). Еще Сталин призывал к развертыванию критики и самокритики... его "врагов". Ну и что? Делает ли это сталинский произвол более привлекательным? - На мой взгляд, лишь более черным.

В Китае это явление осуществляется лишь более красочно и крикливо. Но смысл всяческих "кампаний борьбы" - не в действительной критике управляющего страной центра - Мао и его окружения, а, наоборот - в приведении среднего звена управления к покорности верховному бюрократу. Такая "борьба" совершенно отлична и даже противоположна демократическому контролю властей с помощью свободной

прессы или парламентских переизбраний... Но закончим разговор о Китае. Главное, что я от Вас ожидаю, это ответ на вопрос "Кто Вы, Роберт Павлович, либерал или социалист?" А если Вы социалист и либерал одновременно, то обоснуйте такую возможность совместного существования свободы и равенства...

Ответ из Парижа. 14 сентября 1976 г.

...Думаю, что наша дискуссия о народничестве кончена, как Вы сами написали. По-видимому, это больше терминологический спор, и не нужно его продолжать.

Более интересна и важна наша дискуссия о лозунгах французской революции: "Свобода и равенство". Вы пишете, что эти лозунги противоречивы, что первый термин означает и характеризует либерализм, а другой термин - социализм. И Вы спрашиваете меня: "Кто Вы по преимуществу, либерал или социалист?" Я абсолютно не согласен с Вашей точкой зрения!

Правда, всегда было и будет очень трудно соединить свободу и равенство в общественном устройстве: в этом-то и заключается основная обязанность государства, основной показатель его качества (т.е. его достоинства и недостатков). В разных странах и в разные времена борьба за свободу или борьба за равенство будет обладать разной степенью необходимости, настоятельности (на время), но все же оба этих понятия - политические "ценности". Поэтому не считаю их противоречивыми: надо ценить и свободу, и равенство, или, если слова не пугают, быть и либералом, и социалистом.

В XIX веке слова "либерал" и "либерализм" приобрели отрицательное значение из-за страшных злоупотреблений доктриной либерализма со стороны буржуазного класса в целях подчинения и эксплуатации крестьян и рабочих. Но это не означает, что общественные завоевания французской и американской революций потеряли свою историческую роль и значимость для нашего времени.

С другой стороны, Вы сами понимаете, что слова "социалист" и "социализм" приобрели разные значения, а в некоторых случаях (например, в Китае и в некоторых странах

третьего мира) из-за злоупотреблений господствующего слоя приобрели отрицательные черты. Все-таки это не значит, что общественные завоевания русской и китайской революций потеряли свое историческое значение.

В июле я провел 3 недели в поездке по США, сопровождал группу французов, которые принадлежат к социалистической, а несколько из них - к коммунистической партии Франции, т.е. они - марксисты. Всюду, в разных городах и на многих собраниях они спрашивали: "Почему марксизм не имеет большого успеха в США?" И наши собеседники, в семьях, в университетах, в профсоюзах, всюду отвечали: "Думаем, что идеалы и доктрина американской революции и сегодня обладают жизнестойкостью и динамизмом. У нас, наверное, очень много недостатков, мы не пренебрегаем учением Маркса и других, принимаем его критику и стараемся устранить неисправности, несправедливости нашего общества". По-моему, такое мнение слишком оптимистично. В Южной Америке, куда я путешествую каждое лето, и где еще раз в этом году буду читать лекции, экономический либерализм причинял такой ужасный вред народам, что надо обязательно разрушить сегодняшнее государственное устройство. И в то же время даже в необходимой социалистической революции надо осторожно сохранить завоевания либеральных революций (политического либерализма).

Так думал К.Маркс. Знаю, что это очень трудно. Мы с моими латиноамериканскими друзьями часто говорим об этом... Вы написали: "Если Вы и социалист, и либерал одновременно, то обоснуйте такую возможность сосуществования свободы и равенства". Не знаю, понравится ли Вам приведенное мною обоснование? Вероятно, Вы посчитаете меня слишком эклектичным (стараюсь соединять разнородные взгляды и доктрины) или скептическим. Жаль, что нам нельзя продолжить беседу устно; писать по-русски мне очень трудно. Все же надеюсь, что Вы поймете мои размышления, и мы останемся хорошими друзьями...

Четвертое письмо в Париж. 10 октября 1976 г.

... Меня, действительно, не убедили Ваши доводы о необходимости совмещения идеалов свободы и равенства. Ваш способ доказательства "от противного" основан не на логике, а на исторических примерах: в Латинской Америке существовал либерализм - и это было плохо, в Китае осуществляется уравниловка (социализм) без свободы - и это плохо, следовательно, надо совмещать свободу с равенством, чтобы стало хорошо... Но Вы не ответили на мое логическое возражение: люди изначально не равны друг другу по самым разным аспектам, поэтому их можно только принудить к равенству, а в свободном состоянии они равны совсем не будут. Поэтому и приходится выбирать людям между свободой и равенством, вернее, выбирать приемлемую степень компромисса: одному народу нравится большая степень равенства при меньшей свободе, а другому - обратное соотношение. Понятно, что нигде не осуществлялось ни чистое равенство, ни полная свобода. Потому я и спрашивая Вас: "Кто Вы по преимуществу: либерал или социалист?"

А если перевести этот вопрос на язык примеров, то получится так: "Если бы Вам пришлось эмигрировать из своего отечества (не дай, конечно, бог!), то куда бы Вы предпочли уехать: допустим, в США (Швейцарию и т.п.) или в Китай (Албанию и т.п.). В зависимости от Вашего ответа я смогу определить Вашу принадлежность "по преимуществу" к тому или иному жизненному укладу.

Ведь можно стремиться к улучшению либерального общества демократизацией, обеспечением равных прав, равных возможностей и т.д., можно иметь сколь угодно социалистические или даже коммунистические идеалы, но на практике, по реальным повадкам, привычкам, культуре, мироощущению быть типичным либералом. Как правило, вопрос о месте возможной эмиграции хорошо это выявляет.

Я буду с нетерпением ждать Вашего ответа, но мне заранее кажется, что ваш выбор придется скорее на США или Швейцарию, чем на Китай или Албанию. Я давно подозревал,

что Вы по преимуществу либерал, и если Вы с этим согласитесь, то мне останется только выяснить: "Тогда что же Вас привлекает в социализме? Что так прельщает?" Нам, живущим в социалистическом обществе, это очень интересно. К сожалению, я плохо знаком с латиноамериканской историей, и потому не знаю, почему именно экономический либерализм причинял "такой ужасный вред народам, что надо обязательно разрушить сегодняшнее государственное устройство" (какие страшные и революционные слова Вы говорите, наш милый Роберт Павлович!). До сих пор я думал, что латиноамериканские беды исходят больше от тяжелого груза испанской феодальной и экстремистской культуры, традиции деспотизма, от попыток перепрыгнуть в своем развитии необходимые этапы развития. Типичный пример: Чили, где экстремистские реформы Альенде привели к путчу и гибели конституционную форму правления.

Но не берусь спорить, ибо согласен с Вами в главном, что стремление к равенству так же глубоко заложено в людях, как и стремление к свободе. Согласен, что равенство составляет для многих такую же ценность, как и свобода, если не большую. Но только, что же делать, если эти ценности противоречат друг другу и надо выбирать какую-то степень компромисса между ними? Наверное, чтобы правильно решить такую задачу, надо исходить из более общего критерия, из более главной ценности, например, "жизнь и счастье людей". Согласны ли Вы на такой общий критерий?

Если да, то легко найти ответ на мучающий нас вопрос: "Свобода или равенство?" Вот он: если в стране большинство людей традиционно имеет привычку к повиновению-послушанию и больше ценит равенство с другими, чем свободу, то для них лучше "социализм" (например, Китай), если же в стране люди изначально чувствовали себя разными, неравными, а за главное благо почитают личный комфорт и личную свободу, то для них более приемлем "либерализм" (Запад). Соотношение численности людей той или иной ориентации и их активность

определяют и искомый компромисс между обеспечением равенства и свободы.

Нравится ли Вам мое понимание этого вопроса? Согласны ли Вы с моим определением Вас, как либерала по преимуществу, по своей главной сути? Согласны ли, что на Западе таких людей много, большинство, даже среди социалистов и коммунистов и др. левых?

А может, западный социализм коренным образом отличен от привычного нам состояния и гораздо ближе к западному либерализму? Может, он, как и либерализм, ратует больше не за материальное, экономическое равенство, а за равенство прав и возможностей?

Из Парижа в Москву. 26 октября 1976 г.

...Теперь постараюсь ответить на Ваши вопросы и с удовольствием продолжу наш разговор о либерализме и социализме, о несовместимости (по Вашему мнению) свободы и равенства!

Я не понимаю, почему Вы говорите только о США и о Китае, как "примерах" стран, где царствует в первой - свобода, во второй - равенство... Вы спрашивали, куда я уехал бы, если бы пришлось эмигрировать: в США, или в Китай? - Наверное, в США, но это не только по причине политического режима, но по многим другим причинам (культуры, языка, истории...). Правда, ценю нашу европейскую и американскую традицию политической борьбы за свободу: в этом смысле признаю себя либералом. Думаю, что социалисты и коммунисты наших стран в этом смысле тоже "либералы".

Но я не согласен с Вами, когда Вы пишете: "Если в стране люди изначально чувствуют себя разными и неравными, а за главное благо почитают личный комфорт и личную свободу, то для них более приемлем либерализм (Запад), а потом противопоставляете это стремление к личному комфорту (как "главное благо для западных стран"!)- традиционной привычке к повиновению и несвободе китайского народа (как основной причине, по Вашему

мнению, почему большинство китайцев предпочитают равенство - свободе).

Может быть, я не аккуратно понял Ваше мнение, но, мне кажется, что это - карикатура (искажение) и либерализма, и социализма. Ведь хотя я признаю себя "либералом" (и думаю, что в этом смысле К.Маркс тоже был "либералом"), это не значит, что я одобряю всю историю и деятельность либерализма. Знаю, что в истоках исторического либерализма многое было нечистым (эгоизм, жадность к власти и деньгам...) и неправильным с точки зрения философии и логики (будто бы интересы отдельных личностей составляют общее благо, коллектива). Напротив, у основателей философского и политического социализма было большое этическое чувство в их борьбе за справедливость, за уважение прав человека, за достоинство всех людей. Однако в историческом социализме, т.е. в развитии социалистических режимов, надо признать, что были и есть некоторые недостатки (например, недостаточный динамизм экономики).

Вы правильно написали, что выбор одного или другого государственного строя зависит, в конце концов, от желаний большинства народа, от его политических, экономических, культурных традиций, от его исторического опыта. Если через несколько лет большинство французского народа выберет социалистический строй, я постараюсь сохранить (и даже развивать) в нашей стране то, что считаю необходимой ценностью человеческого общества и условием прогресса, т.е. право выражать и защищать разногласия и даже несогласия. Думаю, что нет противоречия между современным социалистическим строем в развитых странах и сохранением (поддержанием) того, что мы считаем завоеванием либеральных революций: возможность и право на критику какого угодно правительства.

Поэтому еще раз повторяю, что не вижу никакого противоречия равенства и свободы: это две ценности общества, которые всегда и везде будет трудно совмещать в каком-нибудь режиме...

Не знаю, ясно ли изложено мое мнение? - Думаю, что разница между нами и спор происходит оттого, что, по Вашему мнению, существует единственный научный путь развития человеческого общества (и надо только постараться выбрать его), а по-моему, такого единственного простого и прямого пути нет: человечество учится на опыте, часто ошибается, исправляет ошибки, пробует иное... Узнав все злоупотребления экономического либерализма, мы, например, во Франции, готовы пробовать (испытывать) социалистический строй: может быть, это случится у нас в 1978 г., после выборов в палату депутатов. Но при этом большинство французов думает, что есть разные типы социализма (по нашей традиции), а, кроме того, большинство французов считает необходимым сохранять свои конституционные права и политическую возможность изменения экономического строя и замены правительства, если они не оправдают ожиданий народа. Другими словами, чтобы правильно решить эту задачу, надо исходить из более общего критерия, из более общей ценности, например, "жизни и счастья людей". Это - Ваши слова, и я согласен с таким критерием. Наверное, социологическая наука освещает наш путь (в этом смысле, марксизм есть важный вклад, ценное достижение в области общественных наук), но опыт, практика - еще важнее и ценнее...

Пятое письмо в Париж . 20 ноября 1976 г.

... С грустью прочитал, дорогой Роберт Павлович, Ваш отзыв о моих взглядах на либерализм и социализм - как о карикатуре и на то, и на другое. Я, действительно, часто огрубляю свои описания (или не умею точнее выразиться), чтобы хоть основную суть проблемы выявить, обеспечить ясность. А ведь карикатура - это злонамеренное искажение, огрубление с плохой целью. Такой цели у меня не было. Я неудачно выразился о "комфорте и свободе", как главных ценностях Запада. Конечно, надо было сказать о "свободе и

комфорта", а может, "комфорт" и не упоминать, как второстепенную, или даже третьестепенную величину в сравнении со свободой... Но, ей богу, Роберт Павлович, прошу не обижаться, у меня не было цели обидеть Запад, а Вас - тем более.

Думаю, что нам нет смысла ввязываться в рассмотрение малоизвестных преступлений либерализма или великолепных этических целей основателей социализма. Мне только хочется констатировать, что Вы все-таки уклонялись от обсуждения моей гипотезы векового и диалектически противоречивого сосуществования ценностей равенства и свободы. Теперь я понимаю, что это происходит не от Вашей невнимательности, а от более глубоких и серьезных причин.

Видимо, сказывается такое кардинальное различие между нами, как мой атеизм и Ваша религиозность. Для меня человеческий мир изначально не зол и не добр, а просто объективен и таким пребудет вовеки. Всегда в этом мире будут существовать рядом добро и зло, как относительные характеристики человеческих поступков, а свобода и равенство будут всегда противоречивыми людскими желаниями. Ибо если добро и зло были бы величинами абсолютными и несомненными, а свобода и равенство не мешали и не противоречили бы друг другу, то что же мешало бы их полному осуществлению еще в прошлые времена? - Не говоря уже о сегодняшних?

Для религиозного человека этот мир есть гигантский эксперимент, поставленный Провидением, есть борьба Бога с Сатаной, Абсолютного Добра с Абсолютным Злом, причем первая сторона отстаивает все ценности вкуче, а вторая - только им мешает, отстаивая неравенство и несвободу. Это очень благородная точка зрения. Вам, наверное, она тоже присуща, но мне лично кажется непрактичной. В реальной жизни приходится не только "творить добро", но и "выбирать из двух зол наименьшее", не только бороться за "свободу, равенство и братство", но и выбирать между большей свободой или большим равенством.

Ваш упрек, что я верю в "единственный научный путь развития человеческого общества" я мог бы переадресовать Вам самим. Ведь, если я утверждаю, что разные народы развивались по-разному (у одних было больше свободы и неравенства, а у других - наоборот), то Вы, Роберт Павлович, считаете возможным соединить обе ценности и построить наилучшее, для всех приемлемое общество равенства и свободы - не в научной теории, а на практике. Я же не только не верю в "единственный научный путь" к такому розовому будущему, но и вообще не верю в его практическую осуществимость.

...Вы говорите: "Мы во Франции готовы пробовать (испытывать) социалистический строй: может, это случится в 1978г." Конечно, проживем - увидим, но давайте загадаем, а через несколько лет проверим осуществимость своих прогнозов. Так вот, мне кажется, что если в 1978 г. во Франции будет правительство, действительно озабоченное введением в страну социализма, то оно должно будет действовать радикально и решительно, не останавливаясь даже перед принудительной ликвидацией "капиталистической эксплуатации, частной собственности, сломом сопротивления реакционных классов и его печати" и т.д. и т.п.... Тогда, я думаю, что многие поймут: "пролетарская диктатура" и пересмотр буржуазно-демократического законодательства есть необходимое и неизбежное условие построение реального социализма в стране, и что либерализм - несовместим с реальным социализмом.

Но что же будет, если социалистическое правительство Франции в 1978г. (если оно будет), поставит себе первой заповедью сохранение "завоеваний либерализма" при любых социалистических преобразованиях? - Но зачем ждать 1978 года в Париже? Можно посмотреть, например, на сегодняшний Лиссабон, где социалист Марио Соареш мечтает о свободном, рыночном социализме. На скандинавских или немецких социал-демократов, осуществляющих что-то

подобное... Чем такой "социализм" отличается от капитализма Франции и Англии?

А с другой стороны, можно посмотреть все реальные социалистические государства от Югославии до Китая и Африки: разве не считают они либерализм одним из главных своих врагов? Жизнь показывала и раньше, и теперь: или рыночный, или диктаторский социализм. То же самое покажет и будущее...

Заклучение 1978г. На этом наша переписка прервалась в связи с длительной командировкой на Восток Роберта Павловича, а потом, к сожалению, и не возобновилась. Перечитывая эти письма, я вижу, как трудно нам разговаривать и договариваться с западными людьми, вижу их нежелание принимать нашу настороженность к таким понятиям, как социализм и равенство. Но, с другой стороны, разговор все же состоялся, оказался возможным и диалог, и достижение взаимопонимания. Можно все же постигнуть логику западного мышления... Польза от этой переписки для меня несомненна: она научила большей сдержанности и большему вниманию к великому синтезу свободы и равенства, к идеалам демократического социализма.

2.6. Письма о конституции.

Весной 1977 г. в газетах было неожиданно объявлено об удалении из Политбюро ЦК КПСС официального главы государства Н.В.Подгорного и одновременно о скором обнародовании проекта новой Конституции.

Однако для некоторых людей, в том числе и меня, это объявление было не столько неожиданным, сколько давно ожидаемым. О пересмотре Конституции начал говорить еще Хрущев, а затем на каждом съезде упоминал Брежнев, как о самой неотложной задаче. Но принимаемые решения каждый раз не исполнялись, очевидно, из-за внутренних трений у власть имущих. Конечно, я не ожидал никаких существенных

изменений в новой Конституции, поскольку никто в стране даже не высказывался о необходимости каких-то конституционных изменений, справедливо полагая, что сначала следовало бы научиться выполнять хотя бы действующую Конституцию.

Но вот само официальное обсуждение Конституции меня интересовало, как момент, когда я буду обязан высказаться откровенно и во всеуслышание о самом главном. Точнее, я не столько ждал, сколько боялся наступления этого момента, когда придется выполнять данное самому себе обещание. Вот почему я был внутренне готов к обсуждению Проекта, и написал письмо и предложения довольно быстро.

2.6.1. Открытое письмо Л.И Брежневу и А.Д.Сахарову

(по поводу Проекта Конституции СССР, вынесенного на всенародное обсуждение)

Уважаемый Леонид Ильич!

Я думаю, что Вы не прочтете мое письмо, что, из отдела писем ЦК КПСС через МК оно пойдет прямым путем в органы КГБ, чтобы осесть еще одним тяжелым камнем в моем досье неблагонадежного. Получается, что, выкладывая на бумагу свои убеждения без утайки, я пишу не письмо, а донос на самого себя, и не Вам, а будущему следователю.

Однако поступить иначе я не могу. Не могу по своей принадлежности к народу. Что бы ни случилось, я – двухсотмиллионная часть советского народа, и в эти дни, когда Вы объявили о начале всенародного обсуждения Основного Закона нашей жизни, я не могу отмалчиваться, чего бы это мне ни стоило. Сознание ответственности перед народом обязывало меня и раньше не скрывать своих убеждений, но я всегда боялся. Однако Ваше публичное приглашение к обсуждению Проекта помогло мне преодолеть этот страх, помогло составить свои предложения по исправлению представленного на обсуждение Проекта Конституции. Конечно, я не думаю, что мои предложения

достаточны, но уверен, что подавляющее их большинство необходимо принять для блага советских людей и их будущего.

Для себя лично от этого шага я не жду ничего, кроме плохого.

16 лет назад, при всенародном обсуждении Проекта Программы КПСС, я направил в адрес ЦК КПСС свои замечания под названием «Критика Проекта Программы КПСС» - в результате был исключен из комсомола, и лишь искреннее раскаяние или случайность помогла мне доучиться оставшиеся несколько месяцев в вузе. Сегодня я уже слишком взрослый, чтобы надеяться на чудо искреннего раскаяния, и потому удержаться на работе, возможно, будет сложнее. Однако исключительность и ответственность настоящего момента обязывает меня идти на этот риск и не отмалчиваться.

То же чувство ответственности и желание быть услышанным народом заставляет меня обратиться к независимому общественному мнению, к его наиболее авторитетному представителю – ак.Сахарову. Если бы Вы могли прочесть это письмо, Леонид Ильич, и прочли его непредвзято, с точки зрения простого человека, то, наверное, поняли бы, что у меня, да и у других наших людей, имеющих собственную (не Вашу), точку зрения и переживающих за страну, нет иного пути.

Уважаемый Андрей Дмитриевич!

Я обращаюсь к Вам, хотя и знаю: Вы неоднократно заявляли, что политикой не занимаетесь. Однако думаю, что обсуждение и принятие новой Конституции имеет столь фундаментальное значение для всех прав и свобод человека в нашей стране, что уклоняться от обсуждения никто не вправе. Надеюсь, что и Вы, Андрей Дмитриевич, найдете возможность заявить на всю страну (пусть это даже прозвучит на весь мир, раз нельзя иначе), что, кроме официального одобрения в стране, существует и иная точка зрения на то, какой следовало бы быть новой Конституции, что существует другая, истинно

демократическая альтернатива, тем самым Вы пробудите в народе мысль и ответственность перед прошлыми и будущими поколениями.

Мне не к кому обращаться с этим предложением, кроме Вас, Андрей Дмитриевич, и Ваших друзей, а оправданием мне может послужить только готовность нести свою долю ответственности.

Возможно, что Вы создадите или примете участие в создании независимой конституционной комиссии. Тогда я прошу принять мои Замечания к опубликованному Проекту Конституции для анализа и использования.

11.6.1977 г. В.В.Сокирко

2.6.2. Предложения по исправлению Проекта Конституции СССР, опубликованного 4 июля 1977 г.

При выработке новой Конституции считаю необходимым придерживаться следующих принципов:

а) **Преемственность.** Хорошие законы – это постоянные, устойчивые законы. То, что в прежней Конституции не противоречило жизни и стало привычным, должно быть сохранено, пусть даже на поверхностный взгляд многие положения могли бы звучать более удачно. Конечно, законы должны исходить из жизни, но и жизнь должна следовать установленным законам. Изменять еще не отжившие законы – значит, резать здоровый организм. Добра не будет.

б) **Учет опыта народной жизни,** протекшей за время действия прежней Конституции. Я считаю, что с 1936 года основным отрицательным опытом нашего народа является возникновение и господство культа личности и всех, связанных с ним, деформаций и ужасов. Новая Конституция должна сделать все, чтобы культ личности в нашей жизни не повторялся.

в) *Полнота отражения реальной жизни.* Нарушением этого принципа сильно грешила Конституция 1936 года, что и определило ее недейственность. В ней не была отражена в должной мере подлинная роль партии, ее органов и руководителей в управлении страной. Действительно, Конституция, которая фиксирует список второстепенных министерств и ведомств, и в то же время умалчивает о порядке выборов или назначения главного руководителя страны - Генерального секретаря партии, руководящая роль которой зафиксирована самой Конституцией, - очевидно, является ущербной.

г) *Провозглашение в качестве основной цели – блага людей, страны и мира* – способной объединить всех наших людей без различия веры и убеждений. С этой точки зрения фиксация в Конституции как главной цели – «Коммунизм и сохранение социалистического строя» - неправильна (она не является главной для многих верующих и беспартийных) и недостаточна, ибо толкований слов «социализм» и «коммунизм» очень много. Социалистическим называли свое общество и нацисты, и социал-демократы. В верности коммунизму клялись и казарменные уравниатели прошлого, и маоисты современности. Кто нас застрахует от того, что именно человеконенавистнические толкования социализма и коммунизма не возьмут верх в партийной идеологии, и Конституция не превратится из охранителя прав и блага людей в свою противоположность? – Ведь у нас уже был исторический опыт... Фиксирование же как Высшего принципа только общечеловеческого и общенародного Блага позволит отобрать и наиболее правильные принципы государственного и общественного устройства, дать простор и человеколюбивым идеологиям (в том числе и человеческим толкованиям Социализма и Коммунизма).

д) *Краткость.* Ибо многословие затрудняет восприятие главного.

Исходя из вышеперечисленных принципов, я имею к тексту проекта следующие замечания:

Ради краткости и скромности необходимо убрать Введение или сильно сократить его за счет хвастливых фраз о построенном социалистическом обществе и за счет узко-идеологических положений, приемлемых для членов идеологического союза, но не для всех наших людей. Так, фраза «советский народ, руководствуясь идеями научного коммунизма и соблюдая верность своим революционным традициям» совершенно невозможна в Конституции, т.к. народ состоит не из одних коммунистов, а включает в себя сейчас и может включать в будущем людей даже противоположных убеждений.

Народ в целом может стремиться только к благу своему, своих детей, руководствуясь своим и мировым опытом и традициями предков. Об этом можно упомянуть во введении.

В главе 1.

Ст. 1 следует убрать, поскольку она повторяет Ст. 2: «Вся власть в СССР принадлежит народу».

Ст. 8 также следует убрать для краткости и из-за ее принципиальной неполноты (ибо невозможно заранее предугадывать все возможные направления будущего развития государства, и тем более неверно их фиксировать).

Ст. 6 является совершенно неудовлетворительной и противоречит Ст. 2. Если КПСС является «руководящей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций ... определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР», то возникает вопрос: Каким же образом, с помощью какого механизма народ, которому, по Ст. 2, принадлежит полная власть, влияет на партию, диктует ей свою волю и желания?

Поскольку «власть принадлежит народу... через Советы, которым подотчетны все другие государственные органы» (Ст. 2), было бы логично установить порядок, при котором Советы вместо нынешних Исполкомов выбирали бы

партийные бюро соответствующих уровней и требовали от них отчета, т.е. слились бы с современными партконференциями и собраниями. Однако мы знаем, и Проект Конституции с этим молчаливо соглашается, что партийные руководящие органы выбирают только члены партии, а никак ни Советы, ни народ, что сами члены партии не избираются народом, а назначаются самими партийцами, т.е. выбираются из народа недемократическим путем. Эта недемократическая практика никак не зачеркивается фразой Проекта о том, что «КПСС существует для народа и служит народу», ибо это только пожелание, не подкрепленное реальным механизмом выборов и влияния (монархи тоже стараются отождествить свои цели с народными, но от этого никто не считает монархический строй – демократическим).

Одно из двух: либо власть принадлежит народу, и тогда он должен выбирать все свои руководящие органы, и в первую очередь партийные, либо власть и руководство в стране принадлежит не народу, а партии, но тогда надо зачеркнуть Ст. 2, а наше государство признать недемократическим.

Ст. 6 и 2 противоречат, зачеркивают друг друга, превращают этот Проект Конституции в логически безграмотный и неисполнимый документ. Как мне кажется, обе статьи можно сохранить лишь при условии фиксации строго государственного, общенародного, т.е. выборного и подотчетного народу характера КПСС, лишенной частных идеологических функций, мешающих выборам в нее людей разных взглядов, вероисповеданий.

Ст. 7 должна быть расширена следующим образом: «... и другие общественные организации, которые, выражая различные интересы и взгляды граждан по важнейшим вопросам общественной жизни, оформляют их в виде различных программ, отстаивают перед массами и стремятся претворить их в жизнь через решения Советов. Свободная деятельность организаций, придерживающихся различных направлений и свободно критикующих руководство – главный

рупор голоса народа и основная гарантия против бюрократических извращений госаппарата, культа личности и прочих явлений, сопутствующих узурпации народной власти».

Глава 2. Экономическая система

В Ст. 9 следует убрать фразу: «Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы» - из-за ее невразумительности. Так, если рабочий усиленно эксплуатирует государственный станок в целях повышения своего заработка – является ли это наживой и следует ли такой поступок запрещать и наказывать? По-моему, нет. Напротив, в интересах народа можно было бы записать следующее положение «Поощряется наиболее эффективное использование социалистической собственности в общественных и личных интересах», поскольку последние являются составной частью первых.

В Ст. 10 следует оставить только перечень исключительной собственности государства: земля, недра, воды, леса, чтобы не создавалось впечатление, что эти исключительные права распространяются и на все средства производства.

Ст. 12 следует дополнить: «в личной собственности граждан могут находиться любые средства производства при условии их эффективной работы на благо народа». Мировой и отечественный опыт показывает, что личный труд на базе передовой техники обладает громадной эффективностью и должен быть всемерно поощряем.

Из ст. 12 должны быть исключены определения «трудовые и нетрудовые доходы» ввиду неясности термина «нетрудовой» (доход от грабежа запрещается положением об охране личной и государственной собственности, а доход от соединенного труда запрещать бессмысленно и аморально).

Из Ст. 13 следует убрать положение о том, что государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления, поскольку оно нарушает как право на свободный

труд, так и право на внегосударственную (кооперативную и личную) собственность (ибо «контроль – это и есть собственность»).

Ст. 14 следует дополнить упоминанием, что государство всемерно поощряет развитие эффективного кооперативного и частного производства.

В Ст. 15 экономику СССР следует характеризовать как «единый саморазвивающийся комплекс», а задачи государственных органов видеть в максимальном способствовании эффективному развитию этого комплекса с помощью финансово-кредитного механизма и при обязательном уважении хозяйственной самостоятельности и инициативы экономических объединений.

Ст. 17 следует объединить со Ст. 12 и сформулировать как поощрение любой формы эффективной трудовой деятельности, в том числе и личных хозяйств любых видов, ибо любые запреты экономически эффективных явлений противоречат народному благу.

Глава 3. Социальное развитие и культура.

Эта глава должна быть сильно сокращена, чтобы потерять характер партийной программы и приобрести сухой вид основного Закона. Видимо, следует оставить упоминание о структуре государственных расходов в данной области: бесплатное государственное образование, здравоохранение, научную и художественную деятельность, необходимые фонды общественного потребления. Причем следует оговорить, что контроль за распределением этих средств осуществляется комиссиями Советов, и что сфера действия этих расходов будет по возможности сокращаться ввиду принципиально меньшей эффективности бюрократически-государственного распределения в сравнении с товарно-денежным механизмом распределения, которому отдается предпочтение.

Глава 4. «Внешняя политика».

Ст. 26 следует сократить. Достаточно определения: «Государство проводит политику мира, выступает за упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество. В СССР пропаганда войны запрещена». Весь же прочий текст необходимо исключить из-за его многозначности: так, обеспечение условий для построения коммунизма в СССР, укрепление позиций мирового социализма, поддержка борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс можно понимать при некоторых условиях и как поощрение или подготовку к войне.

Глава 6. Гражданство СССР. Равноправие граждан.

Ст. 35 и 36 можно сократить, оставив в Ст. 35 упоминание об охране труда и здоровья женщин, материнства и детства, а в Ст. 36 – запрет на проповедь расовой или национальной вражды, запрет на прямое или косвенное ограничение прав людей по национальному признаку, а также добавив запрет на обязательное фиксирование национальности в государственных документах.

Глава 7. Основные права, свободы и обязанности граждан

В Ст. 39 в предложении «использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан» необходимо заменить слова: «интересы общества и государства» на – «права общества и государства». Сохранения требования использования прав и свобод гражданам лишь не в ущерб не сформулированным заранее интересам государства, при определенном толковании этих интересов легко сведет эти свободы и права к нулю, превратит их в пустой звук. Все

естественные интересы государства и общества должны быть юридически строго сформулированы в качестве законных прав с единственно возможным их толкованием. Без такого изменения Ст. 39 вся глава 7 теряет смысл, ибо каждое из прав и свобод человека можно отменить, ссылаясь на неопределенное понимание интересов государства и общества.

Ст. 40 является противоречивой, ибо право на гарантированную работу по выбранной профессии в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой и справедливой оплатой часто противоречит общественным потребностям на эти виды труда, учет которых и ограничивает, если не просто уничтожает это право. Поэтому данную статью следует сформулировать как право граждан на свободный поиск справедливо оплачиваемой работы в соответствии с призванием, способностям, выбранной профессией и достигнутой квалификацией – в пределах общественной потребности.

Ст. 41 следует сократить, оставив лишь указание, что право на отдых обеспечивается ограничением максимальной длины рабочей недели в 41 час и предоставлением ежегодного отпуска не менее 15 рабочих дней. Это право должно распространяться на всех граждан СССР, но следует оговориться, что данное право не является обязанностью, и что граждане по своему желанию имеют право на рабочую неделю любой продолжительности (совместительство, сверхурочные и т.д.).

Ст. 42 следует дополнить указанием о том, что в целях охраны граждан, государство наряду с бесплатной медицинской помощью покровительствует платным медицинским услугам, как наиболее квалифицированным и эффективным, поощряет приток средств от граждан в медицину и медицинскую промышленность, гарантирует право граждан свободно искать и выбирать нужных им врачей и способы лечения.

Ст. 44 должна быть уточнена в части принципов справедливого распределения «общественных фондов жилой

площади по невысокой квартирной плате» с указанием на то, что ставки квартирной платы должны устанавливаться дифференцированными в зависимости от среднего душевого дохода семьи: малооплачиваемым и многодетным семьям могут предоставляться даже бесплатные квартиры, обеспеченные же семьи должны вносить квартплату, достаточную для рентабельности жилищного строительства. Это должно создавать приток средств для дальнейшего расширения жилищного строительства и обеспечения прав граждан на свободный выбор жилья необходимой площади и качества. В этой же статье следует узаконить сложившуюся практику пожизненной собственности на государственные квартиры и права свободного обмена и продажи.

Ст. 45. Право на образование должно быть дополнительно обеспечено государственным поощрением любых форм высококвалифицированного платного обучения и свободой искать возможности такого обучения.

Ст. 46. Право граждан на пользование достижениями культуры должно обеспечиваться свободой пользования произведениями любых деятелей мировой и отечественной культуры вне зависимости от их политических воззрений (например, право на пользование произведениями С.Дали и А.Солженицына), т.е. запретом цензуры на произведения культуры, за исключением строго установленных законом случаев (пропаганда войны, расового превосходства, порнографии и т.д.).

Ст. 47. Свобода научного, технического и художественного творчества должна гарантироваться гражданам полностью, а не только в «целях коммунистического строительства». Любое ограничение свободы какими-либо нестрогими сформулированными целями и интересами фактически зачеркивает эту свободу. В этой же статье следует гарантировать право авторов и изобретателей на свободное изготовление своих произведений, продажу или внедрение их на благо людей, на организацию авторских фирм

и предприятий для ускорения научного, технического и художественного прогресса.

Ст.48 должна быть дополнена правом граждан избирать партийные органы, как высшие руководящие органы страны.

Ст. 49 о праве на критику должна быть дополнена правом на публичную критику государственных органов, правом на поиск единомышленников и на убеждение других граждан, на создание организаций для борьбы за исправление недостатков государственных органов, их политики или даже строя в целом – демократическим путем.

Ст. 50. Свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций должна быть гарантирована гражданам не в «целях укрепления социалистического строя и интересов трудящихся», а полностью в рамках соблюдения установленных законов, и собравших минимум подписей, или готовых возместить полностью или частично соответствующие государственные издержки. Также должен быть установлен запрет на преследование любой негосударственной печати, не нарушающей установленных законов.

Ст. 51. о праве на организации будет иметь смысл только, если из нее будет исключено ограничение: «в соответствии с целями коммунистического строительства». Без этого исправления любые организации в конечном итоге окажутся филиалами КПСС, т.е. государственными организациями.

Ст. 52 в предложенной формулировке нарушает равноправие граждан. Кроме свободы атеистической пропаганды должна быть гарантирована свобода религиозной пропаганды. Запрет на возбуждение вражды и ненависти следует отнести в связи не только с религиозными, но и атеистическими убеждениями.

Отделение церкви от государства должно быть гарантировано запретом на создание государственных органов, контролирующих церковную деятельность и

вмешивающихся в ее дела. Государственная школа должна быть отделена не только от церкви, но и от атеизма, поскольку обязательное преподавание его оскорбляет чувства верующих учащихся, т.е. противоречит их свободе совести.

Ст. 60 об обязанности добросовестного труда и трудовой дисциплины должна быть исключена, поскольку противоречит праву на свободный труд, оговоренный в Ст. 40.

Ст. 61 должна быть дополнена аналогичной обязанностью по отношению к личной и иной собственности.

Ст. 62 необходимо дополнить указанием, что ее применение относится лишь к условиям военного времени, иначе возникают противоречия с основными правами граждан. Так, долг защиты социалистического Отечества в мирное время может быть расценен как запрет на критику специфических особенностей нашего государства, квалификация измены Родине как тягчайшего преступления может рассматриваться как запрет на эмиграцию и перемену Родины. Обязанность оберегать интересы государства, его могущество и авторитет также должна быть переформулирована как обязанность не нарушать законные права государства.

Ст. 65 необходимо уточнить следующим образом: «Граждане СССР обязаны уважать права и законные интересы других лиц, государства и общественных организаций, быть непримиримыми к преступлениям и способствовать их предотвращению». В данной главе следовало бы предусмотреть статью, устанавливающую обязанность граждан платить налоги на общественные и государственные нужды.

Раздел III. Национально-государственное устройство СССР.

Ст. 71 о праве союзных республик на свободный выход из СССР должна быть дополнена описанием возможности

такого выхода, гарантированного свободой пропаганды и борьбы за самоопределение народов и выхода из Союза.

Раздел IV. Советы народных депутатов и порядок их избрания.

Данный раздел должен быть сильно переработан и дополнен главой о порядке избрания руководящих партийных органов, а также главой, ограничивающей сферы деятельности парторганов и Советов в нынешнем составе (допустим, они могут быть аналогичны отношениям верхней и нижней палат в других странах).

Ст. 99 должна быть дополнена правом на выдвижение кандидатов в депутаты любой группы граждан, собравших фиксированный минимум подписей.

Ст. 102 фактически запрещает или делает невозможной деятельность депутата для лиц свободных профессий, не связанных государственной работой, что нарушает право граждан быть избранными и, что еще важнее, снижает возможность эффективной работы тех депутатов, которое готовы отдать все свое рабочее время депутатским обязанностям. Поскольку депутатские обязанности относятся к чрезвычайно важному виду общественной деятельности, то на время работы Советов депутат должен получать вознаграждение, достаточное для нормальной жизни его и его семьи.

Из Ст. 106 следует убрать право отзыва депутатов в любое время по решению большинства избирателей (за исключением случаев тяжелой болезни или осуждения депутата по суду), ибо такое право в принципе способно привести к перманентной избирательной борьбе и лишит депутатов возможности спокойно выполнять свои обязанности в течение всего срока избрания.

Раздел V. Высшие органы государственной власти и управления СССР.

Ст. 116 должна быть изменена и приведена в соответствие с жизнью, в которой высшим органом государственной власти в СССР является съезд КПСС, пленум ее ЦК, заседание его Политбюро и решения его Генерального секретаря. Также аналогичным является предоставление Верховному Совету права на принятие и изменение Конституции, т.е. Основного Закона, на котором строится его собственная деятельность. Конституция, и ее существенные изменения, должны приниматься только самим суверенным народом, т.е. с помощью референдума.

Поскольку по нынешнему проекту существенного разграничения функций между двумя палатами: Советом Союза и Советом Национальностей – нет, то следует ради общественной экономии функции Совета Союза, как первой палаты, передать всенародно выбираемому ЦК КПСС, а Совет Национальностей сделать второй, утверждающей палатой.

Ст. 117-122 о Президиуме Верховного Совета должны быть ликвидированы, поскольку осуществление этим органом основной законодательной деятельности фактически лишает народных депутатов их власти, ибо они собираются лишь на короткое время для утверждения уже принятых законодательных указов, т.е. противоречит положению о власти народа через прямо выбранные Советы. Верховный Совет должен быть постоянно действующим органом (для экономии можно сократить число депутатов – например, до размеров нынешнего ЦК КПСС), должен сам осуществлять свои функции, сам обсуждать принимаемые законы, добиваясь, чтобы каждый депутат глубоко разбирался в каждом вопросе, по которому принимает решение.

В связи с законодательным закреплением ведущей роли партии в управлении государством, она должна быть

лишена своих узко идеологических функций, стать общенародной, поскольку будет обязана представлять интересы и убеждения всех советских людей без исключения.

Также следует предусмотреть порядок выборов главы государства – нынешнего Генерального секретаря ЦК КПСС (у него может быть и иное название). Положение о прямых выборах обязывает и фактического главу государства выбирать также с помощью прямых выборов. Всенародные выборы Генерального Секретаря ЦК КПСС могут стать важной гарантией против культа личности.

Аналогичные изменения следует внести и в раздел VI, описывающий органы власти в союзных и автономных республиках, а также местных органов власти, причем самой нижней ступенью власти окажутся первичные партийные организации, выбираемые народом из своего состава.

Глава. 20. Суд и арбитраж.

Ст. 152 – Верховный Суд СССР следует избирать прямым голосованием и возложить на него обязанность надзора за соблюдением Конституции СССР всеми государственными органами.

Ст. 153 целесообразно изменить, введя разделение функций судьи и народных заседателей по типу суда присяжных. Некоторое увеличение числа народных заседателей можно было бы компенсировать выводом большого количества мелких и несложных дел на усмотрение одного народного судьи.

Ст. 154 следует дополнить гарантиями независимости судей и народных заседателей.

Ст. 156. – гарантия открытости судебного разбирательства должна быть подкреплена обязанностью судов проводить свои заседания в помещениях, способных вместить всех желающих или обеспечить этих желающих всей полнотой информации.

...Я не знаю судьбы своего послания в адрес Л.И.Брежнева – мне ничего об этом не сообщали, но и никуда не вызывали и на работе не ругали. И уж это я считаю громадным благом.

Впрочем, официальные выступления и действия Л.И.Брежнева в этом году в моем сознании связываются с моими основными предложениями. Так, факт официального решения ЦК КПСС о совмещении постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета можно расценить как первый шаг в узаконении государственного характера правящей партии. Однако сам Л.И.Брежнев отверг такое толкование, фактически вернувшись в своей конституционной речи к старой и исключенной из нынешней Конституции камуфлирующей фразе, что партия руководит всеми государственными и прочими органами – лишь через своих членов.

Так же и кампания печати по реабилитации роли приусадебного личного хозяйства может быть расценена как признак прогрессивного движения. Но уж слишком хрупка и ненадежна.

Это же послание, направленное А.Д.Сахарову, в конечном счете, попало в самиздатский конституционный сборник. Однако вместе с радостью ее публикация доставила мне и очередное огорчение, суть которого я описал в письме к составителям сборника.

2.6.3. Письмо составителям самиздатских бюллетеней «Вокруг проекта Конституции СССР»

Прежде всего, я хочу выразить свою благодарность Вам за опубликование моих предложений к ныне обсуждаемому проекту Конституции СССР. В своем письме Брежневу и Сахарову, сопровождавшем эти положения, я уже

говорил, как непросто мне было преодолеть страх и решиться на открытое высказывание своих мнений. Думаю, что такой страх свойственен не только мне одному. Конечно, есть очень много порядочных людей, которые не могут из-за служебных или семейных обстоятельств позволить себе такой откровенности. Однако, много и колеблющихся. И вот таких своих «сородичей по духу» я хотел бы подбодрить сейчас, за месяц до утверждения новой Конституции: не бойтесь выполнить свой долг перед будущим!

Ведь когда-то должен тронуться лед молчания, должно начаться деловое и свободное обсуждение народом желательного ему государственного устройства и путей его создания. Кто-то должен начать первым. Как никогда верна сегодня древняя мудрость: «Кто, если не ты, и когда, если не теперь?»

Именно так: кто, если не ты, осознавший необходимость перемен и свою личную ответственность за них, и когда, если не теперь, когда сама Власть объявила «всенародное обсуждение» Основного закона? Когда еще к этой теме будет привлечено внимание множества наших людей?

Конечно, почти невозможно рассчитывать на обсуждение по существу или публикацию при обращении с «непартийными» предложениями в официальные адреса. Лично я подобные надежды связывал только с независимым общественным мнением. И, казалось бы, не ошибся в своих ожиданиях. Публикация моих предложений в Вашем бюллетене служит гарантией, что они не пропадут, будут изучены многими читателями Самиздата и рано или поздно, но какой-то своей гранью помогут выявлению прогрессивной общественной позиции.

Однако подробное ознакомление с этой публикацией вызвало у меня также и некоторое недоумение - мои предложения были явно отредактированы в идейном смысле, т.е. подвергнуты цензуре. После размышления я понял, что, несмотря на всю незначительность самого этого факта, он

может свидетельствовать о важной тенденции, и потому решаюсь занять Ваше внимание и внимание Ваших читателей подробным разбором этого эпизода.

Название публикации моих предложений: «Выдержки из письма» позволяет предположить, что сокращение предпринято из-за экономии места. Я сознаю важность таких соображений, особенно в Самиздате, но даже там сокращение не должно идти за счет основного смысла. К сожалению, мое письмо было сокращено, исходя совсем из иных соображений. Из 10 печатных страниц удалена всего одна с небольшим страница, т.е. экономия места достигнута мизерная, но вместе с этой страницей удалено два основных предложения, что изменило общий смысл всего письма.

Конечно, если бы необходимым сокращением занимался я сам, то ничего подобного не произошло бы. Не из-за личных амбиций, а ради полноты анализа, я перечислю или воспроизведу все исключенные Вами отрывки:

- 1) Обоснование принципа «преемственности».
- 2) Обоснование принципа полноты отражения реальной жизни.
- 3) Обоснование необходимости переработки Введения в Конституцию.
- 4) При обсуждении ключевого вопроса о несовместимости Ст. 2 и Ст. 6 (народный или партийный характер власти) конкретные предложения о совмещении советских и партийных органов и организаций на базе народных выборов, о выборности правящей партии и лишении ее узко идеологических функций заменены невразумительной фразой: «Сохранить обе статьи можно лишь в том случае, если Ст. 6 будет изменена в том смысле, что точно определит место партии в конституционной системе в соответствии со Ст. 2») т.е. понимай, как знаешь).
- 5) Исключено дополнение к Ст. 48 о праве граждан выбирать партийные органы, как высшее руководство страной.

6) В разделе IV исключены предложения о порядке избрания руководящих партийных органов.

7) В разделе V исключено предложение о передаче функций Совета Союза всенародно избираемому ЦК КПСС и предложение о выборах Генерального Секретаря ЦК КПСС, как важной гарантии против культа личности.

8) При обсуждении Ст. 12 вместо моего обоснования: «доход от соединенного труда запрещать бессмысленно и аморально» введено непонятное мне утверждение: «все доходы, кроме грабежа – трудовые». С одной стороны, я не согласен с этим утверждением, а с другой – такая замена свела мое предложение лишь к терминологическому спору.

9) Исключено дополнение к Ст. 14: «Государство всемерно поощряет развитие эффективного кооперативного и частного производства».

10) Исключено следующее изменение Ст. 15, являющееся главным определением экономической системы в СССР: «Экономику СССР следует характеризовать как «единый саморазвивающийся комплекс», а задачи государственных органов видеть в максимальном способствовании эффективному развитию этого комплекса с помощью финансово-кредитного механизма и при уважении хозяйственной самостоятельности и инициативы экономических объединений».

11) Убрано обоснование многозначности и необходимости исправления Ст. 28.

12) При обсуждении Ст. 41 о праве на отдых исключено пожелание права на сверхурочные работы, совместительство и т.д. (право на рабочую неделю любой продолжительности)».

13) При обсуждении гарантий основных свобод оставлено предложение о предоставлении улиц для митингов, печати и радио для любых групп граждан, собравших определенное количество подписей, но исключено: «или готовых возместить полностью или частично государственные издержки».

14) Исключено предложение изменения Ст. 5: «граждане СССР обязаны уважать права и законные интересы других лиц, государства и общественных организаций, быть непримиримыми к преступлениям и способствовать их предотвращению».

Вот и все.

Нетрудно видеть, что преобладающая часть редакционных исключений относится к предложению выборности партии и обосновывающим его принципам преемственности и полноты отражения реальности в Основном Законе. По-видимому, это предложение Вам показалось настолько абсурдным или вредным, или неприличным, что обнародовать его показалось невозможным.

Остальная часть исключенных Вами предложений касается главным образом повышения эффективности народного труда и жизни: (поощрение всех эффективных негосударственных форм хозяйствования, в том числе и частных), отказ от жесткого планирования, снятие запрета на дополнительный труд и т.п. И хотя изъятие этих требований экономической свободы для эффективных форм деятельности проведены не столь последовательно, как изъятие предложений о выборности и деидеологизации правящей партии, все же общая тенденция у меня не вызывает сомнений, лишь в немногих случаях правка сократила мой текст, не затронув в ней основного смысла.

Из всего этого можно сделать следующие выводы:

1. Мои предложения к Проекту Конституции СССР при опубликовании в Вашем бюллетене подверглись цензуре, притом без моего согласия.

2. Характер этой цензуры носит узконаправленный, партийный характер. По-видимому, «цензуре» кажется неприемлемой линия преемственности и постепенного преобразования руководящего партийного аппарата в демократически избираемую администрацию, а также неприемлема линия увеличения эффективности народного труда на основе его освобождения от определенных

социалистических догм. По-видимому, «цензор»-редактор имеет социалистические и максималистские взгляды...

Я далек от мысли делать какие-либо этические упреки, хотя формальные основания для этого имеются. Я уверен, что произошедшая цензура не носила сознательного характера и не имела целью преднамеренно исказить характер моих предположений. Я уверен, что «цензор» руководствовался субъективно добрым намерением: улучшить, подправить, что он действовал не по расчету разума, а по сердечному импульсу. Но тем больше у меня оснований для горечи и досады – ведь если даже независимая общественность при всех своих высоких побуждениях, несмотря на объявленную практическую задачу: обнародовать критические голоса, невзирая на различие их идейных платформ, - не может обойтись без идеологической цензуры, то, конечно, о близких изменениях в правосознании остального народа не приходится и мечтать.

Демократическое общество – это общество разных взглядов. Демократическая власть – это власть, не только допускающая оппозицию, но и невозможная без нее. Только когда мы научимся ценить факт существования противоположных убеждений, только когда мы подавим в себе надежду на полную и безусловную победу собственных идей, когда сами будем давать простор оппонентам, только тогда мы приблизимся к нормам демократического поведения. Не печалиться надо о том, что в Ваших бюллетенях собрались люди разных взглядов, а радоваться и гордиться этим.

Мне же лично этот эпизод принес и некоторую пользу, поскольку его можно воспринять и как негативно выраженную критику своих предложений со стороны диссидентов. Что же я могу ответить в защиту своих предложений?

1. Предложение о сохранении руководящей роли КПСС, но с неременной выборностью и деидеологизации, конечно, не является главной гарантией демократического развития страны, а преследует целью лишь обеспечение преемственности и постепенности такого развития. Процесс

деидеологизации КПСС уже давно идет на практике. Ее члены уже давно не являются единомышленниками, а КПСС давно уже не партия в нормальном смысле этого слова, т.е. не союз единомышленников. Этот процесс надо только легализовать.

Ничего нет абсурдного и в предложении выборности членов руководящей партии: оно практически уже осуществлялось Фиделем Кастро при воссоздании КПК последнего образца. Зачатки такой же процедуры были и у нас при Ленине, когда на партийных чистках присутствовали беспартийная «масса» с правом отвода от членства неугодных ей партийцев.

Что же можно противопоставить этим предложениям при попытке преодоления противоречия Ст. 2 и 6 Проекта Конституции? – Только два крайних решения: или отказ партии от руководящей роли и, следовательно, передачи власти в иные руки, т.е. радикальный перелом в нашем развитии, или открытое признание недемократичности нашего государства – и открытое возмущение этим фактом.

Т.о. альтернатива моим предложениям может быть или экстремизм, или подготовка почвы для экстремизма. Кстати, с такой альтернативой отлично уживаются и иные нереалистичные предложения, например, о ликвидации КГБ (в мире не было, нет и, видимо, не будет государств без подобных организаций) и пр.

2. На первый взгляд, «цензорский» запрет на предложения об увеличении эффективности народного труда (главным образом, с помощью экономического освобождения, защиты экономической самостоятельности и прав граждан) не связан с предыдущим запретом. Но это только на первый взгляд. На деле они глубинно связаны экстремистской, максималистской психологией, для которой усиление эффективности труда равносильно утяжелению «народной доли» и неприемлемо в той же мере, как и предложения демократизации и, следовательно, укрепления руководящей роли партии и ее руководства.

Экстремистская психология не может рассчитывать долговременные эффекты, она не способна призывать к жертвам и усилиям в расчете на отдаленное благо. Она требует демократии и свободы сейчас и немедленно (неважно, что большая часть народа сегодня недемократична и первые же свободные выборы покажут это с полной определенностью), она требует сейчас и немедленно – равенства в потреблении и улучшения материального положения (не обращая внимания, что никто из нас по-настоящему организовывать работу не умеет, и только поэтому мы не сможем достигнуть сразу мировых жизненных стандартов...)

Конечно, я говорю только догадки о позиции своего «цензора». И буду рад, если меня опровергнут. Но, не желая недомолвок, выскажусь откровенно и до конца: нет ничего привлекательнее и вместе с тем ничего ужаснее экстремизма. И если придется выбирать между сохранением сегодняшнего, очень медленного, даже катастрофически медленного общественного развития и уступкой экстремистским требованиям против воли большинства, то я выберу первое, т.е. медленное развитие, а не будущую катастрофу.

Говоря все это, я отнюдь не забываю, что, кроме диссидентской критики моих предложений, существует и другая, гораздо более тяжелая и грубая критика – со стороны существующей Власти.

Как бы там ни было, но Вы обнародовали большинство моих предложений. Обращение к диссидентским кругам в лице А.Д.Сахарова дало результаты. От обращения же к Л.И.Брежневу я могу ждать не критики по существу или опубликования, а лишь репрессий (слава богу, пока их нет). С этой стороны мои предложения, как и все прочие критические проекты и замечания, наталкиваются на абсолютно глухую цензуру. И, конечно, это гораздо более страшный факт, чем вышеописанный инцидент. Он говорит о том, что руководство страной озабочено только сохранением нынешнего статус-кво, только торможением реально происходящих процессов

духовного и экономического освобождения людей. Составители новой Конституции озабочены, по-видимому, лишь укреплением своей власти и идеологии, только запретом людской стихии и инициативы. Ни к чему хорошему этот гибельный путь привести не может. Молчать об этом, в данной ситуации, мы не имеем права.

И потому примите еще раз мою благодарность и уважение. 6.9.1977 г.

P.S. Никаких откликов и разъяснений на это письмо я не получил. Да и не особенно ждал. Долгая практика недоуменных своих вопросов и безответного молчания приучила меня «не сердать» и «плыть дальше».

2.7. "Реферат-рецензия книги Б. Комарова "Запасная страна"

Самиздатская книга Бориса Комарова "Запасная страна" - об экологических проблемах нашей страны. Вернее, не книга, а крик о порче и гибели природы величайшей по территории страны. Не только крик, но и доказательство – массой открытых и до сих пор "неоткрытых" сведений, многими свидетельствами уважаемых людей, рассказами об их важной, но зачастую, безнадежной борьбе за наше общее достояние.

К сожалению, эта книга появилась не в советской печати (хотя кто имеет право запретить гражданам знать всю правду о природе страны и перспективах ее выживания?), и кто знает, когда станет широко известной. Поэтому мы считаем своим долгом хотя бы конспективно передать её основное содержание, тем более что экологические проблемы сегодня неразрывно связаны с экономическими темами. Ведь прежде всего экономика губит сегодня природу.

Книга имеет простую и ясную структуру из 9 глав. Начинаясь проблемой Байкала, она последовательно рассказывает о грязном и потому "секретном" воздухе наших городов, о грязной и потому "секретной" воде наших рек, озер

и морей, о тех безобразиях, которые творят промышленность и стройки с нашей землей вообще и заповедниках в частности, обсуждает морально-правовые аспекты и, наконец, существующие предложения о выводе страны из очевидного и надвигающегося экологического кризиса.

Книга написана сжато и энергично, сокращать ее почти невозможно, поэтому нам придется многим пожертвовать при пересказе. Однако первую, как бы заглавную главу о Байкале я постараюсь передать как можно полнее. По ней можно будет понять и авторский стиль, и характер всей проблемы (цитаты из книги закурсивлены мною – Л.Т., 2016г.).

Глава 1. Дальнее облачко

В начале 60-х годов в советской печати появились статьи об угрозе озеру Байкал. Они привлекли большое внимание читателей. По существу, это было первое упоминание в советской прессе о том, что экологические проблемы существуют и для страны, окрашенной на глобусе в красный цвет.

На Байкале предполагалось построить два целлюлозно-бумажных комбината, сточные воды которых могли отравить уникальные по своей чистоте байкальские воды.

Как выяснилось позже, специалисты – биологи, гидрологи, географы и другие – неоднократно на своих совещаниях и конференциях говорили о возможной угрозе и о нерациональности размещения комбинатов на Байкале. Десятки авторитетнейших специалистов на самых высоких уровнях, вплоть до Академии наук СССР, высказывались против строительства на Байкале. Такое обсуждение продолжалось больше четырех лет – с 1958 по 1962. Госплан СССР и Комитет по лесному хозяйству и целлюлозно-бумажной промышленности, не обращая ни малейшего внимания на все эти мнения, продолжали строительство комбинатов.

Ситуация напоминала известную сцену с Гриневым из "Капитанской дочки".

- А видишь там что? – Ямицик указал кнутом на восток. - Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба. - А вон-вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял сперва за отдаленный холмик. Ямицик объяснил мне, что облачко предвещало буран".

Гринева, как известно, все равно поехал.

- "Пускать заводы, о которых идет речь, будет исторической грубой, непоправимой ошибкой" – писал председатель колхоза на Вологодчине Иван Сысоев.
- "Это грустный, печальный пример планирования развития одной отрасли в ущерб другим" (Шароев, аспирант, Алма-Ата)
- "Необходимо обратить внимание на моральный ущерб, наносимый такими проектами развития промышленности" (Прозоровский, инженер)
- "Советская общественность с волнением реагирует на вырубку кондовой тайги вокруг Байкала и строительство целлюлозно-бумажных комбинатов..." (Зенкевич, чл.-корр.АН, Москва)
- "Байкал не только бесценная чаша с живой водой, но кроме того часть нашей души", - заявил профессиональный златоуст Леонид Леонов.
- "Байкал превращен в водоем для испытания систем очистки сточных вод, систем, не проверенных на производстве, тем более в суровых климатических условиях Забайкалья" – писали в своем резко критическом, но сугубо личном мнении академики Трофимук, Капица, Берг, Арцимович, Герасимов, Зельдович, Петрянов, Эмануэль, Казанский, Мелентьев и один из тогдашних вице-президентов Академии Константиновский.

Ни сибирские, ни московские ученые не получили доступа к проектным бумагам Байкальского комбината, который был

гораздо больше второго Селенгинского и вступал в строй по плану первым. Запросы Сибирского отделения АН СССР, а затем московской академии в Комитет по лесному хозяйству оставались без ответа.

На каком основании была начата стройка? Кем и как проводились предварительные изыскания и расчеты? Этих материалов, без которых невозможно серьезное обсуждение проектов и их последствий, советская общественность так никогда и не увидела.

Нескольким ученым после специального разрешения Совета Министров СССР разрешили посмотреть бумаги из экспертизы Госплана РСФСР, утверждавшей задание на строительство Байкальского комбината. В ней, в частности, обнаружили такие перлы: "Сточные воды создадут условия для развития жизни в радиусе их распространения, что обусловит не уменьшение, а увеличение запасов рыбы!"

Через три года после начала кампании В.Чивилихин публично признал: "Как и многие, я искрошил зубы на Байкале, однако к огромному огорчению тысяч и тысяч, все прежние решения о Байкале остались в силе" ("Октябрь", 4, 1965г. - обсуждение почты по очерку В.Чивилихина "Светлое око Сибири", который оказался не только первым, но, пожалуй, самым правдивым словом о байкальской трагедии).

На 22-м съезде КПСС, в том же 1966г., Михаил Шолохов еще вопрошал: "А может быть найдем в себе силы и откажемся от вырубki лесов вокруг Байкала, от строительства там целлюлозных предприятий, а взамен построим такие, что не будут угрожать чистоте озера? Потомки не простят нам, если не сохраним славное море, священный Байкал".

Но с Байкальским комбинатом все уже было решено.

Такой волны искреннего, не инспирированного возмущения, какую поднял Байкал, не бывало в официальной советской печати ни до, ни после него. Первоначально проблема не имела ничего общего с политикой, но постепенно твердолобая позиция Госплана и Комитета по лесной промышленности, полное игнорирование "гласа народного" накопили чисто

политические страсти. Слово "Байкал" зазвучало тревожно и в международной печати. Тут надо было что-то предпринимать. Судьба озера оказалась тем случаем, когда власти должны были переубедить людей, а не просто приказать молчать, заткнуть рот.

И рот был не просто заткнут. Было объявлено, что на Байкальском комбинате строятся самые совершенные и самые дорогие в мире очистные сооружения. При Президиуме Академии наук в Москве была создана специальная Комиссия, которая вскоре авторитетно подтвердила, что меры, принятые правительством для защиты Байкала эффективны и вообще достаточны. Это было в 1966 году.

После этого ряд статей и фильмов создал у широкой публики впечатление, что найдено некое "соломоново решение". Некое равновесие. Что если комбинат и загрязняет озеро, то не так уж сильно, не катастрофически.

В 1977 году, через 10 лет после начала работы комбината, новая специальная Комиссия АН СССР по Байкалу, под председательством ак.В.Е.Соколова, представила отчет, из которого явствует, что угроза гибели Байкала не уменьшилась, а увеличилась. Что все озеро находится на грани необратимых сдвигов.

В этом нет ничего удивительного. Дело в том, что 10 лет назад для успокоения общественности были приняты не только такие меры, как постройка очистных сооружений, но и куда более эффективные. Одно за другим принимались решения, ограничивающие информацию о Байкале. Первое – еще в конце 1963 года, как говорят, лично Хрущевым, второе – в конце 60-х годов, и третье ограничение – в 1975 г., которое распространялось не только на сведения о состоянии Байкала, но и на любую экологическую информацию по всей стране.

Фактов и цифр о промышленном освоении зоны Байкала теперь в печати почти не увидишь. Зато в обзорных статьях "общего тренда" Байкал стал "свидетельством заботы социализма о природной среде". Миллионы, вложенные в

байкальские очистные сооружения, дают неважный биологический эффект, но пропагандистская прибыль от них выше ожиданий.

Ни сотни тысяч людей, живущих у Байкала, ни тысячи интуристов, любующихся озером, ничего не знают о докладе Комиссии Соколова, о той смертельной угрозе, которая накапливается в его глубинах постепенно и бесшумно, как снежная лавина.

Мало надежд, что угрожающее положение с Байкалом станет известно нашей общественности и в ближайшем будущем. Как неизвестна ей сейчас история работы первой Байкальской комиссии АН, которая предвидела и предсказывала все нынешние беды его. История, которая многое объясняет в современной ситуации.

Закулисная часть Байкальской трагедии такова.

Комиссия Академии наук СССР занялась "Проблемой Байкала" уже после того, как в строительство Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК) были вложены десятки миллионов. За Комитетом по лесной промышленности, который был официальным хозяином комбината, стояли военные. Министерству обороны нужен был тогда новый прочный корд на шины для тяжелых бомбардировщиков. Такие вещи называются у нас кратко "стратегические интересы страны" и не подлежат обсуждению даже в кругах Совмина. Неуязвимость байкальских проектов по отношению к любой критике объясняется именно "стратегическими интересами". Они и определили судьбу Байкала еще в 1959 году.

Несколько лет прочный корд покупался в Швеции и Канаде, но, разумеется, требовался свой, и когда встал вопрос о строительстве комбината, вариантов было всего два: Ладога или Байкал. Дело в том, что технология производства такого корда требовала огромного количества чистой воды. Ленинградский обком категорически возражал против строительства на Ладоге, ибо вокруг озера и так много промышленности, и, кроме того, Ладога в ближайшем

будущем – главный источник питьевой воды для Ленинграда и пригородов от Парголово до Гатчины.

Байкал же формально входит в пределы Бурятской АССР. Бурятии нужно совершить прыжок в XX век, от феодализма к социализму, и это обстоятельство решило судьбу озера окончательно.

Большой комбинат означал для слаборазвитой Бурятии одни выгоды: начиная с лестного звания республики со стратегическим производством, и кончая лучшим – категорией выше - снабжением населения товарами во всем районе вокруг комбинатов.

Развитие промышленности – это лозунг, это идеал, это единственная абсолютная ценность в глазах любого советского руководителя до сих пор. Что ж говорить о начале 60-х годов...

Когда директор Байкальского лимнологического института Г.И.Галазий выступил в защиту озера, первый секретарь Бурятского обкома Молдагоев публично назвал его "врагом народа". Шел 1963 год, но и после 22 съезда такие обвинения пахли серьезно. Правда, Молдагоев добавил - " бурятского народа»...

В проекте Байкальского комбината не было вообще никаких очистных сооружений, и нет сомнений, что под давлением заинтересованного обкома комбинат приняли бы в эксплуатацию в таком виде, если бы ни неожиданный общественный резонанс.

В специально созданную Комиссию АН по Байкалу, в этот ареопаг мудрецов, который должен был сообщить народу свое объективное мнение по проблеме, ввели и неугомонного Галазия. Членами Комиссии стали видные специалисты из Иркутска, Ленинграда, Москвы. Председателем ее был ак.Герасимов, директор ин-та географии. Для работы Комиссии были созданы все условия, но продолжалось так недолго.

Через несколько лет один из членов Комиссии рассказывал: «Нам оказывали всяческое содействие. Все институты и

лаборатории выполняли наши запросы без проволочек. Примерно через полгода мы положили свой отчет на стол вице-президента АН А.П.Виноградова. Он заглянул в выводы и тут же вернул нам его со словами: " Вы утверждаете, что Байкальские комбинаты окажутся губительными для озера. Что же получается? Правительство принимает решение строить, а вы говорите "нельзя"... Возьмите отчет и доработайте".

Дальше началось настоящее выкручивание рук. Элементарная арифметика показывала, что сбросы, содержащие и после очистки растворенные вещества, принесут в Байкал более 30 тыс.т в год сульфидов и хлоридов натрия, ядовитого лигнина, зловонных меркаптановых соединений и прочего. Концентрация минеральных соединений в стоках после очистки будут превышать байкальские в 30-40 раз. Как это может не сказаться на чувствительной байкальской флоре и фауне, если многие его обитатели не живут даже в Ангаре, где вода лишь чуть-чуть хуже байкальской?

Крыть тут, казалось, нечем. Президиум, Виноградов ничего не могли возразить по делу. Но в ход были пущены все средства. Против нашей Комиссии Президиум создал свою комиссию, состоящую из химиков. Во главе ее поставили Жаворонкова, академика-секретаря отделения химии, официального человека, знающего, что нужно Президиуму. Сам Жаворонков никогда проблемами очистки сточных вод не занимался. Несколько сотрудников его института изучали эту проблему на Байкале, пришли к выводу, что обезвредить дурнопахнущие, сильно минерализованные стоки нереально. Жаворонков присутствовал на их отчетах в институте и не возражал. А затем на заседании Президиума стал утверждать, что очистка стоков БЦБК так хороша, что они становятся безвредными для озера.

" Ну, если сам Жаворонков говорит, что безвредно... - заявлял Виноградов нашей комиссии, - как вы можете возражать! Вы же не химики, не специалисты!"

Специалистами по Байкалу оказались кто угодно, только не мы. На обсуждении докладов Комиссии приглашалась академики-физики, математики. Прежде всего, те, кому в данный момент надо было что-то от Президиума. Поддержка Жаворонкова, любое замечание в наш адрес – эти услуги аппаратчики Президиума не забывали.

На одном из таких заседаний некий академический старец стал кричать на нас: "А что собственно, мы тут возмемся с этим Байкалом? Ну и загрязним, раз надо. Сейчас у нас есть ядерная энергия, и если потом так уж нужно будет, мы легко можем сделать большую яму, напустим в нее воды – и все. Сделаем снова Байкал".

Этот бред звучал под сводами Академии наук и своды нашего Храма науки не обрушились. И даже выжившего из ума академика никто не выгнал из него. Заседание продолжалось и нападки на нас продолжались. Я повторяю, это было настоящее выкручивание рук»...

Второй вариант отчета Комиссии был отвергнут, как и первый. Следом за ним и третий. Наконец, в четвертом авторы отказались от категорического заключения: "Строительство комбината губельно для озера". Однако строительство было обставлено целым рядом мер: созданием трубопровода для сброса сточных вод через хребет в реку Иркут, созданием вокруг озера национального парка и широких заповедных зон, где не будет никаких заготовок древесины и т.п.

Как и следовало ожидать, после принципиального согласия на работу БЦБК, ни одно из этих условий не было выполнено. И сегодня, в 1977 году почти все они находятся в стадии обсуждения и проектирования.

Через несколько лет после байкальской истории в Президиуме АН академик Федоренко похвастался в своей кругу: "Я не губил Байкал. Я вам не Жаворонков. Я ничего тогда не подписывал. Я лег в больницу".

Преступность того, что они делают с Байкалом, была ясна академикам еще 12 лет назад, и ссылки на неведение, на "коварность технического прогресса" тут не причем.

Как мы уже упоминали, в 1973-76 годах был составлен – и представлен в Совет министров СССР – отчет второй комиссии по Байкалу. Относительно БЦБК выводы этого отчета совпадают с мнением первой Комиссии: комбинат надо закрыть и переоборудовать в безвредное для среды производство. Самые дорогостоящие очистные сооружения не меняют дело в принципе, они превращают лишь "отравление оптом в отравление Байкала в рассрочку".

Отчет начинается с главного – с крошечного рачка "эпишура". Эпишура живет только в Байкале и является первым звеном в пищевой цепи всей фауны. Она составляет 98% всей массы зоопланктона на севере озера и несколько менее на юге. Иначе говоря, эпишура – фундамент той пирамиды, на вершине которой и омуль, и голомянка, и хариус, и нерпа.

Но эпишура не только незаменимая пища, она мощнейший биологический фильтр. Вместе с диатомовыми водорослями она извлекает из воды рек, впадающих в Байкал, примерно 250 тыс.т кальция в и год. Именно эпишура обеспечивает уникальную чистоту байкальской воды и ее насыщенность кислородом даже зимой. И именно эпишура не может жить нигде, кроме Байкала, она не выживает даже в чистой байкальской воде в лаборатории колбы.

Эпишура гибла в стоках БЦБК (разумеется, очищенных). Она гибла, если эти стоки разбавлять в соотношении 1:20, и 1:60, и 1:100. Икра и личинки омуля в этих пробах тоже погибали.

Сейчас на акватории в несколько кв. км вокруг БЦКБ эпишура вымирает. Особенно страдает молодь, масса которой сократилась на 80%. У дна тут возникают колонии червя коловоротки, который может быть таким же безошибочным показателем загрязненности воды, как крапива – суши. Пятна лигнина... покрывают более 20 кв.км дна, и площадь их растет. Цветение водорослей, которое считалось

невозможным в чистейшем Байкале, начинает проявляться в южной его части. Известный гидробиолог, профессор М.Мукохов показал, что биомасса водорослей в заливе Провал возросла за последние годы в 5 раз и продолжает увеличиваться.

В озере не оказалось сильных врагов гельминтов. Их яйца попадают в воду из бытовых стоков прибрежных поселков и курортов и пораженность рыбы и животных резко возросла. Иногда 9 из 10 выловленных ихтиологами омулей кишат глистами.

Стоки комбината приносили бы гораздо меньше вреда, если бы очистные сооружения работали бесперебойно, как оно должно быть теоретически. Но аварии случаются постоянно и в эти периоды в озеро попадают стоки в сотни раз более ядовитые.

Загрязнение стало мешать и работе самого комбината. Теперь он забирает испорченную им самим воду и не способен выполнять то, ради чего его строили – выдавать особо прочный корд для шин. Однако теперь это уже никого не беспокоит, еще с 1964 года, до того, как был закончен БЦБК, этот корд делают из нефти. Не справляется комбинат даже с обычным кордом: вместо 240 тыс.т по плану он дает 160 тыс.т. А помимо этого ЦБКБ дает родине 3 тыс.т оберточной бумаги, 100 тыс.т кормовых дрожжей, немного скипидара и таллового масла.

Прочный корд теперь можно делать почти где угодно, в любом районе страны. Чем же оправдывается уничтожение ценнейшей байкальской тайги сейчас? Ради чего мы медленно, но верно губим ценнейший из водоемов планеты?

Ради небольшого в масштабах страны процента производства корда, ради содержания нескольких свиноферм (они потребляют дрожжи), ради ничтожного количества грубой оберточной бумаги, в какую заворачивают гвозди, и столь же ничтожного количества лаков и красок (на них идут талловое масло и скипидар). И это все.

А в том, что мы губим озеро, теперь уже нет никаких сомнений. Можно соорудить заводы, разводящие омуля и осетра, можно усовершенствовать очистку еще на ступень, но нельзя заставить эпишуру жить в чем-либо кроме настоящей чистой байкальской воды. Можно лечить, так сказать, цветы и листья байкальского дерева, лечить честно или "по-жаворонковски", но ничто не сможет заменить эпишуру – корень этого дерева, его основу. Насколько должно сократиться количество этого рачка, чтобы закачалось равновесие всего озера, чтобы ухудшения пошли лавинообразно? Определить этого точно никто не может. Но, собственно говоря, подобные определения – это споры вокруг того, во что превратится Байкал при наших методах эксплуатации: в заурядное водохранилище, где водится кое-какая плотва и "цветут" зелено-бурые дурно-пахнущие водоросли, или нечто сортом повыше.

Выводы Комиссии по Байкалу указывают и на другие источники загрязнения озера. На тонны древесной коры, которая при сплаве бревен для БЦКБ попадает в воду и затем разлагаясь, отравляет ее лигнином. На неумеренные рубки лесов в окрестности озера. Комиссия обходит вопрос об истинных масштабах этих рубок, истинного ущерба, который они нанесли "светлому оку Сибири".

Правда же заключается в том, что заповедность распространяется лишь на прибрежную зону, лишь на то, что видно с озера и чем любуются сов- и интуристы. Сразу за перевалами прибрежных хребтов начинаются сплошные зоны вырубок.

Светлохвойная тайга вокруг Байкала это почти такой же мощный биологический фильтр, как эпишура. Она очищала осадки и стоки от многих примесей и микроорганизмов на всей территории водосбора. После вырубок этого фильтра больше нет, но зато смыв почв с горных склонов сразу возрастает в 100-200 раз. В первый же год иногда сносит до 1/5 всего слоя почв. Прежде прозрачные ручьи и речки становятся мутными и выносят в Байкал миллионы тонн

органических и неорганических примесей. Ни эхишура, ни диатомовые водоросли с этой добавочной нагрузкой справиться не могут.

На потребу комбинату уже вырублены сотни кв.км прекрасной тайги. Рубки и пожары на восточном склоне Забайкальских хребтов привели к захламлению и превращению в сточную канаву многих речек и даже солидных рек, таких, как Олентуй.

Огромное количество пожаров в байкальской тайге также связано с безалаберностью и бесхозяйственными методами освоения. Летом 1975г. строители шоссейной дороги в районе Баргузина, выгоняя из дупла белку, подожгли старую лиственницу. В результате сгорело несколько тысяч гектаров. В Постановлении правительства о рациональном использовании ресурсов бассейна Байкала (1966) говорилось о лозунге "срубил дерево – посадил два", который должен стать правилом освоения этого района. В те года В.Чивилихин писал, что за одно сухое лето в иркутской области сгорело больше леса, чем посажено было за год во всех 90 областях Российской Федерации. Современных данных нет, но, по мнению специалистов, цифра 1 га посадок вместо 100 га уничтоженных является наиболее реальной.

Лес горит от костров геологов, строителей, охотников и туристов. Тайга вокруг Байкала сравнительно хорошо восстанавливается после рубок, но горючесть молодняка лиственной тайги можно сравнить только с порохом. Над проблемой горючести забайкальской тайги работали и работают сотни специалистов. Но ни один из них не может предложить средства лучшего, чем то, что предлагал в начале века известный биолог Скалон-старший. Главный источник пожаров – человек, говорил он, поэтому единственный путь сохранить прибайкальскую тайгу – накрепко оградить ее от всех случайных безответственных людей. Это непросто и недешево: допускать лишь ограниченное число инструктированных специалистов, чье

присутствие в тайге крайне необходимо. Однако это единственный путь, который может дать результаты.

"Да осталась ли еще тайга, которую стоит охранять?" – задают вопросы многие биологи. – Разверните карту, – говорит один из них. – Посмотрим, где еще сохранилась настоящая кондовая тайга. Проследим с юга на север по рекам... Кика и Турка – практически все по долинам сгорело и вырублено... Баргузин с Иной – вырублено... Большая речка – то же самое... Кабанья – кое-что есть еще... Шагнанды, Томпула, Нижняя Ангара – местами уцелело немного... Кичекас и на другом, левом берегу – Тья, Рель, Правый и Левый Улькан – почти ничего... Тангода, Лена, Бугульдейка, Ванай и Чанчуркан – пожары и рубки почти сплошь... Манзурка и Голоустная – кое-что островками еще уцелело..."
Даже на территории Баргузинского заповедника крохотные оставшиеся семенники сосны не сохраняются должным образом, сосны тут рубят для хозяйственных нужд.

Со строительством БАМ в прилегающих к нему северных и северо-восточных районах Прибайкалья ущерб от хозяйственной и бесхозяйственной деятельности быстро возрастает.

Выводы Комиссии почему-то не касаются угрозы нефтяного загрязнения озера, которую создает строительство БАМ. Число судов, перевозящих грузы для магистрали, постоянно растет, значительно расширяются все байкальские порты. От каждого поселка с мастерскими, гаражами, с вагонными депо бензин, солярка, масло и прочие нефтепродукты по капле, по струйке, по ручейку собираются в черный нефтяной приток Байкала. (А сейчас прибавились два нефтяных танкера для БАМа...)

В целом Комиссия настаивает на срочном осуществлении комплекса защитных мер, которые должны обойтись дороже, чем стоили все очистные сооружения и охранные меры, проведенные на Байкале, начиная с 1964 года. И сами члены Комиссии, тот же Г.И.Галазий, институт которого

самоотверженно защищает озеро до сих пор, не скрывают своего скептицизма по поводу щедрот правительства.

Однако сейчас Байкал стал слишком известной экологической проблемой, слишком существенным политический моментом, чтобы согласиться на его очевидную гибель. Конечно, кое-какие деньги будут отпущены, в основном на косметические, внешне эффектные паллиативные меры. Кое-что дадут, но не слишком много, ибо в тот же момент, когда правая рука Министерства финансов нехотя отсчитывает тысячи на охрану Байкала, левая выдает десятки миллионов на строительство промышленного комплекса на самом севере озера, на реке Холодной, всего в 40 км от его берега.

Уже более 15-ти лет внимание общественности привлекает южная часть Байкала, и например, недавно, как большое достижение пропагандировалось строительство замкнутого водооборота на Селенгинском целлюлозно-бумажном комбинате, так что после этого (по идее) комбинат не будет больше загрязнять озера. А тем временем в закрытых институтах было запроектировано строительство на реке Холодной свинцовых и цинковых рудников, обогатительной фабрики, ТЭС и большого поселка с дорогами и пр. сооружениями.

Сейчас стройка в разгаре. К 1980 г. комплекс должен вступить в строй. Сточные воды и выбросы в воздух всех производств цветной металлургии являются одними из самих опасных экологически. Даже очищенные, они, без сомнения, принесут больше вреда Байкалу, чем стоки БЦКБ. По сравнению со стоками, содержащими тяжелые металлы, стоки БЦКБ покажутся, вероятно, безобидной газированной водичкой.

Но свинец и цинк, как известно,- стратегическое сырье, и посему никому не позволено задавать вопросы, насколько нужен стране именно байкальский свинец и цинк, насколько вообще они нужны для нашей безопасности.

Абсурд отравления Байкала стоками БЦКБ, а теперь и Холоденского комбината имеет свои совершенно трезвые

резоны – интересы военной промышленности. А перед словами "оборонные, стратегические интересы", похоже, останавливается и экономика, и мораль, и здравый смысл. Одна чистая пресная вода Байкала оценивается примерно в пять годовых национальных доходов СССР. Определить, во что обойдется каждая тонна холодненского свинца или цинка сложно, однако, очевидно, что та прибавка военной сверхмощи, которую они могут дать, достанутся нам ценой непоправимых утрат. Утрат и в экономическом смысле, и в экологическом, и что самое главное, вероятно, - в моральном. 25 миллионов лет существует Байкал (возраст Ладоги или Великих Американских озер всего несколько тысяч лет), он пережил множество геологических катаклизмов, множество смен животного мира и растений. Но социальных перемен в среде Homo Сапиенс всего в течение нескольких десятилетий XX века "старине Байкалу" не пережить.

До сих пор ни строчки об экологической опасности Холодненского комплекса в печать не просочилось. И, надо полагать, не просочится до самого его пуска. Так что, по крайней мере, для цензуры урок байкальской кампании 60-х годов не прошел даром.

Последнее официальное заявление о Байкале, сделанное с трибуны XXV съезда КПСС, очень напоминает пустозвонные заявления проектировщиков Байкальского комбината в конце 50-х годов. "Проводимые мероприятия обеспечивают не только сохранение, но и приумножение природных богатств бассейна Байкала и самого озера. За судьбу Байкала, товарищи, можно не беспокоиться. За этим пристально следят Центральный Комитет партии и Советское правительство, трудящиеся Забайкалья и Прибайкалья", – заявил в своей речи А.У.Модогоев, первый секретарь Бурятского обкома.

Здесь мы обрываем прямую перепечатку текста В.Комарова и вынуждены перейти к пересказу остальной части главы 1.

Ситуация с Байкалом приобрела теперь символический смысл, потому что она повторяется и в отношении Азовского моря, гибнущего от промышленных сбросов, и в отношении воздушных бассейнов десятков промышленных городов, и в отношении украинских или кубанских черноземов, и вообще природы целых регионов огромной страны.

Угроза экологического кризиса реальна, но официальные идеологи утверждают, что при социализме экологический кризис невозможен, потому что социализм обеспечивает благополучное взаимодействие с природой сам по себе. Хотя известно, что Комиссия ученых экспертов по заданию ЦК составила прогнозы состояния природы страны на 1980 г. и на 1990 г., оценивались степень загрязнения воздуха, воды, приносимый ущерб здоровью людей, выявлялись основные виновники и вырабатывались предложения о мерах по смягчению последствий. И хотя в постановлении ЦК сказано было о публикации этих прогнозов, сейчас уже ясно, что публиковать их не будут, потому что выводы из них следуют весьма неутешительные, последствия будут ощущаться в наибольшей степени потомками (а после нас – хоть потоп), а денег на исправление положения с охраной природы – нет. Никто не считается с этим докладом, и даже те средства, которые были выделены по плану, постоянно урезаются. Так, недавно стало известно, что вместо 11 млрд. рублей на 1975-1980гг. теперь намечено выделить лишь 10,2 млрд.

Видимо, только опубликование и широкое обсуждение подобных докладов, прогнозов и иных данных об экологическом кризисе, могло бы мобилизовать общественное мнение и принять действенные меры к действительному улучшению охраны природной среды.

Глава кончается следующим образом: *"Картина кажется слишком мрачной, однако, по мнению автора, тревога не может быть замалчиваема, потому что в отношении всей страны справедливо мнение ученого, высказанное в*

отношении Байкала: "Загрязнить Байкал довольно сложно, но очистить его будет невозможно".

Поэтому бить тревогу сейчас – не может быть преждевременным.

Глава 2. Секретный воздух

Воздух настолько необходим для жизни, что обычно мы не замечаем его чистоты, но здоровье и самочувствие наше сразу же ухудшаются при загрязнении воздуха. Пожалуй, именно здесь связь экологии с человеческим здоровьем теснее всего.

...при дальнейшем развитии народного хозяйства до 1990 г. в ряде промышленных центров СССР могут сохраниться, а иногда и возрасти, чрезвычайно опасные для здоровья уровни загрязнения атмосферного воздуха.

Это цитата из прогноза состояния окружающей среды к 1990 г.

В последние 10 лет число заболеваний раком легких в стране удвоилось. Среди новорожденных каждый год на 5-6% больше детей с генетическими пороками, чем было в предыдущем, а число родовых травм и выкидышей возрастает на 6-7%... и при нынешних темпах роста к 1990 г. может достигнуть 15%. Иначе говоря, в следующем поколении едва ли не каждый пятый взрослый может оказаться неполноценным физически или психически.

Гигиенисты разработали нормативные справочники ПДК (предельно допустимые концентрации вредных для здоровья веществ), указав, что только концентрации веществ ниже одной единицы ПДК не приносят большого ущерба здоровью. В реальной же жизни другие нормы: 10-15 ПДК считается зоной непосредственной опасности, а 20 ПДК – зоной крайней опасности не только для здоровья человека, но и его потомства.

Справедливо считается, что от загазованности воздуха предприятиями и автомобилями страдают больше всего

крупные города. Так, в Ленинграде на центральных улицах содержание двуокиси азота достигает в иные дни 50 ПДК и никогда не опускается ниже 5 ЦДК. Вокруг заводов концентрации СО, фенола, сероводорода держатся на уровне 8-25 ПДК, вокруг ТЭЦ – такие же превышения уровня сернистого газа. Причина понятны: в Ленинграде 70% предприятий не имеют пылеуловителей и выбрасывают десятки тонн пыли ежедневно практически безнаказанно (штрафы незначительны). Конечно, не лучше и в остальных городах. Даже в Москве нет благополучия:

Следующий миф – это чистый и здоровый воздух Москвы. Безусловно, столичная атмосфера чище ленинградской, ташкентской или ереванской, не говоря уже о других промышленных городах. Однако в целом чистота московского воздуха – это большой миф, рожденный газетами, радио и пр. органами массовой пропаганды... Ни разу ни один из панегириков московскому воздуху не был подкреплен конкретными данными об атмосферных загрязнителях.

Понятно – это разрушило бы все усилия пропаганды. Содержание угарного газа (СО) в московском воздухе в последние годы постоянно превышает среднесуточную норму в 10-13 раз! В таких районах, как Пролетарский, Перовский, Ленинский и на некоторых магистралях его концентрации поднимаются до 20-24 ПДК... Шесть месяцев в году выше нормы содержание сероводорода. Иногда его концентрации достигают 7-8 ПДК. Сернистый газ, двуокись азота, фенол – все это, хотя и не часто, превышают нормы и в 5 раз, и в 10 и в 19 раз. Газеты афишируют цифры – 470 промышленных предприятий и 180 автобаз снабжены совершенными системами очистки воздуха и воды, но о том, что почти столько же московских заводов и фабрик не снабжены такими системами, они умалчивают.

Известный журналистский трюк – сравнивать заведомо разные вещи и делать выводы в свою пользу. Воздух Москвы сравнивается с воздухом Лос-Анджелоса, Нью-Йорка или Токио, где автомобилей в 10-15 раз больше, чем в Москве. На

этом основании делается вывод о самом чистом – среди крупнейших городов мира – московском воздухе. В этот ряд никогда не ставится Вашингтон, Лондон или Стокгольм, где машин хотя и больше, но дышится легче. А если не принимать во внимание уровень автомобилизации, то самый чистый воздух – в Пекине. Существенно и то, что с 1974-75гг. в западных столицах и Токио загазованность воздуха несколько пошла на убыль, в Москве же она растет.

Согласно официальным сводкам на 3/4 всей территории Москвы атмосфера серьезно загрязнена, и лишь в одном секторе – западном – воздух относительно чист. "По случайности" именно на западе расположены кварталы цеховских и правительственных домов и их загородные дачи.

Не лучше обстоит дело и в небольших, районных городах. Предприятия здесь, правда, меньше, но по большинству случаев они работают без очистки воздуха или с использованием малоэффективных и устаревших систем.

Оха и Корсаков на Сахалине, Мончегорск, Никель, Кола на Кольском п-ве, Кунда в Эстонии, Кингисепп и Цихалев, Гатчина и Кириши в Ленинградской области, Орск, Троицк и Миасс на Южном Урале, Сибай и Бурибай в Башкирии, Ачинск и Балаково в Сибири... - круглый год в воздухе этих провинциальных городов содержится по 20-25 ПДК различных газов. ...Недавнюю быль – свежий воздух малых городов страны -развитие социалистической индустрии постепенно превращает в волшебную бабушкину сказку.

Наконец, последнее прибежище – деревня: Пыль минеральных удобрений, пестицидов, которую постоянно вдыхают многие сельские жители, способна оказывать разрушительное действие даже на половые клетки человека. Несмотря на низкую химическую и техническую оснащенность наше сельское хозяйство, видимо, недалеко ушло от супериндустриального, американского, где во многих штатах... занятие сельским хозяйством считается наиболее вредным для здоровья занятием".

На Западе воздух еще грязнее и автор книги в общем соглашается с этим утверждением. Однако он обращает внимание на такую тонкость, как плотность населения и уровень развития производства, приходя к выводу, что при достижении подобных же показателей, у нас воздух будет намного грязнее и последствия – ужаснее.

Насколько хуже дела у "капиталистов"? Выборочные данные говорят о небольшом разрыве. Количество СО в больших городах США в часы пик достигают 30-40 наших ПДК. На улицах нашего Ленинграда, Москвы, Баку, Ташкента, Новосибирска концентрации 20-30 ПДК не редкость. Бывает и 40 и 50 ПДК. Стоит ли хвастаться тем, что у нас на магистралях яду меньше, чем у них, если и у нас вполне достаточно, чтобы отравлять здоровье людей? Что смог бы в Ереване пока реже, чем в Лос-Анджелесе?

...Прогноз "Природа 1980" говорит, что на "свалку вверх" в год выбрасывается у нас – 110 млн. т различных загрязнителей, а в США – 130 млн. т...

...Основная доля загрязнений, конечно, достается жителям больших городов, городских промышленных агломераций. У нас в таких агломерациях живет примерно 130-140 млн людей, а в США – около 170 млн. Получается, что 60-65% нашего населения дышат почти таким же плохим воздухом (лишь на 1/5 лучше), как и большинство американцев.

Тенденции же развития говорят, что к 1982-84гг. почти вся наша страна будет дышать чем-то еще худшим, чем нынешний воздух городов США. В США все усиливается тенденция к уменьшению загазованности. Сейчас, загрязняя воздушный океан на 15-18% больше нашего, США производят продукции в два с лишним раза больше СССР. У американцев сейчас в 5,5 раза больше автомобилей, но при этом они загрязняют атмосферу лишь в 0,4 раза больше. Иными словами, на каждую единицу товара социалистическое хозяйство производит чуть не вдвое больше всевозможных загрязнений воздуха, а каждый советский автомобиль

отравляет окружающую среду чуть ли не в 4 раза больше каждого американского (объясняют это более интенсивной эксплуатацией автомобилей у нас и худшей регулировкой двигателей).

В разработках экологически чистых двигателей наши ученые находятся на международном уровне. Однако если даже завтра будет создан в СССР прекрасный водородный или иной чистый двигатель, через сколько лет советская промышленность будет его выпускать массово?

Специалисты говорят, что вопрос надо ставить иначе – через сколько десятков лет?

Так выясняется горькая истина: наши сегодняшние преимущества в чистоте воздуха – лишь проходящее следствие нашей промышленной отсталости. В сопоставимых же условиях наше производство работает много грязнее (по крайней мере, в два раза). Основные причины: общая неэффективность от заводской технологии до регулировки автомобильных двигателей; низкая ответственность производителей грязного воздуха (бесполезно штрафовать руководителей предприятий, пока они являются не подлинными хозяевами их, а лишь приказчиками); малые средства, выделяемые на очистные системы. Так, в США и Японии инвестиции на охрану среды составляют 8-29% всех капиталовложений, что наблюдается у нас лишь в отдельных случаях. Оказывается, что частные фирмы тратят на совершенно неприбыльную сферу "охрана среды" больше средств и добивается больше успеха, чем централизованное соц.хозяйство, озабоченное якобы благом трудящихся и их здоровьем. Почему же так происходит? А разгадка этого парадокса кроется, видимо, в различиях между официальными лозунгами и реальными внутренними целями. На Западе граждане имеют реальную возможность через прессу, выборы и парламенты наладить достаточно действенный контроль над частниками и ограничить их деятельность, если она идет вразрез общему благу, а у нас такой контроль, гласность практически отсутствует, поэтому вместо официально

провозглашаемых целей реально действуют совсем иные интересы.

Глава 3. Секретная вода

Глава начинается с истории спора между шведскими и советскими гигиенистами. Шведы утверждали, что воды Немана несут в Балтийское море опаснейшее для жизни и запрещенное в мире к производству соединение – ПХБ, а их советские коллеги ссылались на отчетность предприятий, что ПХБ в СССР не производят. Наконец, летом 1976г. достали необходимые приборы и...

ПХБ обнаружился буквально в каждом водоеме СССР. В Байкале, в Ладоге, во всех реках, и, конечно же, в Немане. Советские специалисты, в частности эксперты института им. Сысина были совершенно искренни, когда отрицали, что им известно что-либо о ПХБ в нашей стране. По существующим правилам институт им. Сысина должен быть информирован о всех новых загрязнителях, которые любое предприятие в любом конце страны выбрасывает в окружающую среду. А им ничего не было известно. Тайна ПХБ, как и следовало ожидать, крылась в одном из оборонных министерств. С 50-х годов в Дзержинске под Горьким его производили для особо прочных изоляций военной аппаратуры. Позже стали производить и в других местах, но должных мер предосторожности не приняли, а гигиенистам сообщить не то забыли, не то не стали из соображений секретности... Приоритет "стратегических интересов" оказался и тут. В буквальном смысле стратегические интересы пропитывают нас, хотим мы того или не хотим.

Конечно, ПХБ лишь малая часть той грязи, которая выливается не только в Балтику, но и в другие моря Союза. Проблемы Балтийского моря только наиболее известны в силу его международного характера. Что же касается наших собственных, внутренних морей, то наиболее рельефно об этом выразился некий высокопоставленный сотрудник

Госплана СССР, когда сказал: "Мы проиграли уже Азов, Арал... и, видимо, Каспий". – Крупная игра!

Даже очищенные промышленные стоки, которые превращают органические загрязнения в нитриты и фосфаты становятся источником вторичного загрязнения вод рек и морей, ибо служат базой для бурного цветения сине-зеленых водорослей (вид и консистенция "горохового супа"). Однако практически безнадежно заставить промышленность перейти на более сложные методы очистки, улавливающие и неорганические соединения, как это начинают делать американцы.

Помимо промышленных стоков огромные количества нитритов и фосфатов приносятся в моря и озера сельскохозяйственными стоками. В СССР производится сейчас минеральных удобрений больше, чем во всех других странах, но смывается с полей так же больше – в среднем 80% внесенных удобрений. ...В США, например, смыв минеральных удобрений оценивается в 36%, в Японии – в 20% от внесенных. У нас же большая часть заводов минеральных удобрений работает на подкормку пагубных сине-зеленых водорослей.

...В реки текут и более опасные вещества: ДДТ и пр. Большая часть их теряется из-за безграмотного применения и халатного хранения. По отдельным данным воды Днепра, Днестра, Прута содержат 2-4 ПДК ФОСа и ГХЦТ круглый год... То же самое в Киргизии (даже в Иссык-куле)... В Узбекистане еще хуже... именно тут впервые в СССР ДДТ и другие опасные вещества нашли в подземных водах целых районов в концентрациях выше (?) ПДК. Специалисты с тревогой пишут о снабжении населения чистой водой в ближайшем будущем.

Огромный источник загрязнения воды – нефтяные сливы от промыслов до полей (Ни в одной отрасли хозяйства не льют мимо столько бензина, солярки и масла, сколько в колхозах и совхозах, где их постоянно недостает)

Концентрация нефти на всем побережье в районе Баку нигде не опускается ниже 20 ПДК... На Каспии нефть добывают, на Балтике ее лишь перерабатывают, однако в устье Немана концентрация ее достигает 30 ПДК, а порой и 60 ПДК. В среднем течении Волги нефти постоянно 25-30 ПДК, а в Дону еще больше – 51 ПДК... Черноморские прибрежные воды содержат 10-12 ПДК нефти. И еще столько же фенола... Плюс опасный уровень бактериального загрязнения... О пользе морских ванн уж лучше не вспоминать, главное, чтобы купание в Черном море не принесло вреда!

Особенно печальна участь уже фактически погибшего Азовского моря, бывшего когда-то самым рыбным в мире водоемом. Оно давало осетрины, судака и тарани в три раза больше, чем Черное, Каспийское и Балтийское моря вместе взятые. Сейчас же ловят всего 3 тыс.т хамсы и бычка, т.е. в сотни раз меньше. Основные причины: понижение уровня моря из-за Цимлянского моря и разборов вод Дона и Кубани на орошение, а также увеличенный сток соленых вод от Черного моря и грязных – от заводов и полей. При этом увеличение орошаемых земель вокруг Азова совсем не дают ожидаемого эффекта в рисосеянии. Отзыв эколога: "Рыбы в Азове, Дону и Кубани все меньше, а риса тоже не прибавляется". В чем же причины всех этих бед?

Чл.-корр. АН, покойный директор Института водных проблем В.Кунин писал, что 9 из 10 сложных проблем с водой в СССР – это проблемы хозяйственные, организационные, а не научные.

Многие беды, без сомнения, связаны с тем, что вода в стране ничего не стоит. Практически все специалисты, имеющие дело с водой, считают, что бесплатность одного из самых ценных природных ресурсов – абсурд. Даже журнал "Коммунист" писал, что отсутствие цены на воду не способствует бережному к ней отношению. Автор статьи Лемешев приводит яркие примеры: расход воды на выплавку 1т стали одной и той же марки колеблется от 25 до 764 тонн, в зависимости от того, много ли воды в районе

сталелитейного завода. Одна французская фирма тратит на 1 т стали 1 т воды...

Известно, что несколько академиков и профессоров, в том числе и Лемешев, не раз пытались убедить правительственные органы отменить принцип "бесплатной воды". Ссылались при этом и на опыт в социалистической Чехословакии. Но на уровне ЦК КПСС они встречали краткое "нет", поскольку это "противоречит принципам социалистической экономики", где стоимость определяется только вложенным трудом, а в воду рек и озер общество труда не вкладывало.

Отрицать множество фактов, показывающих, что бесплатность воды наносит ущерб охране водных ресурсов, невозможно. Стало быть, идеологи признают, что принципы социалистической экономики противоречат интересам сохранения среды обитания?

Так выявляется зловещий смысл верховной игры: ради сохранения давно дискредитировавших себя принципов сталинской политекономики (и якобы марксистских принципов ценообразования) проигрываются – Арал, Азов, Каспий... Ну, что там еще на очереди? И много ли чего осталось в стране проигрывать?

Страшная эта игра и страшно ей попустительствовать.

Глава 4. Секретная земля

В отличие от других проблем, расточительство в использовании земель в Советском Союзе не секрет. О лишние тысячах га плодородных почв, которые отводятся под заводы, рудники и линии электропередач много говорится и пишется. Другие проблемы не поднимались, и казалось, для этого не было оснований.

Однако когда в 1975-76гг. были организованы специальные почвенные лаборатории, оказалось, что поля и пастбища страны загрязнены 150 видами пестицидов, ядохимикатов и др. Все, что промышленность выбрасывает на "свалку вверх",

в конце концов, накапливается либо в море, либо почве. Одних соединений тяжелых металлов в наших почвах сейчас обнаружено почти 90. В том числе ядовитой ртути ... Еще один источник загрязнения почвы и вод – это крупные животноводческие комплексы... Микроэлементы, гормональные препараты и антибиотики, которыми на таких фермах пичкают животных, расходуют, конечно, не «строго по науке». Значительная часть препаратов попадает в навоз, а затем в почву и грунтовые воды. И далее переходит в растения и в урожай. Сток из траншеи с 1000 т силоса отравляет реку так же, как стоки города с 16 тыс. населения...

Как ни странно, но вторым, а сегодня, может и главным врагом плодородия наших земель оказывается мелиорация, т.е. осушение или орошение, улучшение земель. И.В.Комаров убедительно показывает, как в наших условиях происходит такое противоестественное извращение функции мелиорации. В общем же оно похоже на более общий процесс превращения нашей экономической системы в систему "антиэкономии".

Начинается же оно с постановки нереальных по объему и по сроку исполнения задач, например: осушить 10 млн.га заболоченных земель в Нечерноземьи за 5 лет. И до начала работ в Нечерноземьи было известно, что поспешное осушение болот приводит к пересыханию рек, к уничтожению ягодных и охотничьих угодьев. Но огромные планы диктовали и темпы, и качество работ. Пороки осушительных систем закладывались еще на стадии проектирования. В сроки, сжатые в десятки раз, почвоведы не могли провести серьезных исследований. В мелиорацию не шли квалифицированные специалисты-почвоведы и штаты заполняли кем попало. Родившийся в последние годы анекдот: "Лозунг мелиораторов - "Превратим болота в пустыни! " очень близко выражает суть происходящего.

Опыт осушаемого белорусского Полесья:

Часто осушение приводило к тому, что на буграх песчаные почвы сохли, а затем превращались в развеваемые пески... На торфянистых почвах все сохло, хотя грунтовые воды были рядышком, чуть ниже корней. Для выращивания пшеницы или свеклы на бывшем болоте их нужно было поливать, и не просто поливать, а именно дождевать.

Оказалась непригодной и техника, рассчитанная на другие районы страны. Корчеватели кустов вырывали вместе с корнями тонкий слой гумуса. Плуги обычной вспашки выпаживали на поверхность пески...

Осушение прибавило новые тысячи га, но обесценило старые пашни. Их и засыхающие новые стали срочно засаживать сосной. Если не пашня, то хоть лес будет! Но и лес скоро погиб. Как установил Кисилев, сосна требует кислых почв, которые возникают при застое воды. Осушительные каналы усилили проточность и слабые деревца на 5-6 году жизни становились добычей насекомых или вирусных болезней. А больные новые посадки заражали старые леса...

Главных бед можно было избежать, пишет Кисилев, если бы бывшие болота превращали не в пашни, а в луга. Прекрасно развитое животноводство Прибалтики основывается именно на таких лугах и пастбищах. Но в Белоруссии были запланированы цифры пашни и это решило дело.

Однако опыт Полесья почти ничему не научил тех, кто планирует и руководит мелиорацией в Калининской, Ярославской и других областях.

Конечно же, не только в цифрах плана по пашне и лугам различия между мелиорацией в Прибалтийских республиках и в Полесье или в Нечерноземье. Разница тут прежде всего в социальных и исторических условиях.

В Эстонии почвы еще беднее и каменистее, чем в Ярославской или Калининской области, но тут мелиорация дала отличные результаты, потому что к каждому клочку земли был персональный продуманный подход. Широкое осушение земель началось в Эстонии с середины 20-х годов и в большей части было проведено во времена хуторского землевладения. Можно

себе представить, что отношение хозяина к своей земле, к своему болоту, как небо от земли, отличается от отношения нынешних колхозников к их ничейной земле. К земле, от которой он практически не зависит материально, а с многолетней помощью колхозной системы, кажется, полностью освободился и от душевной к ней привязанности.

Достаточно даже на минуту представить себе, как внимательно следил хозяин за работой специалистов, за проведением канав, за каждым градусом их наклона, и с другой стороны – ответственность мелиораторов, чтобы понять, что нынешняя система, где от почвенных разрезов до рытья канав все делают случайные, не знакомые ни между собой, ни с колхозниками люди, и все делают впопыхах, не неся никакой ответственности перед колхозниками – что нынешняя система не может не губить, по меньшей мере, половины "улучшаемых" земель.

Скажут: частник думает лишь о своем собственном поле. Но факт, что в буржуазные, частновладельческие времена сохранили больше общественных – охотничьих, ягодных и прочих угодий, чем сохраняется сейчас при мелиорации в любой области. Сейчас, в условиях устоявшегося порядка всенародной собственности на природные блага...

Мне нечего добавить к анализу и выводам автора, только констатировать: не мелиорация главный враг наших земель, а тотальное планирование этих работ. Впрочем, если разбираться, то централизованное и потому головотяпское планирование – главное зло и причина, главный погубитель и природных, и человеческих сил в нашей стране.

Но, пожалуй, наиболее яркий и известный пример централизованного губительства наших лучших земель – это затопление речных долин водохранилищами. Произведения советской литературы, особенно "Прощание с Матерой" В.Распутина уже показали всю глубину трагедии затопления, но В.Комаров и здесь освещает весьма важный аспект, вскрывает неизвестную нам ("секретную") причину этих трагедий.

Оказывается, этот небывалый нигде в мире способ уничтожения лучших земель строительством плотин на равнинных реках был изобретен в 30-е годы, годы массовых репрессий и вместе с тем великих строек – Беломор-Балтийского канала, канала Волга-Москва и др. Планировал все эти проекты переделки природы, поворота рек вспять и т.д., а также руководил осуществлением их особый орган – Гидрострой при НКВД – руками заключенных. До середины 50-х годов эта организация так и находилась в материнском теле "органов", а начальником ее был Жук – академик и генерал по совместительству. Сегодня эта организация по форме стала обычным институтом "Гидропроект", но по методам своей работы, духу и даже структуре (у нее до сих пор не директор, а начальник) многое сохранила от прежних времен и осуществляет практически монополию на создание всех крупных водохранилищ по стране.

Конечно, при самом своем зарождении Гидропроект было не до охраны природы (ему больше приходилось беспокоиться об охране эков, чтоб не убежали), главное было в создании "великих морей". Так, Рыбинское водохранилище совершенно бессмысленно затопило огромные пространства лучших плодородных земель Ярославщины. Сейчас Гидропроект ставит, как правило, иные задачи: с помощью примитивнейшего проекта и дешевого строительства обеспечить наибольшую энергетическую мощность электростанции, но эта цель приводит к затоплению долинных земель, теперь уже как следствию. До сих пор Гидропроект легко преодолевал сопротивление всех радетелей земли и уничтожения природы, попирая даже законы местных республик, не говоря уже о воле самих людей. Как вурдалак, напившийся когда-то крови, он сохраняет свою мощь и влияние и продолжает безнаказанно топить и губить землю своими очередными "проектами". Силу ему теперь дает уже не покровительство НКВД, а покровительство Госплана, для которого новые млн. кВт-часов всегда есть что-то реальное, а

общенародная земля есть что-то бесплатное, непланируемое и потому неважное.

Глава 5. Закон: теория и реальность

Глава начинается с хрестоматийного примера всех советских книг по экологии, как основатель советского государства В.И. Ленин заботился об охране природы: когда комендант "Горок" спилил самовольно ель, он посадил его без суда в тюрьму на месяц. Однако автор обращает внимание на саму незаконность такой меры, хотя законы об охране природы, конечно же, существовали. Этот пример демонстрирует и всю нынешнюю ситуацию с выполнением охраны природы: законы есть, но не выполняются, а если какие-то меры принимаются, то не по законам, как правило.

В. Комаров считает, что законы об охране природы или выполняются не полностью, или применяются неправильно (ответственность несут не главные виновники, а исполнители-заводы), или не применяются вообще (так закон о запрете рубки в лесотундре от 1958 г. не применялся совсем и местные власти даже не знали о таком законе). Наконец, поскольку основная часть законов об охране природы имеют внутриреспубликанский статус, то им не подчиняются все предприятия общесоюзного значения, т.е. наибольшая и самая грязная часть промышленности (металлургия, химия и т.п.), спокойно игнорируя все старания местных властей.

Но такое "узаконенное беззаконие" и хозяйственная расточительность, соединенная с хищничеством оказывает самое губительное действие на активность и стойкость людей, защищающих природу, на мораль всех людей, соприкасающихся с нею.

В отношении охраны лесов бессилие ведомственной инспекции в сочетании с врожденными пороками советских законов и существующих экономических порядков создает ужасающую картину. Похоже, ничто не может остановить бессмысленного и беспощадного сведения сибирских лесов.

Вот свидетельство специалиста по лесному законодательству:

"Я стараюсь заниматься исками об уничтожении лесов с холодным сердцем. Принимать близко их невозможно. Лет пять назад я оказался на гигантской лесобазе вблизи Красноярска. На берегу реки я увидел целый город. Огромные, в несколько обхватов кедры, лиственницы лежали в штабелях, которым не было конца. И все это лежало и превращалось в труху, ибо железная дорога не подавала вагонов. Но это не все. Железная дорога не давала достаточно вагонов и год, и два, и три назад, и лесной трест заранее знал, что вагонов не хватает. И тем не менее леса рубили с каждым годом все больше. Тресту спускали план... Квадратные километры чудесной кедровой тайги сводились на корню, на их месте оставалась полупустыня, и взамен этого государство получало труху. Даже не дрова!

Можете мне поверить, за свою юридическую практику мне пришлось повидать много. Приходилось видеть и убийц, и убитых, и разбирать неподдающиеся логике преступления. Но на базе мне стало плохо. Я вернулся в Красноярск больной. Два дня никуда не выходил из гостиницы. Страшна не абсурдность безумия, а его разумность, и конечно же, коллективность, общественный характер.

Затем, по другому делу я познакомился с одним депутатом Верховного Совета СССР, и когда мы подружился, спросил я его о лесной базе. Зачем такое делается?

- Как? Вы не понимаете? Там в тайге люди, им надо платить зарплату. Мы организовали леспромхоз, позвали туда людей. Они имеют право на труд... и они не виноваты в наших трудностях с вагонами. Не понимаете? Ну, не стоит говорить об этом...

Он сказал мне то, что я знал сам. Судьба нашего леса безнадежна. Я знаю, что люди сажают новые леса и отдают этому жизнь, но площадь лесов сокращается и сокращается. Несомненно, все руководство таежных леспромхозов знало о том, что происходит с половиной их леса на базе под

Красноярском. Знали, наверное, и многие рабочие. Как же надо запутать и развратить людей, извратить самое понятие труда, чтобы превращение божественных кедрочей в гниль и труху они считали пристойным занятием? Как же надо их запугать, что они не смели сомневаться, что лозунг "при социализме нет безработицы", оправдывает все, и огромные убытки, и гибель нерукотворной красоты?

В.Комаров высказывает мнение, что даже наличие хороших законов ничего не изменит существенно в сегодняшней ситуации, ибо они не будут выполняться людьми, потерявшими твердые моральные правила, которые, по его пониманию, могут базироваться только на абсолютных религиозных ценностях, только на представлениях о Боге и бессмертной душе. Конечно, это лишь мнение автора, и с ним можно не согласиться атеистически настроенному читателю, но трудно возражать против главного наблюдения о тесной взаимосвязи между моралью и соблюдением законов, против главного утверждения: без реконструкции и оздоровления современного морального сознания трудно рассчитывать на укрепление и соблюдение законов об охране природы. С ситуацией может справиться только мораль свободного человека, хозяина своей земли и полноправного гражданина.

Глава 6. "...Лебеди, яко снег зимой"

Эти слова протопопы Аввакума, написанные им про невиданное ранее птичье изобилие на Байкале, В.Комаров как бы прикладывает к нашим заповедным землям, какими они должны быть, но какими они уже давно перестали быть в результате постоянного нарушения всех правил заповедности. Эта глава повествует о браконьерстве, о его безнаказанности даже в заповедниках, о том, что оно становится просто хищническим промыслом, тем более в условиях дефицита мяса и ценной рыбы. Но кроме частных лиц режим заповедности открыто и постоянно нарушают хозяйства и предприятия: рубят лес, пасут скот и т.д. и т.п.

И все эти виды частного и коллективного браконьерства покрываются и затмеваются браконьерством "руководящим", когда заповедники превращаются фактически в охотничьи угодья для высоких гостей. Описания охот маршала Чуйкова в Кизил-Агачском заповеднике с применением вертолетов и автоматов (и даже танков для вытаскивания машины), а также охоты маршала Батицкого на белых медведей в Заполярье (запрещенной международными соглашениями) – лишь самые колоритные случаи этой общественной практики, когда официально провозглашаемая цель наиболее откровенно заменяется личными и совсем не высокими целями...

Глава 7. Новые безотходные технологии

Экологический кризис стоит не только перед нашей страной. Стоит он и перед западными странами, перед всем миром. Поэтому говорить приходится только о том, с каким успехом в разных странах справляются с этим кризисом. Основной виновник экологического кризиса – современное быстрорастущее производство. Остановить его сегодня человечество, видимо, не в состоянии, если не решится на смерть своей значительной части. Следовательно, главный вопрос состоит в том, как скоро производство сумеет перестроиться на использование новых, безотходных, экологически чистых производств. Как обстоит с этим делом у нас. Автор отвечает: Плохо...

По теории чистые с точки зрения экологии технологии могут развиваться гораздо быстрее в социалистическом производстве, чем в капиталистическом. Советская пропаганда много и писала и пишет до сих пор о "безотходных технологиях" и преимуществах социализма в их освоении. Люди же, по долгу службы имеющие дело с разработкой и внедрением подобных технологий, знают, что реальных безотходных производств даже на уровне отдельных цехов и поточных линий в стране ничтожно мало,

они составляют доли процента от числа всех заводов и фабрик.

...В тех случаях, когда безотходность достигалась, никто не писал, какой ценой она достигалась. Один крупный химзавод в Красноярском крае, производивший полиэтиленовую пленку, к 1975 году стал отличным примером того, как надо переводить "отходы – в доходы". С самого своего пуска в 1968г. завод выбрасывал в атмосферу огромные количества фтора и тайга в радиусе нескольких километров высохла. С самого пуска заводские инженеры поняли, что оптимальный путь защиты атмосферы – улавливать фтор и продавать его другим предприятиям, где фтор – дефицитное сырье. Для осуществления несложной и выгодной во всех отношениях идеи понадобилось свыше пяти лет, погибли тысячи гектаров тайги, энтузиасты идеи получали инфаркты, пробивая ее через многочисленные инстанции. На заводе не было человека, который бы не усмехался: Если бы у нас была частная фирма, хозяин продавал бы фтор с первого дня... Скорее всего хозяин внес бы поправки еще на стадии проекта, заботясь и о своей выгоде, и о соблюдении закона по охране среды.

В данном случае дело осложнялось тем, что производство фтора и полиэтилена относились к разным Главкам Министерства химической промышленности. И тот факт, что оба они в принципе согласны, что сырье надо перерабатывать комплексно, рационально, и то, что оба Главка находятся в одном здании Министерства на соседних этажах, ничего не меняет. Каждый Главк должен выполнять то, ради чего его создали – выполнять план по объему определенной продукции. На решение любой иной проблемы уходят многие годы. Дело тянется еще дольше, когда в проекты новых комплексных производств втянуты различные министерства.

Не видно конца "тяжбе" о комплексном использовании ресурсов залива Кара-Богаз-Гол на Каспии или апатито-нефелиновых руд Кольского полуострова...

Так выявляется парадокс: безотходные технологии – зачастую это экономически выгодные технологии комплексного, полного использования сырья. Но именно этой комплексности мешает прежде всего структура планового хозяйства, его разделённость на министерства и главки. Без такой структуры и разделения невозможно плановое хозяйство, невозможно им управлять, это так. Но заинтересовать его подразделения в выпуске продукции всех (что фактически требует комплексное использование сырья) – тоже невозможно. Выход, на мой взгляд, один – чтобы предприятия работали не на узкий главковский план, а на всех, т.е. на рынок, и руководствовались только общей пользой, заложенной в принципе прибыли.

"Кому выгодно?" Со времен Рима юристы задают этот вопрос одним из первых: кому выгодно, тот скорее всего и совершает "деяние". Кто получает выгоду материальную и моральную, тот, скорее всего, и найдет путь к решению производственной проблемы. Кому выгодно применение экологически чистого метода генерации (при добыче серы) вместо "грязного" метода перегретого пара и воды? Фактически никому, хотя генераторный способ в три раза дешевле. Шахте? Критерий ее работы не прибыль, а план, поэтому дешевизна ее мало трогает. Кое-какую выгоду она получила бы все же, но она может лишь просить о поставках генераторов и не имеет права изыскивать финансы, чтобы заказать, заплатить подороже, но потом вернуть деньги и т.п. Главку? Он обязан радовать о более дешевом производстве по долгу службы, но поскольку план и так выполняется, то радование – это писание писем: "Ускорить выпуск генераторов..." и т.п. В каждом, в том числе и в химическом министерстве, теперь есть отдел охраны природы, он должен радовать, невзирая на план, об интересах природы, и "природоохранники" не сидят сложа руки, но они не имеют ни прав материального стимулирования, ни наказания тех, кто нарушает законы о природе, никакой иной власти. Они могут лишь рекомендовать то же самое: "Ускорить выпуск

генераторов". Никто ни в чем особо не заинтересован, но зато "нажиться" на новой технологии никто не может. Тут принцип социалистической экономики работает четко...

Специалисты говорят, что система плановых показателей в настоящее время такова, что в большинство случаев предприятию не выгодно переходить на новую технологию, каковы бы ни были ее технические или экологические достоинства! О том, что строительным организациям невыгодно иметь дело с сооружением различных очистных систем, поэтому сроки их вводов постоянно нарушаются. Но более того, что строителям невыгодно вводить и сами промышленные предприятия раньше времени, хотя бы на один день. О том, что многие плановые показатели прямо работают против развития производства и против технического прогресса... Положение экономики это особая тема, но в той части, в которой она касается экологии, можно привести один обобщенный факт.

Несмотря на развитие новых малоотходных технологий, один из высоких начальников Минхимпрома признал, что накопление отходов и рост отвалов на химзаводах не только не уменьшается, но темпы их прироста растут. Сейчас они составляют 6-10% в год, а в счете веса отвалов уже перешли от млн.тонн к млрд. (ссылка...)

До тех пор, пока предприятия не будут реально экономически заинтересованы в экологически чистых технологиях, заставляя их переходить на них, вероятно, все равно, что заставить кошку есть огурцы, читая ей при этом нотации о пользе вегетарианства.

Глава заканчивается прогнозом малой эффективности использования выделенных государством 11 млрд.руб на охрану среды (как уже упоминалось, эта цифра уже снижена до 10,2 млрд.руб). Скепсис специалистов почти единодушен: разбросанные по различным и незаинтересованным министерствам, они вряд ли принесут существенную пользу... Сами по себе громадные государственные деньги не спасут положение. Не тот случай.

Глава 8. Новые идеи

Здесь обсуждаются предлагаемые советской наукой выходы нашей страны из начавшегося экологического кризиса. Понимая, что из-за экономических трудностей общество сегодня не в состоянии решить главные экологические проблемы, большинство экологов отодвигают принципиальное их решение на далекое будущее, ограничивая собственную деятельность чисто научными проблемами, и иногда даже скатываясь с позиции невмешательства до замазывания серьезности этих проблем.

Другая же часть ученых докапывается до экономических корней и даже предлагает вполне обоснованные и приемлемые для властей решения. Так ученые Тупыця и Петров, анализируя экономико-экологические проблемы "русского леса", причин его хищнического сведения, "предлагают реальные выходы из "аварийной ситуации":

Коренное зло, говорят авторы, в устаревшей системе цен. Они предлагают перейти на новую и показывают, что это вовсе не должно привести к росту цен на готовые изделия, ибо одновременно должны сократиться расходы на переработку леса. Новая система цен заинтересует предприятия в том, чтобы полностью перерабатывать и ветви, и кору, и опилки, и прочие отходы. Более того, она учитывает и то, что лес не только древесина, но и производитель многих других благ... Сегодня лесные таксы не учитывают ни кислородный, ни климатический, ни почвозащитный, ни эстетический факторы леса.

Рациональность новых принципов, которые предлагают Тупыця и Петров, проверены на опыте США, Швеции, но она вовсе не влечет за собой внедрения в социализм методов рыночного хозяйства и иных капиталистических ересей. И тем не менее, по признанию самих авторов, рассчитывать на ее реализацию в нашем лесном хозяйстве, следует нескоро... лет через десять... То есть тогда, когда исчезнут еще

несколько десятков тысяч кв.километров не восстанавливаемых кедрочай, лиственничников и сосняков.

Конечно, вызывает сомнение авторское предположение, что положение может быть кардинально улучшено с помощью новой жесткой (не рыночной) системы цен. На мой, например, взгляд, это может стать очередной иллюзией. Однако это правоверное и не вызывающее возражений, кажущееся эффективным предложение не имеет перспектив на внедрение.

По-видимому, такая же судьба ожидает и другие серьезные работы на экономико-экологические темы, как например разрабатываемую в ЦЭМИ АН СССР группой М.Я.Лемешева системы оценок ущерба от загрязнения среды (в себестоимость каждого продукта должна входить "плата за грязь", т.е. за каждый испорченный природный ресурс в размере стоимости его восстановления). По-видимому, эти оценки, построенные на принципе замыкающих затрат, близки к оптимальным ценам устойчивого рынка, должны меняться и потому могут служить реальным компасом при определении того ущерба, который наносится природе производственной деятельностью. Но шансов на внедрение такой системы оценок еще меньше.

Сам автор с настороженностью относится к попыткам выразить в таких оценках подлинный ущерб природе или, например, человеческому здоровью, по-видимому, исходя из религиозного и гуманистического принципа о бесконечной ценности человеческой жизни. На мой взгляд, эта настороженность и опасения безосновательны, ибо, во-первых, экономика обязана выразить в своих оценочных, количественных соотношениях именно весь ущерб и всю пользу от нашей производственной деятельности, потому что только на основе таких полных оценок мы можем принимать относительно правильные решения (поэтому такие оценки могут вырабатываться окончательно только при рыночном согласовании всех благ, получаемых людьми от природы). Во-вторых, оценивая природные блага в деньгах, оценивая в

деньгах же ущерб здоровью и даже жизни человека, экономика совсем не совершает кощунства, ибо в деньгах воплощена также человеческая жизнь (рабочие дни) и природные блага (например, золото). Деньги – это лишь способы приравнивания разных благ и разных жизней. И только.

Очень важный недостаток нашего сегодняшнего положения – это отсутствие гласности в таких жизненно важных для народа проблемах. Пропаганда успокаивает людей и тем самым дезориентирует их.

Люди, посвященные в "секреты российской воды, земли и воздуха" считают иначе. "Наши отношения с природой поражены теми же недугами, что и в капиталистических странах, и плюс тому незнанием, насколько далеко зашли эти недуги", – сформулировал свою точку зрения один специалист. – Соответственно мы не можем и употреблять все необходимые лекарства".

Отсутствие гласности – известный порок нашей системы. Но нужна ли, действительно, гласность в области охраны природной среды? Какой прок в бесконечном запугивании людей призраками экологических катастроф? К чему западная пропаганда треплет нервы людям и без того утомленным? Разве рядовые граждане могут чем-то помочь тем специалистам, солидным и ответственным людям, которым правительство поручило заниматься экологией?.. Врач не говорит правды раковому больному, но если есть возможность спасти его, он спасает.

Подобные сомнения в необходимости самой широкой гласности эко-информации - профессиональная демагогия тех, кто сделал полностью подконтрольные средства информации выгодным для себя бизнесом.

Для общества не может быть полезной ситуация, где решения о крупнейшем экологическом проекта принимаются двумя-тремя "руководящими" товарищами. И "стратегические" причины, по которым они избрали этот проект, остаются неизвестными для миллионов, на жизни

которых существенно отразится воплощение проекта. И даже если он обсуждается на ученых советах институтов и на коллегиях разных министерств, это не избавляет его от пороков ведомственного одностороннего подхода.

Существует множество свидетельств ученые и инженеры о том, как, пытаясь объяснить суть другим людям, да еще в обычных житейских понятиях, они обнаруживали, что многие давно устоявшиеся, "железные" идеи оказывались шаткими и сомнительными. Публикуя профессиональный, зрелый проект, авторы не могут ждать, что читатели или телезрители завалят их свежими, отличными идеями, хотя и такие случаи известны. Но, зная об обязательном обнародовании их работ и их имен, авторы сами перепроверяют все согласно объективным критериям, а не чьим-то частным мнениям, и такое "повышенное давление" исключит многие ошибки еще до выхода работы в свет.

Широкая гласность не только восполнила бы дефицит идей и информации, который ощущается в экологии, но могла бы установить и своеобразный престижно-этический контроль среди коллег, среди людей одной сферы занятий.

В настоящее время правдивая информация о проблемах природной среды необходима больше, чем, пожалуй, любая иная социальная или научная информация. Эко-информация – SOS, которой нужно направлять во все стороны одновременно, потому что неизвестно, с какой стороны может появиться помощь. Все, что мы знаем о локальных экологических кризисах в прошлые исторические эпохи, говорит нам, что они всегда печально кончались для народов, их вызвавших. Нынешний кризис – несравненно более сложная, не имеющая в истории аналогий ситуация. Кто возьмет на себя смелость утверждать, что именно он и его друзья и приятели найдут выход из этого тупика? Что им и только им надо отдать контроль над всеми идеями, над всей информацией, которая нужна для поисков? Кто поручится, что наиболее ценные для общества идеи не находятся в голове того старца или юнца, которые не могут ни

обосновать их из-за недостатка информации, ни опубликовать, потому что они не "доверенные лица"? Какой ЦК, какая Академия Наук может считать, что она обладает исчерпывающей полнотой знаний в проблемах, которые касаются судьбы земного шара?

Вероятность найти выход из экологического тупика вообще не слишком велика, но она будет в точности равна нулю, если поисками будут заниматься лишь "особо доверенные" единицы".

Не давая возможности людям понять реальные размер грозящей экологической опасности, наши руководители лишают их возможности мобилизовать все силы, выиграть или проиграть, но проиграть мужественно, как воин, исчерпав все, что было в силах слабой человеческой природы. Мы имеем право выиграть или проиграть сами, а не перепоручать это "дядям", которые проигрывая Азов, Арал, Каспий и миллионы квадратных километров земли, продолжают жить припеваючи и даже не считают нужным о своих проигрышах сообщить.

Если люди не будут знать размеров реальной угрозы, они не пойдут и на самоограничения, которые потребуются для серьезных экологических действий, и результат тут может быть только один – потом, после экологических аварий их придется ограничивать, но уже насильно, со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Поэтому создание иллюзий, будто проблемы экологического бедствия решаются нынешними экологическими и идеологическими средствами, создание иллюзий, будто нынешний курс хозяйства способен увести страну от рифов и мелей, к которым движутся другие страны – все это тяжелейший грех советской пропаганды. Грех непросчительный в своей сознательности и преднамеренности.

Он превращает страну в некую пародию на печально известный "Титаник". В разных концах в его трюме давно занялись пожары, и капитан понимает, что если их и можно

погасить, то лишь всем "миром". Однако для капитана честь мундира превыше всего на свете, он никогда в жизни не признавал своих ошибок и глупостей. И сейчас он не прерывает трапезы в кают-кампании, держит позу и приказывает носить воду в трюм чайными стаканами... "в крайнем случае чайниками..."

Вся книга В.Комарова – этот самый сигнал бедствия и призыв к самоспасению. В заключение главы он говорит:
То, что чистый воздух стал редкостью, которую тут же отмечают наши легкие – очевидно. То, что природа разоряется, говорят нам наши глаза, говорят и цифры. Но какова степень разорения природы в стране?... Абсолютных оценок уничтожения земель, рек, озер избегают и прогнозы "Природа 1980г." и "Природа 1990г.". Суммарных данных по этой области деятельности нашего общества они не приводят... Тем не менее, проанализировав большое число официальных изданий, книг и статей, можно получить данные для достоверной картины происходящего...

- *Как известно, территория страны – 22 млн.кв.км, а за вычетом водных поверхностей, вечных льдов и скал, непригодных для жизни - 14,3 млн.кв.км. Это весь "пирог". Теперь подсчитаем, кто и сколько от него успел откусить на 1977 год:*
- *175-225 тыс.кв.км (17,5-22, 5 млн.га) занимают площади, изуродованные и обесцененные горными разработками и торфоразработками.*
- *5 млн.га – отвалы, хвосто-шлаки и шламохранилища промышленных предприятий, а также городские свалки.*
- *12 млн.га погребены под водой крупных водохранилищ.*
- *50-55 млн.га – пустоши и болота в лесах после вырубки и пожаров, которые не зарастают, разве что сорняками.*
- *-63 млн.га сильно эродированные, засоленные земли (пахотные и лугово-пастбищные угодья), развеваемые*

пески на месте бывших полей, причем из 400 млн.га подверженных эрозии земель учитывались только безнадежно испорченные (на сотни лет вперед). Убытки от эрозии в 1978г. исчисляются в 10 млрд.руб.!

- *Итого: 1450 тыс.кв.км бесплодных ныне земель, промышленных пустынь и полупустынь.*

Это составляет более 10% всей пригодной для жизни человека территории СССР. И это одна десятая нашего пирога, которую мы по малым кусочкам уже съели, была самой "вкусной и жирной". Наиболее пригодной для использования и, во многих случаях, самой плодородной. Мы выковыряли изюм из булки. Поэтому со второй, третьей, четвертой десятой мы разделаемся куда быстрее. Тем более что нас стало намного больше и наши потребности растут весьма быстрыми темпами.

Если бы буржуазная Западная Европа обращалась с природой так же как мы, то уже давно в бесплодной пустыне оказались бы все жители Англии, Франции, Италии, ФРГ, Швейцарии и страны Бенилюкса. Их население равно нашему – 240-250 млн. человек, а общая площадь примерно наша одна десятая – 1.4 млн.кв.км.

Мне кажется, в этом заключительном итоге содержится призыв к спасению, но и приговор экономической системе, способной лишь окончательно погубить трудовые способности людей и природную основу их жизни.

Один из идеологов экологической политики страны, работник ЦК КПСС И.Лаптев в одной из своих статей заявил, что отношения общества к природе несут на себе груз всех сложившихся внутри общества отношений и связей. В этом пункте с ним нельзя не согласиться.

"Порочные связи", сложившиеся в нашем обществе, причиняют серьезный ущерб нашей жизненной среде. Взаимосвязи между пороками экономической системы и

экологией гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд.

- Это: постоянный дефицит мяса в стране и низкая производительность колхозного животноводства, в результате варварское истребление китов в мировом океане и прибрежных водах Дальнего Востока;*
- тот же дефицит мяса – и организованное браконьерство в местах зимовок птиц в Кызыл-Агачском заповеднике и в десятках других мест; браконьерство, которое попутно уничтожает внесенных в Красную книгу стрепета, фламинго, краснозобую казарку, турача и десятки других видов;*
- положение, при котором единым хозяином с/х-угодий в стране является Мин-во сельского хозяйства, а колхозники стали равнодушны к своей земле, - и поспешная формальная мелиорация, которая губит большую часть земли, лесов, ягодных и охотничьих угодий;*
- положение, при котором огромная доля хлопка и целлюлозы идет на изготовление пороха и прочей взрывчатки (непомерные запасы вооружения для себя и для экспорта)*
- и чрезмерная эксплуатация всех пригодных для выращивания хлопка земель в Средней Азии, и постоянные перерубы леса. Можно сказать, что успехи национально-освободительных движений в Африке и в Азии, воюющих нашим оружием, оплачиваются уничтожением многих километров сибирской тайги, засолением тысяч гектаров хлопковых полей.*

За рекордными урожаями хлопка (для сбора которого отменяются занятия в школах и в вузах Средней Азии, закрываются учреждения) следует нехватка хлопчатобумажных тканей. За самыми крупными в мире целлюлозно-

бумажными комбинатами – дефицит бумаги для книгопечатания. А все изобилие продукции, полученной ценой экологических потерь, развеивается по ветру на бесчисленных стрельбах, учениях, маневрах и прочих бряцаниях оружием.

Постоянная необходимость закупать новейшую технику за границей, а в последнее время и зерно, ведёт к варварской эксплуатации рек и речек "золотых" районов Севера.

И "великий перелом" коллективизации 1929 года, и иные "ломы" 30-х и 40-х годов, кампании великих строек и непосредственный диктат интересов военных, которые определили судьбу Байкала – все это факторы, сказывающиеся на наших отношениях с природой.

Если сегодня по волшебству вдруг прекратится всякое загрязнение среды, то поллютанты, накопившиеся за последние годы, будут действовать еще на одно-два последующих поколения так же сильно, как на нас.

Если так же по волшебству исчезнет все тяжелое наследство "нищей, отсталой" России, Великой Отечественной войны, "сталинских перегибов" и "Гидропроекта" – разграбления природы это почти не уменьшит. Ни сейчас, ни через одно-два поколения. Главные причины – уничтожения природы – в нашей современности в большей степени, чем в нашем прошлом.

Наука стала производительной силой – это ясно всем. Менее известно, вероятно, сколько же она производит в нашем обществе. – В ежегодный прирост национального дохода СССР вклад науки – около 4%. Для сравнения в США вклад науки в прирост национального дохода – 30-35%. Примерно таков же вклад образования. У нас образование прибавляет всего 6%.

Цифра 4% пошатнет самую оптимистическую веру в могущество современной науки. Она могуча лишь в определенных социальных условиях. Как изменить положение? Как заинтересовать индустрию в воспроизводстве природных ресурсов? Как исправить неэффективное сельское хозяйство?

Как сделать, чтобы законодательные меры эффективно защищали природу?

С какой стороны не потяни за ниточку экологии – все она вводит вглубь экономического и социального устройства общества. Исследования всех крупнейших ученых говорят об одном и том же: масштабные экологические проблемы не могут быть решены ни в рамках экологии, ни в рамках технологий, ни даже в рамках чистой экономики. Они требуют одновременных перемен и в экономике, и в сфере социальных и моральных устоев общества.

Мы подходим к вопросу о возможности реформ, необходимых изменений, которые, по меньшей мере, замедлили бы темпы деградации, обнищания природы, а в идеале обеспечили бы экологическое благополучие народа на будущее. Само собой разумеется, конкретное содержание таких реформ – дело исключительно сложное, предмет для работы многих государственных умов. Мы говорим сейчас лишь о шансах на такие реформы. Существуют ли они? Кто и чего ради пойдет на такие реформы?

Анализируя социальный состав нашего общества, соотношение привилегированных слоев и обычных граждан, и степень их обеспеченности природными и прочими ресурсами, Б. Комаров приходит к выводу, что приблизительно 15% населения причастно к власти, но и они же максимально застрахованы от загрязнения среды (дачи, заказники и т.п.), поэтому ждать от них реформ – нереалистично. Можно не согласиться с оценками доли элиты в нашем обществе, но трудно оспаривать основной довод: власть придерживающиеся не пойдут на необходимые для спасения народа реформы, т.е. даже на частичную утрату своей всеобъемлющей власти. Помочь может только общественное прозрение опасности и давление на власти общественного мнения.

Глава 9. Итоги дня

Заключительная глава книги, на мой взгляд, носит не совсем удачное название. Именно ее следовало бы назвать "Запасная страна", поскольку в ней разоблачается последняя надежда руководства – миф о неисчерпаемости природных богатств страны за Уралом, миф о том, что у СССР есть еще одна запасная территория, почти не тронутая освоением Сибирь.

Действительно, Сибирь без льдов Арктики и заселенного Юга Сибири и Дальнего Востока – занимает 50% территории Советского Союза, на которой проживает сегодня только 11% его населения.

Однако ученые свидетельствуют, что эта территория совсем не равноценна "первой" половине страны. Зоны тайги и тундры с их вечной мерзлотой под тонким слоем почвы – легко ранимы. Европейский метод хозяйствования быстро выводит из строя огромные территории. Так, стоит вездеходу проехать по тундре, как колея, созданная его гусеницами, превращается в незаживающую годами рану. Кишащие рыбой тундровые озера после "третьего" невода – превращаются в рыбную пустыню. Слишком мала в этих зонах биологическая продуктивность и способность к восстановлению нанесенного ущерба, к самоочищению.

Поэтому "призыв на Северо-Восток", прозвучавший некогда в оппозиционной литературе, также является бесосновательным с точки зрения экологии, потому что эта "запасная" земля не выдержит пресса современной жизни. Один только 200-тысячный Норильск превращает в пустыню округ площадью в 600 тыс. кв. км загрязнением воздуха, транспортом, хищнической охотой и рыболовством. Весь огромный Северо-Восток сможет выдержать максимум 2-3 миллионных города, не превратившись в пустыню за одно поколение. Сегодня это становится уже очевидным.

Местное население северных народностей, веками приспособленное к жизни на этой земле, не разрушая ее,

разрушается как особые национальности – или физически, в алкоголизме, или демографически – в ассимиляции и переходе на современный стиль жизни. Приезжие же, ставшие здесь основной рабочей силой, без любви к этой земле, а иногда и с ненавистью (считается, что до трети завербованных на Северо-Восток, возвращаются домой инвалидами – из-за неадаптированности к трудным условиям "запасной страны") способны лишь хищнически "рвать деньги" любыми путями и средствами. И так поступают все – от простого "работяги" до Председателя Совета Министров Косыгина, которой в 1972 году разрешил бесконтрольный золотопромышленный перемыв русел северо-восточных рек, невзирая ни на какие нормы и запреты. Про урановую промышленность и говорить нечего.

Конечно, сегодня предпринимаются и определенные усилия по охране природы, но они маломощны и не идут ни в какое сравнение с ростом масштабов производства в этих местах и усилением его разрушительных последствий.

Прогноз Б.Комарова: "запасная страна" из заповедной зоны очень скоро может превратиться в зону бедствия, превратиться в ледяную пустыню, которую восстанавливать много труднее, чем песчаные пустыни. У Советского Союза на деле нет "запасной страны" и не на что надеяться, кроме кардинальных перемен и реформ.

Наука не справляется со своей ролью своевременного предупреждения общества о надвигающейся опасности. Гораздо больше дает литература: предупреждения, содержащиеся в таких произведениях, как "Царь-рыба" Астафьева или "Прощание с Матерой" Распутина сделали для пробуждения общественного сознания много больше научных статей. Однако подлинное осмысление экологических проблем и их решение не под силу ни одному литературному произведению, ни одной научной монографии.

И привлекая Пушкинское слово, автор пишет, что задача под силу лишь *"дружине ученых и писателей, которые впереди во всех набегах просвещения и которые стараются найти*

*истину несмотря на все окрики и удары, достающиеся им"...
Но где же эта дружина на всем поле – от Куликова до
Байкала?*

Этим вопросом заканчивает свою книгу Б.Комаров.
Хочу верить: он не останется долго без ответа! 1978г.

2.8. Письмо Ф.Абрамову

- отклик на его послание землякам "Чем живем-
кормимся", опубликованное 17.11.1979г. в "Правде" (ЗЭС №9,
"Поиски №8")

Дорогой Федор Александрович! Ваше письмо
пинежским землякам волею газеты "Правда" теперь обращено
ко всем читателям "Правды" в городе и деревне, ко всем
советским гражданам. И заслуженно: Вашими недоумениями
и болью мучаются повсюду, не только в деревнях, но и в
городах. Вы правы, обращаясь именно к деревне, там процесс
развращения людей большими деньгами за плохую работу
идет особенно быстро и болезненно.

Но двойственное чувство возникает при чтении
Вашего письма: признательности за искренние, смелые,
неравнодушные слова и досады от непонимания очевидных
экономических связей или простого лукавства (последнее
было бы хуже всего – ведь иногда полуправда хуже лжи).

Да, еще совсем недавно деревня голодала и
бедствовала, сидя без денег, умудрялась со своих
приусадебных участков и себя прокормить, и в город на
продажу свести, чтобы было на что купить необходимые
городские товары. И хоть худой был заработок во многих
колхозах, но и за него работали люди, ибо без него жить
нельзя было. Конечно, уходили в города, но не многим это
удавалось. Остальные работали.

Теперь все изменилось. Теперь в деревню заманивают
зарплатой повыше городской, но результата не достигают:
молодежь продолжает уходить в город, где культура, где

перспективы, где свобода выбора, где дефицита меньше, а деньги значат гораздо больше. В самой же деревне легкие деньги совершенно подорвали стимул к работе – как на личных участках (зачем надрываться в грязи, раз деньги с базара уже не нужны, а продукты можно купить в сельском, а при случае – и в городском магазине?), так и в общественном хозяйстве (ведь платят там не за результаты труда, а за должность, за службу, за халтуру, просто так, только чтоб израсходовать выделенные государством деньги...). Единственный способ заставить сейчас людей что-то делать – заплатить им еще дороже, превысить уже и так высоких уровень зарплаты, но это ведет лишь к дальнейшему росту средней зарплаты - "без всякого роста надоев, привесов, урожаяев", как справедливо писали Вы в своем письме землякам. "Вольно или невольно", но жители деревни превращаются в нахлебников у государства. Но что такое государство? Это ведь другие деревни и города, а там происходит то же разращение легкими деньгами и пьянством. И остается только удивляться, как это мы еще живы, за чей счет наша сегодняшняя материальная жизнь даже улучшается, если и мы все работаем чем дальше, тем хуже?

Мне кажется, можно найти ответ на этот вопрос: 1) за счет продажи, экспорта природных ресурсов нашей богатейшей в мире земли, завоеванной предками для нерадивых потомков; 2) за счет заимствования, импорта чужестранной техники и технологии, плодов чужого разума, и, наконец, 3) за счет еще сохранившихся у старого поколения запасов трудолюбия и совести. Этим мы сегодня живы еще и внешне даже благоденствуем. Но эти источники не бесконечны. Иссякнут легкодоступные месторождения золота, нефти и прочего сырья, не за что будет покупать западные достижения, да и не дадут больше копировать, а главное, вымрет старшее поколение (как я боюсь этого!) – и вот тогда инфляционный процесс выдачи легких денег за бездарную службу окончательно заведет нас в тупик: денег у наших детей

будет много, а товаров – совсем ничего, один дефицит. Кризис, катастрофа, гибель – мы идем к ней неуклонно.

Даже совестливые и работающие люди, которых у нас пока еще много, ничего не могут сделать в этой безнравственной ситуации. Ведь глупо стараться, когда в итоге твой труд оказывается зряшным, когда все идет вперекос, когда что-либо можно сделать лишь по разрешению ничего не понимающего центра. Глупо стараться и на своем личном участке, когда просто запрещают продавать плоды с огорода, а велят лишь сдавать за бесценок на беспризор и гниение. Глупо подталкивать своих детей на борьбу за хорошее руководство – ибо никакой местный руководитель не может поломать решительно систему тотального руководства всем из центра. Глупо стараться об украшении своего села, потому что хозяева в нем не люди, а опять же – приезжее начальство со своими планами благоустройства, реконструкции, монументальной пропаганды и т.п., планами часто глупыми, но зато утвержденными сверху.

Большинство наших людей сегодня надеются только на перемены сверху, на приход нового твердого руководства или, как Вы остроумно заметили, - "нового барина". Не имея традиций законности, свободы и самостоятельности, наши люди не могут придумать ничего иного, как только мечтать о новом Сталине, конечно, без злого Берии. Традиционная русская мечта о добром, но грозном царе вновь возрождается в новых одеждах. И это, может быть, самое страшное – и не только потому, что многие при этом погибнут, но и потому, что новый Сталин ведь не решит проблем.

Я считаю: единственным спасением нас от надвигающегося экономического банкротства и будущей сталинщины была бы радикальная перестройка экономических отношений в деревне (да и в городе тоже) - коренная переоценка отношений руководства к людям. А именно: надо поддерживать и поощрять всех работающих, результативных людей, и перестать кормить бездельников

только за то, что они занимают "определенную должность". Дать возможность и не мешать добиваться полного успеха трудолюбивым и инициативным людям, где бы они ни работали, от директора совхоза до частника на своем огороде, освободить от мертвящей и неумной опеки хозяйственников, дать им возможность прямо работать на потребителей, договариваясь с ними о ценах, объемах и сроках – добровольно и свободно, без вмешательства и ненужных ограничений сверху, но не на словах, а на деле, запретив такое вмешательство даже партийным органам под страхом уголовного наказания. А плохо работающие, убыточные хозяйства надо лишать поддержки, дотаций, закрывать их к чертовой матери, продавать их имущество преуспевающим хозяевам. Держать на работе только хороших работников, нещадно выгонять "неробот". Только тогда будет развеяна душная атмосфера апатии и пьянства.

Заметьте, Федор Александрович, я не предлагаю ликвидации колхозов и совхозов, внедрения капитализма и т.п. Я говорю только о единственно возможном выходе из тупика, в который мы зашли. Мне трудно понять, почему Вы сами не требуете такого же, а ограничиваетесь только моральными призывами, в осуществление которых сами не верите. Нет, сейчас уже нет времени для полуправды, для сохранения удобных иллюзий. Если Вам действительно дорога русская деревня, ее будущее, если она Вам дороже официальных иллюзий и собственного благополучия, то Вы сами до конца разберетесь во всех поднятых Вами же вопросах и обратитесь к людям уже с реальными и коренными советами, не убоившись никакой демагогической критики, которая на Вас может обрушиться. Вы сделаете это, обязательно, ибо знаете – времени остается очень мало. 20.11.1979 г.

Раздел 3. Поиск меры участия в переустройстве окружающего мира

3.1. Между страхом и нетерпением

(Размышление по поводу романа Ю.В.Трифонова "Нетерпение")

И.Две берущих за душу детали начинают этот роман: название и первая фраза. В удивительном по краткости и емкости названии обозначились и характер целого слоя людей в прошлом, и судьба целого народа, и предостережение на будущее. Начальная фраза романа: "К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том, какова болезнь и чем ее лечить" – звучит как обращение к современному читателю, как приглашение его к раздумьям над близкой и очень тревожной темой.

Сразу же оговорюсь: я буду писать лишь о сугубо личном восприятии романа, ни мало не претендуя на то, что "на самом деле хотел сказать автор". Может оказаться, что мое и авторское представление об основных героях этого романа даже противоположны. Что из того? Ведь меня интересует не литературоведение, а сама жизнь, показанная в этой талантливой книге.

Роман посвящен революционной деятельности Андрея Желябова и самой организации "Народная воля". Затронута множество исторических лиц, судьба каждого из которых глубоко поучительна. Однако мы обсудим лишь некоторые из них.

Андрей Желябов – сын крепостного крестьянина. Единственный мужик по званию среди дворян и разночинцев в Исполнительном Комитете "Народной воли". Правда, получить образование ему помог добрый барин, но другой,

злой барин надругался в детстве над его родными и оставил в душе неизгладимый след.

Главное в нём – это необычайная яркость, талантливость, самобытность и антибуржуазность. В студенческие годы он не столько учится, сколько участвует в сходках и волнениях. Вся его короткая жизнь есть мучительные поиски путей изменения российской действительности. Этим поискам он отдал жизнь, но кончил террором и нечаевщиной. И тем прославился.

Читая роман, видишь, как из трезво мыслящего и нравственного человека, отвергающего утопические надежды перевернуть Россию с помощью заговоров и убийств, категорически отрицающего пути террора и тайных политических организаций из-за их неискоренимой безнравственности, самой логикой времени, развитием "революционной морали" образуется убежденный террорист. Разумный ранее либеральный молодой человек буквально "обезумевает" (по Достоевскому, становится бесом) и фанатически убеждает не только себя, но и других в том, что со злом надо бороться только злом, насилием, что с убийством царя и его сатрапов Россия на следующий же день изменится, станет свободной и демократической. Именно такое превращение либерала в народника, народника – в террориста-народовольца сделало с Андреем Желябовым, с его друзьями, с целым слоем русской интеллигенции, а затем и со всей страной зловещее нетерпение. Я совсем не думаю, что единственный способ избежать наклонной плоскости нетерпения – это верноподданность и пунктуальное охранение устоев, даже наоборот, такая замшелость со стороны верноподданных вызывает **нетерпение** у их противников. Как ни странно, но бесконечное терпение здесь обуславливает нетерпение...

Роман начинается разрывом Андрея со своей семьей, с прежними народническими воззрениями, с надеждой на быстрый и мирный прогресс общества. Отныне Андрей переходит в подполье, к террористическим утопиям, которые

раньше отвергал, а теперь принимает только за то, что они позволяют активно действовать.

И все же этот разрыв – только вступление. Начало самого действия - "Воронежский слет "Земли и воли" и раскол этой организации. История поставила тогда перед партией выбор лишь между двумя путями: 1) трезвость и терпение; 2) нетерпение и террор. Плеханов и его группа "Черный передел" выбрали первое. Фактически это был отказ от нелегальной борьбы, который впоследствии привел людей или к эмиграции, или к земской и прочей "малой" деятельности "либеральных народников". Значение же последних для развития России – особая и большая тема.

"Народная воля" и Желябов, в частности, выбрали второй путь. Они убили царя и погибли сами. Погибли почти все, но смертью своей посеяли традиции, подхваченные сперва эсерами, а потом и террором революции. Трагический ответ лежит на всех народовольцах, трагический не столько из-за жертвенности и неизбежности их гибели, сколько из-за сознания нами масштабов того огромного зла, которое нанесло России тогдашней и будущей, их чистое и пламенное нетерпение.

Желябов порывает со своей семьей – сыном, женой, тестем, которые так верили в его способности, так надеялись на его участие в положительной жизни, и так ошиблись! В этом разрыве предreshается не только его гибель, но и его семьи. Со смертью на виселице Желябова погибли, на деле, и его близкие. Погибли без вины, совершенно незаслуженно (ибо кто еще тратил столько сил, чтобы отвлечь Андрея от терроризма?), погибли против своей воли, просто по причине близкого родства к цареубийце: тесть умер от позора и травли, жена билась всю жизнь в попытках спасти сына от фамильного клейма, но не спасла, дошла до нищенства и загубила и себя, и сына. И так было не только с родными, так было и со знакомыми, и с друзьями Андрея. Все, кого касалось огненное дыхание народовольцев, погибали вместе с ними.

Это прекрасно описано на истории харьковского студента **Саши Сыцянка**. Он начинает принципиальным народником и противником террора, как вещи безнравственной. Однако, не будучи способным противостоять мощи доводов Желябова и его друзей, накалу их борьбы, не рвет с ними связей, а в силу своей моральной несамостоятельности идет на компромисс с террористами: соглашается признать террор, если при этом гибнет и сам террорист (око за око).

Хорошо видно, что этому студенту глубоко противен путь Желябова, да и сам Желябов "страшноват". Но юношеское тщеславие, боязнь недоверия со стороны героев-террористов превозмогает внутреннюю тревогу чистой Сашиной натуры. Вот как он вспоминает то время: "Был ли я уязвлен тем, что всей тайны мне не доверяют?.. Да, конечно, был уязвлен, и одновременно боялся и не хотел этого доверия. Боялся не за себя, а за отца, за всю нашу семью, настрадавшуюся после смерти матери. И вот тогда в разговоре я спросил Желябова: "А если гибель врага повлечет за собой гибель близкого, невинного человека?" Он, подумавши, ответил: "А Вы лично готовы принести себя в жертву ради будущего России?" Я сказал, что лично себя – готов. "Так вот это и есть жертва: Ваши близкие. Это и есть – Вы". Признаться, его ответ показался мне чудовищным софизмом. Но затем я подумал, что и Спаситель на подобный вопрос отвечал примерно так же. Просто я не был готов к непомерной муке. У меня не достало бы сил и мужества превозмочь такую боль. А ему казалось естественным – тут-то и была страшноватость! – отдать в жертву гораздо больше себя".

Легко ломается моральное сопротивление Саши Сыцянка, его внутреннее убеждение: "террором не заниматься, а заниматься своим делом" – лишь простой просьбой террористов о помощи: спрятать аппаратуру неудавшегося покушения на царя. "Произнести слово "нет" я не мог, хотя все мое нутро, охваченное предчувствием, говорило: нет, нет, нет! На другой день он привез... Через три

дня явился с обыском жандармский капитан... Бог знает, кто подал полиции сигнал! И все покатилося, все рухнуло, жизнь наша переломилась навсегда. Арестовали отца, меня, сестер, всех наших по очереди... Год нас терзали. Сначала держались бодро, потом стали выбалтывать. И даже кузенов притянули к следствию, мальчишек, запугали до слез, и они тоже выложили все, что знали... Семнадцать лет! Отец был оправдан, но не вынес горя и вскоре умер. Сестра Маша поехала за мной в Сибирь"...

Через долгие-долгие годы сибирских страданий Саша все же возвращается, но уже в качестве кого? – в качестве убежденного эсера, террориста, человека, жизнь которого уже неотделима от арестов и тюрем. Кончает же он самоубийством в тюрьме.

...Я долго не мог понять: почему этот студент гибнет? Почему он не может отказаться от сотрудничества и знакомства с Желябовым? Почему ему столь невыносимо стыдно отказать в помощи народолюбцам, что он жертвует даже близкими? И вот к какому объяснению я пришел: студент только догадывался, лишь "чувял" неэтичность Желябова и его друзей и не мог предположить, даже подумать об их преступности и даже реакционной роли в истории. Еще меньше об этом догадывалось окружение Саши, люди, мнением которых он дорожил.

Как ни чудовищно это звучит, но для "прогрессивных" молодых людей той России только позиция "Народной воли" была оправданной и моральной. Не только народолюбцы, но и широкий круг русской интеллигенции был охвачен нетерпением перемен и сочувствием к преступникам-террористам. Даже Желябова удивляло то жадное внимание, с которым встречали известия об очередных "подвигах" террористов самые, казалось бы, далекие от движения люди, даже невинные и робкие женщины. Его вдохновляла та общая заинтересованность и готовность помочь, которую он встречал со стороны виднейших писателей и иных интеллигентов. В этом множестве "прогрессивной интеллигенции"

народовольцы были наиболее последовательными и самоотверженными проводниками их взглядов, и потому пользовались их преклонением. Остальные же в этом множестве лишь колебались между личным страхом и общим нетерпением, провоцируя своих лучших представителей народовольцев на преступления террора. Именно эта поддержка питала народовольцев и дала им силы убить царя, а затем... затем воскреснуть в последующих революционных партиях.

Моральный остракизм, которого боялся Саша Сыцялко за принципиальный отказ помощи народовольцам, не говоря уже о невозможности высказать осуждение их, боязнь прослыть трусом – заставляет его отказаться от себя и близких и принять поручение "Народной воли".

Чем же было вызвано это небывалое общественное явление: преступное нетерпение у большого слоя общества? На мой взгляд, это вызвано двумя обстоятельствами. Первое - влияние передового Запада – и не столько с помощью разрушительных коммунистических или анархистских идей, сколько самим примером своей свободной благоустроенной жизни. Самим фактом своего существования Запад будил вожеления образованных русских людей и заставлял их мечтать и действовать не во имя гармоничного и постепенного развития наличной российской действительности, а во имя насильственного насаждения в ней заграничных порядков и идеалов. Нет слов, эти порядки превосходны, и Россия рано или поздно придет к чему-то похожему, но ведь не сразу, не силком, а путем своего ускоренного постепенного саморазвития – и не в одном слое интеллигенции, а всем обществом в целом.

Второе обстоятельство - упорное противодействие самодержавия быстрому ходу реформ внутренней жизни. Кстати, самодержавие тоже смотрело на Запад и тоже мечтало переустроить российскую действительность по "наилучшим образцам", но, конечно, при сохранении своей абсолютной власти и... с ее помощью. И потому постоянно терпело

неудачи в своих прожектах. Неудачна была индустриализация страны Петром I, неудачен общий ход реформ Александра II. Как и революционная интеллигенция, самодержавие видело для страны выход только в широком применении насилия. Отсюда революция Петра I и попытки преобразования Екатерины и Александров. Как не вспомнить определение М.Волошина: про революционность самодержавия и самодержавность революционеров.

Две противоположные силы в обществе: власть и интеллигенция, обе мечтали о прогрессе, т.е. о быстром продвижении страны к западным меркам, обе были охвачены нетерпением, обе пытались действовать насильем, и обе ошибались, потому что помочь развитию страны может только постепенный отказ от насилия, только содействие, а не грубое подталкивание развития. Следует осудить похвалы Маркса "варварским методам Петра I, как единственно возможного средства против варварства в России". Ибо в истории клин не вышибается клином, а напротив, еще больше заклинивается.

Если принять за основу эти соображения, то действия и самодержавия, и революционной интеллигенции можно квалифицировать в равной степени насильственными, антиобщественными и преступными. Правильным же поведением можно назвать лишь конструктивную детальность, которая уже в то время помогала развитию страны и противодействовала разрушительной активности и самодержавия, и "Народной воли". Но трагедия заключается в том, что общественному мнению не была очевидна эта истинная альтернатива конструктивной деятельности, что людям приходилось выбирать между службой двум типам насилия: самодержавному или террористически-революционному. Только великим умам, как Толстому или, с иной стороны, Достоевскому, виделся иной путь. Только "презренные" либералы, народники и кадеты, практически осуществляли этот третий, конструктивный путь, своей легальной оппозицией вынуждали власти к действительно необходимым и выношенным реформам, своей

положительной работой превращали Россию в промышленно развитую, конституционно-либеральную, т.е. свободную страну. Развитие страны до 1917 года показывает, что этой тенденции принадлежало будущее, что, не будь мировой войны, свобода в России могла бы окончательно упрочиться. Харьковский студент Саша Сыцяно не смог еще осознать этот выход, и погиб, но тысячи других студентов после него его находили.

Роман "Нетерпение" дает нам образцы не только носителей насилия (народовольцев, с одной стороны, царя с царевичем и Победоносцевым – с другой), но бегло рисует и людей, у которых хватало силы и самостоятельности противостоять общему поветрию "нетерпения". В революционном лагере – это люди "Черного передела", партия Плеханова. В их расколе с народовольцами можно увидеть и будущий "меньшевистский" оппортунизм, споры с большевиками, плехановскую фразу: "Не надо было братья за оружие"... У Плеханова слишком много собственного достоинства и здравого смысла, чтобы поддаваться слепящему нетерпению.

В царском же лагере – это Лорис-Меликов, последний советник Александра II, главный противник "Народной воли", которая была уже обезглавлена и рассеяна, однако, смертельно раненный партийный механизм уже последней конвульсией, по инерции, сумел-таки убить царя, а вместе с этим – убрать и Лорис-Меликова с его политикой умиротворения страны путем трезвых и постепенных конституционных реформ. Главное детище Лорис-Меликова – уже утвержденный Александром II указ об организации выборного Государственного совета ("конституция Лорис-Меликова"), который мог бы стать зачатком русского парламента – после убийства царя был захоронен вместе с ним. Страна резко качнулась вправо.

Но что такое "вправо"? На деле – это очень скорое будущее "влево" – всего лишь через полпериода циклических колебаний русской истории.

Для всех народовольцев реакция общества на царевубийство была страшным разочарованием, свидетельством катастрофы и крушением надежд. Но в каком-то высшем историческом смысле партия "Народная воля" как нельзя лучше выполнила миссию самосохранения своих партийных идеалов, вернее, методов действий. Добившись через царевубийство резкого усиления реакции в стране, "Народная воля" тем самым заложила прочную основу для последующего отшатывания (колебания) общества влево, к революционному насилию, к воссозданию "Народной воли" в партии эсеров. Мало того, когда сами эсеры потерпели поражение в 1918 году, большевики фактически восприняли и их идеалы, и методы действий, включая оружие "красного террора"... Новый поворот истории привел страну под самодержавие Сталина, на котором, конечно же, русская история не кончается...

Возродится ли в нашей стране идеология "Народной воли"? Легче всего отмахнуться от этого страшного вопроса. Моих сил хватает только на то, чтобы без усталости задавать.

И, наконец, мне хочется подробнее рассмотреть образы предателей, вернее, отступников "Народной воли", в судьбе которых гибельность народовольческих идеалов и морали проявилась особенно выпукло и ярко (возможно, против воли автора). Это – Рысаков, Ванечка Окладский, Гриша Гольденберг.

Рысаков – тот, кто метнул первую бомбу из тех двух, которыми убили-таки царя – молодой и голодный парень, студент, из мещан, почти случайно прибудившийся к партии, которая его накормила, увлекла, свила веревку ("Желябов держал всех в узде, он из каждого умел веревки вить. Вот и из меня – свил веревку"), вложила в руки бомбу. Судьбы России, политические идеалы – все это от него далеко и ему не нужно. Ему нужна только жизнь и хлеб. После "дела 1 марта", когда он, наконец, осознает, что творил, он полон раскаяния, всех выдает, ужасается смерти. Но смерть неизбежна, несмотря ни

на какое раскаяние, и душа его воеет от тоски по жизни – глубоко и страшно, настоящим проклятием народовольцам: "О, вы, люди милые, дорогие, что будете жить через сто лет, неужто вы не почувствуете, как воеет моя душа, погубившая себя навеки?"

Ванечка Окладский – его трудно назвать случайным человеком в партии. Воспитанник одного из народников, он с детства вращался в партийной среде, ощущал ее как родную и вел себя согласно ее морали. Он как комсомолец прошлого века – партийная молодая смена. Но в том-то и дело, что среда революционной интеллигенции – это ненормальная среда. Мораль ее – ненормальная, неестественная, неподходящая для таких простых людей, как веселый Ванечка. На проверку и ему, как Рысакову, начхать на дела партии, а важны, прежде всего – собственная жизнь и кусок хлеба. Он веселый, разбитной малый, способный "потискать в углу горничную", в его руках спорится любое дело, он по натуре – мастеровой, рабочий человек, которому надо работать, иметь семью, стоять за товарищей в забастовке, может, пить водку. Мало того, разрубая лопатой (тайком от Желябова) провод к mine под царским поездом, он поднимается до осуждения террора. Но отстоять эту точку зрения перед Желябовым и другими "главарями" самостоятельно не может и подчиняется долгу товарищества: быть с ними революционером. Даже на суде он играл роль, произнося гордые речи, и лишь в самую последнюю минуту одумался и... покатился в обратную сторону: из пламенного революционера стал известнейшим "provokatorom", вернее, предателем "Народной воли". Не отказавшись от навязанной ему с детства роли одного сорта, он всю свою оставшуюся жизнь до 17-го года играл столь же несвойственную ему по натуре роль provokatora. Жизнь его была загублена.

Собственно, такое же предательство, только в более "благородном" и "идейном" смысле, совершил "Тигрыч" - Тихомиров – один из самых известных теоретиков и крайних

умов "Народной воли". Как описывается в романе, уже в период начавшейся агонии партии он начал медленно "отплывать в жизнь": женился, а потом сумел уехать за границу. Инстинкт жизни в нем оказался сильнее собственных теорий. Там, за рубежом, он окончательно порвал с революционным движением, но, что характерно, третьего пути не нашел, а, напротив, стал самым убежденным монархистом. Крайности сошлись. Судьба "Тигрыча" – одна из самых ярких демонстраций неразрывной связи революционности и монархизма.

Гриша Гольденберг – отчаяннейший террорист, убийца губернатора Кропоткина, сентиментальный висельник, восторженный болтун – вот кто был, конечно, народовольцем по убеждению, плоть от плоти самой партии. Однако на деле Гриша оказался недостаточно твердым и партийно выдержанным. То, что он по своей неосторожной сентиментальности доверил провокатору все известные ему партийные секреты – это его несчастье, и только. Другое дело: его внимание к жандармскому проекту – спасения России путем раскрытия организаций и примирения их с сочувственной властью. Такая податливость показывает, что и Гришка был революционером лишь по моде – из-за постороннего влияния, а по сути своей он был готов и к третьему пути. Но, чтобы найти его, у Гриши не было никаких возможностей. Его ждала лишь очередная трагедия: террорист становится предателем.

Из этого обзора видно, что предателями "Народной воли" становились люди, "отплывающие к жизни", стремящиеся к жизни, не самоубийцы; люди, способные к конструктивной работе, к третьему пути, но, по воле случая и слабости характера, оказавшиеся в смертоносной сфере влияния "Народной воли".

Настоящие же народовольцы были идейными самоубийцами, фанатиками. Их надежды на осуществление чаемых утопий – близки к безумию, и только в их смерти имелся смысл. Большой смысл. Трагедию же предателей

"Народной воли" я вижу не в самом факте предательства (в этом не только их вина, сколько – беда), а в более раннем факте предательства самих себя, своей натуры, своей готовности следовать по конструктивному пути. Эти люди погибли не в момент ареста или согласия на сотрудничество с жандармами (в этом только второй этап их гибели). Они погибли много раньше, когда согласились на сотрудничество с "Народной волей", когда потеряли уверенность в себе и чувство собственного пути и собственной совести. Эти люди еще не созрели для самостоятельности, они находятся еще в путах общепринятой, родовой морали. И может быть, их муки тоже поспособствуют укреплению правила: "Следуй своим путем, и пусть тебе говорят, что угодно".

II. Теперь я попробую перенести обсуждение проблемы "страха и нетерпения" на 70-е годы нынешнего века, на времена сегодняшние.

1968 год – обычно считают годом рождения и расцвета "Движения в защиту прав", которое иногда именуют "Демократическим Движением", хотя в этих терминологических различиях – отзвук различных толкований смысла и цели этого явления.

В узком понимании "Движение в защиту прав" выражается в письменных и открытых протестах против судебных процессов и внесудебных преследований, связанных, в основном, с чтением и распространением Самиздата. В более же широком смысле оно заключается в поддержке Самиздата и его демократических идей.

Обсудим вначале более широкую основу этого явления – Самиздат. Его нельзя назвать открытием последних лет. Самиздат принадлежит к давним русским традициям и является как бы естественным дополнением к жесткой российской цензуре. Исчезнет цензура – умрет и Самиздат. Именно цензура его вызывает и делает необходимым. Поскольку человек – существо мыслящее, а мысль может существовать только в слове, преимущественно обращенном к другому, записанная. Самиздат не существовал, по-видимому,

только в краткие периоды русских революций, когда у властей не было сил контролировать печать и слово. В остальные периоды широта его распространения была самой разной. При Сталине жесточайшими репрессиями он был сильно стеснен, но не уничтожен (примером чему служат стихи Мандельштама). Время Хрущева – когда общество приходило в себя от страха и училось заново открыто думать. И, наконец, 60-е годы – годы Самиздата, достаточно широкого и доступного, по сути, всем, кто этого сильно желает. Первые плоды свободы от тотального страха.

Развитие Самиздата до сегодняшнего момента, на мой взгляд, идет очень быстро. За неизданными стихами и прозой последовала публицистика достаточно резкого практического плана, потом Тамиздат, создание бюллетеней и журналов типа "Хроники" и "Вече" – вплоть до эмигрантских изданий НТС. Развивается и технологическая база Самиздата: от рукописных списков – через машинописные копии с фото – к современным множительным аппаратам типа "Эры".

Фактически мы присутствуем при постепенном, но в историческом смысле очень быстром, почти лавинообразном (если не считать рамок, которые ставит естественная ограниченность читательского спроса) осуществлении свободы печати – явочным порядком, против воли властей, но при их вольном или невольном попустительстве, нежелании принимать "тотальные" меры для полного искоренения "самиздатовского зла". Логическим завершением этого процесса должна быть полная свобода слова и печати, слияния Самиздата со свободными типографиями. Хорошо ли это завершение? - Да, оно прекрасно! Кто о нем не мечтает?

Однако если быть реалистом, то трудно предположить, что такая страна, как Россия (восточного типа), столетиями следовавшая традициям самодержавия - вместо законов, верноподданного подчинения – вместо самостоятельности и свободы, цензуры – вместо печати, может быстро перейти к совершенно иному образу жизни и традициям общественной жизни, без особых на то причин и сложных, наверняка,

мучительных процессов. Логично будет допустить, что процесс спонтанного развития свободы печати (Самиздата) будет ограничиваться и замедляться, прежде всего, сопротивлением властей.

Это мы и видим в практике последних лет. Изъятие и уничтожение Самиздатовской литературы, процессы над распространителями, внесудебные преследования – все это живая реальность, касающаяся сегодня любого мыслящего человека. По-видимому, если бы этих репрессий не было, то Самиздат за небольшой срок развился до своих крайних пределов. Примеры взрывоопасного развития в Венгрии и Чехословакии налицо. Следовательно, репрессивное сопротивление властей, степень этого сопротивления, определяет действительную скорость развития Самиздата, обеспечивает постепенность (не взрыв) характера развития.

У многих создается нетерпеливое впечатление, что только сопротивление властей является основным препятствием на пути общества к интеллектуальной свободе, а вместе с последней – и ко всякому прогрессу. Это впечатление, на мой взгляд, закладывает новую основу для нетерпения, т.е. ненависти и противостояния, создает иллюзию возможности содействия прогрессу путем всемерного давления на власти. А следующим этапом этой мысли может оказаться соображение о целесообразности насилия.

Лично я убежден в ложности этого распространенного впечатления и хотел бы, чтобы со мной согласилось как можно больше хороших людей.

Действительно, предположим, что чаяния всех приверженцев полностью свободного Самиздата, ликвидации цензуры и всех репрессий – осуществились. Можно ли сомневаться, что развернувшаяся после этого критика резко не обострит внутреннюю обстановку и не приведет к попыткам быстрого проведения необдуманных и поспешных реформ? Или даже к созданию революционной ситуации? Сошлемся вновь на практический опыт Чехословакии и, особенно, на

1956 г. Венгрии. Трудно сомневаться, что под влиянием разрушительной, без ограничений критики, существующие государственные механизмы, порядки, органы – рухнут, ибо они не приспособлены к условиям открытой критики, не защищены. Возможно, будут упразднены органы безопасности, административного планирования, наконец, самое главное – партийное руководство, стержень сегодняшней государственной жизни.

Что же может их заменить? Какие учреждения и органы? Ведь новые и более достойные порядки и органы, их поддерживающие, не могут появиться сами по себе, изобретены мгновенно в ходе разрушительной критики, и тем более не могут быть сразу же воплощены в действительности. История свидетельствует неопровержимо: любое общественное или государственное строительство идет медленно. Знаменитые ссылки на пользу революционных ломок государственных машин и подвига стихийного государственного творчества революционных масс – не выдерживают никакой критики. После слома государственной машины можно ее восстановить в приблизительно том же виде (Россия после 17-20-х годов – не исключение). Без государственной же машины люди самым естественным образом впадают в состояние, близкое к анархии и первобытному коммунизму. Это показывает опыт революций. Ввести же новые учреждения и порядки, например, аналогичные западным, - невозможно, ибо право, законность, свобода и прочие вещи – гарантией своего прочного осуществления должны иметь сам народ, его нерушимую верность этим вещам, как своим главным ценностям. Но это невозможно без давней истории и давних традиций. Поэтому в истории и действует непреложный закон, к сожалению, забытый в нашей стране: после революции следует реакция - необязательно в прежнем виде, как необязательно Кромвель, Наполеон или Сталин должны были носить короны свергнутых монархов.

Революция – это не локомотив истории, а досадные поломки этого локомотива, пущенного под откос нетерпеливыми отдельными гражданами. С точки зрения истинного прогресса следует заботиться непременно о двух вещах: 1) чтобы нетерпеливые пассажиры не сломали локомотив развития; 2) чтобы этот локомотив шел как можно быстрее. Оптимальной скоростью развития будет, по-видимому, та, которая не приводит к поломке и длительной остановке.

Главный довод нетерпеливых заключается в том, что "локомотив" идет недостаточно быстро, слишком медленно или даже стоит на месте. И что это происходит из-за неразумия или злой воли нынешних машинистов, регулирующих скорость движения. И в этом есть, конечно, своя правда. Однако она односторонняя и даже сомнительна. Ибо кто же на деле знает, какова величина оптимальной скорости? И насколько мы далеки от нее?

Мне же часто кажется, что скорость локомотива истории не зависит существенным образом не только от наших благих пожеланий, но даже от усилия властей. Что усилия властей сводятся по большей части к торможению, чтобы удержать локомотив от саморазгона, даже не пытаясь снизить уже набранную и не опасную поломкой скорость.

Конечно, это тоже – лишь одно из возможных впечатлений. Возможностей и рычагов управления у наших властей достаточно много, и я совсем не отрицаю необходимости каждому гражданину не забывать о своем праве настаивать на убыстрении нашего развития ... до оптимальной величины. Это даже не право, а долг. Ибо только при таких открытых и прямых требованиях власти будут лишены иллюзии поддержки и будут убыстрять назревшие реформы.

Мне также кажется, что власти в меру своих скудных возможностей учитывают дух и интересы людей, которыми они управляют. Конечно, благодаря иерархической структуре общества они учитывают, прежде всего, собственные

интересы, потом – интересы близлежащего слоя, и дальше по ступеням – вплоть до низов и подозрительных интеллигентов. Отказавшись от террористических методов Сталина, власти вынуждены опираться на интересы и поддержку управляемых людей. Это мне кажется очевидным, и поэтому я вполне серьезно (пусть даже с некоторой грустью) отмечаю: да, народ и государство едины (лозунг "Народ и партия – едины!" недалек от истины).

Под влиянием растущей технической цивилизации, новых потребностей, мод, конкуренции с Западом, наше общество в целом необратимо меняется, развивается. Перед властями постоянно стоит выбор: или все больше противоречить своим людям и терять их поддержку, или следовать потребностям большинства, или действенными методами воспитывать людей. Но, по сути, единственными действенными методами "воспитания" являются сталинские меры физической селекции. Нынешнее же политвоспитание в значительной мере – самообман и не достигает цели. Молодежь год от года все менее походит на своих отцов.

Из этого я заключаю, что нынешнее правительство, которое больше всего заботится о самосохранении, будет идти более-менее в ногу с развитием общества (но, конечно, не узкого круга самиздатской интеллигенции, а всего общества). Поэтому надо не столько подталкивать правительство (хотя напоминать и советовать следует), сколько содействовать всемерному развитию самого общества.

Придя к такому выводу, позволительно спросить: А не означает ли последняя фраза – призыва к агитации и пропаганде, к созданию "образовательных" кружков и нелегальных партий? Не перепев ли это известного обещания Ленина после смерти брата-народовольца: "Мы пойдем другим путем!""? Ведь на деле отказ от террора в пользу нелегальной революционной агитации и пропаганды снова повернул к террору, только красному и массовому.

Да, действительно, эту фразу можно так понять, поэтому следует сразу же отмежеваться не только от насилия,

но и от пропаганды и агитации. Потому что пропаганда и агитация есть также вид насилия над личностью. Этот вид насилия не всегда осознается и даже ощущается, но на деле он приводит к значительному искажению народного волеизъявления. Агитация и пропаганда в современных условиях и умелых руках – это мощное средство навязывания массам людей несвойственных им мыслей и мнений.

В нашей стране, как известно, действует лишь партийная пропаганда и агитация. Действует открыто и многословно, нудно и тошнотворно, а потому безуспешно. Даже при Сталине "Блокнот агитатора" был самым презренным изданием и шел исключительно на туалетные нужды (удобство формата). Сегодня действенность этой пропаганды еще более понизилась и стала в опасной близости к нулю. Можно сказать, что наша страна – страна без действенной пропаганды.

Легко представить себе, что появление в таких условиях настоящей и достаточно мощной нелегальной пропаганды, резко критического свойства и достаточно умной и мобильной, будет представлять действительную государственную опасность. Сам характер ее нелегальности, запретности накладывает на нее отсвет истинности, гонимой правды и создает дополнительные преимущества для ее влияния.

Я солидаризуюсь с властью в ее опасениях, что такая будущая агитация может вызвать у людей сильные разрушительные эмоции вместо терпеливых конструктивных усилий. Эти усилия должны быть направлены на упрочение начал новой жизни – своих прав, свободы и достоинства. Действительно полезное воздействие на окружающих человек может оказать не пропагандой или внушением, а лишь меняя собственную жизнь. Только этот метод воздействия морально чист и практически оправдан. Лишь он прочен и надежен. И я убежден (пусть только инстинктивно), что этот путь – оптимален и ведет к цели наиболее коротким путем. Только живой пример и использование чужого опыта в собственной

практике заставляли людей воспринимать новые правила и идеи.

Думаю, что нечто подобное присуще и Движению в защиту прав. Именно в нем выработано правило: "Каждый должен поступать согласно своей совести и разумению, и это будет правильно".

Возвращаясь к проблемам Самиздата, приходится признать, что Власти в настоящее время закономерно опасаются от него разрушительной пропаганды, и будут стремиться подвергнуть его цензуре, т.е. уничтожить. Признавая временную справедливость этого обстоятельства, не следует ли отказаться от Самиздата, возложив все свои надежды на расширение возможностей для выражения различных идей и мыслей – в официальной печати? Ведь от последней уж точно можно не опасаться злой агитации?

Мне трудно оспаривать этот вывод. Логика требует отрицательного отношения к Самиздату. Однако практика показывает иное: мы не можем без него обойтись. Почему? – Да хотя бы потому, что истинное мышление и культура невозможны без интеллектуальной свободы, без широко открытых источников информации, без снятия запретов на любые темы. В этом – специфические требования работы интеллигенции (нормальные условия труда), стержневой вопрос ее существования как мыслящего органа нации. Интеллигенцию можно сравнить с органом, принимающим и перерабатывающим информацию, поэтому качество последней и ее наличие для интеллигенции – главная проблема. Из теории информации известно, что надежность передачи информации можно повысить только с помощью увеличения избыточности передаваемых сообщений, что сводится фактически к повторной передаче этой информации – по возможности иным путем. При сравнении на выходе полученных сообщений, все искажения должны будут автоматически исключаться, поскольку они случайны и будут

не совпадать друг с другом. Передаваемая же информация, одинаковая во всех сообщениях – сохранится.

Аналогично этому, любую общественную и культурную информацию следует получать из разных источников и проверять ее путем сравнения. Причем чем более независимыми будут эти источники (газеты, журналы, книги), чем более различными или даже противоположными будут их позиции, тем с большей вероятностью можно надеяться, что прошедшая сравнительный анализ информация действительно объективна, истинна.

Многopартийность печати, или хотя бы многосторонность Самиздата, являются незаменимым средством для мышления интеллигенции. Это знают и наши власти, которые запрещают свободу ознакомления с любым изданием (т.е. свободу чтения) для простых людей, а для ученых делают весьма существенные послабления. Есть специальная печать под грифом "Для научных библиотек", и специальные кабинеты, а для работников высшего круга – это право выписать и заказать перевод любой книги или иного издания в мире. Однако рамки круга этих "посвященных лиц" узок, и ни в коем случае не совпадает с нуждающимся в информации слоем интеллигенции. И в этом-то и заключается (вернее, должен заключаться) основной предмет спора интеллигенции с властями.

Отстаивание своего права на Самиздат, как на важнейший и незаменимый в нынешних условиях источник научной и культурной информации, необходимой для конструктивной профессиональной и общественной деятельности (а не как средства агитации и пропаганды) и есть, на мой взгляд, основная общественная обязанность самиздатовской интеллигенции.

И я убежден: это право можно отстаивать, если власти будут видеть, что Самиздат, действительно, используется и приводит к конструктивным, а не к разрушительным целям. Хотя, конечно, к такому невольному признанию должен вести достаточно длинный путь, сопряженный с издержками

страданий и жертвами антисамиздатовских репрессий трусливых властей. Сложность принятия права интеллигенции на Самиздат для них состоит, главным образом, в необходимости очень широко раздвинуть рамки руководящей интеллигенции, включить в ее состав не только "интеллигентов по власти", но просто всех мыслящих людей страны, которые способны самостоятельно думать над проблемами природы и общества, над его управлением.

По-видимому, в том далеком будущем, когда все станут как-то управлять государством, т.е. в условиях истинной демократии (каждый самостоятельно додумывается до правильного решения государственных проблем, а механизм демократических выборов и референдумов может служить лишь для отыскания наиболее приемлемого итогового решения), все станут интеллигенцией, и будут иметь достаточно времени и будут уметь обрабатывать информацию и нуждаться в ее полных источниках. Думаю, что спрос на конструктивный (а не агитационный Самиздат) будет довольно узким.

Каким же представляется мне будущий негласный компромисс между властями и интеллигенцией в вопросе Самиздата? Авторы и издатели Самиздата, несомненно, должны устанавливать добровольную самоцензуру, не допуская агитации и пропаганды (типа листовок и широкоэвangelических программ), экстремизма и проповеди ненависти и насилия. Самиздат должен быть областью объективной информации и ясной мысли, ценным и критическим дополнением официальной печати. Наибольшей ценностью и нравственной силой обладает, конечно, открытый Самиздат, но, к сожалению, в настоящих условиях обязательное требование подписи автора под самиздатовским произведением очень жестко, для многих – невыполнимо, а потому является неоправданным ограничением свободы мысли.

Со стороны властей этот компромисс может заключаться в постепенном прекращении репрессий за

конструктивный (не подрывной) и открытый Самиздат. Мне кажется, что они уже становятся на этот путь. Официально Самиздат никогда не был запрещен – как не запрещено право автора прочитать друзьям своё произведение до печати, а также право этих друзей – запомнить или переписать вновь услышанное себе на память. Но это только официально.

Однако стоит приглядеться к изменениям реальной репрессивной политики на Самиздат. Конечно, и сегодня при обысках Самиздат изымается, но как бы – попутно, да и то не всегда полностью. Почти официально следственные органы заявляют, что чтение и даже распространение Самиздата ими не преследуется, что они занимаются только фактами изготовления и распространения подрывного Самиздата. К сожалению, мнения интеллигенции и КГБ относительно подрывного характера конкретных произведений резко не совпадают. Самый последний пример такого несовпадения – осуждение издания "Хроники текущих событий" – одного из самых ценных информационных изданий Самиздата последних лет.

Однако именно в таких столкновениях и недоразумениях и устанавливается реальное право интеллигенции на конструктивный Самиздат. Несомненно, "Хроника" в целом является жизнеспособным и необходимым, положительным изданием, источником важнейшей информации. Ее запрет – это ошибка властей. Но в некоторой, гораздо меньшей степени, этот запрет, т.е. гибель "Хроники", можно расценить как ошибку издателей, которые, видимо, недостаточно строго соблюдали свою добровольную самоцензуру.

Я убежден, что после "Хроники" появится какое-то иное издание, которое учтет опыт запрещенного предшествующего издания. Наверное, и у властей во втором случае будет меньше настойчивости и желания непременно настоять на запрете. Возможно, этот процесс привыкания властей к информационному Самиздату будет длительным, но, думается, что сроки непрерывного издания улучшенных и

"еще более корректных" изданий "Хроник" будут постепенно удлиняться. Конечно, власти очень нескоро признают официально право Самиздата на существование и свободу слова. Однако они будут вынуждены мириться с ним, коль скоро он составляет важную насущную потребность интеллигенции – большого и важного общественного слоя. А самое главное – под невольным влиянием самиздатовской мысли будет расширяться свобода мысли и мнений в официальной печати. Медленный процесс этого раскрепощения виден уже сейчас. Может, в этом – главная историческая заслуга читателей-распространителей Самиздата.

Конечно, в будущем неизбежны недоразумения и репрессии. Конечно, не скоро наступит такое время, когда власти будут спокойно допускать обсуждение в печати, например, целесообразности социалистического строя или резкую критику правительственных действий – пусть эта критика будет выражена даже в самых положительных и конструктивных фразах и намерениях. И думаю, что нужно понимать правоту в этом наших властей – чересчур широкое и легкое обсуждение подобных проблем легко может слиться с подрывной пропагандой (не в смысле влияния "внешних империалистов", а в смысле наступления внутренних нетерпеливых).

Но в то же время Самиздат не может бояться смелых и откровенных идей и проблем – иначе он не оправдает своего предназначения. Разумным компромиссом здесь, по-видимому, может стать добровольное самоограничение в круге распространения подобных самиздатовских произведений.

Итак, самоконтроль (самоцензура) и сдержанность в распространении – вот основные тактические требования к Самиздату, которые позволят ему сохранить нынешнее положение и добиваться успехов на пути развития свободы мнений и печати в стране, развития общества в целом.

III. Обсудим теперь проблемы существования "Движения в защиту прав человека" в более узком и непосредственном смысле. За прошедшие пять лет существования Хроники и Инициативной группы политические процессы идут фактически без массовых протестов. Таким образом, если часть подписантов за эти годы решилась на еще более смелые и откровенные действия в защиту человеческих прав, то другая, и гораздо большая, часть подписантов 1968 г. отошла от "Движения" под влиянием жестких судебных и, главным образом, внесудебных преследований. Протесты "вышли из моды", что дает сегодня самиздатовским авторам говорить о "Закате Движения", как о последней волне иллюзий и надежд периода хрущевского реформаторства.

Мне этот вывод не кажется справедливым. "Движение" - явление намного более глубокое, чем всплески хрущевского либерализма (да и был ли такой?). "Движение" представляется мне нарождением самосознания и гражданской совести у нашей интеллигенции.

Многие удивляются, как могли разумные взрослые люди пойти в 1968 г. на такое совершенно бесперспективное, даже "детское" дело, как "писание" протестов. "Что можно было ожидать, кроме репрессий?" – спрашивают они. Сами подписанты при объяснении мотивов своих действий справедливо ссылаются не на "пользу" этих протестов, а на их моральность. Они подписывали протест не из-за надежды на реальность просимых изменений, а потому, что не могли иначе поступить. Ведь человек не всегда поступает согласно расчету, соображениям реальной пользы. Очень часто он подчиняется голосу морального инстинкта. Так было сейчас, так было и раньше. "Не могу молчать!" – это было сказано интеллигентом в прошлом веке и тоже как единственное обоснование своих неразумных протестов. (Кстати, отметим, что во Франции только победа дрейфусаров-протестантов окончательно упрочила демократическую республику и

ликвидировала перспективу очередной реставрации монархии).

"Кто, если не ты, и когда, если не теперь?" – это было сказано еще в библейские времена, но до сих пор звучит призывом-обращением к интеллигенту, тем самым глаголом, который жжет сердце. Подписывая протест, интеллигент фактически писал правительству – я родился, я емь, мыслящий человек, который желает, и может, и должен нести ответственность за страну и управлять ею. Ведь требования, изложенные в протестах и письмах, и есть способ толкования законов и методов управления страной. Понятно, что такая "заявка на управление" шла вразрез со сложившейся в стране монополией на власть, и после некоторого периода замешательства была встречена последней в штыки. Понятное дело: право на управление (а критика властей – это и есть вид демократического управления) не может быть уступлено монополющей властью без борьбы, самотеком. Фактически "Движение в защиту прав" есть только первый раунд начавшейся борьбы за демократическое управление, начало длительной и трудной борьбы, в которой неизбежны отступления и поражения.

Понятно, что новорожденных интеллигентов - "новобранцев в общественной жизни" вначале должны были побить. Они бросились в протесты, как в бой, очертя голову, не рассуждая – но ведь это и естественно! Это и есть первая реакция возмущенного человека, имеющего силы и совесть. Но вот проходит время, новоявленным борцам дают достаточно суровый отпор. За покушение на критику и управление их ждут крупные неприятности: лишение профессиональной работы, ухудшение материальных условий, трепка нервов, постыдные проработки на собраниях, а для особо упорных – тюрьма и сумасшедший дом. Да мало ли чем можно уесть интеллигента?

Также понятно, что у большинства подписантов и им сочувствующим наступает пора отрезвления, отступления. Поставленные перед выбором: настаивать на своем праве

критики или... отстоять свое право на работу и нормальную жизнь, большинство выбирает второе. Простым следствием из этого выбора является отказ от участия в последующих протестах, молчание, а во многих случаях даже официальное "раскаяние", т.е. публичное признание ошибочности своего первого протеста. В моральном плане это весьма тяжелые вещи, дающие право каждому из них считать себя отступником и трусом, заниматься моральным самоедством. И все же они, на мой взгляд, поступили правильно. Ибо те, кто выбрал бескомпромиссное отстаивание своих прав на свободу критики и слова, выбрали вместе с тем потерю работы или даже тюрьму, невольно исключили себя из нормальной жизни, как бы совершили над собой "житейское" самоубийство, провели между собой и остальным миром резкую грань. Жизнь изгоев, отверженных, при наличии веры может сделать из таких людей святых и пророков. Но, скорее, толкнет к нетерпению, к экстремизму.

Если смотреть трезво, то всё "Движение в защиту прав" – небольшая группа людей – не больше 1000 человек. В сравнении с остальными 250 миллионами граждан, передавших монопольной власти все свои суверенные права и не помышляющих об ином состоянии, - 1000 человек очень мало, почти ничто. И можно только удивляться, как они до сих пор еще существуют. Каждый из этой тысячи в день подписания – вступил в бой первый раз в жизни. Вступил, не умея соразмерять свои силы, не умея укрываться и пользоваться своими наличными возможностями. Применяя не очень удачную здесь военную терминологию, можно сказать, что первый бой разрозненных людей, которых только впоследствии объединили громким названием "Движение", окончился неудачей, большинство их капитулировало, а оставшиеся и несдавшиеся единицы или эмигрировали за границу, или готовы стать отверженными нетерпеливыми, но не прежними нормальными членами общества, способными к протесту. Соединение же нормальной жизни-работы и способности к протестам – временно перестало существовать.

Фактически вместе с тем перестало существовать и само Движение.

Однако думается, что временно. Те, кто "капитулировал" и остался в нормальной жизни – они ведь не умерли, они снова могут повторить свое "не могу молчать" – только при этом они должны учитывать свой первый опыт, уметь рассчитывать свои возможности и наличные условия. Что этому можно научиться, показывают многочисленные примеры тех, кто умел отстаивать свои права, опираясь на советские законы, традиции и инструкции. Ведь они могли сочетать свое активное участие в "Движении в защиту прав" с нормальной жизнью и работой.

Несомненно, у многих из первой "тысячи" после проведенных над ними воспитательных экзекуций, навсегда пропало всякое желание отстаивать свое право на критику и ответственность за управление страной. Такие люди вполне заслуженно могут считать себя отступниками. Но ведь, во-первых, не все такие. Во-вторых, должны же появиться новые, молодые граждане, идущие снова сказать собственное "не могу молчать". Они учтут, конечно, опыт первого "Движения", опыт 1968 года. Борьбу за свои права они будут вести более умело и с меньшими духовными и материальными потерями.

Не следует терять надежд! Надежд на очень длительную (многие десятилетия), но все же успешную борьбу граждан страны за свои демократические права. Для подавляющего большинства этой длительной борьбы должны сочетаться два основных момента: 1) участие в нормальной жизни без жертв и ущерба для работы; 2) всемерное отстаивание своих прав. Конечно, это два взаимоисключающих момента - один человек не может соединить в себе успешную карьеру и бескомпромиссную борьбу за права. Разные люди будут по-разному соединять в себе эти требования, хотя возможны и крайние случаи: 1) голая деловая или научная карьера без отстаивания прав; 2) чистая принципиальность в "Движении" – но без нормальной работы.

Если первые при этом не становятся вольными или невольными приверженцами старых порядков или статус-кво, и если вторые не сползают на позиции нетерпения, то оба этих типа людей, на мой взгляд, приносят пользу развитию нашего общества: первые – как обычные работники (но не как интеллигенты – граждане), вторые – своим моральным примером.

Поскольку из этих крайних положений легко перейти в людей противоположного качества и положения, мне лично наиболее симпатичны люди компромисса, "золотой середины", люди упорной научной и деловой работы и вместе с тем, мятущейся гражданской совести - либералы по своей сути, своей жизнью соединяющие современную житейскую рутину и будущую демократию. Хотя, конечно, каждый сам выбирает свойственное себе сочетание этих равно необходимых в будущем обществе качеств.

IV. В 1973 г. мы стали свидетелями первого из нового типа процессов – я имею в виду процесс Красина и Якира, раскаявшихся в своих "преступлениях", и, как ни странно, во многом раскаявшихся обоснованно. Мне же их основная вина видится не в поведении на следствии, а в их ошибках до ареста.

На мой взгляд, это был процесс над первыми из "нетерпеливых". В связи с этим процессом, а также фактическим прекращением выпуска "Хроник" и деятельности Инициативной группы по защите прав, в Самиздате и получило хождение мнение об упадке или даже распаде "Движения в защиту прав человека". Я с этим не согласен. Закономерно потерпело поражение другое явление. Еще до своего ареста Красин и Якир фактически переросли рамки "Движения в защиту прав". Субъективно они готовились к гораздо большему: они тяготели к созданию организации, нелегальных связей, ведению пропаганды и составлению программ. В какой-то мере, возможно, эти пристрастия влияли и на характер выпусков "Хроники", которая, по-видимому,

виделась им в виде первоначального центрального органа, ядра будущей организации.

Конечно, это были мечты. Мечталось, видимо, повторить в какой-то степени путь создания РСДРП. Может быть, над ними просто тяготели традиции партийной борьбы и опыта. И именно потому они не были лидерами "Движения в защиту прав", не могли ими стать.

Но к попыткам создания нелегальной организации и ведения пропаганды очень чутки органы КГБ. Красину и Якиру было предъявлено обвинение по ст.70 УК РСФСР – в антисоветской агитации и пропаганде, с угрозой переквалификации дела по ст.64 (измена родине), по которой возможна смертная казнь. Разумеется, судить Красина и Якира по ст.64 всего лишь за смутные намерения было бы вопиющим беззаконием. Но правильно ли их обвинили по ст.70 УК РСФСР? Я, лично, сейчас поостерегусь сразу говорить: "Нет, неправильно!".

Конечно, это только мое субъективное мнение, но, по отзывам близких к Красину и Якиру людей, у меня создалось впечатление, что они вообще не считали пропаганду и агитацию против властей (т.е. "антисоветскую" по судебной терминологии) – преступным деянием. Беря за основу западные мерки, они согласны были считать преступными и нежелательными (да и то неотчетливо) лишь призывы к свержению власти насильственным путем. Сравнивая свои права с западными, всегда необходимо помнить и разницу в нашем фактическом положении. Механизм парламентского многопартийного строя подразумевает свободу пропаганды и агитации против конкретных правительственных кабинетов и правящих партий – как благо, но крайне неодобрительно относится к попыткам подорвать само существо строя. Можно ругать премьер-министра, но нельзя поносить конституцию или королеву. Поэтому для западных коммунистов, например, есть лишь два пути: или научиться уважать конституцию страны (как в Италии и Франции), или быть в постоянной изоляции при нелегальном положении.

У нас же выступления против правительства и его конкретных действий неразрывно связаны с выступлением против настоящей "конституции" – принципа монопольного партийного руководства. Например, КГБ преследует участие в документах, в которых власти обвиняются в разного рода преступлениях, шовинизме, геноциде и пр. Когда такие документы направляются за рубеж через корреспондентов и затем разносятся радио по всему Союзу и миру – то это вполне может быть расценено как антисоветская пропаганда (ст.70). Зачем же допускать такое? Когда КГБ ссылается на якобы признаваемые Красиным и Якиром косвенные связи с НТС – с известной антисоветской организацией, которая ставит своей прямой целью свержение существующего строя в СССР, не исключая при этом и вооруженного насилия⁸, то это признание точно может стать обоснованием для осуждения по ст.70. Как же это могло произойти?

При объяснении эволюции Красина и Якира я и хочу заставить работать аналогию с эволюцией интеллигентов прошлого века – от мирных народников к нетерпимым народолюбцам. Красин и Якир, несомненно, не могли бы дойти до мысли о терроре. Однако ведь развитие общественного явления не уместается в историю одной жизни. Лиха беда начало, и террор – лишь конечный этап на губительном пути нетерпения.

Красин и Якир оказались недостаточно либеральными, недостаточно интеллигентами, чтобы удержаться на почве уважения закона и легальности во что бы то ни стало, на почве Движения защиты прав человека.

К сожалению, они не одиноки в своем нетерпении. Об этом можно судить по реакции самиздатовской общественности на их процесс. Слышишь только одно: "Как они смели расквасываться и "выдавать" своих друзей?" – Но ведь

⁸ Только после своей Бутырки Витя изменил отношение к НТС – Л.Т., 2016г.)

эта самая типичная реакция нетерпеливых, нелегальных людей – прямой сигнал, что очень многие из нас стали нетерпеливыми и сами не считают антиправительственную пропаганду и агитацию – преступлением, не готовы морально к ее отпору, и при случайных обстоятельствах сами готовы в ней завязнуть. Может, хранит нас от этого горького удела только недостаток личного мужества, недостаток решимости. Но ведь этот недостаток спасителен лишь для нас самих.

Мне страшно за молодых: под влиянием сочувственной к нетерпению пропаганды старших, они могут повторить и углубить путь Красина и Якира по проторенной дороге революционеров прошлого века. Ведь им-то мужества и смелости не занимать.

С глубоким сочувствием я вспоминаю слова В.Чалидзе о неприятии его деятельности не только со стороны властей (это можно понять), но и со стороны друзей – представителей свободомыслящей интеллигенции, для которых, например, консультационная деятельность Комитета защиты прав кажется "пустыми игрушками", а в качестве "дела" выставляется разнообразный революционный детектив: пропаганда, организации, демонстрации или, на худой конец, резкие политические выступления. По-видимому, когда в будущем найдутся или воспитаются подрастающие террористы, такие же "свободомыслящие интеллигенты" будут сочувственно и жадно интересоваться: "Ну, как наши? Как они дали этим, наверху?" – Какие кошмары мне видятся! А какие кошмары готовы происходить и даже происходят! Поневоле воскликнешь: "Бедная страна, что тебя ждет?"

Надо рвать этот порочный круг. Долг каждого сделать все, чтобы справедливых процессов по ст.70 больше не было (я не имею в виду все процессы по этой статье, которая часто применяется абсолютно незаконно: например, преследования В.Буковского за передачу Мировому конгрессу психиатров материалов о неправильном использовании психиатрии в нашей стране).

Конечно, я очень хочу, чтобы вообще не было политических процессов. Но, по-видимому, развитие страны, расширение демократических прав не может идти без борьбы и ошибок с обеих сторон. Это – неизбежные издержки истории, выраженные в жизнях и страданиях. Надо стремиться к их минимуму. Этого требует гуманность и разум. Но раз я отношусь не к властям, а к другой стороне, то мой прямой долг заботиться, прежде всего, чтобы не было справедливых процессов по нашей вине.

Иногда мне кажется, что основным тормозом, удерживающим людей от нетерпеливых действий, является страх – страх перед наказанием. Но парадоксальным образом именно этот "тормозящий и сдерживающий" страх вызывает рост ненависти и нетерпения. Надо научиться преодолевать этот страх и не поддаваться нетерпению. Для этого надо искать легальные и достойные пути в существующих условиях, заменить возрастающие колебания между страхом и нетерпением – разумной либеральной линией.

В этом и заключается мой единственный совет. 1974 г

3.2. Открытое письмо В.Абрамкину и его друзьям

Дорогой Валерий! Я хотел бы поделиться с тобой своими впечатлениями о майских песенных слетах, чтобы в очередной раз стимулировать обсуждение вопроса: "Куда и зачем?" Открытое письмо для этого удобнее всего.

Мини-слет 1 мая я не видел, только слышал жуткие впечатления от присутствия на нем непрошеной и угрюмо молчащей публики в "штатском". И слышал, что западное радио называло эту встречу "слетом левой молодежи"... Слышал о вызовах и проработках в партийных и прочих органах... Тревожные и неприятные новости. Но, наверное, содержание и значительность самих песен и выступлений стоят того, чтобы идти на такие неприятности?

А на Большом слете 15 мая не было группы Абрамкина. Этому, кажется, предшествовало формальное исключение из КСП, но на деле произошёл твой добровольный уход. Раскол. – Тоже невесело.

Зато мне было весело на самом слете. Думаю, эти слова тебя удивят. Ведь преобладающим мотивом отзывов близких тебе участников 19-го слета было, наверное: "Серость, неинтересно, маразм и т.д." Но ведь я далек от активистов КСП, от их самоедства и ожесточенного самоанализа и критики. Стараюсь смотреть со стороны...

Мы приехали на слет субботним вечером, в "хвостах". Но надо было видеть эту массу прущих по ж.д. путям "хвостов", чтобы понять, что слет фактически открытый, что популярность его растет. 6 тысяч участников (кто их считал?) – а это определяет многое: растущую популярность и силу, разнообразие групп, появление новых талантов и форм. Развитие.

Вторая яркая черта – рост организованности и комфорта. Прекрасная огромная поляна, мосты через ручьи и реку, кустовые сцены, радиофикация, тент от дождя над главной сценой и т.д. и т.п.

Многие насмешливо относятся к организации и, глядя, например, на тент-будку над утомленными от внимания головами горкомовского жюри – так непривычно резко отделяющее их от "прочих" зрителей, мне самому хотелось смеяться и ерничать. И, тем не менее... и все же, организация – это нужное и большое дело. А дело я уважаю. И потому неизменно уважаю лидирующую в организации тройку – Каримова, Чумаченко, Гербовицкого, в особенности. Они хорошо делают свое дело. Даже талантливо. Бескорыстно. Я к ним имел бы претензии, если б в погоне за организационными преимуществами они стали бы регламентировать и зажимать содержание слетовских программ ("выслуживаться перед горкомом"). Но пока этого нет.

А сейчас – и не может быть. Разросшийся слет стал неуправляемым, фактически распался на части. 16 мая дождь

и река сильно затруднили передвижение и завершили расселение слета. Я, например, фактически пропустил выступления на главной сцене: и песни Российского, и томительную моралистику Васина, и привычное пережевывание КСП-ских тем, и всю посредственность официального процеженного конкурса...

А за рекой шла своя жизнь: сначала у костров, потом на мокром рассвете какая-то группа ребят устроила прибалтийские игры на мотив "еньки". Смотреть на них было весело. Даже дождь им не мешал. Потом на местную трибуну взгромоздились ребята в желтых майках (8-е театральное объединение МИФИ) и начали выдавать "такое", что те немногие, кто еще не успел окончательно заползти в палатки, так и не доползли до них, сгрудившись вокруг с открытыми ртами. Этим "мифистов" отличала подлинная свобода смеха, непринужденность – щедрая, молодая свобода общения со зрителями. И импровизации, творчества на глазах. Казалось, они играли и сочиняли на ходу – так во многом оно и было на самом деле. И этот фейерверк таланта электризовал толпу и обратным живительным током возбуждал самих выступавших.

Щедрость свободного таланта – вот что мы ощущали в те утренние часы. И эта щедрость дара заставила ребят у своего костра разыграть перед немногими оставшимися оголтелыми поклонниками целый спектакль: современную студенческую модификацию "Горе от ума".

Но не о самих мифистах я хочу говорить. А скорее о том, почему они мне и другим людям так сильно нравятся. И почему такой успех сопровождал группу "Последний шанс", также впервые появившуюся на 19-м слете? – Их детские по форме, но столь глубокие, что все не запомнишь, по содержанию и столь чудесные по музыкальной обработке, по ритмике и точности звука? Современные бременские музыканты! Кроме способностей, у этих ребят чувствуется огромный труд, всепоглощенность своим делом, профессионализм высшей степени. И опять – все та же щедрость свободного таланта...

Были и другие хорошие выступления и костры на нашей стороне слета. Наверное, то же самое было и на других его краях. Я многое пропустил – не видел МГРИ (а они сильно прогрессировали в своем "Простолюдине"), не слышал молодых поэтов и пр. и пр. – но не огорчен этим. Ведь при таком грандиозном количестве выступлений за всем не успеешь. Достаточно сознания, что в этой массе молодежи, собравшейся по своей воле, согласно своим начинающим складываться традициям, при участии и даже содействии Горкома, проявляются, получают трибуну и практически свободно выступают ранее неизвестные и талантливые ребята, самоосуществляются как творческие люди. Цензура горкома их как будто не касается, как будто и не давит.

...Но – и это очень интересно: у этих ребят, столь свободных в творчестве, нет и намека на иступленную оппозиционность, нет "радикальной смелости" и бесшабашности – и не от лицемерной трусости, а искренне: так они сейчас думают и чувствуют. Невольно задумаешься, а дойдут ли они до крайней оппозиционности? До резкостей Российского или абсолютности отрицания в своих вещах?

- Мне кажется, что нет, не дойдут. Эти ребята слишком тесно связаны с большинством своей аудитории, чтобы в своих убеждениях резко им всем противостоять. И они слишком поглощены своим творчеством, чтобы тратить время на выработку резко отличного и противостоящего большинству мировоззрения, на борьбу их с окружением. Ведь такая борьба стала бы помехой для их главной работы, для творчества.

Эти ребята критичны и оппозиционны, но в меру большинства. Их насмешка над официальнойщиной не доходит до критики самого большинства людей, подчиняющихся и поддерживающих эту официальнойщину. Они критичны к правящему меньшинству лишь в той степени, в какой критично и большинство зрителей. Они – хвостисты (выражаясь большевистским языком). Они – вместе с массами...

На Большом слете не было группы Абрамкина и фактически не стало куста "Оботфорты". Не было Мирзояна, Луферова, Бережкова, т.е. всей уже традиционно "левой" части песенного слета. И это необычно, нарушает равновесие сил в КСП, грозит потерей устойчивости сегодняшнему состоянию фактической свободы.

Конечно, отсутствие вашего куста в такой грандиозной толпе, где новичков, может, было больше старых участников, где большинство, может, и имен Абрамкина или Луферова не знает – оказалось пока незаметным. Однако это большинство знает имена Галича, Кима или Высоцкого и отсутствие костров-кустов с песнями такого направления для них заметно, а для многих – печально.

Конечно, без Абрамкина и Мирзояна можно обойтись. Другие группы могут их заменить, могут решиться на опасности и неудобства, связанные с "крамольной" песней. Однако если станет известно, что оппозиционная часть откололась от Большого слета, то оппозиционный зритель не будет искать и пестовать новых Луферовых на слете, а просто пойдет по более простому и легкому пути – уйдет сам с Большого слета в поисках "левого". Так должен действовать механизм раскола – как открытая рана на теле Большого слета, из которой вытекает живительная кровь протеста и оппозиционности.

Ведь Большой слет вырос и живет на компромиссе между властью (Горкомом) и свободным творчеством и оппозиционностью молодежи. Только угроза существования большого количества оппозиционных песенных групп и распада Большого слета на ряд трудно контролируемых изолированных мини слетов вынуждает "Горком" к осторожности в "работе с молодежью", к фактическому признанию свободы творчества и свободы мнений в довольно широких рамках, вплоть до враждебного сосуществования с оппозиционной частью на Большом слете.

В то же время, жизнь инакомыслящих внутри Большого Слета сопряжена с принятием на себя определенных

обязательств и правил, сдержанности, отказа от излишней резкости. Но я смотрю на это спокойно. Такие рамки, такое самосдерживание – иногда даже полезно для "оголтелых оппозиционеров", потому что это не только осторожность по отношению к Горкому, а вместе с тем – и мудрая сдержанность и терпимость по отношению к другой, неопозиционной части КСП, к большинству Большого слета. КСП до раскола – это очень полезная школа сосуществования людей разных взглядов. А научиться такому способу жизни, такой терпимости и свободе мнений – это самое главное, если ставишь своим идеалом не общество какой-либо одной (неважно какой) идеологии, а свободное общество многих людей и взглядов.

Теперь, после раскола и будущего оттока оппозиционных участников, у Большого слета и его руководителей отнят главный довод защиты против усиления идеологического нажима и цензуры Горкома. Раньше лидеры говорили горкомовцам: "Отцы, не надо пережимать палку, народ разбежится" – и "отцы" закрывали на многое свои правверные глаза и уши. Теперь же "инакомыслящие" сами "разбежались", можно оставшихся прижать покрепче и организовать верную линию. Так что факт раскола можно рассматривать как невольный факт предательства Большого слета.

Возможно, агония Большого слета будет длительной. Возможно, ее вообще не будет, если в нем возродится вновь оппозиционное крыло. Возможно, это будет не скоро и не сразу – в силу инерционности в мышлении горкомовцев и инерционности масс. И все же опасность агонии очень велика. Отсутствие оппозиционности на слете и усиливающийся контроль "Горкома", сперва на главной сцене, а потом на кустах, сделают свое дело – подорвут популярность слета и вызовут упадок.

Ты скажешь: "Ну и пусть! Тем лучше – КСП возродится на обновленной, сплошь радикальной и оппозиционной основе "мини-слетов".

Однако случится ли это? Если мини-слеты будут придерживаться прежних принципов КСП – терпимости и разнообразия, внешней лояльности и умеренной оппозиционности, то, возможно, возникнут две организации КСП, в равной степени лавирующие между давлением органов и популярностью участников. Но ты, видимо, стремишься не к повторению компромисса с Горкомом, а к резкому размежеванию с ним и противостоянию ему, опираясь на силу и защиту общественного мнения.

Я не буду сейчас разбирать шансы на успех этой тактики и вычислять сроки, в которые разгневанные власти решатся-таки на грубое закрытие "левых" мини-слетов, на репрессии. История деятельности советских инакомыслящих в последние годы показала действенность мирового общественного мнения. Наверное, таким образом можно существовать. Только очень и очень трудно. И потому весь вопрос – ради чего?

Я хочу обратить твоё внимание на различие между осуществлением права на информацию о злоупотреблениях властей и нарушениях прав человека – здесь без открытого конфликта и жертвенности не обойтись, и между осуществлением права на свободу творчества – где, прежде всего, необходима спокойная обстановка и некоторая устранимость, удаленность от борьбы. Возьми в пример судьбу ак.Сахарова А.Д. – он осуществляет право открытой оппозиции властям и защищает права других людей, но вместе с тем он подрывает, жертвует личной свободой собственного научного творчества. Видимо, последнее он осуществлял в гораздо большей степени до 1968 года, чем сегодня.

Так вот, мне кажется, что у отколовшихся оппозиционных групп КСП в будущем не хватит ни сил, ни времени, ни желания для свободного и полнокровного творчества – все будет занято противостоянием, борьбой с внешним давлением, организационностью. Но усиление оппозиционной деятельности будет порождать усиление

внешнего давления и т.д. Порочный круг до неизбежного разрыва.

Усиление элемента смелости" и резкости в выступлениях мини-слета вначале увеличивает их популярность, ибо мы все, простые советские люди, очень падки до откровенной и резкой критики своих властей и готовы слушать ее с радостью, надеясь, что если ее говорят в микрофон столь открыто, значит, это уже "позволено", что сверху идут "послабления". Однако, как только выясняется, что начальство ничего этого не позволяло и что за исполнение и за "слушание" крамолы последует неизбежно кара, мы очень быстро трезвеем, проклиная втянувшего нас в эту "авантюру". И не случайно смелые песни Российского принимали на "ура" зеленая молодежь и несведущие туристы, но с осторожностью или даже враждебностью встречали "мытые" и "тертые" аудитории старых групп КСП. Популярность, вызванная резкой оппозиционностью выступлений – временная и очень ненадежная. Она обречена на исчезновение при первом же нажиме на самих зрителей. На этом долговременной программы выступлений не построишь, свободного театра не создашь.

Курс на культивирование в своих выступлениях голой оппозиционности в угоду ли своим радикальным чувствам или в погоне за временной известностью – на мой взгляд, гибельный путь. Но что еще важнее – это неправильный путь.

Он раскалывает людей, усиливает антагонизм молодежи и Горкома, усиливает борьбу ради самой борьбы и, следовательно, усиливает ответные репрессии – вместо объединения, сотрудничества всех разномыслящих (включая работников Горкома, конечно). На деле этот путь способствует будущим антагонизмам и последующей диктатуре, закрывая возможность медленного и трудного, но единственно возможного и реального строительства общества разных и взаимоуважающих друг друга людей.

Нельзя, нельзя быть инициаторами раскола! Не только формального, но и по существу. Пойми меня правильно. Я не

против смелости в выступлениях – вплоть до самых запретных тем, вроде новочеркасской истории. Но только пусть эти песни и вещи будут проникнуты действительной болью и страданием, действительно глубиной мысли и ответственностью за сказанные слова. Ибо смелость нужна не только для выступающего, но и для слушателей – и автор обязан думать не только о своей личной безопасности и будущем, но и о безопасности слушателей, об отсутствии у себя права нарушать их единство с остальным обществом и властями просто так.

Я – слушатель. Хочу знать всю правду, но не ценой своего будущего. Я готов пойти на некоторый риск, если мне сообщат очень важную и значительную правду, а рисковать по пустякам – не надо. И тем более недопустимо раздувать оппозиционность из-за желания добиться известности, как это, видимо, происходит у Российского. Я в целом согласен на смелость песен Галича только потому, что у него есть глубокое и важное для меня содержание. А если же петь "под Галича", резко усиливая его ругательность и "опасность" за счет снижения богатства содержания, то зачем мне нужно все это слушать? – Какой смысл? (Конечно, все это я пишу тебе в расчете на то, что в главном мы являемся единомышленниками, что нас привлекает общество с обеспеченными гражданскими правами и строгой законностью, что нам обоим противны насильственные, р-р-революционные или экстремистско-пропагандистские способы действий.)

И, наконец, раздувание оппозиционности, как уже говорилось, мешает самому творчеству, снижает его уровень. Мини-слет 23 мая подтверждает это. Все выступления были достаточно слабы, кроме случайно затесавшегося "Последнего шанса". О Российском я уже говорил, Алику Мирзояну, видимо, тоже некогда расширять свой репертуар, а центральная вещь программы "Кампанелла", как ты сам знаешь, не дошла, не захватила зрителя. Единственный ее результат – протесты в защиту Кампанеллы можно было

перевести в хорошую дискуссию, в ходе которой можно было бы доказать и довести до аудитории содержание твоей вещи. Но дискуссия была погашена тобой самим... Я знаю, ты сожалел о своей несдержанности, но, думаю, что твой порыв очень понятен и даже неизбежен. В том состоянии экзальтированной оппозиционности, в котором ты сейчас находишься, все прочие люди, его не разделяющие, тебе кажутся трусливыми предателями, вызывают инстинктивное отвращение (так мне видится). Даже те немногие, которые пришли на мини-слет, даже они кажутся тебе лишь обывателями, не желающими рисковать. А все их доводы-возражения кажутся тебе невыносимым лицемерием людей, обеспокоенных лишь сохранением своей шкуры и сытости. Может, ты сам это не сознаешь, но сейчас ты презираешь даже собственных зрителей, если они не столь же радикальны, если они не согласны рисковать с тобой в равной степени принятием крайних убеждений. Сама логика радикальных действий ведет тебя к нетерпимости. Вот почему я совсем не удивился ходу дискуссии по "Кампанелле".

Я уже говорил тебе свое мнение по отношению к затронутой крайне важной и большой теме: гибельности революционного и коммунистического прожектерства, закономерности при насильственных методах перехода благородных идеалов в террор и деспотизм. Прекрасный разбор подобной темы (помнишь строку у Галича: "А бойтесь только того, кто скажет: я знаю, как надо") можно встретить, например, в книге М.Симашко "Маздак" (история знаменитого коммунистического движения "маздакидов" в Персии 4-5 веков). Но этого у тебя нет. Вместо серьезного и страстного разбора получились надрыв и ерничанье.

Подытожу сказанное:

1. В КСП начался раскол. Пока еще он мало заметен и последствия выявятся не сразу. Но они очень вероятны и очень неблагоприятны, как для Большого слета (отдать его на съедение Горкому и умирание), так и отколовшихся.

2. Пока раскол намечился, в основном, по идеологическому признаку. Но это означает победу нетерпимости с обеих сторон. Оппозиционная часть может надеяться на привлечение к себе людей на собственную платформу, а Горком резонно будет надеяться на то, что КСП, очистившийся от "диссидентов", будет много легче привести к знаменателю "правильной линии".

3. Наметившееся усиление резкости и оппозиционности на мини-слетах в поисках популярности и известности, а не по веским этическим или эстетическим соображениям, неизбежно ведет к вырождению мини-слетов, к политиканству и распаду – то ли под давлением органов, то ли оттоком участников из-за роста творческого бессилия выступлений.

4. Путь на раскол и эскалацию оппозиционности во что бы то ни стало – вреден для демократического будущего страны, противоречит перспективам ее революционного развития. Более скромный и трудный путь компромисса, одновременного удовлетворения требований и своей совести, и сосуществования с Горкомом и большинством КСП – путь, на котором успеха можно достичь с помощью действительных творческих удач – на мой взгляд, единственно полезен и перспективен.

Вот, кажется, и все, что хотел тебе сказать. Извини, если был резок – ведь тема важная. Тебе сейчас многое надо решать. И я буду рад, если своей откровенностью хоть немного смогу помочь. 1976г.

3.3. К.Буржуадемов "Я обвиняю интеллигентов – служащих и потребителей в противостоянии экономическим свободам и прогрессу Родины" (ЗЭС№1)

Я решаюсь на это, на безоглядную и резкую откровенность. Потому что молчать и терпеть двусмысленность более невозможно. Чем дальше, тем больше ширится всеразрушительная, безответственная и неконструктивная критика (особенно со стороны околодиссидентской интеллигенции) и не только государства и его экономической политики, но и тех новых экономических сил, которые уже сегодня выводят общество из "государственного тупика". Конечно, околодиссидентская интеллигенция является лишь частью того слоя нашего народа, который с одной стороны в качестве служащих покорно служит всесильному государству, а с другой стороны – в качестве потребителей бесплатных и полубесплатных государственных услуг и товаров – рабски зависит от "системы". Но, получив сегодня некоторую свободу для самовыражения (в печати и неофициально), именно эта часть народа обратила острие своей критики не в обеспечение дальнейшего расширения свободы и ответственности во всех сферах жизни, а совсем наоборот – для укрепления и усиления своих привилегий, своего бездельного и потому рабского состояния...

Но я уже начинаю увлекаться сутью, не сделав предварительных разъяснений. Дело в том, что я сам являюсь государственным служащим, потребителем и посетителем государственных магазинов, сам принадлежу к числу околодиссидентской интеллигенции и потому разделял, а может и разделяю до сих пор многие ее притязания и иллюзии. Таким образом, здесь я соединяю в себе и обвинителя, и обвиняемого. Желание выдать из себя все

иллюзии, всего "раба – по капле", только подхлестывает мою резкость.

Но, обвиняя себя, я не желаю жалеть и своих упорствующих в корыстных иллюзиях друзей. Пусть будет правда между нами, какая бы она ни была тяжелая и опасная. Напротив, пусть она будет острой и целебной как хирургический нож. Обвинения слишком тяжелы, чтобы их замазывать. Пусть друзья в них разберутся... О, если бы они были правы, если бы доказали мою неправоту и указали бы иной выход! Пусть выступят "адвокаты", пусть побеждают, я буду только счастлив от их победы...

Да, раньше у меня еще оставались надежды на это, сегодня – нет. Лишь ясная трезвость и спасительная беспощадность.

1. Поскольку я обращаюсь со своим обвинением к самой околорисидентской интеллигенции и ищу понимания у нее же, то, прежде всего, необходимо договориться об общих понятиях и целях.

Наверное, нормальным людям свойственно желать счастья и блага всем людям и себе тоже. Но тут же необходимо уточнить позиции. Например, существует точка зрения, что чем богаче в материальном смысле народ, тем он беднее в духовном, главном смысле. Я придерживаюсь иной, более распространенной точки зрения: материальное и духовное богатства людей не взаимоисключают, а взаимообуславливают и дополняют друг друга ("лучше быть "богатым и здоровым"), что на унавоженной материальным богатством почве обычно вырастает и богатая духовная культура. Если Вы с этим согласны, то мы можем договориться, что стремление к наибольшему валовому продукту (национальному доходу) страны – не противоречит, а способствует благу наших людей. На общей основе такого утверждения можно вести нашу тему дальше.

Чтобы добиться наибольшего национального дохода, нужна наибольшая производительность труда, а для этого мы все должны работать наилучшим образом, по наилучшим

технологическим и организационным схемам и, с другой стороны, должны использовать произведенную продукцию наилучшим, самым эффективным способом.

Если мы будем сегодня жить и работать таким наиболее рациональным, т.е. оптимальным способом, то сможем достигнуть самых высоких в мире жизненных стандартов (и этим удовлетворить свой национальный престиж) и одновременно накопить наибольшее количество средств (капитальных вложений) для будущего развития.

Однако что значит работать и потреблять наилучшим и наиболее организованным образом? Это значит, что каждый человек должен работать на самом удобном, соответствующем его способностям и возможностям месте, что он должен получать наиболее нужные ему продукты и что все потребление и производство продуктов должно быть сбалансировано (т.е. чтобы производилось продукции столько, сколько ее будет с пользой потреблено). При несбалансированности производства и потребления происходит прямая растрата и гибель народного труда – или при непотреблении произведенных уже товаров или от бездействия, омертвления потребителей, недополучивших нужную им продукцию (поле – минеральных удобрения, автомобиль – запасных частей, человек – не удовлетворив своей важной потребности...)

Согласны ли Вы с этим? Если "да", то вспомним, что существуют два главных способа-предложения, как можно осуществить такую оптимальную жизнь и работу:

С помощью выполнения заранее и "научно" рассчитанного социалистического плана. Практика показывает иллюзорность этого предложения: невозможно заранее предусмотреть и вычислить все эффективные варианты производства и потребления, потому что невозможно познать до необходимой тонкости всю жизнь и, тем более, невозможно ее с такой же точностью предвидеть и планировать. В жизни

любой план корректируется (настаивать на его абсолютном выполнении, значит привести к развалу хозяйство, к смерти – общество), но корректируется самыми случайными и неконтролируемыми способами.

С помощью непрерывного осведомления потребителей и покупателей чего кому надо, и непрерывной балансировки-обмена на самом древнейшем из человеческих форумов – рынке. Этот обмен на рынке ведется с помощью игры цен на обмениваемые товары: производители (продавцы) повышают цены до максимума, потребители (покупатели) снижают их до минимума, а сходятся они все же на компромиссной, средней, рыночной, оптимальной цене.

Почему же эту компромиссную рыночную цену экономическая теория называет оптимальной? – А потому что она балансирует, уравнивает спрос и предложение товара путем ограничения их предложения и потребления. Товары будут производить только те, кто способен от этой работы получить прибыль выше минимальной (при рыночной цене) и покупать их будут только те, кто в потреблении получит от них пользы больше, чем затратит на рынке денег.

Но прежде чем рассматривать это утверждение, попробуем согласиться со следующим:

Деньги есть мерило всех товаров. Когда на рынке покупатель предъявляет деньги, он тем самым предъявляет свидетельство о производстве им каких-то общественно значимых продуктов и услуг, уже признанных и востребованных обществом (рынком). Покупая товары за деньги, покупатель только заканчивает ранее начатый эквивалентный обмен, оканчивает балансировку. Без денег невозможен ни быстрый и полный обмен, ни разделение и, следовательно, эффективность труда, ни балансировка производства и предложения. Поэтому бессмысленно говорить о жестокости и несправедливости рынка, отказывающего в потреблении людям, не имеющим денег. Рынок – это математический инструмент балансировки, который и не должен уклоняться от своей математической

строгости, для которого исключения – это просто ошибки. Такие исключения должно делать само общество, наделяя необходимыми деньгами своих неработающих членов (пенсии, стипендии, пособия и пр.)

Производители и потребители не равны между собой. Есть более и менее эффективные производители, как существуют более и менее эффективные потребители. Продукт можно производить на высокопроизводительном автомате и молотком на наковальне. Купленные запчасти можно использовать и для оживления автомобиля, и для какой-нибудь домашней поделки. Поэтому и ставится задача, чтобы продукт производили и потребляли самые эффективные производители-потребители.

При этом мы должны принять, с сожалением, что ни силы человеческие, ни ресурсы материалов, машин, природы – не безграничны, что именно ресурсы ограничивают производство и потребление любого товара, что произвести товар по полной, максимальной потребности – невозможно. Когда мы говорим, что можно было произвести, допустим, 1 млн.т. пшеницы, но рынок ограничивает это производство только 0,5 млн.т, то не нужно негодовать на рынок, а необходимо его благодарить: ведь тем самым он высвободил ресурсы для производства других, тоже очень нужных товаров. Если же мы произведем все же дополнительно 0,5 млн.т. пшеницы (сверх назначенного рынком количества), то из-за нехватки сил не будет выращено сколько-то миллионов тонн картошки, овощей или еще чего-то более нужного, чем дополнительный хлеб, и менее производительно (потому что производство к этому было не подготовлено).

Если мы признаем справедливость всего вышесказанного, то нетрудно будет понять и принять, что рынок:

* балансирует производство и потребление, назначает компромиссную цену;

* отсекает неэффективных производителей, ибо при продаже своих изделий по рыночной цене они будут терпеть убытки;

* отсекает неэффективных потребителей, которые должны будут покупать иные, более нужные им вещи или изыщут способы заработать больше денег.

Т.е. рынок заставляет нас выполнять все условия оптимальности – сбалансированность производства и потребления и наибольшую эффективность производства и потребления. Согласны ли Вы с этим?

2. Что происходит, когда цены на товары выше цен свободного рынка (монопольные цены)? – Эти товары начинают потреблять меньшее количество потребителей, остальные используют менее эффективные заменители. Производство товаров при этом должно быть свернуто при соответствующих потерях.

Что происходит, когда товары продаются по цене ниже цены свободного рынка? – Эти товары хватает большая масса покупателей и нерационально, неразумно тратит этот уже материализованный труд, который мог бы быть использован эффективно в другом месте.

На деле потери еще больше, потому что производство не в силах точно и сразу следовать за сокращением и увеличением спроса из-за искажения рыночных цен. Тогда беда неэффективного перепотребления или недопотребления превращается в простую гибель товаров и омертвление потребителей при несбалансированном спросе-предложении (затоваривание или дефицит). Такая несбалансированность – страшное зло, которое должно быть уничтожено в первую очередь для немедленного повышения производительности общества. Сделано же это может быть только с помощью возвращения ценам их свободной гибкости, рыночности.

Вообще говоря, производство – вещь инерционная, тяжелая на изменение. Сократить производство – значит, уволить рабочих, закрыть фабрики, перестроить их на новое дело, новую продукцию и т.д. Увеличить производство –

значит, построить фабрики, нанять и обучить новых рабочих, реконструировать производство и т.д. и т.п. Означает ли это, что неизбежны несбалансированность, т.е. перепроизводство или дефицит? – Нет! Рынок в такой ситуации поднимет временно цены на дефицитные товары (которые в принципе можно было производить много и дешево, но сейчас – практически невозможно) и отсекает этим ряд наименее эффективных потребителей, т.е. уменьшает спрос, балансируя его с величиной производства; снижает цены на товары, потерявшие популярность с той же целью. При этом, конечно, остаются некоторые потери от недостаточно эффективного потребления и производства, но это мелочи в сравнении с потерями от несбалансированности, и терпим мы их вынужденно – пока не успеем изменить структуру самого производства (первых товаров – увеличить, вторых – снизить). Говорить же, что цены должны ориентироваться не на реальный размер производства, а на будущий, проектируемый, которого еще нет – значит, обрекать общество на потери труда и ресурсов уже сегодня, и тем самым уменьшать скорость построения желаемого эффективного производства.

Если мы, допустим, смотрим на Запад и видим, что те или иные товары там очень дешевы, то поступим близоруко, если у себя назначим аналогичные цены (чтобы установить соответствующий размер эффективного потребления). Это будет не только близорукость, но и расточительность, преступность, ибо у нас еще нет этих товаров в таком количестве, нет соответствующего их производства, ибо сейчас надо оптимально распределять то, что есть, а не то, что будет.

Понимаете ли Вы, что те, кто требуют неизменных и низких цен в противовес рыночным – требуют преступной расточительности? Что они фактически есть погубители народного труда - этого совокупного воплощения миллионов жизней?

3. Если Вы признали, что в нормально работающей экономике должен использоваться закон рыночной стоимости,

как первый и главный закон оптимальности экономики, то можно будет перейти к следующему вопросу: "Как перейти к такому оптимальному положению в нашей стране"?

Конечно, лучше всего было бы ввести сразу, по всей стране, сверху, рыночное хозяйство. Но чтобы осуществить такую реформу, такую НЭП, необходимо не только согласие подавляющего большинства людей, но их горячее желание и прямая поддержка. Ведь законы становятся реальными, действующими законами не потому только, что их провозглашает государственная власть, а потому что они признаются и выполняются народом, соответствуют ему. Мы заслуживаем именно те законы и тех руководителей, которые нами сегодня управляют.

Есть ли у нас желание экономической реформы? Хочется ответить – да, но если вдуматься, то убеждаешься, что у интеллигенции наличествует не поддержка, а противодействие уже назревшим экономическим реформам. На деле интеллигенция корыстно и близоруко озабочена лишь своими специфическими интересами. Даже те, кто приветствует экономическую реформу... или даже НЭП, или даже капитализм, на деле под этим понимают не увеличение своей работоспособности и улучшение уровня организация труда, а облегчение работы, увеличение своего оклада и его товарного обеспечения.

Кто из нас выступает с требованием к государству о повышении цен на дефицитные и нерентабельные товары до нормального рыночного уровня? – Нет таких. А ведь это необходимое условие и необходимое же следствие любой реформы. Все предпочитают покупать продукты у государства за полцены или совсем за бесценок, т.е. все предпочитают жить на дотации у государства, на хлебниках. И после этого вы еще желаете независимости от государства? Есть полубесплатно его хлеб и мясо и еще ругать, что мало? Но ведь это – кусать кормящую вас руководящую руку!

Вы часто ссылаетесь на Запад, где "все есть". Но ведь там за это "все" все непрерывно платят сами и сполна – своей

производительной работой, своими деньгами по истинным рыночным ценам. Они-то, на Западе, имеют возможность и право критиковать государство, потому что экономически независимы от него, потому что живут "на свои", а не на дотации. А вы? – Да стоит только исчезнуть "кормящей руке", как вы первые затоскуете по прошлым даровым хлебам.

Нет свободы без ответственности, без трудностей. Те, кто не принимает трудовых следствий свободы, желают на деле потребительского произвола, анархии, развала, зовут общество к смерти. Не дай Бог, чтобы осуществились такие деструктивные, смертоносные пожелания.

Я знаю всё, что мне предъявят в ответ на такие обвинения: мол, если на Западе эти товары дешевы, то пусть и у нас будут дешевы, если на Западе их много, то и у нас "пусть сделают" ("пусть мужики сделают" – построят фабрики, введут новейшую технологию), пусть... Но кто же все это сделает, за какие деньги, чьими руками? Да разве можем мы когда-нибудь встать вровень с западными странами по развитию, если сейчас не перейдем к рыночному, т.е. экономному, оптимальному распределению товаров и ресурсов, если не будем рационализировать свою жизнь и копить силы для строительства?

Еще говорят: а что беспокоиться о государстве? – Руководители, как известно, живут неплохо, колхозникам стали платить, рабочим - больше, мы, интеллигенты, получаем меньше. Что ж нам хотеть, чтоб цены на продукты и товары повысили?

Какой детский лепет! Нет ни малейшего понимания, что таким способом: низкими ценами на товары власть превращает в рабов как производителей, так и потребителей. Государство покупает за бесценок продукты, например, у сельского хозяйства, а компенсирует это централизованным выделением капитальных вложений на его развитие (но уже как свой "дар" и, конечно, по своим указаниям). Государство раздает полубесплатно продукты, жилье и пр., но компенсирует это низким уровнем зарплаты. И правильно

делает: зачем рабам зарплата, достаточно бесплатной похлебки... Я б на вашем месте вообще потребовал не пониженных цен, а чтобы все продукты распределялись совсем бесплатно, "по справедливости", в "строгой очередности", "по карточкам". То-то хорошо стало бы совсем без презренных денег, то-то обрадовались бы "благородные и бескорыстные" души... "Рабы, кругом одни рабы, нация рабов"- это было сказано давно, а приходится повторять.

Нет, уж если вы честны и хотите свободы, то взваливайте на свои плечи и все тяготы ее осуществления, и прежде всего добейтесь экономической свободы от государства, как в своем труде на общество, так и в своем потреблении. И если вы желаете экономической свободы для общества, то добивайтесь повышения цен на товары до рыночного уровня, добивайтесь повышения своей производительности и оплачиваемости. Прежде чем добиваться политических и иных прав, необходимо добиться более основополагающих – экономических, т.е. прав на независимое от государства, свободно-рыночное существование. Не иначе! Ибо предоставлять политические свободы завистливым и ленивым рабам и нахлебникам столь же неразумно, как предоставлять такую свободу детям: набезобразничают, напортят, а потом пойдут по миру просить еды и кредитов.

4. Я убежден: основное препятствие для дальнейшего экономического прогресса в нашей стране в нас, как в жадных и завистливых потребителях. Именно здесь заключается главный поводок, на котором нас водит власть, ошейник, снятию которого мы сопротивляемся всеми силами и зубами. Во многих случаях государство и само было бы радо повысить цены до оптимально-рыночного уровня (например, на продукты), но боится укусов, боится критики и возмущения. А ведь экономическую реформу невозможно внедрить там, где производство товара убыточно, т.е. существует на дотациях.

Лишь немногие поднимаются до сознания, что производителям надо все же разрешить продавать свою

продукцию по повышенным ценам, хотя бы не в убыток себе. Они стоят за НЭП, но непреклонны к спекуляции, т.е. против перепродаж по рыночным ценам, и не хотят вдуматься, а как это возможно? Производитель, значит, может продавать по рыночным, балансирующим спрос (т.е. высоким) ценам, а продавец делать то же не может? Значит отменить всю мировую и отечественную торговлю? Да ведь торговец тем и живет, что где-то сорвет большой куш с большого спроса, а где-то и прогорит на большом предложении от пресыщенных покупателей... Да знают ли эти люди, о чем они говорят?

Однако если предположить, что государство пренебрежет-таки всеобщим недовольством и решится торговать по рыночным ценам, т.е. станет спекулянтом, то у него это плохо будет получаться. Недавний пример: государство повысило цены на букинистические книги довоенного издания до рыночного уровня, однако свободный (черный) рынок не исчез. Почему? – Потому что государственная система торговли и установления даже свободных цен слишком жестка, лишена живого общения покупателя-продавца, менее поворотливо откликается на спрос, да еще скована рядом идеологических запретов. Конечно, в магазинах теперь можно увидеть много интересных, хотя и дорогих книг, но чтобы достать нужную книгу, порой приходится обращаться к рынку. Таким образом, становится ясно, что полностью платежеспособный спрос может удовлетворить только свободный рынок, дополняющий государственные магазины.

Следовательно, для исправления сегодняшнего неоптимального состояния нашей экономики необходимо установить сегодня же, немедленно, рыночную систему распределения продукции, т.е. чтобы государство само свободно спекулировало, и чтобы спекулировали свободно люди, дополняя этим и завершая оптимальность всей системы.

Однако, как это уже стало ясно, государство не может решиться на такой кардинальный шаг, не может решиться на экономическую реформу, потому что боится возмущения

жадных верноподданных. Поэтому инициативу в деле экономического освобождения берут низы, т.е. люди, занимающиеся спекуляцией самостоятельно и независимо от государства, выполняя этим не только свое "тонкое" регулирование, но и крупное, государственное, поскольку последнее до сих пор не решается на повышение цен до оптимального уровня.

Общественно-полезная деятельность этих людей несомненна: она отсекает неэффективных и неработающих потребителей, балансирует спрос и производство, экономит ресурсы. Правда, если бы спекулировало само государство, полученные от этого деньги можно было бы сразу пустить на развитие производства дефицитных товаров (которое в будущем и могло бы дать долгожданный эффект снижения рыночных цен). Но, во-первых, этого нет – государство боится потребителей, во-вторых, полученные скопом деньги будут распределяться государством совсем не по принципу дефицитности производства, а по всяческим "высшим соображениям" (оборона, помощь дружеским странам и освободительным движениям, образование "общественных фондов" и т.д. и т.п.), в-третьих, государство никогда не сможет так гибко торговать, как частные торговцы, в-четвертых...

Сегодня частным спекулянтам (торговцам) запрещено вкладывать накопленные деньги в производство дефицитных товаров, от продажи которых они получают свои прибыли, т.е. запрещен естественный демократический механизм вкладывания самими потребителями средств на развитие производства нужных им товаров. Сегодня спекулянты вынуждены тратить полученные от государства средства часто на покупку у государства предметов роскоши, автомобилей, золота, вина, заниматься простым накопительством. Конечно, если учесть, что такие предметы роскоши для нашего государства, как правило, рентабельны и дают ему высокую прибыль (особенно алкоголь), то опосредствованно государство от спекулянтов получает гораздо больше, чем от

распродажи этих же товаров прямым потребителям по официальным низким ценам. Парадоксально, но именно преследуемые государством спекулянты-"грабители", в конечном счете обогащают государство-преследователя, повышают эффективность общественной системы. Но это так. Однако, конечно, выгода от спекулянтов могла бы быть гораздо большей, существуй у нас нормальные условия для их деятельности. Сегодня спекулянты просто вынуждены часть полученных средств тратить непроизводительно; кормить взрослых детей-бездельников, увеличивать свое личное потребление и т.д. и т.п. Такое положение необходимо изменять *в первую очередь*. Необходимо узаконить и приветствовать любую производственную деятельность спекулянтов, необходимо, чтобы деньги потребителей шли на производство сразу и эффективно.

И, конечно же, совершенно необходимо изменить общественное отношение к спекуляции и свободному ("левому") предпринимательству. Сегодня эти люди находятся в душливой атмосфере общественного презрения, подвергаются моральному ostracism, физическому преследованию государства. Это вы, жадные потребители, виноваты в том, что подобно средневековым ростовщикам-евреям, сегодняшних спекулянтов и леваков шпыняют и преследуют на каждом шагу... Этому законодательному и, главное, моральному прессу противостоять могут лишь полууголовники, уже отринувшие общественную мораль, удержаться на этом важном общественном поприще может зачастую лишь антиобщественное отребье... Это вы виноваты в извращении героического облика экономически свободных людей. "Ату его!" – кричат "высоко-добродетельные" и жадные рабы и науськивают на несчастных сторонников свободного дела государственных ищек.

Но куда вы не денетесь от преследуемых и презираемых, от их услуг, как куда не могли деться феодалы средневековья от услуг евреев-ростовщиков. Их жадность и порочность – лишь отражение вашей собственной

жадности и порочности. В условиях перманентного и неограниченного дефицита и нехваток Вы не можете жить без спекулянтов и леваков, Вы на деле протянете без них ноги. И чем больше вы будете их презирать, чем больше честных людей выживете из их числа, тем с более худшими и наглыми спекулянтами вам придется иметь дело. А если вам еще удастся и государство натравить, заставить его "прикрыть спекуляцию и левачество", то за таблетками импортных лекарств, за необходимыми книгами, за необходимыми продуктами и тряпками вам придется расплачиваться уже с такими омерзительными типами, которые сейчас и не снились. И как в войну, расплачиваться не только деньгами, но страхом, душой и телом.

Нет, только когда вы поймете великую необходимость обслуживающих вас свободных людей, только тогда проникнетесь уважением к этой общественной деятельности, к ее трудностям и опасностям, даже героизму и романтике, тогда сюда войдет множество достойных людей, тогда между ними возникнет деловая конкуренция, которая сведет их прибыли к размеру нормального заработка остальных достойных свободных людей.

А сейчас запомните: вы сами виноваты! Только из-за вашей барской спеси и презрения спекулянты дерут деньги (и справедливо) "за риск и общественные неудобства". Только когда государство прекратит под вашим нажимом свои репрессии против экономически свободных людей и станет уважать экономические права и свободы человека, только тогда наша экономика станет оптимальной, рыночной и быстро развивающейся. Главное препятствие сегодня заключается именно в вас, в вашей близорукости и жадности, бездеятельности и высокомерии.

5. Сделаю еще одну оговорку, вернее, еще одно обвинение: именно из-за вашей неразборчивости и смешения честных торговцев-бизнесменов с уголовниками и ворами, такие переплетения происходят и в действительности,

создавая очень сложные коллизии, в которых трудно разбираться. Но разбираться необходимо.

Первая из этих трудностей - переплетение спекуляции и монополизма. Известно, что кроме государственных низких нерыночных цен, возможно существование и монополично высоких (сверхрыночных) цен: для этого владельцы товаров сговариваются о прекращении меж собой конкуренции по какому-нибудь ходовому товару и поднимают цены выше рыночных. Но тогда покупки этих товаров должны сократиться, следовательно, необходимо сократить их производство. Бывают случаи, когда сговорившиеся монополисты получают в итоге больше денег от поднятия цен, чем убытков от сокращения объема продаж. Но при этом общество в целом несет убытки как от неоправданной приостановки эффективного производства, так и от неудовлетворения эффективных потребностей.

Может ли такое происходить у нас? Может ли спекулянт заломить монопольную цену? Конечно, он это и делает в действительности, хотя ни с кем не сговаривается. И потому виноваты в этом на деле не спекулянты, а вы и ваше государство! Что происходит, когда продавец прячет под прилавок часть товара, а потом продает по повышенной цене? Он продает, как правило, по цене не рыночной, а монопольной. Но кто создает эту монополию?

Ответ не так прост, как вам, поднаторевшим в завистливых пересудах о спекулянтах, покажется. Осуществляя свободную перепродажу, "левый" продавец фактически ориентируется лишь на число доступных ему эффективных и платежеспособных покупателей. Однако поскольку свободно (т.е. из-под прилавка – по свободной цене) продается не весь товар, а только его небольшая часть, то и продаваться он будет по высокой монопольной цене, как будто производится только эта, свободная часть. Но с другой стороны часть эффективных покупателей может случайно купить этот товар, наткнувшись на очередь за "дефицитом" и решившись выстоять ее, и этим теряется для левых продавцов.

Другая часть активных покупателей не решается делать спекулятивные покупки и предпочитает совсем обойтись без товара, терпя свои потребительские убытки, и этим снова теряется для свободной торговли, т.е. снижает величину реального эффективного спроса на левый товар, тем самым снижая его "левую", "монопольную" цену.

Однако в целом, как мне кажется, цена, которую левый продавец назначит на товары из-под прилавка, окажется монопольно высокой, поскольку большая часть товара изъята из свободного обращения в сферу дешевого, т.е. полубесплатного и потому расточительного ("автомобильные детали – на строительство дачной уборной") распределения в очередях.

Пример. Допустим, что произведено 1000 штук товара по цене 1 руб/шт. По такой цене товар могут купить не более 5000 чел.

По цене 2 руб/шт. он понадобится не более как 2000 чел.

По цене 3 руб/шт. он окажется нужным только 1000 чел.

Цену 5 руб/шт. готовы отдать за него не более 500 чел.

По цене 10 руб/шт. он нужен позарез уже только 100 чел.

На этом мы остановимся, потому что уж 100 штук из 1000 леваки сумеют припрятать для свободной продажи!

Сделаем теперь несложные расчеты. Как уже было сказано раньше, истинная рыночная цена должна балансировать спрос и предложение и равна в нашем случае – 3 руб/шт. Вклад в нац. продукт при это должен быть бы – 3 р/шт. \times 1000шт. = 3000 р. Распродавая же товар по цене 1 руб/шт. государство снижает общественный доход до 1000 рублей и само недополучает от потребителей – (3 р/шт. – 1 р/шт.) \times 1000 шт. = 2000 руб. прибыли (и не может соответственно развивать это производство), а с другой стороны, эти товары получают только 1/5 часть всех желающих потребителей, в том числе только 1/5 всех

желающих потребителей, т.е. 800 человек, готовых платить производству по 3 р/шт. и выше (в том числе 80 человек, готовых заплатить даже до 10 рублей/шт. и выше – так им этот товар нужен.

Невыгодность такого распределения для покупателей и производителей очевидна. Но вот в дело вступает левый бизнес и в значительной мере исправляет положение. Продавец утаивает часть товара, допустим 100 шт. и продает их по цене активного спроса.

Казалось бы – по 10 руб/шт., однако на деле часть (20%) этих самых эффективных покупателей уже успела отовариться случайно в очередях, а часть (допустим половина из оставшихся) слишком боязлива или "моральна", чтобы покупать у спекулянтов. Из этой группы остается для покупок только 40 человек, а товара припрятано – 100 штук. Следовательно, чтобы распродать всё, нужно продавать по более низкой цене – покупателям второй группы – по 5 руб/шт. Нетрудно посчитать число неудовлетворенных и способных на левые покупки потребителей в этой группе – $(500 - 500 \times 0,20) : 2 = 200$ человек, т.е. больше чем припрятано товара. Значит, наш левый продавец может назначить даже какую-то промежуточную цену, допустим 7 руб/шт. и реализовать по этой цене весь свой товар.

Что же мы получаем в итоге? – Значительная часть самых эффективных потребителей (но не все) удовлетворяют свои потребности по цене 7 руб/шт. и живут как нормальные люди, спекулянты получают свою прибыль $(7 \text{ р/шт} - 1 \text{ р/шт}) \times 100 \text{ шт.} = 600 \text{ руб.}$, а общество соответственно увеличивает национальный продукт до 1600 рублей. (Кстати, если бы государство назначило за этот товар нулевую цену, то в национальный продукт по правилам экономического счета не вошло бы ничего – и правильно, потому что весь этот бесплатный продукт может быть взят за бесценок и безответственно погублен).

В конечном счете, выгоду от спекулятивных продаж получит и государство, поскольку наш продавец заработанные

600 рублей потратит на покупку дорогого гарнитура или золота (где государство получает при продаже 100% прибыли вместо законных 15% или прямых убытков), следовательно, он передаст государству около половины этих денег. А если он их просто пропьет, то практически вся выручка окажется в государственном кармане. Кто же окажется больше всего недовольным при осуществлении левых продаж? – Больше всего недоволен добродетельный интеллигент, который и в очереди стоять неспособен, и со спекулянтами гнушается общаться. Вернее, он не против купить товар свободно, без очереди – но только по цене 1 руб/шт, а 7 руб/шт. – считает грабежом. Он кричит: "Вот если бы зловердные спекулянты не прятали эти 100 штук товара, то и я свободно получил бы товар по магазинной цене...!!!" – Какие же все-таки это ослепленные и жадные задницы... интеллигентные задницы... Простите, зачеркните это, у меня просто не находится слов.

Но конечно, существующее положение со спекулятивными продажами еще далеко от оптимального. Ведь национальный продукт в нашем примере достигает только 1600 рублей вместо возможных 3000 рублей. При этом:

* оказались неудовлетворенными около 700 эффективных потребителей – предназначенные для них товары ухватили по дешевке расточительные и неэффективные покупатели;

* государство недополучило $2000 - 300 = 1700$ рублей дохода, который можно было бы пустить на развитие производства этого дефицитного товара;

* часть изъятых левыми продавцами у эффективных потребителей денег расходуется ими непроизводительно, теряется.

Но, повторяю, вина за это лежит не на спекулянтах, а на их противниках – на государстве и покупателях. Только когда вы и ваше государство изменятся, только когда свободно-рыночная торговля и производство станут открытыми, только тогда цена нашего товара упадет (или поднимется) до 3 р/шт., он станет доступным в продаже,

общество будет получать максимальный доход, а производство – максимальные прибыли для своего расширения и снижения на этой базе цены, кто знает – может и до 1 р/шт... Но не раньше!

6. Другой сложный вопрос – о воровстве с государственных предприятий.

Как следует относиться к нему? В этой проблеме любят различать вопросы морали и целесообразности. Признавая целесообразность изъятия с фабричной территории погибающей (или просто ненужной) вещи "для дома и семьи", тут же подчеркивают, что "вообще-то воровать нехорошо", что это аморально и приведет в будущем к очень-очень плохим последствиям, к развращению и упадку нравов.

Я не понимаю такого деления. Если какое-то деяние дает лишь временную или иллюзорную пользу, а в перспективе приносит существенный вред – то такое деяние просто вредно. Если поступок приносит выгоду индивидууму, но вред всему обществу, он тоже – просто плохой, без всяких оправданий.

С другой стороны нельзя же цепенеть перед моральными определениями: воровство, грабеж. Если мы отнимаем у вора свои вещи – это не грабеж, а хорошее дело. Если мы спасаем из рук расточителя овеществленный человеческий труд – это тоже хорошо, как бы это ни называлось.

Однако вернемся к "воровству с производства". Возьмем самый отрицательный случай из возможных: воруют не погибающее на производстве, а нужное, т.е. готовые к продаже вещи, вроде автомобильных запчастей, и продают их, естественно, по спекулятивной цене. Возвращаясь к нашему примеру, прибавим к 1000 официально произведенных и проданных государством изделий еще 100, сворованных с производства. При этом будет, видимо, удовлетворен спрос еще 100 самых эффективных покупателей из 2-й группы, а спекулятивная цена снизится до 5 р/шт. Но в отличие от первого случая левой торговли, государство терпит видимый

ущерб в размере 1шт x 100шт.=100 рублей, правда, косвенно получает от "воров", затративших полученные деньги на роскошь и выпивку около $500:2=250$ рублей, т.е. в конечном счете, останется в выигрыше $250-100=150$ рублей. Вот если "воры" – не деловые люди, а дилетанты, и будут сбывать "краденое" по государственной цене (т.е., если они будут "благородными ворами"), то они действительно, принесут только вред государству. У них останется только одна возможность загладить свою вину – всю выручку потратить на выпивку и этим на 95% вернуть украденные деньги государству.

Так получается, что в наших уродских условиях "производственное воровство" как правило – хорошо, морально. Но как только государство будет само спекулировать, станет продавать свой товар по нормальным рыночным ценам, так сразу пропажа 100 ворованных изделий принесет ему прямой ущерб, не будет необходимой для потребителей, для общества, и следовательно, должна быть расценена, как аморальная.

Мне скажут: "Разве кто-нибудь делает такие расчеты в жизни: сегодня это хорошо, а завтра будет плохо... Гораздо проще затвердить правило: воровать плохо всегда. Иначе запутаешься". - Нет, неправда! Неправильны такие возражения!

Конкретные моральные правила базируются на глубоком реальном чувстве добра, пользы всем людям, всему человечеству. И как бы мы сегодня ни убеждали людей, что "воровать у государства плохо, потому что плохо в принципе", люди, видя что в реальной жизни такое правило приводит к гибели людского труда и жизней, к торжеству зла, будут следовать не затвержденным правилам, а своему непосредственному нравственному чувству и опыту: будут "воровать" у нечеловеческого государства, обманывать тюремщиков, убивать убийц.

Мне смешно, когда я слышу рассуждения о всеобщем нравственном падении, воровстве и лени, когда утверждают:

прежде всего, надо изменить нравственность всех людей, сделать их честными и бескорыстными, а уж потом менять условия их жизни.

Ничего подобного: наш народ и сегодня нравственен и здоров, как и все прочие. И только ненормальные условия изменяют, делают ненормальной форму его нравственности. Исправить эту форму, это положение можно лишь изменением ненормальных условий, лишь легализацией в действительности полезной и моральной деятельности. Положение с нашей нравственностью нормализуется только когда перепродажа товаров по рыночным ценам не будет преследоваться как преступная и аморальная спекуляция, а будет прославляться как частная торговля; когда государство будет не гноить труд и материальные ценности и преследовать лагерем их рациональное использование, а напротив – поощрять и стимулировать таковое в качестве похвальной и общественно полезной частной инициативы; когда, наконец, вымогательство у государства низких цен и скупка товаров за полубесценок будет считаться не геройством, а презренным нахлебничеством и холуйством – тогда старые моральные понятия и критерии вновь обретут прежнюю ясность и незамутненность. Только тогда всякое воровство, в том числе и с негосударственных предприятий, будет считаться простым воровством, безусловно аморальным деянием, поскольку уже не будет связано ни с какими общественными выгодами. Только тогда мы получим возможность разделять все поступки на плохие и хорошие с помощью привычных моральных критериев.

Конечно, трудно оправдывать такой способ производственного воровства, как разбавление молока, ухудшение качества колбасы и других продуктов, обвешивание покупателей, но со все большей ясностью я вижу, что и такие "дела" есть закономерное возмездие нам, потребителям, за низкие государственные цены. Понижение качества государственного товара равносильно повышению цены на товар нормального качества. И вот, если сопоставить

– сколько мы, потребители, отнимаем, т.е. фактически ворует у производителей, покупая их продукты по низким ценам, и сколько "воруют", отнимают у потребителей, производственные "леваки", то получится, что последние отнимают у нас, воров и грабителей, лишь малую толику. Необходимо понять: тот, кто покупает у государства по нерыночным, искусственно заниженным ценам – есть фактический вор и грабитель. Как раз в этом – основной порок наших потребителей.

Но как можно избавиться от этого порока? – Ведь не будешь же заставлять государство повышать цены?... - Да уж где там, хоть бы не ругали государство, когда оно повышает эти цены без ваших призывов, хоть бы не грозили бунтами (Когда, в 17-м столетии русский царь пробовал законами препятствовать переходу свободных землевладельцев в крепостное, защищенное от государственных налогов состояние, в ответ последовали бунты людей, стремящихся стать холопами... - Не повторяется ли ситуация?)

А ведь достойный выход существует. Но как и всякий истинный выход, он очень труден. Он заключается в принципиальной ориентировке нас, потребителей, на свободный, сегодня черный рынок с его действительным качеством товаров и культурой обслуживания, с его истинными, взаимовыгодными, а не обманными ценами, и в столь же принципиальном уклонении (а в будущем, может, и бойкотировании) унижительной для свободного трудового человека системы рабского полубесплатного распределения. Есть лишь один способ борьбы с хамством и обманом государственных рабочих и продавцов – пойти на рынок, даже черный.

И не надо бояться, что все будет "раскрадено и страна погибнет". Так "все раскрасть" – значит, это "все" денационализировать, всем вернуть их частную собственность, т.е. основу их независимости и свободы (то, что происходило с помещичьими имениями в 17-м году). Неприятно, когда процесс идет так стихийно, анархически, без

узаконений, но кто же виноват в этом – кроме вас и вдохновляемого вами государства?

Свободная деятельность спекулянтов и леваков толкает уже сейчас нас, подкармливаемых государством ленивых подданных, к трудной, но свободной и достойной жизни. И за это я отдаю им должное, пусть сейчас среди них из-за всеобщего презрения и обретается множество плохих, на грани с уголовщиной, даже омерзительных людей.

Меня спросят: "Но где же мы возьмем денег для покупок на рынке?" И я отвечу: "Вот детский вопрос! Самостоятельный человек не задаст вопроса: "А что мне надо делать?" Такие вопросы задают хозяину служащие, рабы. Свободные же люди знают, что они могут заработать деньги, только принося пользу, но не государству, не тюремщикам (у них можно получать только небольшое рабское жалование), а обществу, рынку".

Если вам этого ответа недостаточно, то вы – безнадежны, говорить дальше бесполезно. Но я все же договорю: если желаете свободной и богатой жизни, то и займитесь свободной экономической деятельностью, не жалея своих сил и времени, презрев опасности от государственных преследований и моральные упреки от "служивой интеллигенции"; становитесь кустарями, шабашниками, леваками, спекулянтами, предпринимателями, частниками...

Если же вы не желаете изменять своим прежним духовным занятиям, внутреннему самоусовершенствованию, вечным проблемам, то будьте последовательны, ограничивайте свои материальные потребности, становитесь йогами, аскетами, духовно очищайтесь, но оставьте наш материальный мир в покое от ваших требований. Так, по крайней мере, будет честнее.

Мне пора завершать свое выступление заключительным обвинением.

В годы, когда в стране появляются начатки общественного самосознания и активности, его проявления, выражающиеся во взглядах околорисидентской

интеллигенции, к сожалению, носят на себе четкий отпечаток несвободного прошлого и настоящего и направлены, в основном, против экономических свобод и прав народа. Околодиссидентская интеллигенция на деле больше всего ценит свои потребительские привилегии, получаемые ею от государства, которому она служит днем, а ругает втихомолку по вечерам. Она требует от государства прежде всего расширения и увеличения этих привилегий (в виде повышения служебных окладов и понижения потребительских цен), а своим основным врагом считает в конечном счете спекулянтов, частников, леваков, шабашников, т.е. всех, кто свободно работает и торгует и этим отнимает у расточительного государства и его прихлебателей часть прибылей и средств, начиная устраивать народную жизнь на свободных, независимых от государства и эффективных началах. Таким образом, сегодня "служивая интеллигенция"- "потребители" является одной из самых активных общественных сил, противящихся экономическому и нравственному прогрессу страны.

Внешне она постукает так из-за своей приверженности к марксистским политэкономическим догмам о трудовой стоимости и пр., а в глубинном чувстве – из-за завистливой и корыстной неприязни государственного верноподданного раба к удачливости свободных и независимых людей. Чем более рьяно они торгуются со спекулянтами из-за покупаемых товаров, тем с большим пылом возводят эти обычные торговые распри в разряд моральных деяний, где, естественно за ними провозглашается роль обижаемых морально чистых тружеников, а за спекулянтами и леваками роль гнусных и морально низких злодеев.

То огромное влияние, которое интеллигенция оказывает на формирование общественного и государственного мировоззрения, интеллигентно-потребители используют для укрепления древних "государственно-социалистических догм", для расширения государственных репрессий против экономически свободных людей.

Снова обращаюсь к вам и повторяю: вы – главный тормоз в нашем общественном развитии. Одумайтесь!

Я кончил. Теперь слово вам, "товарищи адвокаты".
Защищайтесь. 5.01.1978 г.

3.4. Об очерке Ю.Черниченко "Про картошку"

(ж-л "Наш современник", №6, 1978, с.113-165)

В нашем сознании миф о сплошной коллективизации, о тотальном планировании постепенно вытесняется более истинной картиной существующего сельского хозяйства, как тесном симбиозе двух секторов: государственного (совхозно-колхозного) и частного (приусадебного, дачного, личного "левого" и т.п.).

Год назад, при обсуждении проекта Конституции СССР, в нескольких статьях "Литературной газеты" и "Правды" были подняты жутко любопытные цифры ЦСУ о соотношении между этими секторами в производстве важнейших сельскохозяйственных продуктов. Повторяет их и Ю.Черниченко в своем очерке (тексты Ю.Черниченко закурсивлены мною – Л.Т., 2015г.):

Картошка! Она – если брать последнее десятилетие, на 62% производится... на усадьбах. А много ли их? Личные подсобные хозяйства колхозников, рабочих, служащих и других групп населения занимают 2,9% от 229млн га нашей державы. Производится же на них, кроме картофеля, еще 34% овощей, да... фрукты, виноград,... (1% зерна – К.Б.)... А кроме того, за индивидуальным сектором, опирающимся, конечно, на общественный выпас, покосы, вообще на кормовую базу – 39% яиц, 31% молока, 31% мяса (79% коз), да овечья шерсть, да кожи..." (из справочников ЦСУ).

Итоговая цифра: 28% валовой продукции сельского хозяйства ("Правда", № ..., 1977) производится в частном секторе на 2,9% всей пашни. Если же учесть, что с одной

стороны, большую часть продукции колхозов и совхозов занимает сырье для промышленности (хлопок, лен и т.п.), а с другой стороны – значительная часть с.х. продукции частного сектора расходуется натуральным образом, без статистического учета, то придется признать, что:

1. И сегодня, после 40 лет коллективизации, мы на треть, а может и наполовину, кормимся с огорода и усадьбы, с частного сектора. (По выражению Овечкина: "За идею коллективизации – на своих харчах).

2. Производительность частного сектора на порядок выше производительности государственного сектора (2,9% должны были бы дать 2,9% продукции сельского хозяйства, а дают – 28%).

Мы привыкли к тому, что производительность труда в наших колхозах и совхозах отстает в 5-10 раз от эффективности сельскохозяйственного труда в развитых капиталистических странах, но что она почти в той же степени отстает от производительности труда в наших обливаемых презрением и осуждением осколках единоличных хозяйств – это мы из официальной прессы узнаем впервые!

А ведь как оно раздроблено, как маломощно, практически без техники, без науки, селекции, помощи промышленности и государственной защиты – и такие результаты!

У Ю.Черниченко имеются прекрасные описания, как быстро, без всякой пропаганды и подталкиваний частный сектор переходит на прогрессивную технологию:

"Литгазета" пишет: коллективные сады занимают площадь 160 тыс.га (это менее 0,1% всей пашины), а дают около 20% всех реализуемых торговой сетью фруктов... Но не пишется, какие земли под теми садами. А садоводы те (что толковать – не безгрешны, и трубу к себе свезут, и столб утащат) превратили рудниковые выработки под Керчью, где и ящерице было не прожить, в семирамидины кущи – персики зреют, "дамские пальчики" яхонтом горят!

...Те сады вырастают именно там, где нужна в них позарез, и огороды зеленеют на крутолобых склонах и в затишьях Мурманска не потому, что в физкультуре потребность или юннатство увлекло, а потому, что без них не прожить так, как хочется, без них не пропитаться так, как это теперь положено, без них не собрать ни на мотоцикл, ни на "Запорожца" – а и в этом уже жизненный стандарт.

Но если дело касается интересов миллионов семей, где не чураются навоза и не боятся недосыпа, если речь идет о миллиардах человеко-дней сознательного, необходимого производственного труда, то странно писать об огороде, об усадьбе "населения" в снисходительном тоне, комично для здравого экономиста рассуждать, допускать или не допускать эту "Америку", ибо пусть пока, пусть не навсегда, но это – от нас не зависит...

Спекулят промтоваром – просто спекулят, сапог от него больше не становится, а вот старый Нандов – дело иное. За прилавком Черемушкинского рынка они корыстолюбцы и мздоимцы, они - "гнойники на здоровом теле", как изячно выразилась одна писательница в "Лит.газете". Но когда они у себя... я позволю себе отчасти уважать мужика и бабу, умеющих и в наших стенах... в июне дать товарные партии зрелых томатов. И вот почему упоминаю Америку (где разработана технология получения от солнца с гектара пленочных солнечных теплиц 500 кг томатов).

И это открытие без ВАСХНИЛ сделало само население, что толкает меня к выводу, что «может быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать».

...Поездив пятилетки с три между Днестром и Байкалом, я обнаружил поражающую способность "населения" – то клубнику производить у промозглого Псковского озера, то на речке Ворксле дивный лук тоннами печатать, то чеснок в самом будто клятом месте гнать – и без агрономического ведь подсказа, без картографии, без службы защиты растений, все как бы на чутье. И словно негласно, все

тишком; о резчике ложек – книги, об уцелевшем гончаре – фильм, агрономический же промысел, занимающий тысячи и тысячи мастериц, ни в студии-музеи, ни в редакции доступа практически не имеет. Изредка только имячко мелькнет – нет, не вырастившего! – заготовителя, который умело и хватко закупил на месте: "Сельская жизнь" в передовой рассказала про деловую Е.Ф.Кобычину – она в одном только селе Хрещатом на Черниговщине закупила 400 т лука и 10 т чеснока. Но ведь это прежде вырастить надо было!

Негласный-то он негласный, тот промысел, но небеззаконный. Ибо четко подчиняется, несмотря на дробность свою, законам крупного современного производства: а) курсу на соперничество в обычном, а также временном, что ли, смысле (в усталых мхом лукошках псковичи везут свою клубнику в Ленинград, когда туда самолет и болгарской еще не завозит); б) специализации (если уж заняты луком, так и сиреневого куста не оставят на усадьбе!); в) интенсификации, т.е. дальнейшему вложению труда и капитала, причем не будут скупиться на капитал, перекрывая его трудом, а мигом сменяют парниковое стекло на пленку, электропроводку введут и т.д...

Становится очевидным – что надо делать, дабы преодолеть хронический сельскохозяйственный кризис в стране: взять курс на расширение высокоэффективного частного хозяйства. Вместо того, чтобы тратить дополнительные деньги на убыточные "соцхозы", принципиальная общая неэффективность которых давно уже доказана жизнью.

Не уничтожать "соцхозы" (это привело бы к слишком резким потрясениям), а лишь позволить частному сектору свободно развиваться – разрабатывать незанятые ныне земли, покупать свободно сельскохозяйственные орудия и машины, свободно торговать и снабжать города своей продукцией. Никаких особых трат и капитальных вложений не нужно – только разрешение, только свобода сельскохозяйственному труду и обеспечение этим роста эффективного частного

сектора в ныне неэффективном сельском хозяйстве. Когда этот процент дойдет до своего естественного предела, тогда наше сельское хозяйство достигнет, если не американского, то хотя бы западноевропейского уровня и по производительности труда, и по общим результатам.

"Население" – это те, чей посев не планируется. За кем индивидуальный сектор. Значит, пока мужик трактором в поле картошку сажает, он – колхозник, а если на усадьбе той же картошкой занят – уже население?.. Тогда мы с Вами, ни сотки не засевающие, - не население?

...Из тех же сотен миллиардов рублей, что особенно щедро вложили в сельское хозяйство в последние пятилетки, "населенческому сектору" если и перепали крохи, то кружным путем и продовольственному цеху страны этот подпор достается даром...

Речь не идет, конечно, о ликвидации совхозов и колхозов, этих "социалистических завоеваний" – пусть они живут, если смогут. Речь не идет о "разрешении" или создании частнособственного сектора в советском сельском хозяйстве – он уже давно существует, а последняя Конституция еще раз признала это существование. Речь не идет о денежных тратах и руководящих усилиях. Но речь идет только о свободе развития уже существующего частного сектора, только о разрешении людям, наконец, свободно и с пользой работать на своей земле – больше ни о чем. Разрешите поднять ныне пустые земли, разрешите покупать технику и продавать продукцию – и мы перестанем, наконец, быть мировым сельскохозяйственным посмешищем.

Но разве может наше руководство пойти на это? И разве мы сами, горожане-потребители, можем одобрить такую программу - "с.х. анархии, свободы для хапуг и спекулянтов"???

Ю.Черниченко, конечно, далек от подобных выводов, но в его очерке видна и симпатия к частному ("населенческому" в терминологии Ю.Черниченко) сектору с.х. производства, и отрицательное отношение к тому

моральному осуждению, с которым горожане зачастую косят своих "поставщиков", т.е. к той атмосфере, которая стимулирует нынешнюю государственную политику трат без счета на неэффективное гос.земледелие и торможения эффективного частного хозяйства. Вспоминая выступления "Комсомольской правды" против "стяжательства" на примере "помидорного аристократа" Помадова, Ю.Черниченко отмечает:

А как же все-таки с ранними овощами? Газета и не намекает, куда пойдет дело, если Помадов "перекуется", а его соседи бросят позорный помидорный промысел... Все о душе – не о подушном потреблении... (подчеркнул К.Б.). "Человек и помидор: кто кого?"... Худы же дела в овощеводстве, если томат – и в оселки нравственности!

А потом дает слово очередному "нравственному" оппоненту:

"-Да если бы Невтоны ваши по-людски себя вели. Вырастил – сдай на месте в заготконтору... и дома сиди, трудись. Так ведь нет, любой транспорт используют, взятками люд растлевают, чтобы пересечь все зональные пояса и содрать с северянина трижды по 2 р. 10 к... На Невтонов ваших хорошей милиции нет!

- Есть, есть хорошая милиция. Был ранним летом 1976г. на Кубани, там убедился: стоит кордон ГАИ и ящики с помидорами из багажников извлекают! (Конечно, без всякой санкции прокурора на обыск – К.Б.)... Досмотр такой, словно не овощи, а какую-нибудь марихуану ядовитую гангстеры провозят.

На вопросы, почему они увозят овощи за пределы края, люди отвечали сумрачно одно и то же: "Мое, что хочу, то и делаю". Один из задержанных подтвердил эту махровую мещанскую логику совсем уж диким способом. Когда ему предложили сдать продукцию на приемный пункт, он высыпал помидоры из ящиков и в ярости растоптал их ногами.

- Растоптал, мещанин!! Заботились о нравственном его исцелении, о пропащей его душе (в основе воспитательная

работа, а помидоры, как низшая материя, маячат где-то на далеком плане), он же не внял уроку добра и растоптал...

Читая эту рядовую и драматическую историю, я вспоминал наши "диссидентские" споры об абсолютности морали и предосудительности мещанства и думал: ведь нельзя же забывать, что в стране так часто происходят именно такие сцены, что сегодня под флагом "морали и нравственности" выступает именно милиция, насилующая по приказу свыше частных собственников.

У меня нет никакого презрения к человеку, в стихийном протесте растоптавшему свой собственный труд, лишь бы не подчиниться государственному насилию. Как известно, американская революция началась с "бостонского чаепития", когда американцы выбросили в море тюки с чаем, обложенным несправедливо пошлиной – в знак протеста против английского насилия. История не называет действия этих людей ни мещанскими, ни безнравственными...

А вот еще одно "нравственное" предложение:

"Со спекулянтами надо бороться... Установить "потолок" цен на рынках на все дефицитные сельскохозяйственные продукты. За превышение установленной цены строго наказывать, вплоть до конфискации продукции".

И Черниченко, ожидавший серьезного разговора о необходимости повышения производительности сельского хозяйства путем его специализации, замечает грустно: *"Вот как у нас привычно: "специализация" в смысле "конфискации".*

Вообще чувствуется, что у Ю.Черниченко имеется давний счет споров с поборниками "нравственности и бескорыстия". Вот как он описывает кредо симпатичного ему пробивного председателя колхоза:

Гвинин разворотлив, собирает хорошие средние урожаи картофеля (220 ц с га), развивает широко подсобные промыслы. Из 6 млн руб. общего годового дохода сельское хозяйство приносит только 2 млн руб. На упреки, что такой промысловый уклон "не морален", Гвинин отвечает: "Моральных высот от этого, конечно, никто не достигает,

но и худшими люди уж, наверное, не станут... 30 лет колхоз не выходил из долгов-убытков – и что, нравственно расцвел?... Вот здесь и духовность, и моральный кодекс председателя: разбейся, а не дай людям работать хуже и хозяйству зарабатывать меньше, чем можно..."

Но дело не только в том, что "нравственные" проповеди в нашей жизни слишком тесно связаны с государственным насилием и потому мешают жизни. На деле они портят молодое поколение. Об этом можно судить по описанию Ю.Черниченко его беседы в ресторане с молодыми "помидорщиками", вернее, с наследниками "помидорщиков", которые нынче стыдятся и тяготятся дела отцов своих.

Ну и ловок ныне "Помазов": и руки в солярке (парни стали рабочими – К.Б.), работягой явился и сам же наживу клеймит... Теряется момент, с которого можно презирать Помазова... А момент тонкий. Пока тот ползает по грядке... мы презрения не испытываем, и когда по автовокзалу он мечется – нашего гнева тоже нет. Увез товар в Черемушки, бойко отвешивает с походцем – отчасти уже урод, гнойник, но только отчасти. А вот когда (если) он и гордиться начнет своими тысячами, воображать станет, что деньги его не хуже всяких других, что его за нажитое уважать можно – вот тогда он гнусный урод, мерзкий гнойник... А эти вкалывают и сами плюют! Лелеют помидор... и его же матерком. Но ведь хороши касимовский помидор высшей пробы! Хоть знак качества на "яблочном" ставь. Так объясните тогда, в чем природа вашего стыда? -Вещизм" отвергает?...

Но когда придет ненастный 1976 год и неурожай, и без агрохимической помощи частный помидор погибнет, пострадает лишь лицо неофициальное – Черемушкинский рынок.

Ресторанные молодые собеседники Ю.Черниченко еще продолжают "вкалывать" на личных огородах, но уже только под нажимом старших и из временной материальной нужды с

расчетом в будущем отказаться от "постыдного и недуховного" занятия.

Таково ужасное духовное влияние современных радиопроповедей (и пр.) в духе доставшегося от довоенного времени презрения к независимому труду, как к мещанству, куркульству, буржуазности и т.д. Старики (крестьяне и обыватели) еще преданы полученным от доколхозных отцов и дедов трудовым традициям и их мораль невозможно сбить ни газетной руганью, ни радиоромантизмом. В какие бы революции и коллективизации их ни втягивали, они упрямо работают – на себя и на рынок (т.е. на нас) – и тем выживают.

Не столь уж большое преувеличение сказать: знаменитая "деревенская" проза – зеркало нашей сельской жизни – есть, среди прочего, и летопись малой усадьбы. Тут не борьба личного с общественным, нет, ибо действует едко-правдивая формула Овечкина: "За идею коллективизации – на своих харчах"... Положенная по Уставу колхоза усадьба – это долгое время обязательный поставщик государству: 300 кг картофеля, 200 л молока, 40 кг мяса, 5 десятков яиц, 3 кг шерсти был обязан по сельхоззналогу сдавать бесплатно колхозный двор, а также дисциплинарный фактор: пропуском к личным соткам был минимум выработанных трудодней. Одиссея Можаяевского Федора Кузькина, тайные покосы Ивана Африкановича, тугие узлы абрамовских "Вокруг да около" – это художественная экономика. Драматизм ситуаций тут именно в том, что колхознику не было иных путей прокормиться и поднять детей, кроме как огородом, усадьбой, коровой...

Но их дети – уже совсем иные. Они воспитаны советской школой и "искусством" в отвращении к индивидуальному труду и рынку, а перспектива больших заработков в городе или даже здесь, в селе, ввиду нынешнего щедрого финансирования села, поддерживает и питает эти настроения, закладывая психологически и экономически основу будущей сельскохозяйственной катастрофы.

Ю.Черниченко пронизательно подмечает, сколь отрицательную роль играет в этом "развращении села" нынешний денежный поток:

Да, закупочные цены на мясо таковы, что мужику выгоднее бычка живьем продать, и на вырученное покупать мясо в гастрономе – когда такое было? В магазине кило говядины – 2 руб., а государство тратит на мясо 3,5 рубля. Такие цены – замаскированное повышение зарплаты в колхозах и совхозах, бюджетный дождик на усадьбу: разводи, выращивай, не ленись. Так ведь и это не впрок – сводят коров...

Сегодня значение усадьбы таеет – и не из-за административного зажима только, а из-за денег.

Товарные фермы едва успевают восполнять своим приростом методическое убывание коров в личном пользовании: ведь по 400-450 тыс. буренок и красавок сбывали за год дворы колхозников и совхозных рабочих. Газетный отчет ЦСУ за 1971 г. особой строкой отразил поголовье коров в личном пользовании – убыль в сотни тысяч... Как и у всякого крупного социального явления тут разветвленный корень причин. Но курьезно не заметить среди этих причин такого "слона», как оплата, вторжение денег в сельскую жизнь.

Гарантированная зарплата и натуральное хозяйство – потенциальные антагонисты, потому и таеет усадьба и убывает личный скот...

Низкие цены на продовольствие и высокая зарплата делает сегодня для селян невыгодным личное хозяйство и потому оно сходит постепенно на нет. Нынешний денежный поток снижает удельный вес эффективной формы хозяйствования на земле! Однако свое "освобождение" от приусадебных тягот сельские рабочие отнюдь не компенсируют ростом трудовых усилий на совхозных и колхозных полях. А зачем стараться? Если за ту же зарплату можно (и нужно) не трудиться, а лишь выполнять с ленцой руководящие указания?

Уменьшение удельного веса частного сектора в нашем сельском хозяйстве есть одновременно снижение общей

производительности этого хозяйства, которое сегодня лишь едва-едва перекрывается ростом производительности, за счет научно-технического прогресса, достижений мировой сельскохозяйственной техники, селекции и т.п. Однако всему наступает конец. Недалеко время, когда резервы поднятия сельского хозяйства с помощью насыщения его техникой, энергией, наукой – до мирового уровня – исчерпают себя. Но при низком уровне организации труда в колхозах и совхозах его производительность будет оставаться относительно низкой, а свертывание частного сектора (при одновременном росте запросов и потребностей) будет продолжаться, тем самым снижая эффективность и, что главное, результативность сельского хозяйства в целом.

Вот это грядущее время невольного свертывания общего выпуска с.х. продуктов и быстрый рост их дефицитности (вплоть до голода) станет временем не только сельскохозяйственной катастрофы, но и социальных потрясений. В эту яму наше руководство заводит и себя, и страну, неумолимо – близорукой политикой денежных инъекций в село – но не в эффективное частное производство, а в убыточные колхозы и совхозы. Поистине – не ведают, что творят!

Но обратимся непосредственно к картошке.

Ю.Черниченко начинает ее историю, как водится, с американской прародины и екатерининских нововведений. Но нам, конечно, интереснее современность:

Не загадка ли для серьезных экономистов: с 1940 г. по нынешнее время удельный вес подсобных хозяйств в производстве клубней не покачнулся! И до войны колхозно-совхозное поле производило только 35 кг картофеля из каждого выращенного в стране центнера, и в 1974 г. – 36 кг. Сборы же зерна за это время удвоились. Тракторный парк вырос в 5 раз, на 60 млн. человек выросло население страны... Но огород устал... Монокультура: как при создании колхозов нарезали усадьбу, так и шпарят по ней картошку – без передышка пятый десяток лет. "Второй хлеб" вроде способен

обходиться без плодосмена, но зато для рака, камено... вирусов – зажатость огорода создает идеальную обстановку.

Меньше скота во дворах – меньше удобрений. Органических, потому что минеральные индивидуальный сектор, оберегая качество, употребляет крайне неохотно (да и где брать?) А у картошки – сумасшедший вынос питательных веществ... Семеноводства, как его понимает XX век, в индивидуальном секторе просто нет. Старение населения в колхозах не может не сказаться на усадьбах и неизменные 5 млн.га огородов сохраняются лишь за счет хозяйств рабочих и служащих (совхозных и городских)... Новость самых последних лет: на огородах картошка стала родить хуже, чем в совхозах и колхозах! Государственные хозяйства РСФСР получили, судя по отчетам, на 20 ц с га больше, чем индивидуальный сектор. И давно пора! Ведь столько техники, минеральных удобрений, столько аккордных звеньев, спецхозов, шефов – пора аукнуться!

Пора-то оно, может, и пора, да ликовать рано. Проявляется не сила поля, а слабость огорода. Отрасль, странным образом – сама себя не содержит.

Вот урожайность государственного картофелеводства в Подмосковье: 1971 г. – 125 ц с га, 1972 – 69, 1973 – 141, 1974 – 77, 1975 – 191, 1976 – 70 ц... Не график, а пила...

В среднем по стране урожайность картофеля достигает 100 ц с га (при норме высева 30 ц на гектар). Учитывая, что рекордные урожаи приближаются к 1000 ц с га (и даже выше), что средняя урожайность в странах Западной Европы – 300-400 ц с га и выше, и примерно такая же урожайность на наших хороших приусадебных участках, надо признать урожайность картофеля по стране очень низкой (а Советский Союз имеет около половины всего мирового картофельного поля). Недопустимо низкой.

Однако, и огород "выдыхается" – как от уменьшения усилий и прилежания "населения", так и от отсутствия современного

агрономического обслуживания сортавыми семенами, защиты от болезней и вредителей и т.д.

Картошка занимает 3,5% пашины страны и создает 25% стоимости всей растениеводческой продукции... т.е. в 7 раз эффективнее усредненной культуры (включая хлопок, виноград, рис, табак, пшеницу...)... Так вот, производя в семеро против среднего, картошка в государственном секторе себя не окупает. В среднем по Союзу она в нормальные годы приносит 6-7% убытка... Да шло бы на поправку! Нет, издержки на гектар посева за 7 лет удвоились, себестоимость продукции повышается, а затраты труда не падают. Есть над чем думать дипломированным головам...

...Думать же можно только разом о трех китах картофелеводства: усадьба, огород, дачный участок доказали, что оно – народное хозяйство. Не эфемер, не выход на год – за ними десятилетия верной службы, ежегодно миллиарды рублей валовки, особая функция выравнивания доходов семей...

Обдумывая проблемы приусадебного участка, Черниченко видит, что сегодня он сокращается главным образом за счет тех хозяев, которые не имеют доступа к машинам, а также из-за определенной политики руководителей колхозов и совхозов:

Возможность вспахать огород себе и своим близким – входит в неписанную привилегию "человека на машине", т.е. 2,2 млн. колхозных механизаторов из 15,9 млн. всех занятых в общественном хозяйстве. Значит, если даже не считать служащих, связанных с колхозом (школа, больница, сельпо) все равно, на одного обеспеченного – семеро зависимых... Но сложность не только из-за нехватки мощностей! Проблема поддерживаемся искусственно – там, где в усадьбе видят еще подсобное средство административного воздействия на колхозника.

Мнение председателя колхоза: "Извините, во внутренних делах колхоз все-таки сам себе хозяин!.. А вот в огородных

делах мы будем по-прежнему держать его на поводке: дадим ему на усадьбу трактор или еще посмотрим на его поведение..." Газеты пишут, что промышленность будет выпускать минитрактор для усадеб? - Слушайте, зачем уменьшать трактор до уровня огорода? Может, огород увеличить до размера трактора? 40 лет гордились, что хозяйства у нас крупные... а теперь делать эрзац-лошадь?... – Нет, никакой опасности нет.. Надо знать тракторную промышленность, ее неповоротливость... Пока что-то получится из мини-тракторной затеи, мы уже закончим коллективизацию усадеб. На реальных "Беларусях".

Мне показались очень любопытными и потенциально опасными рассуждения этого энергичного председателя Гвинина. Сегодня, когда он борется за независимость и эффективность своего хозяйства, ему можно сочувствовать, но дай ему полную свободу, он начнет ради успеха "своего" хозяйства "зажимать" и уничтожать индивидуальные хозяйства людей, объединяя их в единую плантацию. Но, как известно, наивысшей эффективностью обладают именно индивидуальные, фермерские хозяйства, именно им принадлежит будущее, и потому председатель Гвинин в определенных условиях может стать реакционной фигурой.

Однако какими бы тяжелыми ни были проблемы, связанные с выращиванием картофеля, еще хуже проблемы с его хранением и доставкой потребителю. Правда, в частном секторе этих проблем практически нет (сохраняется и потребляется практически все), но с государственной картошкой положение иное.

Во-первых оказывается, что колхозы и совхозы не в силах обеспечить картофелем городские магазины и ежегодно из 12 млн. т картофеля, поступающего в магазины, 2 млн.т покупается у "населения". Красочно описывает Черниченко эту "добровольную" процедуру "закупки":

Организационно кампания походила на те, к каким я привык с середины 50-х годов. Главное – быстрота, чтобы "пошло сегодня". Начало всему – совещание, "озадачить" хозяев

ежесуточной контрольной цифрой, районный актив "по кустам" распределить, на телефоны дежурных дать, чтобы каждый вечер они отмечали... И поднять непременно всех: ГАИ – перекрыть дорогу на Елатьму..., чтоб все машины только под картошку, техникам – обеспечить ночную смену на загрузке, коммунхозу, фабрике – отдать весь наличный транспорт...

- Тут проверка зрелости – взять в 3 суток 10 тысяч тонн. В том, что взять у населения тыщенок 2-2,5 надо непременно, хотя, конечно, "лишней" у населения уже не было... Картошку население уже рассортировало, перебрало, пересушило и засыпало в погреба, произвело все расходы и для него, населения, картошка была уже как бы весенней, перезимовавшей...

...Год 1976 был урожайным, но в Касимове были колхозы, взявшие с га и по 50, и по 40 ц. В среднем, на круг!! Значит, высадив один клубень, получили полтора (норма высева – не менее 30 ц на га). Слушайте, разве может такое быть? Может: органика режет, сажаем в голый песок. Так сажали бы, на сколько удобрений хватало! – Ну, это уж другой вопрос... С тысячи га районных посевов получены одни семена – поди заготовь что-нибудь!

А хозяйства крепкие, получившие и по 180, и по 200 ц, уже по планам рассчитались, остальное им выгодно сдавать на крахмал – по 10 коп, за кг, а продовольственная – всего 5-6 коп./кг... Хождение по дворам неотвратимо...

В Брянской области проводят собрания в колхозах и совхозах по продаже государству картофеля с приусадебных участков – не менее 20 кг с каждой сотки. А потом – принять повышенные социалистические обязательства по продаже населением картофеля государству.

В Касимове проще... Продавица Клава объявляет бабам в магазине, чтобы все выставили по сетке с сотки, да чтоб не ловчили (1 кг – 12 коп), а с Клавдией – лучше не ссориться...

Позволить себе массовые закупки картофеля (да еще по социалист.обязательствам) по 12 коп.кг, чтобы потом

продавать в магазине по 10 коп. кг может только наше государство.

Для колхозов же и совхозов производство картофеля по 6 коп. за кг может быть только убыточным. При нынешней нехватке в селе рабочих рук и их высокой оплате, такая убыточность приводит к государственному же ее решению с помощью "шефства", т.е. к принудительной работе горожан в селе:

Шефством сейчас называют внеэкономическую, непланируемую (во всяком случае – пятилетними планами) и очень слабо контролируруемую финансовыми и юридическими органами перекачку трудовых и материальных ресурсов из неаграрных отраслей в сельское хозяйство...

В несколько усложненной форме теперешняя даровая работа города в селе есть откачная волна бесплатной работы прежних колхозов... Снимая гигантскими растратами труда и средств сложности какого-то сезона, шефство лишает отдачи те ресурсы, какие – если вкладывать их технологично и последовательно, должны перевести сельское производство на индустриальную основу. Оно демонстрирует сиюминутную готовность "помочь селу", дает простор организационной работе, но искажает истинную картину нужд и возможностей колхозов и совхозов, за шумихой уборочных и посевных мешает видеть магистральное направление, создает обстановку дрябнующих мышц, питает психологию застойного иждивенчества...

Для села – шефство – данаец с дарами коварными, способная к саморазвитию система, вызывающая в себе нужду... Таганрогский з-д "Красный котельщик" в 1975 г. отработал на селе 66 487 раб.дней, что эквивалентно для него производству 9,7 млн.руб. продукции... То же можно сказать и про институты... "Не даром – а вместо"... Оставим примеры конфузные, когда на ручную уборку картофеля снимают технологов и инженеров "Рязсельмаш" – единственного поставщика картофелеуборочных комбайнов.

Кстати, о картофелеуборочной технике. Согласно отчетам, у нас механизировано 87% уборки государственного картофеля, но сюда включены и "копалки", которые механизмируют уборку лишь на 5%. Сами комбайны – тяжелы, малопроизводительны, а главное – нещадно бьют и портят картофель. Сделать же их иными, доведя до уровня заграничных образцов, не позволяет наша тяжелая, неудобренная земля (заграничные комбайны на ней сразу ломаются)... Поистине, все завязано у нас тугим узлом.

Производительность привлеченных горожан считают обыкновенно вдвое ниже, чем у профессиональных сельских рабочих... Но счет очень округленный...

Эту оценку подтверждают и материалы обсуждения "Вокруг картошки", развернутого в "Литературной газете" (январь-сентябрь 1978 г.). Вот оценка начальника Управления трудовых ресурсов Госкомтруда СССР, д.э.н. Е.Антосанкова: "По имеющимся данным КПД трудовых затрат горожан в поле, на овощных базах и т.п. стоит на недопустимо низком уровне: 20-45%, не выше... У организаторов сельскохозяйственного производства исчезает стремление к наиболее рациональному использованию собственных сельских ресурсов". (ЛГ, № 37, 1978 г.). Эту оценку конкретизируют такие письма-впечатления самих "шефов":

Один из совхозов Луховицкого р-на. Монолог бригадира: "Нам невыгодно набирать постоянных работников, им нужно жилье, они получают премии, за них нужно нести ответственность. Падает зарплата, поскольку фонд зарплаты прежний. С вами, шефами, все проще" (Г.Шварцман, инженер)

"Лопата, лопата... Лопатой копают, лопатой нагружают, лопатой сгружают. В результате картошка битая, на хранение непригодная, гниет" (В.Тиунов, Пермь)

"Вот ходят по полю городские, скажем, на прополке. Где и когда на прополку ходили без сапки? Никогда. А вот теперь ходят. Идут, срывают сверху бурьян, корни остаются. После

такой прополки, если дождичек пройдет, еще лучше растет бурьян" (О.Ортюкова, Киев)

"...Посылают горюжан добирать картофель за комбайном, а те нарочно присыпают клубни землей – не хочется таскать тяжелые корзинки. А дайте тем же людям вознаграждение за каждую тонну – да они, как кроты, все поле перероют". (В.Пивоварова, Москва)

"...Был я от ЗИЛа в подшефном совхозе. Нас поставили веять горох и загрузать его в мешки. Для этого есть веялка, но к ней нет бензина. Нам приказали веять вручную – мы отказались. Нам грозят написать на работу – мы на своем стоим. Пришлось поехать им за бензином. Мораль – зачем ездить за бензином, когда есть шефы". (А.Сысоев, Москва)

"Наши сослуживцы копали морковь палками и дощечками, отломанными от ящиков. Не дали им ни одной лопаты. К концу дня десять человек выполнили одну норму". (И.Ядровкин, Киев) - ЛГ, №34, 1978

Среди всех откликов практически нет ни одного оптимистического или "энтузиастического". Все убеждены, что "шефство" – это зло... Не столь единодушно, но все же большинство согласно и в способах выхода из этой ситуации – с помощью оплачиваемого свободного сезонного труда:

«Почему бы не предоставить колхозу право нанимать, именно нанимать! – не только просить у заводов людей, и платить им за труд той же картошкой? Спросите: кого? – Да тех же пенсионеров, домохозяек, отпускников, студентов. Мне опять могут возразить: не положено, не выгодно, да мало ли еще какие привести резоны. Я убеждена: при такой практике картошка не оставалась бы в земле, не мерзла бы в буртах. В конечном счете, государство получало бы ее в гораздо большем количестве. В России множество маленьких городков, где вся промышленность – какой-нибудь хлебозавод, да льнотеребильная фабрика или стекольный заводик. Кликнуть бы там клич: "На картошку – за картошкой!" – и думаю, многие смогли бы на две недели или месяц приехать в

деревню в счет своего отпуска, накопившихся отгулов и т.д.... варианты есть. (К.Кожевникова, ЛГ № 2, 1978 г.)

"Автору этих строк приходилось выходить на картошку в колхозе им.И.Франко в Перечинском р-не Закарпатской области, а в колхозе "Комсомолец" того же района – на сбор яблок. Здесь был применен принцип оплаты труда натурой в размере 10% от собранного урожая. И что же? Колхозы всегда первыми заканчивали уборку, а мы с женой заготавливали достаточно и картофеля, и яблок".(И.Трубка, ЛГ № 34,1978)

"Иногда... против десятипроцентной оплаты возражают финансовые организации... - И напрасно возражают. Хозяйства с успехом применяют подобное вознаграждение. Иногда оплата несколько трансформируется. Колхоз им. Ленина Московской области, где мне самому приходилось работать, приглашает на уборку яблок всех желающих, а потом расплачивается следующим образом: предоставляет право закупить определенное количество яблок по себестоимости. Отбоя нет от желающих!" (А.Сорокин, зав.отд.ВНИИ экон.сельск.х-ва)

"Как только начинается у нас уборка картофеля, каждую субботу и воскресенье от здания городской почты в семь часов утра идут в колхозы автобусы, везут горожан убирать картошку. Здесь и домохозяйки, и рабочие, и служащие. Едут добровольно, сами. Они знают, что за день заработают 10 руб. или же, кто пожелает – два мешка картошки. Когда горожане возвращаются, следом за автобусом идет колхозный самосвал и везет мешки с картошкой по домам. На мешках – адреса и фамилии..." (Т.Пронина, Эстонская ССР)

"Десятки тысяч горожан Эстонии отправляются осенью на уборку картофеля. Сама жизнь, опыт многих лет подсказали нам, как целесообразнее организовать их усилия. Работает ли приезжий на сортировочном пункте или у уборочной машины, его труд оплачивается наравне с трудом колхозника и рабочего совхоза по общеустановленным расценкам. При хорошем урожае (около 200 ц. с га) получается 10-20 рублей в

день. Горожанину предоставляет возможность приобрести за деньги картофель (по себестоимости) в пределах 5% от собранного ими количества. На деле же столько картофеля никому не требуется, и большинство не претендует больше чем на 1-2% собранного урожая... Не удивительно, что немало людей готовы неделю из своего отпуска, а то и больше, перенести на осень, потрудиться на свежем воздухе, неплохо заработать и обеспечить на зиму семью высококачественным картофелем, не лежавшем на складах, не подвергавшемся перевозке..." (И.Аамисепп, перв.зам.министра с.х-ва Эстонской ССР) - ЛГ, № 37, 1978 г.

Наконец, аналогичное мнение высказывает и Ю.Черниченко:

Все то население, что сейчас пользуется "маминой", "заводской" и иных вариантов картошкой, есть потенциальный добровольный шеф, ибо заинтересован в натуральной оплате и может убирать от "процента". Оно вряд ли пойдет зарабатывать на уборке деньги, но охотно соглашается – без весенних и летних хлопот – в несколько сентябрьских дней засыпать погреб на всю зиму.

Ю.Черниченко задумывается и над более тонким вопросом: как заставить само село отказаться от "даровой" и развращающей шефской помощи?

Но как сделать так, чтобы те, кому уборка не нужна и кто не заинтересован, были не нужны и колхозу-совхозу?

...Надо, чтобы "к кому едут, тот и платит". Не за уборку платит, не ту символическую денежку, которой по расценкам начисляется горожанам за аграрные его усилия, а полную зарплату, которой через кассу предприятия, института и т.д. – государство выражает общественную ценность данного человека... Этим будут поставлены строгие фильтры, высокооплачиваемый в поле не проберется и вся тенденция изменится... "Что-нибудь придумаем, а платить не станем". Эта формула имеет и обратную силу: "Не надо платить – не станем и думать. Известное забудем, мохом порастем...»

При такой ясности ответов кажется, что и проблемы-то нет. Ее решение – всем понятно и даже опробовано – не только в отдельных хозяйствах, но даже в целой республике. И только короткое замечание: "финансовые организации возражают" наводит небольшую тень на безоблачное небо.

Однако именно "этим облачкам", видно, суждено не закрыть проблему шефства, а усугубить ее и превратить в очередную тотальную трудовую повинность. Во всяком случае, осень 1978 года продемонстрировала это с полной очевидностью: "шефская" работа обсуждалась и приветствовалась на "самом высоком уровне" (дальше некуда), а кампания поголовного привлечения всех к шефской помощи достигла абсурда: даже 60-70-летние старцы из Госплана вывозились в поле (целый день езды в автобусе ради пары часов топтания на поле). Дальше ехать просто некуда. При полной очевидности и необходимости экономического решения – принимается решение совершенно обратное здравому смыслу. Что же говорить о других, менее очевидных проблемах?

И наконец, последний этап мучений "государственной картошки" – плодоовощные базы в городе, где шефская работа, неэффективность, безалаберность и порча продукции распространена еще больше, чем на поле. Ю.Черниченко рассказывает о собственной шефской работе на разгрузке вагона картофеля (почему-то пришедшего в размокших бумажных мешках):

Мы ходили по клубням, давили их сапогами, поддавали вилами на роликах, засыпая снова в мешки, били, обдирали, калечили – и уже мудрено было найти неувечный клубень среди тех, какие отвозил на склад кар. Хорошая и чистая картошка на наших глазах превращалась в негодные для хранения тонны...

...Обдирали кожуру вилами, узлами сеток, давили клубни каблуками. Приводили в исполнение приговор, заготовленный тем неведомым Бумажным Мешком – а вот спешим, разгружая вагон, потеем и даже радуемся нашей якобы работе, согласной и будто человеческой! Торопимся – к чему?

*Ко дню, когда эта картошка сгниет и ее отправят по цене 0,1 коп. на свинарник с глаз долой? По-людски, так ее надо бы вручную клубень за клубнем, сейчас перебрать, переложить во что-то дощатое – контейнеры, ящики, составить бережно...
...И возникнет затор на путях. И останутся пусты склады, и под морозом останется картошка! – Гори все огнем – мы будем стараться!*

А ведь она могла быть работой, наша разгрузка вагона!

Еще более безобразные факты невозмутимой и открытой порчи тысяч тонн продуктов рассказываются в статьях ЛГ, например, А.Рубинова "Огурчики соленые" (ЛГ, № 36, 1978 г.), когда процент "отхода" достигал 99,9%...

Впрочем, что касается картошки, то по отчетам овощебаз, они сохраняют ее полностью: сколько приняли, столько в конце сезона отгрузили... Правда, при этом только меньшая часть почерневшей, но еще не сгнившей картошки будет подана в магазины, а остальное – скормлено скоту, но баланс – будет соблюден. На 12 млн.т. проданного в магазинах картофеля приходится 16 млн.т., переданных на корм скоту (и производство спирта), хотя в качестве корма картошка в 3 раза дороже фуражного зерна и хуже, потому что гниль и для скотины малополезна. Что же касается доведенного до потребителя картофеля, то круг мучений с государственной картошкой уже на самом последнем этапе вновь замкнулся единственным выходом – рынком и частной картошкой.

Раздел 4. Прикосновения к мировым религиям

4.1. Попытка дискуссии по темам статьи В.В. "Мое отношение к религии", 1974г.

Начну с благодарности автору за произведенную им попытку самообъяснения. В статье затронут целый узел важных для меня вопросов, разобраться в которых давно было нужно, да не хватало силы и воли. А вот теперь – есть эти 26 страниц машинописи. Двигаясь по изложенной в них цепи положений, можно разобраться и в своей куче недоумений.

Такой саморазбор я и попытаюсь осуществить ниже, в форме спора со статьей "Мое отношение к религии", ни в малой степени не претендуя на окончательную истинность, а только – на искренность изложения.

Прежде всего, мне необходимо оспорить пессимистический тезис о неизбежном провинциализме экономической науки в нашей стране, о неизбежной трагедии любого настоящего ученого-экономиста в существующих условиях. В статье он служит лишь первоначальным описанием ложности, неистинности проблем окружающего нас материального мира, чтобы подчеркнуть важность и значимость религиозной тематики, для меня же этот тезис важен сам по себе, поэтому и внимание ему я уделю больше, чем сам автор. Вот как он его обосновывает:

1) Ученый в любых общественных науках (не исключая экономическую) просто не имеет возможности говорить правду, исследовать истину из-за цензуры. В лучшем случае он сможет писать прилично – не о главном, да еще и не все, да еще и не полную правду, а только ее четверть, да и ту маскировать эзоповым языком. Но трагедия даже не в этом.

2) "Все рациональные принципы, которые являются ответами на острые проблемы нашей общественной жизни, вовсе не являются новыми для мировой науки". Другими словами, задачи, которые ставит перед нами действительность – вовсе не научные, из-за безнадежной отсталости самой этой действительности. Эти задачи заключаются не в достижении новых истин, а только в пропаганде старых. "У нас возможна только публицистика, а не наука. В лучшем случае, если появится конкретная возможность применения, задача может состоять в приспособлении известных в мировой науке истин к нашей действительности".

3) "Чистой наукой" заниматься не имеет смысла: "Проблемы мировой науки – это не наши проблемы, нам они чужды... Экономика – наука, безусловно, прикладная. "Чистая теория" в экономике – это игра по определенным правилам, вроде наиболее оторванных от приложений разделов математики. Экономическая наука в условиях, когда в реальном экономическом управлении не реализованы основные принципы рациональности, всегда останется провинциальной схоластической школой".

4) Наконец, не только ученый, но и просто любой "критически мыслящий человек" невольно становится у нас "антипатриотом" (хотя чаще всего они не признаются в этом самим себе): "Наш мир вопиюще нерационален, а мы – рационалисты. К тому же у нас перед глазами Запад. И мы возмущаемся: ведь все уже реализовано, рациональные принципы уже проверены, мир "просто" должен быть рациональным..."

Центральным в этом перечне обоснований научного пессимизма и наиболее убедительным мне кажется довод 2. Однако он неверен.

Даже если принять без возражений и обсуждений тезис о том, что принципы западной экономики – есть воплощенная рациональность и здравый смысл, что нам не нужно изобретать совершенно новые принципы, а просто стремиться к воплощению в собственной экономике таких же принципов

(рынка или хозяйственной свободы), то даже в этом случае разве просты и однозначны проблемы перехода существующей экономической системы на эти принципы рациональности? Разве дело не в опасностях и неизвестных последствиях любых коренных экономических реформ для существующей общественной системы, что и отпугивает власти от решительных действий? Разве дело не в том, что тенденции развития нашей экономики и перспективы ее плохо изучены, не понятны и поэтому пугают, тормозят действие? Разве властям и простым людям все понятно в экономике и разве не в долгу перед людьми наши экономисты? – В этих риторических вопросах я невольно сбиваюсь на казенный стиль, как бы пародируя его. Но прошу понять меня правильно: я действительно вижу перед экономистами, если они считают себя настоящими людьми и учеными – огромные задачи именно в нашей стране и в современной ситуации. (Так же, впрочем, как и перед социологами и прочими "гуманитариями".)

Но можно ли говорить о провинциализме таких задач? Мы знаем, что наиболее эффективной и передовой экономикой обладала Англия в 18-19 вв., США – в 20-м веке. Поэтому сегодня все остальные страны должны в какой-то мере подражать США, стремиться перенять не только их наиболее технологические приемы – но и экономико-организационные принципы, позволяющие достигать передового уровня. Действительно, изучение американского опыта является важнейшей задачей для хозяйственников и экономистов всех стран мира. Но означает ли это, что истинная экономическая наука может существовать только в США, а экономисты всего остального мира обречены на перепев наиболее рациональных американских мотивов и безнадежный "провинциализм"?

Я думаю, что нет! Думаю, что задача "приспособления известных в мировой науке истин к нашей действительности" – отнюдь не тривиальна и немаловажна даже с точки зрения мировой экономической науки (вспомните, например, какой

клубок социально-экономических проблем стоит перед экономистами латиноамериканских стран, с их спецификой "периферийной экономики", и какое значение имеет для мировой экономической науки проблематика развивающихся стран).

В конце концов, думаю, что и американская экономика не идеальна, и поэтому перед американскими экономистами тоже стоят задачи осуществления "давно известных науке принципов наибольшей рациональности". Так что задача "приспособления экономической реальности к давно или недавно выработанным теоретическим принципам совсем не является нашей специфической особенностью, а присуща самой экономической науке в любой стране, просто в силу ее сугубо прикладного характера. Вообразить же, что задача ученого-экономиста сводится лишь к подбору рекомендаций для хозяйственников: делайте так, как в Америке (или еще хлеще: осуществляйте идеальную схему совершенной конкуренции) – на мой взгляд, неконструктивно! От осознания правильности или ложности той или иной теоретической экономической конструкции еще очень далеко до разработки той технологии, которой можно практически воспользоваться для осуществления этой конструкции в конкретных условиях места и времени. Что эта технология архисложна, не надо доказывать. Ведь изменяя экономику, нужно менять и общество в целом. А оно очень консервативно, поведение его трудно предсказуемо (вспомним хотя бы жалобу Н.С.Хрущева на огромную инерцию общества, а ведь он замахивался не на многое в традиционных ценностях). Мало того, общество и его экономическая система сами меняются, меняются независимым от ученых и даже от руководителей образом, и этим ставят под вопрос любую разрабатываемую "технологиию перехода", возможность ее осуществления. Меняются не только независимым способом, но фактически и неизвестным. Вот в чем горе!

Так что задача изучения нашей родной социально-экономической системы, способов ее осуществления и

реальных тенденций ее развития является первой и основной для экономистов в стране. И дела здесь – непочатый край!

Конечно, нельзя забывать и о нашей специфике: ограничение свободы научного поиска (цензура принципа партийности) и публикация всех научных результатов, закрытость, а чаще простое отсутствие статистической информации (или ее крайняя недостоверность), общая атмосфера скрытности и недоброжелательства к объективным исследованиям – как со стороны властей, так и со стороны низовых работников, которые могут успешно действовать только вопреки контролю сверху и для которых поэтому раскрытие "тайн их деятельности" грозит карательными санкциями (по большей части, несправедливыми) со стороны вышестоящего начальства.

Поэтому в наших условиях исследование экономической системы – отнюдь не безопасное занятие, совсем не связано с почетом и комфортом. Напротив, оно, может, труднее и опаснее исследований бацилл чумы. Если, конечно, заниматься экономическими исследованиями всерьез. Но зато и потребность общества в результатах этих исследований – огромна!

Выдача же практических рекомендаций по рационализации существующей хозяйственной системы или по ускорению уже идущих в ней процессов развития – уже вторая задача экономической науки, производная от первой, поэтому второстепенная. Она даже не входит в задачи собственно экономической науки. Практические рекомендации из научных исследований – это, скорее, дело самих практиков (хотя возможна и комбинация ученого и практика в одном лице – но лишь как исключение, а не правило).

Приведу близкий мне пример. Для многих кажется очевидной истинность тезиса о том, что рациональной экономической современной система может стать лишь при условии широкого использования рыночного механизма. Однако все советы руководству о перестройке хозяйства в

этом направлении (направлении экономической реформы) фактически отвергаются, наталкиваясь на догму о плановом характере социалистического хозяйства, на опасения "реставрации капитализма", "утраты революционных завоеваний" и т.д. Ну, что ж, это беда практиков. Ученого-экономиста эта ситуация не слишком затронет: он будет продолжать изучение феномена советской экономики, зная, что полученные им результаты будут, в конце концов, использованы – не сегодня, так завтра: добытое знание обычно зря не пропадает.

Но даже если встать на точку зрения гражданина, мечтающего только о пользе для страны, то после провала его рекомендаций об экономической реформе, что остается ему делать? – Сложить гордо руки? Поверить в Бога и уйти в монастырь духовных поисков? Или уехать в эмиграцию? – Наверное, такому человеку необходимо понять причины своего поражения и сделать из них выводы на будущее.

Практикам, прежде всего, необходимо быть уверенным в том, что стране действительно нужна экономическая реформа, что она может принять новые принципы рациональности, что общество и само движется в направлении новой рациональности (потому что если само общество реально движется в другом направлении, то дело защитников экономической реформы – безнадежно, а если в том же, то у нас имеются хорошие шансы для ускорения такого развития).

На мой взгляд, экономическая реформа в стране постоянно осуществляется – явочным порядком, независимым от руководства способом. Надо только понять, каким именно! Совершенно очевидно, что хозяйство строго по плану существовать и развиваться не может. И если оно все же существует и развивается довольно успешно, то, видимо, за счет тех стихийных, вернее, внеплановых хозяйственных регуляторов, которые осуществляют у нас рыночные функции. Надо только понять, каким образом рыночные принципы осуществляются и действуют в недрах современных плановых и управленческих органов, в материально-техническом

снабжении, в неофициальных связях. Надо показать, что рынок существует - это факт, а специфические особенности "социалистического внутреннего рынка" - множество нерациональных ограничений из-за планового декорума и стихийность из-за его юридической непризнанности (существование юридического запрета на абсолютно необходимую экономическую деятельность на деле означает полное отсутствие правового регулирования этой деятельности, ее полную стихийность и неуправляемость).

Я думаю, что наличие экономических исследований, доказывающих высказанные предположения, позволит поставить задачу экономической реформы более реально: реформа – не как отступление от планового и рационального социализма к стихии рынка, а, напротив, как переход от нерационального, непризнанного и стихийного, ныне существующего рыночного хозяйства социализма в сковывающих рамках деспотического плана – к рациональному и экономически управляемому рыночному хозяйству. Я думаю, что задача экономической реформы не решается сверху в немалой степени потому, что неправильно поставлена, а современная экономическая ситуация плохо изучена.

С вышесказанным связаны и мои возражения по остальным обоснованиям "экономического пессимизма":

"Наша экономическая наука обречена быть провинциальной схоластической школой". – Совсем нет! По отношению к мировой науке советские экономисты находятся в исключительно выгодных условиях - внутри первой в мире социалистической экономики и могут быть первооткрывателями на этом, до сих пор малоизвестном материке. Только им надо правильно понять свои возможности и задачи.

"Ученый в наших условиях не может писать полной и открытой правды в официальных изданиях". – Да, таковы неблагоприятные объективные условия работы исследователей нашей экономики. К этим обстоятельствам

надо, с одной стороны, приспособливаться (используя самоцензуру и эзопов язык), а с другой стороны, их преодолевать, не отказываясь от частного общения, устных обсуждений, частной переписки, Самиздата и даже Тамиздата. Тем более, что цензурные ограничения накладываются, главным образом, не на объективные результаты исследований, а на производимые из этих исследований выводы, т.е. на второстепенную с точки зрения самой науки продукцию. А ведь следует самим себе признаться: зачастую мы озабочены не тем, чтобы опубликовать действительно новые результаты, а пропихнуть через цензуру "крамольные мысли". В этом, нет, конечно, ничего плохого, но и полезного – мало.

Наконец, последнее: упрек экономистам и вообще "рациональной интеллигенции" – в "невольном антипатриотизме". Трудно возразить этому упреку. Действительно, если верить, что хозяйство США рациональнее нашего, и мечтать только о том, чтобы быстрее "враз достичь у себя американской рациональности", то такая "бесплодная и смешная позиция" (слова автора), действительно, способна привести к антипатриотизму.

К сожалению, такой "невольный антипатриотизм" был и остается очень типичным для русских интеллигентов. Это почти банальный тип поведения: понимать, что твоя страна отстала от Запада, жаловаться на судьбу, что родился "не здесь", обращаться к царю или вождям страны с советами и просьбами переделать эту страну по "лучшим" (т.е. западным) меркам. Налицо почти врожденная уверенность в том, что в стране можно переделать все и сразу, почти безусловная вера в неограниченные возможности властей, в их всемогущество, у русских интеллигентов чуть ли не в крови.

Однако реальное общество совсем не желает быстро меняться по логически рассчитанным путям. Возможно, и даже наверняка, что русское общество движется к тем же самым "западным порядкам", но своим собственным историческим (а не логическим) путем. Оно не

только не желает, а просто не может меняться логически, а не исторически, как бы этого ни требовала радикальная интеллигенция или радикальные власти.

Конечно, жалобы и сетования "антипатриотической интеллигенции" – смешны и бесплодны: жаловаться на страну, не принимающую логических советов, в то время как эта самая страна движется к тем же самым принципам, но своим собственным, историческим путем, пусть он и будет более медленный и извилистым, но зато более надежный и естественный.

Конечно, возможна и другая позиция для интеллигенции. Для патриотов в стране есть дело. Мало того, только патриотическая настроенность, например, экономистов, и может помочь им в преодолении тех безобразных условий, в которых находится наша экономическая наука, только такая настроенность и даст им силы работать, несмотря ни на что, и выполнить свои жизненные задачи.

Именно патриотическое внимание к собственным возможностям страны и ее хозяйства заставит экономиста сосредоточиться на главном: на экономическом исследовании. И, напротив, самые новейшие средства и рациональные принципы, усвоенные интеллигенцией с Запада с первоначальной задумкой о радикальной перестройке общества на прогрессивный образец, могут быть столь же радикально использованы властями для консервации "статус-кво" и торможения естественного общественного развития. Вспомните, как использовал Петр I западную технологию для закрепления крепостничества, или вспомните водородную бомбу "отца народов".

Думаю, что такую же двойственную роль могут играть и отмеченные автором математические методы в экономическом планировании и управлении. С одной стороны, они служат доказательством рациональности рынка или принципов экономической реформы (роль щита), а, с другой стороны, их пытаются использовать для упрочения

роли централизованного планирования, под флагом его улучшения, кибернетизации и автоматизации (АСУ – "чьи проблемы") и т.д. Чем дальше, тем больше математика становится очередным козырем сторонников административного планирования: "не получается вручную, осуществим с помощью ЭВМ"». А до тех пор пока АСУ-чьи проблемы не провалились полностью, с экономической реформой можно подождать... А там еще какой-нибудь радикальный ученый появится с очередным проектом, можно будет и его утопии попробовать, а с реформой еще подождать...

Оно, конечно, сколько бы веревочке ни виться, а реформы все равно не избежать (если не хотеть заполучить вместо реформы революцию). Но ведь силы общества тратятся на АСУ-чьи пустяки, время идет, и мы и вправду бунта дождемся...

Мне кажется, что тема отношений советской (а раньше – русской) интеллигенции и заманчиво-передового Запада должна быть поставлена более широко, чем у автора, и не ограничиваться только областью экономики.

Непонятым образом, но Запад как бы консервирует отсталые порядки в соседних странах. Не кажется ли Вам странным этот тезис? Странным и чудовищным? – Но я совсем не имею в виду у Запада каких-либо "злых побуждений" или "подрывных действий". Я имею в виду – только сам факт его существования, как "рационального и благополучного общественного образца". Только самим фактом своего существования он привлекает сердца интеллигентов в соседних странах, превращает их в "западников" и даже "антипатриотов" и толкает их на радикальную перестройку своего отсталого отечества. Для радикальной же перестройки общества необходима большая сила у общественной власти. И вот, для того, чтобы перестроить отсталое общество по передовым образцам – укрепляется власть самодержавной революции или, проще, революционного самодержавия и во имя прогресса

задавливаются все естественные и независимые от властей общественные процессы. Но таким образом укрепляется и консервируется основной источник отсталости этой страны – господство самодержавия, отсутствие у населения демократических и самодеятельных традиций.

Что там говорить об этом, если даже в обсуждаемой статье автор высказывает недовольство – не тиранией власти, а именно "безвластием", т.е. неспособностью властей быстро и радикально осуществить экономическую реформу и демократизацию страны. На деле же такому слабосилию властей следует радоваться, как косвенному признаку силы общества, которому власти уже не могут навязать что-либо против его воли. Разве можно радоваться свободе и демократии, если они будут "дарованы сверху", а не "завоеваны снизу" (я имею в виду не бунты низов, а осознанные и лояльные гражданские движения, примером которых послужило "Движение в защиту прав человека"). Разве может "дарованная свобода и демократия" быть устойчивой, традиционной, дорогой большинству членов общества, и не превращаться в свою противоположность: анархию и бунт? Разве нет смысла в словах: "Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой"? Интеллигенция часто использует эти слова-лозунг, но действует на деле вопреки им: навязывает и навязывает обществу "рациональную жизнь и свободу", хотя большинство членов этого общества еще явно не достойны предлагаемых им даров. В результате же таких действий радикальной западнической интеллигенции – затормаживаются реальные и естественные процессы общественного развития, которые одни способны на деле раскрепостить наше общество, сделать его способным к свободе и самодеятельности, т.е. создать устойчивые западные традиции.

Но влияние Запада не ограничивается созданием радикальной и "антипатриотической" западнической интеллигенции. Другую часть интеллигенции, неспособную к радикальным или революционным действиям, Запад

сманивает просто в физическом смысле: в эмиграцию. Но тем самым страна "освобождается" от самодетельного, творческого и свободного элемента. Не было бы Запада, эти люди остались бы на Родине и на родине "шли бы каждый день в бой» за жизнь и свободу. Лично их судьба была бы хуже, возможно, им пришлось бы больше страдать, меньше сделать для мировой науки и прогресса. Но для самой отсталой страны, своего отечества, они, несомненно, принесли бы больше пользы дома, а не на чужбине – примером своей жизни, своих требований и влияния. Вред от эмиграции (не для самих людей и не для мира, а для страны) – бесспорен. И в этом – вторая сторона тормозящего влияния Запада на развитие соседних с ним отсталых стран.

Третью часть интеллигенции, которая не может отрешиться от естественного патриотизма (обычно мы употребляем для характеристики ее умопостроений – славянофильство, хотя оно вполне применимо не только к славянам), ложная гордость заставляет выискивать в своей стране оригинальность развития – в противопоставление Западу. При этом все естественные явления и тенденции общественного развития, аналогичные западным, такой славянофильствующей интеллигенцией отвергаются с порога, как заимствованные, не патриотичные, и, напротив, все сугубо традиционные ("лишь бы не западные") явления и традиции – приветствуются (не исключая, конечно, и нашей главной специфики – твердой, отечески-самодержавной власти). Этой частью интеллигенции, "ушибленной примером Запада", отсталость страны культивируется уже в чистом виде.

Таким образом, пример Запада раскалывает интеллигенцию соседних отсталых стран на своих сторонников и противников, но действия и тех, и других парадоксальным образом содействуют сохранению и упрочению отсталости страны.

Столь же негативное влияние оказывает Запад фактом своего существования и на власти, делая их или радикальными реформаторами-диктаторами или упорными консерваторами,

ревниво оберегающими страну от "тлетворного влияния капиталистического Запада". Мало того, существование Запада позволяет властям постоянно укреплять свою власть, пользуясь всеми достижениями западной технологии. Не было бы саморазвивающегося Запада, в тоталитарной стране не существовал бы технический прогресс, поскольку последний невозможно планировать и учитывать. Сегодня же можно безнаказанно и бесплатно копировать чужие достижения с помощью планов "внедрения научно-технического прогресса", можно закупать новейшие машины и технологию, можно копировать в своих хозяйственных планах те отраслевые сдвиги, экономичность которых уже продемонстрирована в западных странах под флагом устранения "выявившихся хозяйственных диспропорций" и т.д. и т.п., обеспечивая регулярный рост производительности труда и валового национального продукта, но..., правда, с определенным отставанием от копируемого Запада. Можно стараться еще больше в своих усилиях догнать Запад, укреплять главные средства этого копирования, "догоняния": жесткое планирование, контроль и "управляемость" сверху. На этом пути можно добиваться определенных успехов, сокращая временной лаг отставания от Запада и даже вырываясь на каких-то участках предвидимого прогресса вперед (как это было с советскими космическими достижениями). Но нельзя избежать главного: самого факта отставания! Его нельзя избежать, потому что весь "прогресс" планируемой, централизованной экономики построен на копировании достижений Запада. Само желание властей "Догнать Запад" вызывает у них потребность в еще большей централизации и усилении своей власти для целей "догнания", а эти процессы приводят к противоположному эффекту: отсталости, зависимости от достижений Запада, подавлению самостоятельности и свободы своего собственного населения – основного источника самостоятельного прогресса в любой стране.

Все вышеописанное можно назвать феноменом рокового западного влияния: желание интеллигенции и властей отсталых стран догнать Запад приводит к укреплению их экономической и социальной отсталости. Примеров этому сколько угодно. Мне кажется, что почти единственное исключение – Япония – только потому и смогла быстро "догнать Запад", что всегда была далека от Запада, держалась политики закрытых дверей сначала (до революции Мейдзи), а потом смогла удержаться на спасительной позиции использования западных достижений лишь на базе собственного социально-экономического развития (и без особых катаклизмов), если не считать военное поражение 1945 г.

Но как же бороться с феноменом западного влияния? - "Закрывать Америку?" – Не в наших силах! Запад существует независимо от нас и существует как пример лучшего общественного устройства.

Ну и Бог с ним. Почему мы должны завидовать ему, тосковать о его порядках? Почему бы нам не работать над своими собственными проблемами? Почему бы нам не пойти по пути Японии в смысле уважения к себе самим? – Улучшать свою собственную систему, экономику и общество, и лишь по ходу этой естественной и патриотической работы использовать пример и достижения Запада. Только при таком "японском" самоуважении роковой эффект западного влияния может стать положительным фактором развития страны.

Обсудим теперь с точки зрения "рокового западного влияния" позицию современных советских диссидентов (выраженной, например, в действиях ак. Сахарова А.Д.). Они не только требуют коренных изменений в стране, демократизации и свобод, но и прямо обращаются к западному общественному мнению, а косвенно – к западным влиятельным кругам с призывами оказать влияние на руководство страной и заставить провести его желательные перемены в стране.

Предосудительность такой позиции внешне не требует доказательств. Действительно, у диссидентов прекрасная цель: права человека на свободу слова, печати, организаций, эмиграции. Трудно найти человека, который был бы категорически против этого. Однако такое единодушие обманчиво. На деле большинство членов нашего общества не возражали бы против полного осуществления требований диссидентов, только потому, что они не знают, не представляют всех последствий осуществления этих прекрасных требований. А если бы они знали и представляли, что в лучшем случае – это минусы западной капиталистической, эгоистической и потребительской цивилизации, а в худшем и более вероятном случае – минусы революционной анархии и гражданской смуты, то воздержались бы от поддержки требований прав человека. Или были бы против выполнения этих требований, как против этого сегодняшние власти.

Требования диссидентов станут выполнимыми, только когда большинство членов общества будет реально смотреть на вещи и будет готово принять вместе со свободами и новые условия свободной жизни: жесткий ритм рациональной работы, угрозы безработицы и инфляции, равенства всех перед равнодушным законом, рост одиночества и ослабление всех форм социального и группового контроля, рост моральной вседозволенности и т.д. и т.п. Мало того, это большинство должно очень любить эти "свободные порядки" и готово с оружием в руках отстаивать их против любых попыток вернуться к диктатуре. Ведь только в такой, почти врожденной привязанности англичан и американцев, и коренится источник стабильности демократических форм правления в Англии и США. Т.е. свободы и демократии большинство наших сограждан будут достойны только тогда, когда они будут способны "каждый день идти за них на бой!", т.е. когда все станут участвовать, например, в "Движении в защиту прав", станут диссидентами, готовыми пожертвовать

своим материальным положением, свободой и жизнью ради осуществления своих прав человека.

Пока таких людей очень мало, а движение в защиту прав даже при самой буйной фантазии нельзя назвать массовым (для сравнения можно вспомнить хотя бы движение чартизма в Англии XIX века, когда под петициями о демократизации парламента подписывались миллионы людей).

Однако все доводы против наших диссидентов были бы оправданными, если бы они домогались перед властями и Западом – неперменной свободы для всех наших граждан. На деле все обстоит по-другому. Диссиденты добиваются осуществления этих прав и свобод только для себя самих и своих товарищей. Только для себя, осуществляющих явочным порядком свободу мысли (Самиздат), слова – интервью западным корреспондентам, организации (Комитет защиты прав человека), эмиграции (выезд в Израиль), и для своих товарищей, попавших в лагерь и тюрьмы за осуществление этих прав.

Несомненно, сами диссиденты нуждаются в правах человека. Это они доказывают делом. И такая свобода – только для диссидентов – должна быть им предоставлена. Но как может власть отличить диссидента, которому свобода, действительно, является необходимым условием полезной и лояльной жизнедеятельности – от своего традиционного подданного, для которого свобода может послужить лишь средством анархистского высвобождения и бунта? Наверное, только следуя критерию практики: только те, кто готов терпеть известные материальные лишения ради достижения определенных свобод (например, ценою потерь перспектив карьеры за участие в Самиздате), кто готов платить за свои права, тот и должен ими пользоваться. Именно этого следует добиваться от властей и именно на такие условия власти могут пойти быстрее всего. Потому что такой торговый принцип наиболее справедлив: как для самих диссидентов, так и для остальных сограждан, которым "отеческая строгость властей",

не исключая и репрессии, является вполне терпимой чертой существующего общественного устройства, в целом их вполне устраивающего. Конечно, при этом сами диссиденты будут неизбежно недовольны обрушивающимися на них материальными притеснениями, а ревнители "твердой власти", жаждущие расстрелов для "смутьянов", - будут недовольны чересчур мягкими мерами к диссидентам, их "безнаказанностью". Но, в целом, возможен такой неидеальный, но реальный компромисс.

Речь идет только о малом: Как добиться такого компромисса? Как добиться того, чтобы власти признали права диссидентов и перешли от жестких судебных приговоров к более удобным, милосердным административным и материальным преследованиям?

Рассмотрим несколько возможных моделей действий диссидентов в борьбе за осуществление своих прав:

1) Могут ли диссиденты обращаться с этими требованиями и просьбами к правительству? – Конечно, могут! Такой путь действий вполне в духе традиций нашего государства, где подданные обращаются с челобитными к начальству, а начальство – милует подчиненных. Этот путь был испытан в 1968 году, и с тех пор используется лишь эпизодически.

2) Могут ли диссиденты обращаться за поддержкой к народу? – Язык поворачивается на ответ: "Да, могут". Но, во-первых, ответ нынешнего народа на такое обращение будет отрицательным (наверняка). Во-вторых, такое обращение будет нарушать существующие писанные и неписанные законы нашего общества и приравняться к гораздо более серьезным преступлениям (антисоветская агитация, пропаганда, организации и пр.), чем осуществление каждым своих личных прав.

В современных условиях "обращаться к народу" преступно с точки зрения существующего законодательства и бессмысленно с точки зрения достигаемой цели.

3) Наконец, могут ли диссиденты обращаться за поддержкой к мировому общественному мнению, к ООН (короче, к Западу)? Так, как они это делали до сих пор. И добивались определенных успехов (если судить по эмиграции евреев, по ограниченному количеству судов над самиздатчиками и т.д.). Разберем подробнее логику действующих при этом интересов:

а) Наше правительство существенно заинтересовано в развитии торговых, военных, технических и пр. контактов с Западом, как естественным союзником против Китая.

б) Западные правительства заинтересованы в существовании советских диссидентов, как наиболее искренних и твердых своих друзей в советском мире. Наличие в советском обществе оппозиционных сил сближает его с Западом и укрепляет намечающимся союз. Поэтому западные деятели готовы оказывать воздействие на советские правительство, но в рамках возможных приличий. Ведь, с одной стороны, все дела о диссидентах являются внутренним делом Советского Союза и потому не подлежат дипломатическому обсуждению. А с другой стороны, СССР ратифицировал Декларацию прав человека и поэтому должен выполнять ее, т.е. в отношении прав своих граждан обладает лишь ограниченным суверенитетом (если верить разъяснениям В.Н.Чалидзе). Во всяком случае, советы и рекомендации по поводу выполнения Декларации прав человека СССР должны хотя бы выслушивать. Тем более что позиция западных правительств в деле антикитайского сближения во многом зависит от западного общественного мнения или даже определяется им, что вынуждает советских руководителей прислушиваться к требованиям своих диссидентов, когда они выражены западными органами информации и руководителями.

в) Для наших властей внутренние диссиденты представляются сущей безделицей по сравнению со значительностью западных партнеров. Поэтому они легко могли бы пойти навстречу пожеланиям этих партнеров в

отношении безопасности диссидентов, если бы не сам факт "вмешательства в наши внутренние дела с нашими диссидентами" (впрочем, это дело привычки). Факт заключается в том, что наши власти все же на такое "нарушение своих прав" идут, а главное, стараются не создавать больше аналогичных прецедентов, урезав судебные преследования, заменив их административными. Но ведь именно этот результат и нужно было достигнуть! (Конечно, по отношению к узкому и известному на Западе кругу диссидентов – в неизвестной миру провинции суды могут идти по-прежнему).

г) Сами диссиденты становятся невольным фактором мировой политики. Возьмем пример А.Д.Сахарова. Его призыв к Западу – не принимать разрядки напряженности на условиях Советского Союза и его недоверчивая оценка возможной агрессивности Китая, конечно же, повлияли не в сторону СССР при выборе западными странами между Китаем и СССР.

Это, конечно, крайний случай. Однако всяческое недоразумение с нашими диссидентами, дошедшее до обсуждения на высшем уровне – работает на пользу Китаю, по крайней мере, его пропаганде.

Налицо, казалось бы, противоречие: защищая свободы и права человека внутри страны, диссиденты, по-видимому, играют антинациональную международную политику. Однако в конечном счете и реально, именно Китай проигрывает от укрепления советских диссидентов и от усиления в СССР тенденций, делающих его западной страной в полном смысле этого слова, потому что вместе с этим будет крепнуть и идейная близость Запада и Советского Союза, близость, про которую со временем можно будет сказать: нерасторжимая.

д) Конец 60-х – начало 70-х годов – рождение открытой оппозиции в СССР означает начало эпохи приобщения, присоединения СССР к Западу. Поэтому тесное взаимодействие советских диссидентов с Западом, с его печатью и общественным мнением – только предваряет

будущее свободное сожительство СССР и стран Европы – без виз и границ, будущие национальные интересы СССР.

Перейдем теперь к обсуждению второй, основной части статьи, давшей ей название "Мое отношение к религии". Первая часть статьи была как бы вступлением к ней, как бы картиной глухого времени (а, согласно марксистскому тезису, "в глухие времена всегда появляется интерес к религии").

Ответы на все вопросы "глухого времени" автор пытается получить в религиозных поисках, в которых люди всегда пытались найти ответы на самые главные и основные мучительные для них проблемы.

Для автора Бог – это то, что "заставляет меня искать последний смысл всех усилий и всего, что меня окружает, некая конечная инстанция, которая отличает добро от зла, достойное от недостойного в самой глубине моего духа" (стр.14 – ссылка на С.Л.Франка). И еще: "Если я не хочу, чтобы моя воля была игрушкой случая, безотчетного и безответного произвола, я должен чутко вслушиваться в глубины своей души, чтобы понять, в чем же состоит моя Воля. Но "центр моей воли" – это и есть Бог. Кто еще, кроме моей собственной глубины, скажет мне, какова воля Бога, или какова моя истинная воля?" (стр.16).

Автор ощущает в себе стремление к постижению этого Бога, т.е. бесконечного смысла своего бытия, но в то же время не может перевести эти поиски в традиционное религиозное русло, не может "актуализировать для себя понятие Бог, т.е. поверить в него, серьезно представить себе его действительное, реальное существование, как всеведущей, всемогущей и пр. и пр. духовной силы.

Автор понимает, что основа любой религии – безусловная вера, а основа веры в Бога – сам факт веры. Но, тем не менее, пытается обойти эту непреложность. Для тех, кто не получил "религиозного воспитания" и опыта, кто хотел бы, но не может верить в Бога, он предлагает "конструировать Бога" ("выращивать его"), "собирая мед со всех цветов духа,

которые годятся для этого: "религиозные учения, рационалистические, мистические, йога и т.д...."

Кстати, обосновывая необходимость понятия Бог, автор указывает на несводимость нашей духовной жизни лишь к разуму. "Нельзя сказать, что у всех, но у большинства людей различие хорошего и плохого, достойного и недостойного в своих последних глубинах связано с неким мистическим ореолом" (таким образом, Бог является первоисточником этических решений – этот тезис автор как бы повторяет вслед за Кантом).

Далее автор выдвигает почти вульгарно-материалистическую (на мой взгляд) точку зрения, что "имеется некоторая область мозга или область его состояний, которая у большинства людей обычно не связана с сознанием и в некотором смысле не актуализируется, однако ее влияние на смысловую и оценивающую деятельность психики является определяющим. Эту область можно условно назвать смысловой или мистической областью" (стр.18). Путем психических упражнений и усилий человек как бы проникает в эту область обитания Бога, что, по мысли автора, "наделяет психику этого человека массой чрезвычайно важных качеств". Именно в этом и состоит смысл веры в Бога, т.е. в проникновении человека в мистическую и парапсихологическую область своего мозга.

Однако, утверждает автор, религиозность не исключает у людей фанатизма, нетерпимости и злых целей, когда сталкиваются конфликтующие религиозные концепции. Выход автор находит в построении рациональной концепции мира, общества и духа, равно основанном как на опыте различных религий, так и на данных науки, как на истинах откровений, так и на концепциях "совершенствования реального мира". Такая рациональная система принципов, конечно, должна испытываться практически. В результате накопления исторического опыта и осмысления его (автор в это верит), можно будет произвести отбор оправдавшихся элементов религии и их направлений и синтеза их в одну

рациональную религиозную систему, доступную даже современным людям атеистического воспитания. – Вот главная нить этой части статьи.

Покончив с этим поневоле огрубляющим реферированием, подведем итоги: начав с пессимистического взгляда на нашу современную жизнь и науку, автор пришел к идее о плодотворности "конструирования веры в Бога" из различных учений, подразумевая под Богом высшие духовные цели и потенции каждого человека.

Непонятно только, зачем эти Высшие человеческие потенции называть Богом. Ведь если подходить серьезно, то придется признать множество Богов – по числу живущих людей, надо признать смерть Богов – вместе со смертью людей, смерть и рождение по воле родителей... Чем это лучше обычного материалистического представления о бесконечно сложных и глубоких способностях и возможностях человеческого разума, человеческой души...

Мне хочется отметить без одобрения свойство, присущее не только автору: везде, где предмет исследования, познания совпадает с подлинно неизвестным (навсегда!), неизвестным до конца, в силу бесконечной сложности этого предмета, предпринимаются попытки обозначить этот предмет словом Бог и этим перевести разговор из научной в богословскую сферу. Таким образом, понятие Бог – это только синоним Бесконечного, Неизвестного, но не в научной, а в религиозной терминологии.

Когда точное и довольно глубоко разработанное математическое понятие "бесконечного" отбрасывается в угоду древнему, темному, полному противоречивых верований слову Бог, то можно понять отчаяние "умных математиков, хватающихся за револьверы при слове "Бог", вылетающему из уст других математиков» (стр.16). – Реакция вполне естественная, реакция негодования против предателя всего научного сословия. Ибо такой заменой понятий и знаменуется отказ от науки и переход к теологии. Ибо для ученых главное – это исследовать, а не морально

совершенствоваться, молиться и психологически тренироваться. Конечно, любой человек может совмещать в себе различные стороны бытия: с одной стороны, быть хорошим ученым, исследователем бесконечного мира внешнего и внутреннего, абстрактно-математического и природно-материального и исследовать этот мир именно научными методами, с помощью всего накопленного наукой опыта (в число основных положений которого входит и лапласовский тезис: "Гипотеза Бога мне не нужна"), - а, с другой стороны, можно вместе с тем быть глубоко верующим человеком в личной жизни, - благодаря семейному религиозному воспитанию или из-за личной предрасположенности к какому-либо виду мистицизма. Пример последней мы видим у самого автора, имея в виду его веру в мистическую область человеческого мозга. И понятно, что эта вера заставляет автора искать пути раскрытия, усиления мистических способностей как у себя самого, так и других людей: такова специфика его душевной организации. Но зачем сюда примешивать науку с ее совершенно иными, нерелигиозными методами и терминами, зачем пытаться их объединить? – Это для меня непонятно! И кажется крайне нерациональным.

Еще я не понимаю, зачем нужно стремиться к объединению разных верований, к унификации религиозных точек зрения. Не понимаю даже, зачем об этом надо мечтать. Надеюсь, что в далеком будущем будет столько религиозных и мировоззренческих точек зрения, сколько людей. И, конечно, равноправными участниками этого "всечеловеческого собрания религий и идеологий", будет атеистическая точка зрения, атеистическая вера.

Сегодня часто отмечается тяга отказа от атеистических убеждений, перехода к религии, в основном, к православию. Вполне понятный процесс: ведь у нас атеизм признан официальной доктриной, и потому с ним связано представление о несвободной, навязанной и лживой идеологии, от которой надо освободиться при самом удобном

случае. И современная ситуация некоторого "послабления" дает людям такую возможность. И, конечно, если представить себе, что существующий пресс официальной идеологии совсем исчезнет, то множество людей придут к вере в Бога, как к своему естественному состоянию. Но я убежден, что много людей (если не большинство) останется атеистами. И уж, во всяком случае, атеистом (материалистом) останусь я сам.

Материалистический атеизм – это цельная система взглядов и характеризуется верой в определенную картину мира, нарисованную той или иной научной школой. Только настоящая наука не выдает обычно свои образы мира – за окончательные и всеобщие, а материалистическая философия (вера) как раз этим и занимается: превращает научные картины в окончательную и всеобщую истину, в символ веры.

Конечно, материалистическая вера имеет массу недостатков. Это тяжелая вера, под силу лишь сильным людям. Она не дает утешения, не дает уверенности в личном бессмертии души, она не позволяет снимать тяжесть с души – молитвой, покаянием и всей религиозной обрядностью, в которой накоплен психологический опыт тысячелетий, значение которого странно было бы отрицать (как пользу воскресного отдыха, хорового пения, исповедания, обрядов венчания и отпевания и т.д. и т.п.). Возможно, в будущем материалистическая вера и будет усовершенствована, станет более психологичной и менее суровой. Возможно.

Однако какой бы плохой ни была эта вера в настоящем ее виде, она обладает одним, но беспорным доказательством своего права на существование: ее исповедуют миллионы людей. И думаю, что в будущем число ее приверженцев станет еще больше: ведь фактически это вера в науку, а кто может предсказать, когда наука перестанет пользоваться растущим общественным уважением? И пока детей воспитывают в уважении к науке, будет существовать и почва для ее обожествления для атеизма. Даже автор, внутренне склонный к мистицизму, не может отрешиться от своего уважения к

научной картине мира, не может поверить в Бога. И я не понимаю, зачем ему нужно мучиться, придумывать сложнейшие переходы для "конструирования" веры в Бога, зачем ему отказываться от своей научной безбожной веры. Разве уже доказано, что атеизм плох? Что он безнравственен, противоречит твердым этическим устоям? и т.д. – разве это доказано? Автору следовало бы прежде заняться этими доказательствами, прежде чем решаться на такой титанический труд, как кардинальную смену своих религиозных воззрений (и советовать это другим).

В нашем мире слишком много важных и неотложных задач, чтобы решаться на роскошь невынужденной смены собственной веры, всего того угла зрения, под которым каждый из нас смотрит на бесконечный и мало известный мир.

В последнее время я часто слышу жалобы такого рода: "Очень нравится православие, или христианство в целом, или просто религия, но, к сожалению, не могу поверить в Бога". При этих словах у меня, конечно, не тянется рука к револьверу, как у отчаявшегося математика, но странно слышать эти слова и горько: люди пытаются отказаться от собственной веры – от самых себя, фактически – и не могут! В моем представлении, вера человека – это самая его суть, мировоззренческая основа на уровне подсознания, изменение которой равносильно катастрофе, смерти и рождению личности.

Человека, конечно, может постичь такая катастрофа, такое резкое изменение всех жизненных воззрений. Он может "разувериться и проклясть" Бога или, напротив, "уверовать и покаяться". Но стремиться самому к такому излому, намеренно вызывать катастрофу, по расчету, или из-за моды, или из-за привлекательности религиозных обрядов и морали – мне кажется близким к лицемерию и самоедству, кощунством над самой верой; над жизненным достоинством, в конце концов, которое диктует каждому из нас не насиловать свою собственную веру, а укреплять ее, разрабатывать и обогащать свое видение мира, свой угол зрения, стараясь не пасовать

перед трудностями бесконечной неизвестности, а преодолевать их своими объяснениями, переваривать в свой духовный опыт, включать в богатство освоенного знания.

И мне хочется советовать: не надо шараться в крайностях веры, не надо устраивать в себе духовных революций, будьте достойны самих себя и своей веры. И если вам, как и мне, досталась от родителей или от кого-то еще материалистическая и атеистическая вера – стойте на ней, как на твердой основе, и двигайтесь вперед и в самопознании, и в познании внешнего мира и общества. Такая твердость в собственной вере не исключает, а предполагает уважение и ко всем другим мировоззрениям, в том числе и религиозным, и даже возможно использование их элементов ("собираение всевозможных цветов духа"). Если быть непредвзятыми людьми, то различие углов зрения на единый мир, вызванное различием верований, не может привести к существенным противоречиям или даже взаимоотрицательности в результатах и действиях. А с другой стороны, о какой терпимости к чужим верованиям можно говорить, когда люди проявляют нетерпимость и неуважение к своей собственной вере и стараются от нее избавиться?

4.2. «История не суд, а воскрешение» (реферат-рецензия книги Фёдорова Н.Ф. « Философия общего дела», 1906г.)

Федоров Николай Федорович (1828-15.12.1903)-русский религиозный мыслитель-утопист... Был учителем в провинции, затем библиотекарем Румянцевского музея (1874-96). Ведя аскетическую жизнь, считая грехом всяческую собственность, хотя бы на идеи и книги, Федоров почти ничего при жизни не опубликовал... Идеи Ф., почти неизвестные при его жизни, вызывали, однако, особый интерес у таких людей, как В.С.Соловьев, Л.Н.Толстой,

Ф.М.Достоевский (к Ф. восходит замысел "Братьев Карамазовых").

Ф. воплотил в себе противоречия русской утопической мысли. В центральной у Ф. идее преодоления смерти и всеобщего спасения соединились подспудные течения в русском крестьянстве, связанные с радикальным антицерковным сектантством, и наивная беспредельная вера шестидесятника - разночинца в спасающую силу техники... Подобно славянофилам Ф. видит в патриархальности России залог ее особой исторической миссии: Россия начнет дело всемирного воскрешения. Фантастич. концепция самодержавия Моск. Руси (царь-заместитель Бога-отца) у Ф. - доведенное до абсурда славянофильство и почвенничество. Ф.- враг всяких личных привилегий как источника вражды и обособления, всех формально - гражданских отношении, как неродственных и, след., злых; враг города (этой "совокупности небратских состояний"). Культ предков - "всемирный культ всех отцов" - единственная основа религии (см. "Философия общего дела. т. I, с. 46). Ф. считал необходимым создать центры, которые изучали бы научно-технические приёмы... "управления всеми молекулами и атомами внешнего мира так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, т.е. сложить в тела отцов..." (там же, с. 442), а также организовать "трудовые армии" и направить их на дело воскрешения... При этом Ф. надеялся связать теургию (богодействие) и технологию. Проект "научно-позитивного воскрешения" противостоит и "нечувствию правды смерти" - гл. греху всей культуры, и "надеждам на сверхъестественное воскресение". Исходная точка программы Ф. - обратить вспять основную ложную направленность человека к рождению детей, ведущую к дурной множественности и дурной бесконечности. Дети, получая жизнь от отцов, обязаны, в свою очередь, воскресить, "родить" своих отцов. Таким путем будет побеждена смерть, подчинение человеком себя слепой, разлагающей силе природы. Человечество обратит природу в орудие всеобщего воскрешения, и станет союзом бессмертных существ,

"церковью воскресших", создав земной рай в масштабе Вселенной. В оценке Ф. в филос. литературе существует разноречивая. Кроме федоровцев, о нем писали только философы религ. церк. направления... Ныне распространяющаяся за рубежом версия... гласит о близости "титанических упований" Ф. к сов. пафосу борьбы с природой, овладению космосом; отмечается связь филос. идей К. Э. Циолковского с идеями Ф. " "Философская энциклопедия", М., 1970г.

Выписанная выше почти полностью статья Д. Ляликова - сегодня, видимо, единственный доступным нам источник сведений о Н.Ф. Федорове. Приведенный в ней список литературы (почти сплошь дореволюционной или зарубежной) практически недоступен, как и труды самого Федорова. А между тем интерес к его личности и учению очень велик. От своих знаковых я многократно слышал полулегендарные рассказы и о нем самом (необычайное бессеребренничество, необычайная самостоятельность, необычайная прозорливость и т. п.) и о его парадоксальных взглядах ("Как же можно реально воскрешать предков?")

Для меня Федоровские проекты стали особенно интересны, после того как окончательно запутался в попытках уяснить самому себе: "Зачем мы тратим силы на дневники и диафильмы?" Впрочем, не совсем так - подспудно уже рождался ответ: "Мы фиксируем свою и близкую нам жизнь, как летопись, для будущего человеческого архива." И Федоров оказывается очень нужным для обоснования этого ответа.

Мы знаем, что сегодня можем быть интересными лишь для своих личных знакомых, что наши диафильмы и дневники - лишь замена устных рассказов в общении с друзьями. Однако в глубине души чувствуем, что значение их более важно. Ведь потенциально, эта бумага и эта пленка - практически бессмертны. Мы умрем, конечно, а диафильмы-дневники могут быть и жить вечно. Осознать цель этого возможного бессмертия и сделать осмысленным с общей,

философской точки зрения собственное дело - не поможет ли здесь Федоров с его Проектами?

Единственным выходом стало обращение к трудам самого Федорова. Мне посчастливилось прочесть первый, главный том его трудов, изданный под редакцией В.А.Кожевникова и Н. И. Петерсона - "Философия общего дела" (статьи, мысли и письма Н.Ф. Федорова)", г. Верный, 1906г. и с грифом - "Не для продажи".

При чтении же оказалась крайне интересной и другая, побочная тема: "Н.Ф. Федоров, как православная предтеча большевизма". Невозможно было остановиться от обширных выписок и на эту тему, невозможно было удержаться от передачи их знакомым - взамен очередного дневника. Так появился этот конспект и его обсуждение. Ниже я попытаюсь воскресить взгляды Н.Ф. Федорова, а потом обсудить их. (Цитаты из Фёдорова закурсивлены мною - Л.Т., 2016г.).

Часть 1. Воскрешение

Я долго не мог начать свое изложение. Несомненно, у Федорова есть система, но изложена она в его записках (направленных, как правило, "к ученым от неученых") так нерасчлененно, что не знаешь, с чего начать. Трудно говорить о какой-либо стороне этого учения, не затрагивая в нем всего остального. Поэтому лучше начать с духовного облика самого Федорова, как он был увиден мною в этой книге.

Чистота и верность Я бы даже определил: детская чистота и безоглядная верность, не найдя более превосходных степеней для определения этих качеств. Именно высокой моральной чистотой вызвана критика Федоровым капиталистического Запада, именно верностью России вызвана его беспрецедентная защита славянской общинности, православия, самодержавия. Высокий накал чувств вызывает столь непримиримые оценки, столь резкое целение мира на черное и белое, на злое и доброе, на Запад с его "органическим" строем общества, построенным на разделении

людей и их труда, и на Россию, дающей в зародыше общество по типу "нераздельной и неслиянной св.Троицы".

В обществе по типу организма одни, так сказать, имеют право производить исследования, а другие могут только читать на досуге или же слушать популярное изложение этих исследований. Для рабочего, исполнявшего роль руки в течение 6-ти дней, голова - точно шляпа, которую он надевает по праздникам... Не напоминает ли это кастовое устройство, при котором одни могли читать и толковать, другие только толковать, третьи только слушать и т.д. Конечно, все это неизбежно, обойтись без этого нельзя; разве без такого разделения возможно произвести такие горы брошек, сережек и т.п. безделушек, горы, неизмеримо превосходящие пирамиды и др. сооружения древних? Откажется ли когда человек от всех этих пустяков, осуждающих его на Египетскую работу? Красивое оперение (разумею фабрикацию хлопчатобумажных и др. тканей), развиваемое в человеческом роде, как и в царстве животных, - половым подбором, обходится чрезвычайно дорого, наряды покупаются утратою взаимности...

Эти два типа общественного строя (по типу организма и по образу Троицы), один в полном расцвете, другой же в зачатке, представлены в настоящее время: первый - Англией или Западом вообще, а второй - Россией (если только Россия не окончательно еще обьевропеилась) и всеми земледельческими народами. Второй тип, как зачаток, принадлежит всем без исключения, потому что он истинно человеческий и истинно Божественный (в Боге же он полная действительность); но сохранился этот тип наиболее у отсталых, у дикарей, в захолустьях (с.262).

А вот какие эмоции возникают у Федорова при посещении промышленной выставки 1889 года:

Выставка - этот юбилей 100-летнего господства буржуазии...пробуждает аппетиты стяжания, хищения, кражи, наживы и всякого рода нечистые пожелания, она вселяет зависть, вражду в людях друг к другу, возбуждает сословие

на сословие, сынов на отцов, восстанавливая народ на народ, царство на царство, вооружая их истребительнейшими орудиями (с.509).

Промышленность происходит из животного инстинкта и обращает человека в скота, разрушает братство, вооружает сынов против отцов, культ отцов превращает в культ жен, комфорт становится целью; в этом и заключается истинный смысл промышленности, ибо человек без знания причин небратства, и даже не занимающийся этим вопросом, есть только промышленное животное (с.552).

Ненависть Федорова к буржуазии распространяется и на пролетариат (4-е сословие), как ее неизбежное дополнение. Отсюда неприязнь к социализму-коммунизму в пролетарском обликии. Перспектива социалистического переворота ему кажется буржуазной и приводит в ужас:

При господстве 4-го сословия, история, как напоминающая о предках, будет с озлоблением истребляться этими читателями исключительно настоящего, будет истребляться во всех ее видах, в виде памятников, храмов, музеев, кладбищ... Только теология, обратившись в бессознательную технику - что будет равняться атрофии практического разума - станет господствовать. Половое чувство, или похоть, создав бездетный брак, вытеснит тогда любовь и к отцам и к детям. Если это существо, которое не будут даже рожать, а будет лишь умерщвлять, достигнет искусства добывать питательные и другие сырые вещества фабричным путем... - тогда это животное-горожанин сделается самым противоестественным произведением природы... Горожанину небо не нужно. Вытеснив предков, уничтожив бездетным браком потомство, это поколение, отречься от сыновства и отечества, возненавидевшее прошедшее и будущее, сделает невозможным со стороны человека возвращение жизни предкам, - что и есть Анти-Пасха и самое великое противление воле Бога от не мертвых, а живых. Истребив огнем кладбища, разрушив, не оставив

камня на камне от храмов, назначив страшные наказания за всякое напоминание об отцах и матерях... они станут истреблять друг друга, пока не наступит день гнева (с.429).

Как созвучны эти слова с библейскими пророчествами, угрозами всяческими бедами Вавилону, первой капиталистической блуднице, отлучаемой от царства небесного! Не могу не привести еще одной угрозы, посылаемой Федоровым развратному Западу при осуществлении величайшей космической программы, Космического Проекта:

По отношению к осуществлению его получают значение такие слои человечества, которые при прежней форме жизни находились в презрении, крестьяне-пахари имеют наибольшее значение в деле небесном; для банкиров же и фабрикантов нет мест в мировой, небесной деятельности. Для села менее препятствий сделаться гражданином Вселенной. Лондоны же и Парижи из первых сделаются последними (с.293).

Конечно, с точки зрения современного позитивистски настроенного ученого последнее звучит смешно, но, конечно, православному не-ученому (но образованному) русскому человеку конца прошлого века - вполне созвучно. Именно в конце прошлого века, когда в приосвобожденную Россию хлынул капитализм, западный дух, "исконным русским людям" особенно тяжело было видеть гибель традиционной морали и уклада, а мозг их лихорадочно искал пути и рецепты спасения. И чем глубже в человеке сидела эта мораль, чем больше он верил отцовским заветам, и в благо, и истину русской общины, тем яростнее ненавидел чужеземную буржуазную новь, как смерть всего лучшего и дорогого. В этой благородной ненависти человек может стать даже смешным (ведь от великого до смешного один шаг), но не будем забывать, что великая ненависть вызвана великой любовью к погибающей старой Родине.

Я не буду выписывать федоровские тексты, которые свидетельствуют о его безграничной любви к России и старорусским формам жизни - пожалуй, тогда пришлось бы

переписывать всю книгу. Остались в памяти лишь наиболее яркие, курьезные моменты. Вот рассуждение о всемирном значении двух главных исторических центров - Константинополя (мост между Западом и Востоком) и Памира (прародина арийских народов) сопровождается воодушевленным рассказом о будущем русском влиянии на них. Повествование об успехах русского оружия в деле сбора среднеазиатских "землиц" дополняется требованием:

Но прежде чем стать царем всего Памира, нужно... стать царем монгольского Каракорума, развалины которого недавно открыты русскими учеными, и восстановить эту столицу Чингиза и его наследников в возмездие за разорение ими городов русских и нерусских (с. 354).

Великолепно звучит другое предложение: узаконить на морях "русское крейсерство" в качестве средства борьбы с буржуазной Англией и чтобы вспомнить богатырскую удаль новгородских ушкуйников и разбойников. Или проект постройки железной дороги до Индии, чтобы наделить землю угнетенных англичанами индусов. Противостояние светлой России и черного Запада приобретает у Федорова громадный, планетарный характер. Такую силу чувств, наверное, можно найти только у участников нашей гражданской войны, когда они боролись за мировую революцию и вполне реально готовились "землю в Гренаде крестьянам отдать". Но у Федорова этот накал эмоций еще выше, он приобретает характер космический, вселенский. Он даже процесс освоения космического пространства приравнивает к собиранию "сибирских землиц".

В мировой деятельности всесословный характер земледельческой общины, в коей интеллигентный класс исполняет должность наставников... найдется место как для мирного труда, так и для беззаветной отваги, удали, жажды самопожертвования, желания новизны, приключений.

Известный процент характеров с подобными наклонностями выделяет всякая община... богатырство, аскеты, казачество, беглые - ширь Русской земли способствует образованию

подобных характеров, наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига. Постепенно, веками образовавшийся предрассудок о недоступности небесного пространства не может, однако, назван изначальным. Только переворот, порвавший всякие предания, отделивший резкой гранью людей мысли от людей дела, действия, может считаться началом этого предрассудка... Если бы не были порваны традиции, то все исследования небесного пространства имели значение исследования путей, т.е. рекогносцировок, а изучение планет имело значение открытия новых "землиц", - по выражению сибирских казаков, новых миров (с.281).

Вера в действительность. Конечно, Федоров - глубоко верующий человек, православный. Православие и Россия для него нерасторжимы.

Православных философов было много в дореволюционной России. Федоров выделяется среди них своею ультраправославностью, доходящей до отрицания основ, категоричностью и непреложностью веры, цельностью, сознательным запрещением себе любых попыток осимволичить веру, ее пророчества и представления, модернизировать ее и перевести в разряд идеальных, символических рассуждений. Нет, его подход прост, как топор. Он верит по вере своей и призывает к этому всех людей.

Критикуя "Католицизм" В. Соловьева, Федоров замечает:

Веротерпимость - сочетание невозможное, потому что если есть вера, то не может быть терпимости, а если есть терпимость, то нет, следовательно, веры (с.490).

Я не могу, конечно, согласиться с этим, но понимаю правомерность подобного утверждения. Действительно, веротерпимость предполагает у каждого искреннее предположение, что иная вера может быть справедливой, т.е. некоторое сомнение в собственной вере ("может так, а может - этак"). Такой скепсис возможен и даже необходим в науке,

пытающейся своими ограниченными средствами описывать мир, постоянно сверяя свои гипотезы с реальностью. Вера же означает однозначное описание мира, с которым реальность не сравнивают, а подчиняют ей. Вера на самом деле не объясняет мир, а строит особый идеальный мир, который и накладывается на реальность (по прекрасному выражению Федорова - "как Проект").

В силу бесконечности мир может иметь бесконечное число таких объяснений - проектов, религиозных и философских концепций. Любую из них можно обосновать и согласовать с реальным миром именно из-за бесконечности последнего (как в огромном универсальном магазине можно найти все, что хочешь). Даже внутренняя противоречивость таких систем не уменьшает, а зачастую увеличивает их привлекательность и убедительность, как это случилось с диалектическими учениями Гегеля и Маркса.

С точки зрения ученого, уповающего только на реальность, все веры одинаковы по своей недоказательности, всем им одна цена и потому переход из одной веры в другую - бессмысленен. С точки зрения же верующего переход от одной веры к другой есть переход от правды к неправде и потому недопустим.

Ученое безразличие к религии можно принять за веротерпимость, но правильной его называть просто неверием. В своей науке ученый не может быть верующим. Так мне кажется. Этому никак не противоречит существование верующих ученых, они делят мир на две части: мир, доступный их науке и потому подвергаемый сомнению, и мир неизученный, где наука беспомощна, но где надо жить, действовать и потому приходится иметь веру-гипотезу. Конечно, и в науке необходимы гипотезы (хотя бы как временная вера в успешный исход эксперимента), но они подсобны, подчинены основному научному постулату: "Сомневайся во всем". Однако вся жизнь не может быть экспериментом, ибо конечный результат всей жизни узнать невозможно. Потому нужна вера.

Наука - метод исследования реальности, вера - необходимый психологический базис для деятельности, для преобразования реальности. Вера сама по себе уже требует действия. А действие в реальном бесконечном мире требует уверенности в абсолютной верности теории-Проекта. Когда говорят, что хорошая теория - самая практичная вещь, то следует добавить, что вера - еще важнее и практичнее.

Это длинное пояснение понадобилось мне для утверждения, что Федоров, будучи необычайно верующим человеком, цельным в своей вере, именно поэтому был Неученым (несмотря на свою богатейшую эрудицию и образование), и совсем не от кокетства писал свои записки "от людей неученых к ученым", а от ясного понимания кардинального различия между "людьми науки" и "людьми дела".

Именно цельность веры у Федорова породили его "Философию общего дела". Древняя православная вера, конечно, не соответствовала научной картине мира в 19 в., и поэтому многие отказывались от веры, а вот Федоров говорил: "Значит, мир должен быть переделан по православному проекту". Федоров не пошёл по уже проторенной православной традицией дороге преображения мира: отшельничеством, молитвой, духовной деятельностью. Нет, он понимал всю условность, неискренность такого Преображения. Он был слишком верующим, чтобы не избрать самый активный и достоверный путь для реального Преобразования мира, для материального воплощения православного идеала.

И еще одна важная сторона его цельной веры: он не способен отказаться не только от воспитавшего его православия, но и от научных теорий, на которых его образовывали. Они тоже вошли в его душу неотъемлемой частью.

Конечно, православие Федорова очень далеко от официального, даже по чисто богословским вопросам (чего стоит, например, введение им в обиход кроме Бог-Сына еще

Бог-Дочери), но главное различие состоит, на мой взгляд, в этом включении науки в православие. Вот одно из его характерных утверждений:

Коперник лишил нас иллюзии центрального положения Земля. Пока Земля считалась центром, мы могли быть спокойными зрителями, понимая кажущееся за действительное, истинное; но как только исчезло это убеждение, центральное положение мыслящего существа (управление космосом) стало целью, проектом (с.293).

Христианство сформировалось в эпоху господства научной системы Птолемея, и понятно, что оно больше соответствует Птолемею, чем Копернику (хотя бы по самому принципу богоизбранности, центральности людей). Понятно, что христианство сначала отрицало открытие Коперника, а потом примирилось с ним, отказавшись от притязаний на астрономию. Но этот отказ - есть частичный отказ от веры. Федоров же со своим проектом переделать Вселенную по привычной для христиан теме Птолемея - самый убежденный христианин из существовавших в то время.

Устаревшая научно-религиозная картина мира становится у него программой реального преобразования мира. Каждый храм, расписанный фресками от сотворения мира до страшного суда - для него не фантастика и не аллегория, а Проект, призыв к действию. И что способно противостоять такой вере?

Храм вообще есть подобие Вселенной, очень меньше своего оригинала в действительности, но несравненно выше его по смыслу. Смысл же храма заключается в том, что он есть проект такой Вселенной, в которой оживлено то, что в нынешнем ее оригинале умерщвлено - проект Вселенной, в которой всё оживлённое стало сознанием и управлением всего, что было слепо(с703).

Мировоззренческая система, где религия из миропонимания становится Делом, Программой действий, а научные последние результаты заменяют религиозное миропонимание, обладает громадной силой. Наука здесь не

только не подрывает религиозную веру, а напротив, укрепляет ее; каждый научный успех делает более реальным осуществление религиозного Проекта. Вместо традиционного для современных верующих людей принижения роли научных результатов и скепсиса по отношению к ним, в такой системе возникает противоположная склонность: увеличить научные достижения дня, выдать желаемое за почти достигнутое, нетерпеливо забежать вперед, чтобы быстрее приняться за Дело. "Наука" и "Религия" работают здесь не на взаимоотрицание, а на взаимоусиление. И такая рокировка науки и религии, такое их резонансное сочетание придает взглядам Федорова необычайную энергичность, боевитость, действенность, прожектерство (в параллель которым можно привести лишь большевизм, где меняются местами не христианство и наука, а первобытный коммунизм (язычество) в его современной марксистской упаковке и наука). Федоровская система и большевизм имеют одинаковую структуру, только в последнем наука обязывают преобразовывать жизнь не по христианскому идеалу-образцу, а по древнему образцу коммунизма. Сходства здесь гораздо больше, чем различий. Хоть большевизм на словах и отрицал возврат к прошлому, по сути, он стремился к нему самым радикальным образом.

Мне кажется, перечисленные стороны характера Н. Ф. Федорова позволяют понять истоки его взглядов и проектов.

Как известно, христианское учение предсказывает неизбежный конец этого мира, когда "воскреснут мертвые" и после страшного суда "придет на земле царствие небесное". Конечно, христианская традиция утверждала об этом будущем Воскрешении, как о деянии Христа. Федоров же говорит о воскрешении предков самими людьми. Правда, он не полемизирует с прежней традицией, а просто постулирует свой призыв:

Бог воспитывает человека собственным его опытом. Он - царь, который делает все не только лишь для человека, но и чрез человека; потому-то и нет в природе целесообразности,

что ее должен внести сам человек. И в этом заключается высшая целесообразность. Творец через нас воссоздает мир, воскрешает все погибшее; вот почему природа и была оставлена своей слепоте, а человек - своим похотям. Через труд воскрешения человек, как самобытное, самосозданное, свободное существо свободно привязывается к Богу с любовью (с.284).

Какая уверенность в исторически неизбежном исполнении свободно понятого Дела! Чувствуете звон великого софизма: "Свобода есть познанная (божественная) необходимость!"

Так у Федорова сходятся все концы: православная вера рисует будущее воскресение, гарантирует его неизбежность, а верность традициям и старым моральным правилам диктует чувство настоятельной необходимости их защиты и немедленного восстановления (*настоящее время критическое - устоит ли община или пойдет по пути Запада (с. 285)*), вера во всеисилие науки и людских коллективов указывает на практическую возможность осуществления любых желаемых проектов (*для людей соединенных, как ветви на лозе, которая есть Христос, нет ничего невозможного (с. 632)*).

Так, еще даже не приступив к практическому рассмотрению предложений Федорова о воскрешении предков, мы увидели, какие необычайно сильные субъективные основания у него были искать положительные ответы на все эти вопросы.

Но разве не относится реальное воскрешение мертвых к абсолютно невозможным действиям? Разве не запрещается оно законами природы? Это сложный вопрос, и я склонен отвечать на него утвердительно, но, кажется, склонен понимать и Федорова, верующего в беспредельность сил человека и науки:

И какой смысл имеют слова о несоразмерности сил человека, т.е. природы, стремящейся к сознанию и управлению, с силами той же природы, но как силы слепой. И что считать силою человеческой - непосредственную ли силу рук, или же

то, что может он сделать при посредстве природы? И можно ли считать пределом человеческой силы, человеческой деятельности то, что мы можем сделать теперь при посредстве сил природы (с. 401)?

Мы убеждены в безграничности научно-технического прогресса, однако знаем, что перед лицом бесконечной вселенной он всегда будет мизерным. Федоров же, видимо, сохранил в себе глубинную религиозную веру в ограниченность созданного Богом за 7 дней материального мира. Нигде, правда, Федоров не формулирует этот тезис, но подразумевает. Настоящая Бесконечность для него олицетворялась лишь самим непостижимым Богом, созданный же материальный мир по религиозной интуиции должен быть, конечно, меньше Бога, т.е. ограниченным. Но что там Федоров! Представления об ограниченности, замкнутости Вселенной после Эйнштейна имеют и сейчас немало ученых сторонников, которые даже количество всех имеющихся на свете атомов ухитряются подсчитать.

Но если наложить бесконечность научно-технического прогресса на ограниченную Богом или Эйнштейном Вселенную, то мы встанем перед необходимостью сделать вывод о неизбежном наступлении дня полного познания Вселенной и обращения её в объект управления человеком. Что кажется невозможным сейчас - послезавтра осуществиться. И действительно, конец 19 в. был полон такими сногшибательными открытиями, как телефон, радио, запись звука и изображения и т.д. и т.п. Казалось, до воскрешения предков совсем недалеко.

Правда, сам Федоров скуп и даже неохотно раскрывает те возможные пути, следуя которым люди могли бы приступить к делу воскрешения, но зато постоянно подчеркивает мысль о неизбежном покорении природы, о превращении ее в разумную, управляемую силу. И Федоров - совсем не исключение в этой вере в силу человека, вооруженного наукой: вспомним Архимеда с рычагом, переворачивающим Землю, вспомним Лапласа с его

всемирным Разумом, способным по информации о механических положениях всех атомов раскрыть все прошлое мира и всё его будущее. Кстати, на эту мысль и ссылается Федоров, делая в ней свою поправку на представление о Мировом Разуме:

Вопрос, очевидно, не в величине и наша сравнительная малость... указывает лишь на трудность, на чрезвычайную трудность, но не на невозможность. Обширный ум, который обнял бы в одной и той же формуле движения самых больших тел Вселенной и движение самого легкого атома, - для такого ума ничего не оставалось бы неизвестным, и будущее, так же как и прошедшее, было бы ему открыто. СобираТЕЛЬНЫЙ ум всех людей, работающих в течение многих поколений, конечно, был бы достаточно обширен, нужно только полное согласие, многоединство.

Рано или поздно, но коллективному разуму людей окажутся под силу решение любых задач, в том числе и управление всей вселенной. Надо только работать над этой задачей, не впадая в грех безделья или грех "пустой, "мануфактурной" работы ради "женских причуд". Истинной целью, способной воодушевить всех людей на общую работу, Федоров считает лишь обеспечение бессмертия ныне живых и уже умерших. Общинная жизнь бессмертных людей казалась Федорову настолько светлым идеалом, что обсуждать ее дальнейшие перспективы не имело смысла, как мы сегодня не обсуждаем проблемы жизни при коммунизме. Просто от счастья должно остановиться время!

Но надо признать, что в ряду многих утопистов и прожектеров Федоров выдвинул перед людьми одну из самых долговременных и трудных программ. Правда, она заключается в восстановлении прошлого, в то время как большинство утопистов хотя бы внешне противопоставляло прошлому - светлое будущее. Однако как раз в этом прямом, незашифрованном обращении к прошлым идеалам я вижу достоинство Федорова. Ведь на деле каждый из утопистов, конструируя будущее и пытаясь похоронить прошлое, в этой

работе опирается на свои идеалы, сформирование в далеком прошлом. И чем радикальнее утопист, тем радикальнее он пытается протащить в будущее прошлое в пику настоящему, отрекаясь от него на словах. И тем произвольнее его проекты. Т. Мор, Кампанелла, Маркс и пр. - это все примеры утопической реакции на едва родившийся или уже зрелый капитализм. А Федоров в этом ряду только честнее и последовательнее многих. И потому он - реалистичнее. Во всяком случае, представления Федорова об обществе, занятом подготовкой воскрешения в некотором смысле оказались намного прозорливее предсказаний множества социалистов об эпохе строительства коммунизма.

Проект воскрешения. Прежде чем восстанавливать жизнь, надо знать, что такое смерть. Федоров много раз обсуждает эту философскую тему, каждый раз отрицая неизбежность смерти. Гегелевский тезис "что рождено - должно умереть" отвергается им.

Действительной смерть может быть названа только тогда, когда никакими средствами восстановить жизнь невозможно. Или, когда все средства, какие только существуют в природе, какие только могут быть открыты человеческим родом, были уже употреблены. Не нужно думать, чтобы МЫ надеялись на открытие какой-либо силы специально для этого назначенной; мы полагаем, что обращение самой силы природы в сознательную и есть это средство... Итак, мы столь же мало знаем сущность смерти, действительную смерть, как и действительную жизнь. Но ограничивая себя знанием только явлений жизни, мы суживаем свою деятельность, не признавая же за собой гордого права удостоверить действительность смерти, мы расширяем нашу деятельность, становимся исполнителями Воли Божьей и орудием Христа в деле всеобщего спасения.

Легковверное отношение к рассматриваемому явлению мыслящего класса, это философское суеверие никак не может быть отнесено к числу невинных. Когда дело идет о бессмертии души, мыслящие люди становятся

недоверчивыми, требуют строгих доказательств; почему же, когда дело касается смерти, философы впадают в ребяческое суеверие и легковерие и тем суживают область деятельности?

Гниение считается при этом таким признаком, который не допускает уже дальнейших опытов. Приходится, однако, напомнить кому следует, что гниение не сверхъестественное явление, я само рассеяние частиц не может выступить за пределы конечного пространства; что организм - машина и что сознание относится к нему, как желчь к печени: соберите машину и сознание возвратится к ней! Ваши собственные слова обязывают Вас, наконец, к делу!

Т.о. мы совершенно лишены способности, желательной для пессимистов, доказать действительность смерти, т.е. невозможность воскрешения... Смерть относительно наших умерших есть факт... в пределах разложения, рассеяния праха, но это не конец: относительно же нас, живущих сынов, смертность есть лишь неведение (с.287-289).

Позже Федоров переходит к утверждению неестественности, насильственности любой смерти:

Нет просто умерших, есть только убитые, которые и сами убивали... Борьба - это и есть убийство. Чем борьба живее, тем она убийственнее... Живость в настоящее время - синоним убийственности... В литературе самое слово стало убийственным, ядовитым и по числу жертв оно - самое убийственное из всех смертоносных орудий (с.681)...

Умрёт и конкуренция, будет иметь конец и революция, даже внешняя борьба и естественный закон борьбы не имеют права на вечное существование... Должна быть умерщвлена, наконец, и сама смерть - самое крайнее выражение вражды, невежества и слепоты, т. е. неродственности (с.265).

Обосновав, таким образом, случайность и неистинность смерти, Федоров сводит все причины этих смертоносных случайностей к двум основным группам: голоду и болезням, т. е. "продовольственному и санитарному вопросам" (предвосхищая революционную терминологию).

Продовольственный вопрос он подразделяет на два: об управлении погодой в целях обеспечения устойчивых и богатых урожаев и о колонизации новых земель - не только на нашей планете, но и в космосе, чтобы прокормить не только всех нынешних и будущих людей, но и всех их предков:

Три частных вопроса: о регулировании атмосферных явлений, об управлении движением Земли и отыскании "новых земель", входят в один общий вопрос об обеспечении от голода, в продовольственный вопрос, или, точнее, в вопрос о восстановлении жизни предков (с.235).

Возможность производства синтетической пищи Федоров отверг сразу - не столько по техническим возражениям, сколько по моральным: *"Так все это ничтожно, чтобы не сказать гадко, ибо это было бы окончательной нравственной и умственной гибелью народа (с.280)*

Наибольшее внимание уделяет Федоров проекту управления погодой, осадками, пропагандируя при этом два способа: артиллерийский обстрел туч ("обратить орудия истребления в орудия земледелия") - перековать мечи на орала и управляющее воздействие на атмосферу с помощью электричества посредством громоотвода, поднятого на аэростате. В доказательство своевременности этих предложений он ссылаясь на мнения отечественных и западных современных ему ученых, однако не забывая подчеркивать при этом "первенство" В.Н.Каразина, одного из приближенных Александра I, основателя Министерства просвещения и Харьковского университета. Аналогичное "научное предложение" Каразин высказал еще в 1814 году в письме к известному деятелю графу Аракчееву:

Поелику электричество употребляется природой первым орудием к произведению метеоров, то не достигнет ли когда-нибудь оно человек до возможности, по крайней мере, на некотором расстоянии ("а, след. и везде, т. к. возможное в одном месте возможно и повсюду" - прим. Федорова) управлять состоянием атмосферы, производить ведро и дождь по своему произволу (с.648)?

Мало того, Каразин пытался осуществить свой проект управления погодой, начав с создания сети метеорологических станций по всей империи путем издания циркуляра, обязывающего всех учителей народных школ вести метеорологические наблюдения, т.е. безденежно. Последнее, по-видимому, особенно импонировало Федорову. Он чувствовал себя прямым продолжателем Каразина в деле покорения природы, и предлагал осуществить проект Каразина в России хотя бы к столетнему юбилею автора в 1942 году с последующим превращением его в мировой:

Когда предлагаемое Каразиным орудие (громоотвод, поднятый на азростате) будет в руках всех общин, тогда весь метеорологический процесс земного шара будет регулируемым, ветры и дожди обратятся в вентиляцию и ирригацию земного шара, как общего хозяйства. "Человек, вооружённый электрической силою, - говорит Каразин, - станет производить если не все, то по крайней мере великую часть тех чудес, кои природа до сих пор предоставляла себе одной..."(с.280)

Ну, как не вспомнить формулы Ленина об электрификации России, способной сотворить чудеса! Нет, глубоко, глубинно и издавна ведется в России традиция веры в чудодейственную технику - через Федорова к Каразину с его коллегой Аракчеевым и, конечно, дальше.

Проект регулирования осадков с помощью артиллерийской пальбы по тучам Федорову импонировал возможностью использования армии в мирных целях - без дополнительных денежных средств, при укреплении воинской повинности -лишь доброй волей правителей. Опыты эти широко проводились и в Европе и в Америке, однако, результаты оказывались довольно скромными: рассеивались только тучи с градом. В научной печати высказывались сомнения и возражения против этого метода (например, Менделеева: "Предмет этот, как и все явление дождеобразования, еще требует многих научных работ, направленных в сторону покорения действующих здесь сил на

службу человечеству"), но Федоров легко преодолевал эти сомнения.

Тема покорения погоды у Федорова естественно переливается в программу покорения небесного пространства (космоса):

От дождей и туч естественен переход к ливням падающих звезд и тучам метеоритов... Не для того, чтобы сделать хотя бы малейший намек на способ действия... мы приведем следующий пример действия разумных существ в области мировых систем. Продолжая мысль Каразина, допустим, что электрические токи на земле получили определенное направление посредством или телеграфной проволоки, обвивающей землю в виде спирали, или другим каким-либо способом, и земля - этот огромный сидеролит, естественный магнит, преобразится в электромагнитный. Тогда область деятельности земли была бы расширена и усилена. Мелкие сидеролиты, облегающие, как полагают, земную орбиту и представляющиеся нам в виде зодиакального сияния, под влиянием регулируемой силы земного магнетизма, могли бы быть, подобно парам сгущаемы, разряжаемы и, след., в свою очередь, могли бы служить для регулирования солнечного лучеиспускания и на увеличение массы Земли, а также на образование колец, спиралей на пути движения Земли кругом Солнца, - могли бы служить на созидание как бы нового небесного свода, арок и таким образом, мы могли бы управлять магнитною силою самого Солнца. Как бы ни казались предположения, подобные вышеизложенному, невероятными, невозможными с точки зрения современной науки, но отказаться от них было бы величайшим преступлением (с.282).

Конечно, Федоров понимал всю фантастичность своих предложений. Но с какой уверенностью отводит он возможные упреки в нереалистичности:

Сейчас азростаты забава и увеселение, а должно их иметь каждой общине - хотя бы каждый уезд должен иметь такой воздушный крейсер для исследования и новых опытов.

Аэростат, паря над местностью, вызывал бы отвагу и изобретательность, т.е. действовал бы образовательно, это было бы, так сказать, приглашение всех умов к открытию пути в небесное пространство. Долг воскрешения требует такого открытия, ибо без обладания небесным пространством невозможно одновременность существования поколений, хотя, с другой стороны, без воскрешения невозможно достичь полного обладания небесным пространством. К этому нужно добавить, что время, когда будут колонизированы наши азиатские владения, есть именно тот срок, в который открытия в небесных пространствах должны привести к положительным результатам, ибо к тому времени, нет сомнения, все остальные части света будут переполнены населением...

Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугой, экипажем нашего земного, неизвестно еще какую силу приводимого в движение корабля - есть ли он фото-, термо- или электроход.. Да мы и знать не будем достоверно, какую силу движет Земля, пока не будем управлять её ходом.

Фантастичность предполагаемой возможности реального перехода из одного мира в другой только кажущаяся. Необходимость такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех общественных пороков и зла, ибо отказавшись от обладания небесным пространством мы должны будем отказаться от разрешения экономического вопроса, поставленного Мальтусом, и вообще от нравственного совершенствования человечества. Что фантастичнее: думать об осуществлении нравственного идеала в обществе и закрывать глаза на громадную обширность препятствий к тому, или же трезво признавать все эти препятствия? Конечно, можно отказаться и от нравственности, но это значит, отказаться быть

человеком... Препятствие к построению нравственного общества заключается в том, что нет дела, настолько обширного, чтобы поглотить все силы людей, которые в настоящее время расходуются на вражду (с.283-285). Не оставить праздною, бездействующею ни одной способности, это значит поставить всеобъемлющее дело на место участия всех в комфорте, на место развития всех способностей, даваемого будто бы досугом. Но на досуге занимаются лишь тем, в чем нет необходимости. Ставить же целью развитие всех способностей, свидетельствует о полном неведении цели и смысла жизни. Только во всеобъемлющем деле могут развиваться действительно все способности, а не на досуге, не на свободе, которую можно наполнить только искусственно, произвольно (с. 682).

Мне очень нравятся два последних отрывка - в них видна вся сила Федоровского реализма. Да, его проекты - необычны и утопичны, но если посмотреть другие социальные утопии, то видишь, что Федоровская среди них - одна из самых реалистичных. Конечно, есть трезвые люди, отвергающие все утопии, однако множество людей продолжают им верить и добиваться их осуществления, как будто и вправду это стремление к осуществлению неосуществимого неотделимо от нравственности, от человечности. Как будто отказаться от утопий, значит отказаться от этики.

Федоров - социальный реалист среди утопистов, трезво видит многие трудности осуществления нравственного общества и в качестве панацеи сразу предлагает очень реальные средства: дисциплину и труд, воинскую повинность и трудовой лагерь, общее дело(!)

Федоров обладает бесстрашным даром додумывать свои мысли до конца. Так и с программой овладения космосом. Он предвидел космизацию науки и техники, о чем мы заговорили лишь недавно: *"Все будет небесным, оставаясь земным, все будет духовным, оставаясь телесным"*. Неограниченная космизация должна привести человечество к господству над природой, над материей, предоставив ему неограниченные

энергетические и прочие возможности для управления миром и... для наступления на микромир!

Обеспечив настоящее, будущее и прошлое человечество продовольствием и прочими ресурсами с помощью покорения Космоса, Федоров задумывается над разрешением санитарного вопроса, т.е. об избавлении человека от разрушения, от болезни. Единственным радикальным средством решения этого вопроса оказывается разработка технологий восстановления человека из его исходных материальных элементов:

Человек...должен настолько познать себя и мир, чтобы иметь возможность производить себя из самых основных начал, на которые разлагается всякое человеческое существо, и через это он не только приобретает возможность, но станет в необходимость воспроизвести и все умершие существа... Радикальное разрешение санитарного вопроса состоит в возвращении разложенных частиц тем существам, коим они первоначально принадлежат: всякое другое решение этого вопроса не представляет полной гарантии безвредности частиц, подвергавшихся процессу смерти в целом ряде существ. Т.о. вопрос санитарный, как и продовольственный, приводит нас ко всеобщему воскрешению.

Как и раньше, Федоров рассуждает как завзятый материалист: раз организм распадается на элементы в ограниченной Вселенной, след., их можно собрать воедино. Правда, ему несколько подыграло бытовавшее тогда упрощенное представление о том, что организм разлагается не на атомы, а на простейшие биологические элементы, вроде открытых в то время микробов (Федоров называет их болезнетворными зародышами):

Мертвецы не оставляют нас в покое, они постоянно напоминают нам о своей солидарности, которой мы изменили, за что и наказывают, и кара будет все тяжелее, пока мы снова не войдем в сношение с мертвецами... Несмотря на толстый слой земли, труп не остается спать в могиле, а проникает в атмосферу в виде миазмов, зародышей,

составляя необходимое условие жизни и даже красоты (производя, например, голубой цвет неба) и грозя при недейтельном человеке завладеть всей Землей, заменить собою ее население и вытеснить наш род...Нужно не сжигать трупы (это трусость), а поместить их в самый центр каждого поселения и заняться исследованием еще совершенно неизвестного явления, которое называется смертью (с.286).

А вот и сам практический проект возможного в недалёком будущем воскрешения, высказанный, конечно, лишь в виде предположения:

То же самое орудие, которое, по проекту Каразина, назначено для управления атмосферными явлениями, не может ли послужить и для регулирования зародышами, плавающими в атмосфере, или озонируя кислород воздуха, или производя какое -либо иное действие?.. Не может ли также орудие, указанное Каразинным, быть употреблено для прямого действия на трупы в видах исследования и даже, может быть, оживления? Не будет ли это первым шагом на пути воскрешения (с. 289)?

Как не велик труд, который предстоит при восстановлении рассеянного вещества, не следует, однако, отчаиваться, чтобы и те мельчайшие частицы, кои по сказанию проникавших в них мыслью (занимавшихся вычислением величины атомов, как Крукс, Томсон, например), заключают в себе столько ещё более мелких частиц, сколько в земле может уместиться pistolетных пулек, - не нужно думать, что и эти частицы не откроют нам своих недр.

Все вещество есть прах предков, и в тех мельчайших частицах... мы можем найти частицы наших предков. Каждая частица, состоящая из множества частичек, представляет такое же разнообразие, в котором является для нас земля. Каждая среда, через которую проходит эта частица, оставила в ней своё влияние, свой след. Рассматриваемая с археологической или палеонтологической стороны, частица, может быть, представляет нечто вроде

слоёв, сохраняющих, быть может, отпечатки всех влияний, которым подвергалась частица, проходя разные среды, разные организмы... Представим же себе, что мир вдруг или же не вдруг, осветился, сделался знаем во всех своих мельчайших частицах, не будет ли тогда для нас ясно, какие частицы были в минутной дружбе одна с другой, в каком доме или организме они гостили вместе, или какого целого они составляли часть, принадлежность... Трудно открытие способа исследования, трудно даже исследование первых двух-трех частиц, но затем работа становится доступной для многих, и, наконец, для всех людей, освобождённых от торгово - промышленной суеты. Наконец, само исследование настолько упрощается, что то, для чего требовались прежде годы труда, делается достижимым для одного взгляда...

Для воскрешения недостаточно одного изучения молекулярного строения частиц, но так как они рассеяны в пространстве солнечной системы, может быть и других миров, их нужно ещё и собрать; след., вопрос о воскрешении есть теллуρο-солярный или даже теллуρο-космический" (с. 381).

Выше приведены, на мой взгляд, центральные для Федоровской системы положения о практических путях воскрешения, открывающие возможность практических действий уже сегодня - а ведь это главное! Как важно для Федорова - найти практический путь! Немедленно, сейчас! Чтобы скорее можно было приняться за дело!

Я знаю: после того, как я вытащил из книги Федорова обнажённую физическую суть предполагаемого Воскрешения, очень хочется раскритиковать ее в пух и прах, а может, и высмеять. Что ж - это законное желание, и мы, конечно, ему уступим, но пока не будем спешить. Ведь Федоров и сам понимал всю шаткость своих предположений - надежд. Недаром он высказывался лишь вскользь и нехотя, как будто заранее знал о наших насмешках и не хотел давать лишнего повода для них. Впрочем, насмешников хватало и в его время, и может, поэтому Федоров с такой неприязнью отзывался о

критиках и так неохотно решался на печатание. С критиками Федоров обычно соглашался, но с оговоркой: "При существующем положении вещей". Он видит, чувствует всю несостоятельность выдвигаемых им задач, необходимость их решения. Он почти не ценит выдвигаемые им самим способы решения - они служат только примерами, чтобы показать принципиальную возможность решения, чтобы воодушевить на поиск и работу - всех и сообща.

Выполнение проекта. Смелость Федорова в выдвижении грандиозных научно - технических задач объясняется непререкаемой верой в безграничность разума всех людей, в силу разбуженной инициативы масс, направленной на одно "общее дело". Эта вера имеет корни в старинных русских обычаях коллективной работы, во всевозможных "толоках и помочах", на которые Федоров постоянно ссылается, и особенно - на обычай скоростного строительства. Его любимый образ - обыденный храм, т.е. храм, который строится по обету за один день всем обществом (позже этот метод звался "способом народной стройки").

Вопрос о храмах обыденных есть вопрос о самой народности русской, о духе народном и об его проявлениях в делах хозяйственных, государственных и церковных - в прошедшем, так и предполагаемых проявлениях этого духа в будущем, и время проявления этого будущего, надо полагать, уже наступает (с.687).

Община, артель, собор - очень многие считают отличительной чертой славянского племени, но в обыденном храме указывается и цель - исполнение делом молитвы всех живущих о всех умерших. Т. о. обыденные храмы есть не памятники лишь единодушия и единогласия, но и предвестники общего дела спасения, или всеобщего воскрешения, которое в конференции, конгрессе или соборе получит, рано или поздно, всемирный центр...

Обыденный храм - наивысшее проявление частных помочей и толков, единодушия и согласия, обещающего великое будущее. В однодневности помочи и кроется обычай создания храма за

один день... Совокупная работа придаёт силы и энергию каждому, дает силы слабому...заражает здоровьем, силой, вопреки мнению западных психологов... Работа помощью и толокою кроме того, что она дружна, спора, сопровождается еще и песнями и совершается с такой радостью и веселием... что перестает быть бременем тяжелым и делается игом благим, добровольным. На людях и тяжелый труд становится лёгким и делается радостью, возводится в художество, в поэзию, в службу Божию, т. е. в этом совокупном труде соединяется искусство, нравственность, религия (с. 691).

Жить вкупе есть добро, и красно, и этично, и эстетично, а труд вкупе и в деле Божием ещё выше, еще величавее, еще прекраснее. Это и будет верховным благом, когда труд станет делом всех живущих без всяких исключений, делом спасения умерших всех и тоже без всяких исключений (с. 707). Дух, созидавший обыденные храмы, в последнее время проявился, между прочим, в построении рабочими Бежицкого завода в один день храма из старых рельс... Газета "Русское слово" назвала это проявление духа русского в западноевропейском одеянии - Добрым Почином (с. 711).

Не вспоминается ли вам при прочтении последних строк статья Ленина "Великий почин" 1919 г. - о ростках коммунизма, общего труда на русской почве, от которой мы уже 60 лет тянем традицию всевозможных бригад коммунистического труда, всяких однодневных коммунистических субботников - помочей - разве она не повторяет пафос и суть Федорова? Даже в деталях: ведь строительство обыденных храмов обычно приурочивалось к предпасхальной субботе...

С восторгом и назиданием ("каждому селу так надо") Федоров повествует об опыте постройки детьми и их отцами Качинской школы:

Это построение Качинской школы в Мордовии детьми и их отцами есть самое смелое нарушение всех законов политической и социальной экономики. На всём Западе... нашу

великую быль назовут сказкой, басней, и при этом, безнравственной, т. к. она научает труду безвозмездному, неоплачиваемому, неограниченному 8-часовым сроком, труду детскому, труду толпы, который новейшей наукой уподобляется психическим эпидемиям, новейшим душевным болезням... Этот факт, несомненно, доказывает, что тому, что называют толпой или сбродом ничем не выдающихся людей, не достает только поприща, не достает великого дела, чтобы стать героями (с. 721).

Не знаю, как кому, а мне хочется продолжить: "Труд - дело чести, славы, доблести и геройства" - лозунг сталинских пятилеток, прославление разбуженных сил, культурные революции, маоистские "скачки"... "нет ничего невозможного для большевиков"... Несомненно, Федоров - предшественник современных теоретиков "геройства". Но вспомним, что не только Федоров, что его предтеча Каразин тоже мечтал о героических учителях, становящихся по совместительству и метеорологами, что у Каразина был коллегой знаменитый Аракчеев с его практическим осуществлением одного из Федоровских лозунгов ("превращение труда в воинскую повинность") в военных поселениях... И неизвестно, в каких глубинах истории теряются традиции этого "геройства"?

Вера Федорова в мощь коллективных усилий беспредельна (раньше мы уже писали, что он ставил знак равенства между "всеобщим разумом" Лапласа, т.е. научным понятием всеведущего Существа, и будущим собирательным умом всех людей). Стоит только собрать всех людей в "одно", уничтожить между ними рознь, "разномыслие", и сосредоточить их на выполнении Общего Дела покорения природы и воскрешения предков, как все препятствия и технические трудности будут преодолены.

Мы знаем, как такого единства мысли, воли и действия, необходимого для преобразования мира, добивались большевики - через революцию, через слом "самодержавной и капиталистической" власти, через создание власти по новым образцам. Как раз в этом отношении Федоров ошибся, ибо

уповал на существующее в России православное самодержавие, на его укрепление и тотализацию. Но существовавшее тогда самодержавие уже далеко не соответствовало не только Федоровскому идеалу, но даже традициям таких самодержцев - преобразователей, как Иван IV или Петр I. Оно уже было слишком связано с жизнью, с эволюцией, чтобы внять радикальным призывам Федорова превратиться в творческую, все преобразующую силу. Впрочем, ошибка Федорова понятна: в конце 19 в. силы революционеров были ещё малы, а самодержавие казалось неизбежным. Да, для Федорова, откровенно зовущего к прошлому в будущем, не было другого варианта.

Однако при всех различиях идеалов православного самодержавия и революционной диктатуры, сколько много у них схожего в критериях, методах, способах деятельности.

Проблемы власти Федоров обсуждает в записке "Самодержавие":

Собирание (людей) для исполнения долга воскрешения вызывает необходимость власти-душеприказчика всех умерших и восприемника всех рождающихся, необходимость власти сильной, власти крепкой; эта власть, соединив воинскую повинность с всеобщеповинным образованием, введет всех сынов человеческих в дело познания и управления текущими явлениями природы для восстановления протекшего (отцов). В этом заключается последний и окончательный проект всеобщее - обязательного и вместе с тем добровольного образования, знания и дела, осуществление которого и приведет к тому, что царь вместе с народом будет самодержцем, властителем, управителем слепой силы природы, ее царем, царем не души, как папа, а повелителем материи, внешнего, материального мира, и освободителем от закона юридического и экономического. В этом господстве царя вместе с народом над природой и заключается гарантия против произвола... сделает невозможным ни тиранию со стороны царя, ни восстание со стороны народа (с. 364).

Самодержавие... необходимо является как предводителем археологов - историков, так и натуралистов - астрономов, понимая астрономию как совокупность всех естественных наук... Вступление самодержца в предводительство... учеными делается новою эпохою, эрой, важным переворотом в науке, благодаря которому два класса ученых соединяются не в знании только, но и в одном общем деле... Все эти ученые с царем во главе и вместе с народом или даже со всеми народами будут иметь своим делом регуляцию (управление) текущего для восстановления протекшего (отцов)... Самодержавие может приобрести полное, истинное знание народа, только приняв под своё непосредственное руководство два, соединённых в один, съезда,.. в которых совмещены все отрасли знания: съезда историков - археологов... и съезда естествоиспытателей и врачей... Съезды сделают ненужными гласность печати и выборов (с. 393)...

Трудная задача самодержавия, его святая обязанность заключается в том, чтобы освободив науку от рабства купцам и фабрикантам, сделать ее орудием религии (с. 395).

Поставьте вместо Романова - Сталина, вместо религиозного Проекта - Коммунистическую программу, и вы убедитесь в исключительной прозорливости Федорова, предвидевшего и Корифея наук, и "управляемую науку", и лозунги слияния науки с народом, русских лысенковцев и китайских босоногих врачей. При этом Федоров точно видел главного врага своей программы превращения русского царя сначала в мирового самодержца, а потом в повелителя Вселенной: купцы и фабриканты. Против их притязаний в виде конституционных проектов он и направляет свой главный удар:

Самодержавие - положительно - есть власть над природой, а отрицательно - оно есть освобождение от законов юридических и экономических, а вместе и подчинение закону Божьему, т.е. господству нравственного, или, что тоже - родовому закону... И что значит перед самодержавием,

призывающим всех сынов к делу отеческому, все республики и конституционные монархии, в которых защищается право каждого на бессмысленное и бездельное существование, право жизни для наживы (с.364)?!

...Для совершения этого дела, для исполнения этого долга, которому нужно принести в жертву и имущество и жизнь (т. е. к обязательному налогу должно присоединить добровольный, а интеллигенция кроме того - к обязательной службе должна присоединить и добровольное учительство) - какое значение могут иметь конституционные учреждения? Какие права будут отстаивать выборные от народа, когда всё заключается только в обязанностях (с. 372)?

И что будет значить свобода, охранение коей конституция ставит своей задачей, если дело самодержавия заключается в объединении всех в труде познания, освобождающего от голода и смерти? Не будет ли такая свобода освобождением от труда знания, правом оставаться в невежестве? Для интеллигенции это было бы и освобождением от учительства ради забавы и игры, а для народа - ограничением участия в этом всеобщем и священном деле -8-ми часами работы ради 16-ти часов безделья, праздности. Словом, конституция будет противодействием благу, ограничением добра. ...Конституция и есть самый великий порок... Замена сыновства на ничего определенного в себе не заключающий гуманизм заключается в сознании собственного достоинства как основы безбожной этики, как разрешение на все пороки (с . 373).

"Конституция (право живущих) может бороться с самодержавием (долгом к умершим) до тех пор лишь, пока самодержавие не стало еще всемирным... Самодержавие в первоначальном смысл есть диктатура, вызванная опасностью... всем без исключения грозящей смертью. Конституция в ее первоначальном виде есть произведение сынов, забывших отцов, произведение сынов блудных или

бродяг, не помнящих родства, избравшего из среды своей правителя не как отца, а как чуждого, на условиях (с. 375). Самодержавие - лучшая норма правления и единственный путь к достижению царства Божия, т.е. такого общества людей, которое не нуждается ни в надзоре, ни в угрозах наказания... Самодержавие всеобщее и необходимо, тогда как другие формы правления представляют лишь исключения (с.380).

Приведенные тексты говорят сами за себя. По-видимому, Федоров не верит в свободную заинтересованность людей собственным и отцовским бессмертием, считая их прирожденными эгоистами. Поэтому его программа - не освобождение людей (ради 16-ти часов разврата), а напротив, еще большее закабаление, воинская повинность, но не для частных хозяев или помещиков, а для общего, государева и даже мирового дела. Здесь он не останавливается даже перед отрицательным отношением к реформе 1861 г. (отмена крепостного права):

К сожалению, в деле освобождения крестьян были допущены ошибки благодаря тому, что оно было совершено в духе европейских начал, след. в духе начал не христианских, и ошибки эти принадлежат не самодержавию, конечно, а именно уклонению от самодержавия и православия... Народ всегда стоял крепко за самодержавие и требовал для себя не освобождения, а службы, но службы непосредственно царю и отечеству, такой службы, которую несло дворянство до своего освобождения при Екатерине II. При таком изумительном высоко нравственном требовании не освобождения, а службы, не свободы, а рабства Богу, царю, от Бога поставленного и всем отца, народ оставался и в то время, когда вступил на престол царь - освободитель. Влияние Запада, выразившееся не столько даже в западниках, сколько в славянофилах, исказило народное требование службы в освобождение от нее (с. 379)...

Ну как не вспомнить здесь сталинцев, осуществивших в конце концов это требование Федорова: в эпоху

коллективизации крестьяне были избавлены от частной собственности на землю и своё хозяйство и принуждены к земледельческой службе по единому плану - ради Великой Цели!

И все же, превознося до небес значение самодержавия, Федоров замечает тщету своих усилий и с грустью замечает: *К сожалению, светское (русское) самодержавие не сознает своего преимущества над самодержавием папским и, по-видимому, даже совсем не понимает своего смысла и назначения, а поэтому едва ли и само видит в себе какую - либо необходимость... Но что хуже всего и уже безнадежно дурно, это готовность самодержавия отказаться от самого принципа самодержавия (с.452)*

Исторически так и случилось, русское самодержавие все же уступило конституционным требованиям и перестало быть годным для великих дел. Тотальную диктатуру удалось создать только большевикам, которые для этого уничтожили не только ненавистную Федорову буржуазию, но и обуржуазившееся царское самодержавие.

Мораль общего дела. Обосновав свой проект естественно - научно и политически, Федоров не забывает и его моральной стороны. Особенно примечательна записка "Супроморализм или всеобщий синтез", где исследуются средства соединения всех людей ради всеобщего дела воскрешения. Вот образец его требований к морали:

Достоевский не говорит, что этот долг выше всех других обязанностей и все их в себе заключает, как это на самом деле и есть, так что только те обязанности истинны, которые входят в долг воскрешения. Те же, которые в этот долг не входят, исключаются, как не истинные (с. 440)...

В 10-ти заповедях нет заповеди о любви к детям, к жене, к себе - по разумению Декалога следует ожидать скорее ограничения этих трех родов любви (с. 273)Итак, долг воскрешения, или любовь к отцам, и вытекающая отсюда любовь братии, со-работников (разумая оба пола) и любовь к детям, как продолжателям труда воскрешения - этими

тремя заповедями и исчерпывается все (моральное) законодательство (с. 274)...

Подставим в эти отрывки вместо слов "долг воскрешения" - термин "долг коммунистического строительства" и получим чистейший образец революционной этики, несостоятельность которой для многих сегодня так очевидна. Что это, как не перефраз: "Для великой цели все средства применимы"?

Всегда казалось удивительным, что к такому тезису подходят часто чистейшие и честнейшие, самоотверженные люди, как Федоров. А объясняется этот парадокс просто. Деятельные и героические люди настолько одержимы стремлением делать добро, жадной немедленного дела, борьбы за справедливость, что в своем нетерпении отбрасывают все запрещения на деятельность, в том числе и запреты действующей морали - целиком, без вдумчивого и осторожного разбора.

Так и у Федорова: если какое-то общепринятое правило мешает Проекту, это правило отбрасывается. Вот пример: естественно - научная сторона проекта Федорова требует восстановления всех прошедших процессов без изъятия, т.е. обращения времени вспять (он сам говорит о борьбе со всемогущим временем), а след., и воскрешения всех отцов - даже против воли последних:

Долг возвращения жизни отцам уже умершим и притом не только без согласия на то отцов, но даже и вопреки их на то воле, если бы они таковую выразили (с.517).

Ибо воскресшие сами обязаны воскрешать своих отцов, сами должны идти на службу общему делу воскресения, как идут солдаты па призыв, причем самоубийство расценивается как дезертирство.

Если главной организующей силой в космосе по Федорову должно стать абсолютное самодержавие, то основной организационной ячейкой устремленного к Великой цели народа - войска должна стать сельская община. Почему сельская? - Русскому патриоту, ненавидевшему гнилой Запад,

естественно было распространить свою неприязнь и на культуру его и на город:

Не признавать верным определение культуры как вымирания и вырождения, можно только по недоразумению и недомыслию (с.621)

Городской класс ничего не производит, он дает лишь утонченную форму всему добываемому вне города... В санитарном отношении города производят только гниль и...фауну бактерий и т.п. По мере увеличения городов, вопросы санитарные и продовольственные будут принимать все более острую форму, становиться все жгучей и жгучей (с.279).

Такое воззрение приводит к призыву идти из города в деревенские общины, в народ. Федоров призывает интеллигенцию вернуться в общины и начать там исследования по всем направлениям Великого Дела, стать наставниками и учителями крестьян. Помещики должны стать агрономами. *"Медики станут в такое же отношение к вопросу санитарному, землемеры будут местными органами астрономии и т.д.... Священники будут... Не будет вражды между наукой и верой".*

Нынешние единичные переходы из городов в села должны обратиться через воинскую повинность в общую правительственную меру, хотя бы для начала в виде временных летних выходов из городов в школы - лагеря для производства опытов... При полной же воинской повинности, соединённой со всеобщим обязательным образованием, каждое сельское кладбище делается Кремлём, в коем знание переходит в действие, а искусство от изображения, от мертвого лишь подобия переходит к оживлению самого праха. Этот переход от городов, производящих мануфактурные игрушки (выражение несовершеннолетия), переход в село с орудиями знания, выработанными в городе, совершается через самодержца, входящего в соглашение со всеми царствами мира, чтобы такой переход совершился повсюду одновременно (с. 446).

Общеобязательное образование... соединённое с общеобязательной воинской повинностью... сделает невозможными такие вопросы, как вопрос "о свободе совести", или - что тоже - "о свободе на разнь", "о свободе мысли", т. е. о свободе на ложь... положат конец войне внутренней, т. е. объединение в одном деле приведет и к единомыслию (с. 448).

Но не только для исследований и подготовки великого дела Воскрешения предков будут работать члены сельских общин - но и для внутренних самоисследований и разработки методов психологического управления друг другом:

При постоянном исследовании каждым себя, при взаимном сообщении этих исследований соучениками друг другу, чужая душа не будет уже такими глубокими потемками, т.е. души уже не будут такими взаимно чуждыми и наружность не будет так обманчива. Тогда станут возможными сближения людей по внутренним, душевным свойствам, психическая группировка, классификация, психический подбор... Психология найдет свое приложение в психократии, которая есть общество, держащееся внутренней силой, а не внешним законом, как государство или общество юридическое, из которого изгнано чувство, вынута душа. Психократия - это... общество, в котором знание определяет как нужды каждого, так и его способности к тому или иному делу... и на этом основании определяется как подушная подать каждого (т.е. его служба обществу), так и душевой его надел (с. 302).

Вы чувствуете, как глубоко и полно разрабатывает Федоров модель своего будущего общества, не в пример сегодняшним строителям светлого будущего?! Он знает, что идеальное общество-братство не может существовать без великой цели, и предлагает ее. Он предлагает также конкретные пути, реальную политическую систему, наконец, реальную мораль Великого дела и даже психологию тотально единого общества. Пожалуй, в 20 веке Федорова превзошли в этом плане только утопии Замятина, Хаксли, Орвелла.

Все крепко завязано в Федоровской концепции - не развяжешь! И потому воскрешение и бессмертие оказываются необходимыми не сами по себе, но и для психологической устойчивости самих идеальных общин:

Чтобы раскрыться, показать себя и вместе понять себя, человечество должно воспроизвести себя из простейших элементов, и не в подобном только или сокращённом порядке, но в действительности, через все индивидуальности, через кои проходили эти элементы (исследование сынами самих себя в отцах, отцами - в сынах, узнавание в братьях себя в близких и дальних своих братьях), иначе не будет полного взаимопонимания (с. 303)...

Так вырисовывается общество людей, знающих друг друга до последнего винтика, вычерпанных до доньшка. Великолепное общество! И разве не к этому всегда стремились наши воспитатели?! Мало того, управлению должно подлежать и само прошлое, сама история. Действительно, раз прошлое будут восстанавливать, то почему бы и не подправлять его иногда? Правда, что тогда останется от самого Проекта?

История будет не как факт, а как проект, которую, т.е. историю, человеческий род будет делать сам. История активная, как выражение совокупной воли (с. 391)...

Теперь понимаешь, насколько величественен и грандиозен проект Федорова. И насколько он необходим для такого убежденного, такого верующего, такого деятельного и такого чистого человека, мыслящего крайностями - все или ничего! Воскрешение или торжество Дьявола!

Или воскрешение и взаимознание или одиночество человека!

Иначе: или -ни Бога, ни мира, ни людей - или всё это в совершенной полноте (с. 303)!

Самодержавие, как христианство, обещая блаженство лишь в будущем, может дать его уже в настоящем (с. 384)...

В разработке конкретных и реальных деталей Проекта Федоров становится просто дотошным (подобно многим великим утопистам). Так, увлекшись образом сооружаемого

по-коммунистически обиденного храма, он совмещает его с другими своими излюбленными зданиями: народной школы, Музея, как дома исследований, и т.п. Как и Кампанелла, он описывает даже содержание фресок, которые необходимо помещать на стенах этих храмов - школ - музеев:

Живопись - только отрехишись от самостоятельности и свободы, в союзе с зодчеством, пребывая в единомыслии со знаками, исследующими причины распадаения - сознает своё назначение содействовать приобщению всех ко Вселенскому собору, станет миссионером храма-музея. Входя в учреждение научное, художественное, живопись кистью будет проповедовать о соединении... во всех учреждениях и всех местностях... Живопись сделается миссионером соединения местных музеев с центральными,.. специальных учреждений с общими, и исторические картины местных музеев будут подробным развитием исторических же картин центрального музея(с. 573).

Мне немного осталось дорассказать из прочитанного в книге Федорова. Исторически он явился православным предтечей победившего в 1917 г. большевизма - коммунизма. Но сам он относился к своим будущим преемникам отрицательно:

Мы не говорим о коммунистических идеалах, в которых опека доводится до максимума, в которых зависть должна быть возведена в высшую добродетель, чтобы это общество могло держаться так, что подобные идеалы неосуществимы не потому, что люди не ангелы, а именно потому что они не аггелы, т.е. не дьяволы" (с. 124).

Причина столь странной недружественности к родственному, в общем, учению лежит в якобы западных и буржуазных, по мнению Федорова, корнях последнего. Социализм - коммунизм с его целью "комфорт для всех" Федоров рисует, "как крайнюю степень капиталистического разврата, как крайних врагов, как царство Антихриста"(с. 428). Русский патриотизм и верность заветам заставляют Федорова держаться на правом фланге идейного радикализма. Однако средство экстремистских рецептов вызывает и внутреннюю

приязнь. Так, сожалея о русской молодежи, попавшей в плен к социалистическим воззрениям, он отмечает у неё симпатичные ему черты: бескорыстная жертвенная служба великой цели, готовность к делу, единомысленность, приверженность авторитету и кружковой дисциплине:

Социалисты так или иначе дали ответ, что нужно делать для осуществления их чаяний, а признающий долг

Воскрешения Достоевский не дает никакого ответа на вопрос, что нужно делать для выполнения этого долга (с. 439)...

Не только народ требовал службы, но и интеллигенция: все лучшие и особенно молодые в ней, требуя по недоразумению свободы, в сущности, желали именно дела, службы и даже, можно сказать, ига, вследствие чего и сделались орудиями тех, которые указывали им дело, ведущее будто бы к свободе; благодаря такому настроению интеллигентной учащейся молодёжи и образовалось в шестидесятых годах множество различных обществ, кружков, в которых была строгая подчинённость, дисциплина, не допускавшая никаких рассуждений (с. 382).

Эти черты как раз и делают социалистическую молодежь для Федорова гораздо ближе "буржуев и конституционалистов". Социализм кажется Федорову лишь временным заблуждением морально здорового молодого поколения. Недаром у Достоевского Алёша Карамазов перед принятием истинного православия должен пройти этап революционной деятельности. В каком - то смысле Федоров, наверное, мог бы и нынешний этап русской истории рассматривать как необходимую, но временную метаморфозу на пути к истинному православию и истинному самодержавию. С другой стороны, эволюция отношений Федорова со своими немногочисленными единомышленниками по делу Воскрешения также показывает, что истинными союзниками могли стать только большевики:

Долг воскрешения впервые выражен в письме Достоевского (с. 365)... Достоевский, говоря о долге воскрешения, как о самом

существенном, не делает ни малейшего указания на путь, на ход дел, которыми должен быть исполнен этот долг (с.439)...

Такое равнодушие позволяет Федорову бросить упрек Достоевскому в мистицизме! И озаглавить свой полемический выпад так:

Супроморализм, или объединение для воскрешения путем знания и дела, средствами естественными, реальными, а не мистическими, в противоположность мистицизму вообще, и мистицизму Достоевского и Соловьева в особенности. Соловьев же не в силах был подняться на должную для выполнения этой задачи высоту... его не воодушевило величие дела... Соловьев, очевидно, не понял, что зло, грехи, вообще всякое несовершенство связано со смертью, а не с жизнью, что воскрешение есть высшая добродетель и неотделима от совершенства... Соловьев не понял воскрешения в полном объеме, не понял, что воскрешение есть замена исторического процесса, эволюции, прогресса, замена того, что само собой делается, т.е. рождается, а потому и умирает... Только уразумев все это, Соловьев понял бы и настоящую терпимость, а без этого фанатизм постоянно будет увлекать его в сторону от общего дела, будет заставлять поносить несогласных с ним в мыслях (с. 485).

Но ключевым обвинением мне кажется следующее:

Достоевский, как и Соловьев, считал, видимо, что воскрешение совершится через 25 тысяч лет, а потому с призывом к долгу воскрешения можно и подождать, чтобы заняться задачами своего времени (с. 441)

Именно это отнесение "Дела" на тысячелетия вперед Федоров справедливо рассматривал как практический отказ, как предательство со стороны единомышленников. Отсюда и столь резкая реакция. И так - во всем. Федоров критикует славянофилов гораздо резче, чем западников, Л. Толстого - много грубее, чем иных писателей:

Л. Н. Толстой - фантастический представитель пошлейшего иконоборчества... яснополянский фарисей, иностранец,

пишущий о чуждой ему России, в которой он желал бы видеть только нестроение, восстание, вражду..."

Создается впечатление, что чем ближе по убеждениям люди стояли к Федорову, тем суровее он с ними обращался, что малейшее уклонение их от выбранного им самим пути исполнения "долга воскрешения" казалось ему гнуснейшим предательством со стороны соратников. Чистота и страстность Федорова и определили его чудовищную нетерпимость.

А разве не тоже самое повторилось уже в масштабе всей страны после 1917 г.? Когда главные репрессии, в конце концов, были обрушены не против сторонников монархии, а против социалистов - соратников? - Нет, что ни говорите, а крайности сходятся!

И сегодня людям, пытающимся в крайнем, чистом православии найти антитезис коммунизму, найти способ оттолкнуться, очиститься от большевизма, следует помнить о проповеди своего дореволюционного коллеги и о ее реальной судьбе.

Наше воскрешение взглядов Федорова в целом закончено. Неосвященным остался лишь один для меня очень важный аспект федоровской системы: как работа с книгами может помочь делу Воскрешения? Но поскольку именно этот аспект мне кажется самым рациональным зерном в сумме мыслей этого замечательного человека, то его обсуждение и развитие я выделил во вторую часть настоящей работы.

Часть II. Суд

Думается, что научная критика Федоровской системы сегодня потеряла смысл. Большевизм ее испытал и изжил в своей социальной практике, наука и техника - в практике производственной. Но ведь мы имеем дело здесь и с теоретической, философской системой, которую нельзя опровергнуть практическими доводами. А потому, отказавшись от претензий на окончательность выводов,

просто изложим свои возражения, т.е. рассудим по - своему, как можем.

Прежде всего, мне кажется, что проект Федорова существенным образом нарушает 2-ой закон термодинамики о росте энтропии (хаоса) в замкнутой материальной системе. Поскольку Федоров неявно принимает наш мир конечным, т.е. замкнутым (раз допускается возможность его конечного покорения), то он обязан был учесть и непреложность этого великого закона.

Конечно, человеческая деятельность по своему основному характеру носит антиэнтропийный, упорядочивающий характер - в сфере своего обитания. Но такую деятельность человек может осуществить лишь за счет траты внешней энергии, т.е. одновременного роста энтропии в более общей системе. Так человеческая деятельность на земле обеспечивается, главным образом, за счёт постоянного мощного потока солнечной энергии, сопровождающегося ростом энтропии в солнечной системе.

Представление о замкнутости Вселенной крайне пессимистично. Ведь что бы не предпринимало человечество, общий уровень энтропии Вселенной должен повышаться вплоть до максимума, называемого тепловой смертью. Единственной оптимистической альтернативой такому воззрению может быть только незамкнутость, бесконечность Вселенной. Но при этом придется расстаться с мечтой о полном познании и полном покорении природы, о ее полном очеловечивании и управлении, т.е. об осуществлении проекта Федорова.

Однако повторим, что Федоров явным образом не формулировал своё убеждение в замкнутости нашего мира. Поэтому ему можно условно приписать и противоположное убеждение. Можно ли тогда мечтать о повороте вспять всех естественных процессов хотя бы в ограниченном человеческом мире, пользуясь ресурсами бесконечной Вселенной?

Что ж, такое временное обращение физических процессов вспять часто устраивает не только человек, но и природа. Человеку же доступны не только циклические, но и ремонтно-восстановительные, даже реставрационные работы омоложения.

Но для проведения такого "обращения естественных процессов (энтропийных или "смертных", по определению Федорова) вспять нужны достаточная величина энергии извне и достаточная величина информации управления. И сразу же оговоримся, что речь может идти только о неполном, относительном обращении отдельных процессов. Ни о каком полном восстановлении, ни о каком обращении вспять времени не может быть и речи. Ибо в силу взаимосвязанности любого отдельного процесса с бесконечным миром, для полного обращения вспять одного процесса надо повернуть назад весь бесконечный мир.

На деле можно только имитировать, более или менее точно моделировать обращение вспять. Для точного же восстановления, абсолютного воскрешения необходимы бесконечная сумма информации о бесконечных взаимосвязях и бесконечное количество энергии для обеспечения такого воскрешения. И главное препятствие не энергетическое, а информационное. Воскресить объект можно только относительно, в меру наличной о нем информации.

Впрочем, здесь Федоров сам проявляет непоследовательность: предложение о всеобщем воскрешении у него чередуется с более простыми примерами воскрешения, как избавления от временной смерти. Сегодня медицина уже широко использует методы реанимации и расширяет границы их использования - но, относясь к ещё неразложившемуся организму, эти методы не относятся к нашей теме. С другой стороны, Федоров, предполагая воскрешение предков без умерщвления при этом их сынов (что должно было случиться при обращении всех процессов вспять), обрекает людей на совершенно новую жизнь, на совместную жизнь всех поколений. Это будут совсем другие люди, составленные из

иных элементов и с иными мыслями и чувствами. Только внешностью и отпавшим информационным багажом они могут напоминать ранее живших людей.

Но возможно ли хоть это - создание человека, которого можно было бы отождествить с ранее жившим предком. Даже задача искусственного создания одного похожего тела чрезвычайно сложна. Но, допустим, что мы знаем в совершенстве законы человеческой генетики и можем конструировать его гены. Допустим, что на какого - то уже исчезнувшего человека мы имеем достаточную информацию: в фотографиях, физических измерениях, медицинских картах, генетических исследованиях... Наверно, тогда можно будет подобрать такой набор генов в человеческой зародышевой клетке, чтобы из нее вырастить очень похожего по внешнему виду и природным задаткам человека.

Но чтобы смоделировать духовный мир человека, его память, чувства, знания, нужно иметь, по-видимому, полную молекулярную запись мозга данного человека на момент его смерти (ибо воскресший человек не захочет поступаться какой - либо частью своей уже прожитой жизни). Предположим, в будущем такая запись мозга станет возможной (кто бы мог подумать в начале 19 в. о возможности точного фиксирования вида и голоса человека?) Что будет мешать периодически переписывать информационное содержание человека из прожитого тела в новое? Но это может оказаться невозможным: информация о психической жизни личности окажется настолько объемной, настолько переплетенной с несущественной и вредной информацией устаревшего тела, что наиболее экономным и простым способом окажется постепенный ввод информации в новое тело, обучение его аналогично обучению ЭВМ или ученика в школе. Но тогда этот способ сведется к современному; ведь ребенок и есть новое тело родителей, которое они обучают своей психике, вкладывают в него свое духовное содержание (не отделяя, конечно, ребенка от остального мира). Правда, процесс детского восприятия и обучения очень медленный, и общаясь

на протяжении многих лет со своими детьми, мы как-то забываем, что они - и есть мы сами, только обновленные физически и духовно. Мы привыкаем и начинаем относиться к своим детям, как к чужим людям, а свою смерть переживаем как абсолютную смерть (хотя на деле бессмертие большей части нашего существа уже обеспечено в жизни детей). Думаю, что возможность полного и быстрого механического считывания основного информационного содержания человека и перевод его в новое тело все же принципиально не исключается, т.е. положительное решение проблемы индивидуального (не через детей) бессмертия не противоречит физическим законам.

Однако индивидуальное бессмертие, конечно, будет нарушать биологические законы обновления. Общество бессмертных стариков - это неразвивающееся общество, это общество без детей (ибо нужды в детях уже не будет, а хлопот- много). Это будет скучное общество скучающих людей, без горестей и радостей. Человечество без обновления - это уже совсем другое человечество, это уже даже и не биологический вид, а что-то вроде части бессмертной неорганической природы. Переход к индивидуальному бессмертию будет означать на деле смертный приговор человечеству как виду. Без обновления и неутолимой молодой жажды к жизни люди могут не справиться с вечно обновляющейся природой, заостенеть, заскучать и придти к коллективной смерти... В общем, эту тему можно обсуждать и дальше, но мне вполне достаточно высказать свое сомнение по поводу индивидуального бессмертия, как несомненного блага. Мне кажется, что в лучшем случае люди будут добиваться не бессмертия, а права жить так долго, сколько есть сил и желания, т.е. права умереть по своей воле, право на самоубийство вместо нежеланной смерти. Тогда не будет и страха перед смертью и сохранится нормально развивающееся общество с детьми и стариками.

Ну, а как быть с воскрешением более дальних предков, например, нас с вами? Ведь никто не успеет записать нашу

мозговую структуру. От нас в лучшем случае сохранятся лишь скудные и отрывочные письменные и фотосведения, а может, и тех не будет. Что тут можно сделать?

Ответ прост - человека можно воскресить лишь в той мере, в какой сохранится о нем информация. Сразу же обсудим предположение Федорова о том, что такая информация может сохраниться на микроуровне - в молекулярных и атомных оболочках. Мне оно кажется крайне невероятным, сравнимым с верой в то, что положение звезд на небе определяет поступки и судьбы людей и что по судьбам людей можно реконструировать историю звезд на небе. Да, конечно, связь между звездами, людьми и атомами существует, но очень-очень слабая, информационно смазанная, почти пустая. Так что надеяться перевести археологию на субатомный уровень - бессмысленно.

Остается рассчитывать лишь на обычную информацию. По фотографиям, наверное, можно будет подобрать похожее тело. Но для восстановления прежней психики, видимо, не будет другого пути, как воспитывать это тело (практически - ребенка) в похожих на древность условиях, т.е. смоделировать целый прошлый мир, в котором жил и формировался воскресший человек. Не только со всеми его закономерностями, но и со всеми случайностями, которые часто оказывают на человеческую жизнь решающую роль. Мы уже говорили, что это почти невозможно. Да и не нужно.

Ну, скажем, зачем, например, совсем еще несмышленного ребенка ХХХ века (новое тело) помещать в искусственно созданный, допустим, средневековый город (еще как создать его?), чтобы воспитать из него, например, сапожника Фрица, а момент смерти Фрица перенести в ХХХ век и объявить воскресшим средневековым Фрицем (на самом деле это будет неточной копией действительного средневекового Фрица), чтобы затем переучивать его на новый лад (средневековый колорит, конечно, скоро выветрится, как забывает дикарь в цивилизованной стране привычки каменного века). К чему это? - Ведь на самом деле

первый Фриц, конечно, не воскрес, а просто сконструирован заново (говорить о сборе всех действительных атомов умершего вообще не имеет смысла и не имеет значения для духовного облика человека).

Впрочем, остается и более общий вопрос: "Зачем воскрешать?" Почему воскресить предка лучше, чем родить и воспитать ребенка? Почему старое обязательно лучше нового? Долг перед умершими?

Не знаю как кого, а меня совсем не обрадовала бы перспектива, что в каком-то далеком будущем какой - то ребенок будет рожден и воспитан похожим на меня во всех деталях, и только в момент старости, похожей на мою, переведён в нормальное общество своих сверстников. Я просто не смогу отождествить себя с тем будущим мучеником.

Если пересадка сознания из отжившего тела в новое для продолжение жизни имеет смысл, ибо за исключением краткого периода операции переноса у человека сохраняется временная последовательность и легко восстанавливаются все связи с миром, то быть восстановленным по каким-то клочкам информации, быть воскрешенным для совсем незнакомой и чуждой жизни - радость сомнительная! Да и будущему обществу такая процедура: калечить детей прошлой жизнью, чтобы потом их переучивать, покажется бессмысленной.

Подведем итог, как приговор: физическое воскрешение предков мне кажется и ненужным, и невозможным. Следует только научиться продлевать человеческую жизнь до свободного, желанного окончания ее. Вот и все.

Совсем иное сложилось у меня отношение к проблеме информационного воскрешения предков. Вот это - дело нужное и даже необходимое, как необходимы история, археология, палеонтология, геология, астрономия и множество иных наук, связанных с исследованием процессов в прошлом. В той или иной степени, но сюда могут быть отнесены все науки. Ведь основная научная задача - предсказание будущего по прошлому. Мысль о том, что история и естествознание

есть одна наука, была близка многим философам, не исключая Маркса.

Это и понятно. Не только человеческая, но и любая жизнедеятельность основана на некотором планировании, предвидении будущего на основе прошлого опыта. Все успехи человечества основаны на громадном росте этого качества, на основе накопления и хранения социального опыта и научных знаний. Все его могущество зависит от информационного восстановления прошлого, его анализа для планирования будущего. Поэтому человек не может и не имеет права ничего забывать. Он обязан хранить и воскрешать в памяти забытое. И не только в памяти. Археология, например, занимается реставрацией материально. Недаром Федоров называет ее святейшей наукой:

Мы потому и называем Археологию величайшей и святейшей наукой, что без познания памятников и останков умерших - познания не мысленного только - невозможно объединение, братство живущих (с. 686).

Да, археология и другие науки не только мысленно восстанавливают прошлое. Нет никаких принципиальных ограничений для сбора исторической информации, для углубления и уточнения информационных моделей прошлой действительности, для детализации и уточнения прогнозов будущего. Но, строго говоря, нельзя считать информационное воскрешение прошлого и самих предков - только делом будущего. На мой взгляд, такое воскрешение осуществляется уже сейчас.

Даже когда мы знаем только имя когда-то существовавшего человека - мы воскрешаем его, вспоминая время и место его жизни, рисуя себе его типичный облик. Он существует как личность в нашем сознании. Правда, видим мы его смутно, лишь в самых главных (типичных для эпохи) чертах. Любой отрывок конкретной информации об этом человеке позволит нам сделать это воскрешение много полнее и явственнее.

Но даже если мы не знаем имени этого человека, а лишь то, что в такую-то эпоху в такой-то стране существовало такое-то количество народа с такими-то основными признаками - всё равно эти неизвестные нам поимённо люди живы до сих пор, воскрешены в наших информационных моделях.. Только, конечно, без конкретики имён и деталей это очень уж средние, очень уж бедные и размытые люди. И поэтому наука будет делать всё, чтобы дойти до знания конкретных людей, чтобы восстановить прошедшую жизнь во всех ее необходимых подробностях, воскресить жизнь предков с наибольшей полнотой для вечного существования, для информационного бессмертия, для приумножения этого главного сокровища человечества. Без сомнения, задача эта велика и благородна ("величайшая и святейшая" - Федоров).

Но давайте пофантазируем. Представим, что в каком-либо отдаленном будущем в исторических информационных моделях будут действовать не одни совокупности людей (народы и государства), как сейчас, а множество конкретных действительно живущих людей, которые в этих моделях, в мощных вычислительных машинах будут проживать в некотором, биологически условном смысле жизни, совпадающие с действительно протекшей раньше - в меру имеющейся информации. Конечно, в угоду Федорову можно даже представить, как эти действующие информационные модели предков вкладываются в новые биологические тела, чтобы правду относительного, информационного воскрешения совместить с иллюзией материального воскрешения. Но я только не понимаю, зачем и кому может понадобиться такой фокус. Для человеческой пользы вполне достаточно информационного воскрешения.

Мало того, для людей гораздо важнее информационное существование даже никогда не живших в действительности людей - я имею в виду литературных героев, героев мифов и искусства. Они живут, конечно, необычной, но вполне реальной, независимой от породивших их авторов жизнью. Одно из последних понравившихся мне размышлений на эту

тему содержится в рассказе А. Битова "Ахиллес и черепаха" ("Лит. газета" от 22.01.1975 г.) В нем он задумывается, "в какой же степени литературный герой не реалистичен, а именно реален, т.е. как бы живет, как мы с вами, как тело", и разбирает нравственную проблему "взаимоотношений автора и героя":

Нам скажут, что герой нематериален, фантом, плод воображения, и поэтому автор не несёт перед ним той же ответственности, как перед живым, из плоти и крови, человеком. Как раз наоборот! Живой человек может воспротивиться, ответить тем же, сам причинить нам ... в конце концов, на его стороне закон... Герой же безответен, он более чем раб, и отношение к нему - дело авторской совести... Какой-нибудь чужак вполне мог быть основать Общество охраны литературных героев от их авторов..

Но я не могу, к сожалению, дальше цитировать Битова. Ведь мне нужно было только показать реальность этого явления. Реальность литературных персонажей можно сравнить с существованием мнимых чисел в математике: мнимость, условность таких чисел несомненна, но столь же реальна несомненность их существования. Человечество - это не только действительно живущие люди (положительные числа), и не только уже умершие предки (их можно сравнить с числами отрицательными), но и выдуманные, мнимые герои. Человечество - ничуть не проще и не однозначнее совокупности математических чисел и объектов.

Конечно, я не склонен смешивать числа действительные и мнимые, действительно живущих, предков и литературных героев. Просто последние очень важны, необходимы для жизни живущих сегодня и завтра людей: в них сконцентрированы и как-то обобщены основные черты действительных людей. Литературные герои более удобны для практического использования людьми в своей жизненной практике, ибо это уже не сама груда фактов, а обобщение конкретного опыта человеческих жизней, особый тип абстракции, теории.

Однако какие бы обобщения жизни не составлять, какие бы романы не выдумывать, основа для них реальная жизнь действительных людей, в качестве последнего и все решающего источника информации, опыта. И в этом громадное исключительное значение информационного воскрешения прошлой и настоящей жизни.

Конечно, для Н.Ф.Федорова всего этого было бы мало, его душа жаждала именно материального воскрешения, но нельзя сказать, что при этом он игнорировал информационную проблему. Напротив, он исключительно внимателен к ней. Так, описывая будущую исследовательскую идеальную общину, он не забывает упомянуть, что каждый член ее вместе с тем - "историк и летописец", что каждый поселок и селение должны вести свою историю. Искорка правильного отношения к воскрешению у Федорова проскакивает при описании процедуры погребения:

Погреть у сынов человеческих означает оживлять или воскрешать соразмерно со знанием и умением.... Зарытое или сожженное тело тотчас же восстанавливается по необходимости нравственной (с. 517).

Именно так: человек умирает физически, но тут же восстанавливается для жизни вечной - в памяти людей, в социальном опыте человечества. И задача состоит в том, чтобы не терять ни крупинки этого богатства, фиксировать его и делать вечным.

Мы уже упоминали, что смысл всех религий для Федорова заключался в культе предков. Но этого мало: в христианских обрядах он видит важную работу по обеспечению бессмертия людей:

Сама религия есть совокупная молитва всех живущих о возвращении жизни всем умершим... Внесение в синодик для поминовения - не только вечная память, но и условие спасения от Адама и до сего дни..., включая всех грешников до Иуды... Нужно восстановить вселенский синодик полностью не только по христианским кладбищам, но и по всем курганам, языческим городищам, мрам и пр.(с. 527)

Одна из любимых мыслей Федорова - соединение кладбищенского храма со школой и музеем, под которым он разумел прежде всего библиотеку:

Музей есть по преимуществу книжное хранилище. Но что такое книга, как не запись наблюдений? Это определение остаётся верным, будет ли содержанием книги биография, техническое руководство или метеорологический бюллетень. При том всякая книга есть не более как способ к дальнейшему изучению познаваемого, к той великой, еще не напечатанной книге, изучение которой должно составить задачу человечества (с. 646)

К самой книге, как выражению мысли и души ее автора, должно относиться как к одушевленному, как к живому существу, и тем более, если автор умер. В случае смерти автора, на книгу должны смотреть как на останки, от сохранения коих как бы зависит самое возвращение к жизни автора.

Вместе с тем, библиотеки не должны быть только хранилищами книг, не должны служить и для забавы, для легкого чтения - они должны быть центром исследования, которое обязательно для всякого разумного существа: все должно быть предметом знания и все – познающим (с. 679).

Московский Румянцевский музей - открытое для всех желающих трудиться книжное кладбище (с. 681).

Представьте, что из всех книг выступили творцы их и, указывая на свои произведения, требуют изучения их. Этот призыв к знанию, как общему долгу всех, к знанию не популярному, а действительному, и есть начало нового культа, но лишь начало его (с. 682).

Подобно тому, как церковь каждый день поминает и прославляет своих святых, которые участвовали в ее создании, так и органы ученого сословия, науки должны каждый день вспоминать тружеников знания, приглашая тем читающих не к чтению лишь, но и к изучению. Изучать же, значит не корить и не хвалить, а восстанавливать жизнь.

... Порядок книг в библиотеках должен быть календарным, по дням смерти авторов - ибо он включает в себе требование (хочешь не хочешь, волей неволей) - поминовения, т.е. восстановление самого автора по его произведениям... ни одна книга не будет забыта (с. 683)...

Именно в этих отрывках Федоров стал мне особенно интересным. Его подход к книгам не потребительский, а скорее информационный, статистический. С этой точки зрения художественная книга может нести не больше информации, чем обычный дневник обычного человека. Таково же его отношение и к исторической науке в целом: "История - не суд, а воскрешение!" Что и говорить, позиция очень симпатичная, но, к сожалению, малореальная (как и календарное расположение книг в библиотеке, удобное лишь для механического считывания информации).

Конечно, если ждать будущего "информационного воскрешения" и только потом уж - использования ("Страшного суда"), то сегодня нам надо только копить архивы, упорядочивать их и изучать. Но если использовать эти архивы и сейчас, для предсказания будущего, то без анализа и оценки их, т.е. без "суда", обойтись невозможно, да и не нужно.

Историческая наука должна быть одновременно и воскрешением и судом, должна одновременно работать и на будущее воскрешение (сбор информации ради самой информации) и для сегодняшнего суда (практических выводов и прогнозов из исторических исследований). Различие между историей- воскрешением и историей-судом можно отождествить с различиями между фундаментальными и прикладными естественными науками. Не понимать необходимости тех и других - странно. И потому, если анекдот о стычке между Л. Толстым и Н. Федоровым в Румянцевской библиотеке имеет под собой историческую основу, то, несомненно, Л. Толстой проявил странное недомыслие, отвергнув как хлам всю массу ныне не читаемых (и, след., по его мнению, бездарных) книг: то, что не интересно сегодня,

будет крайне важно будущим людям. В. Ф. Одоевский был более чуток в этом отношении: "Библиотека - великолепное кладбище человеческих мыслей... На иной могиле люди приходят в беснование, из других исходит свет, днем для глаза нетерпимый, но сколько забытых могил, сколько истин под спудом..."

К сожалению, все это тонкости. К сожалению, и сегодня многие из нас далеки не только от признания нужности архивов, истории - воскрешения, но и от понимания истории, как суда и прогноза. Они считают достаточным свои решения о будущем основывать лишь на информации о настоящем, вернее, на сумме бытующих в настоящее время "научных гипотез", строить из них якобы идеальные конструкции, а потом перекраивать в угоду им реальный мир. Для большинства из нас признание нужности хотя бы истории как суда и прогноза - уже станет громадным шагом вперед. Однако придёт время и для второй ступени понимания. И тогда люди приступят к подлинному решению вопроса об архивах, приступят к максимальному сбору и сохранению всей информации - без изъятия. Для будущего максимально точного воскрешения - и не столько из долга перед предками, сколько из долга перед далекими потомками.

Часть III. Для себя приговор

Мне осталось досказать немного, а, вернее, вернуться к изначальному вопросу: почему разговор о Федорове и об информационном воскрешении показался мне необходимым вступлением к нашим дневникам и диафильмам, вступлением, которое пояснило бы цель и смысл этой нашей работы?

В дневниках и диафильмах мы фиксируем, как можем, свою жизнь, доступную главную часть ее, и этим выполняем свой долг перед потомками - не ближайшими, а дальними. Даже, может, очень дальними, но несомненными.

Выполняя столь большую работу, мы должны подумать, чтобы она дошла до своего далекого адресата. Для этого нужна не просто долговечность, а именно бессмертие - в этом-то вся трудность: дожить нашим текстам, слайдам, пленкам до того времени, когда они станут нужными людям для информационных моделей. А те уже сами обеспечат нашим материалам бессмертие в делах своих. В мозгу звучит призыв: "Сдайте нас в архив!" Сдайте вместе с другими документами других людей: со всеми письмами, фотографиями, отчетами, воспоминаниями и пр. (все, что будет нужно), но сдайте надежно, навечно!

И возникает проблема архива: куда сдавать?..

Человечество еще не осмыслило эту проблему как следует, и тем более ее не решило. Обычай уничтожения всей деловой, общественной и личной документации по истечении довольно краткого срока действия (год - два - пять), если вдуматься, есть варварский и безумный. Ведь через 100 - 1000 лет каждая из этих бумажек будет расцениваться как бесценное сокровище.

Конечно, люди должны найти способ микрозаписи и систематизации всей выявленной на данный момент текущей информации. Должны избавиться от происходящего до сих пор ежеминутного уничтожения информации о человеческих жизнях, должны победить информационную смерть, должны решить проблему великого, практически неисчерпаемого Архива.

Но пока до такого технического решения далеко. И приходится перебирать лишь возможные сегодня и относительно надежные способы избежания информационной смерти:

Первый. Добиться принятия наших диафильмов и дневников на хранение в Государственный архив. Это наиболее простой и прямой путь.

Однако для этого надо доказать, что сдаваемые документы имеют значительную общественную ценность с точки зрения не будущего, а сегодняшнего эксперта. А это

такая большая разница: сегодняшние и будущие оценки. Кроме того, наши дневники и диафильмы в некотором смысле противоречат ныне бытующим идейным установкам и, возможно, будут расценены как вредные. И наконец, сегодняшним государственным архивам и библиотекам с их древними порядками и первобытной техникой, с их страшной переполненностью и периодическими "чистками от устаревшей информации" (какое страшное словосочетание и для Федорова, и для меня!) - совсем не до вечного хранения личных материалов каких-то частных лиц. Они их просто не примут, а если и примут, то не дождавшись 100 - 1000-летнего срока выбросят.

Другой путь - хранить в личном архиве и завещать это хранение детям и внукам.

Так наиболее просто и естественно. И мы, конечно, так и поступим. Для немногих, осознавших нужность архивов, сегодня это, как правило, единственный путь: личные архивы превращать в семейные. Такая семейная традиция должна родиться и укрепиться. Из нее впоследствии родится и стремление большинства серьезно решить проблему центральных архивов.

Однако такой способ хранения ещё очень ненадежен. Сумеет ли мы внушить своим детям желание взваливать на свою новую жизнь этот груз - сохранение и пополнение своего и родительского архива? И позволят ли им это условия бурной жизни, социальная среда? Ведь каждый сбой в этом ведет к непоправимой гибели архива, к неудаче. Надо смотреть прямо: шансов на удачу здесь немного. И всё же, за неимением лучшего, мы будем этот путь использовать. Как свой долг.

Однако есть ещё один, правда, не всегда и не всем доступный путь: сделать свой архив нужным современным людям, и тем на них отчасти взвалить бремя хранения от смерти. Короче - напечататься. Сегодня напечатанное в достаточном тираже - практически единственный способ надёжного обеспечения будущего информационного бессмертия. Легко пропасть одному экземпляру трудно

читаемой рукописи, а вот тысячному разошедшемуся тиражу пропасть уже трудно. Вероятность достижения бессмертия вырастает в этом случае в 1000, если не в больше раз.

Однако чтобы напечататься, надо стать интересным уже сегодняшним людям. Вот отсюда, из этих неосознанно начавшихся попыток заинтересовать людей, и произошла наша дневниково - диафильмовская форма: и не документ, и не искусство.

Конечно, мы были бы рады стать полезными людям уже сегодня. Однако знаем, что это удел единиц, способных делать интересные для всех обобщения человеческой жизни. Конечно, мы к ним не относимся. И потому пытались стать интересными и полезными хотя бы для своих знакомых и для своих детей, надеясь, что они могут помочь нам в сбережении данной работы.

Пока "Диафильмы и дневники" существуют в единственном экземпляре. Простая случайность - и после них может остаться только пепел и наши непрочные воспоминания. Приведение их в порядок, модификация в виде записок позволит размножить их хотя бы до пяти экземпляров, раздать друзьям для жизни и хранения и таким образом увеличить шансы на информационное бессмертие. Хотя бы в 5 раз.

Будем живы, будут возможности - мы увеличим эти шансы к бессмертию, сколько хватит сил. Чтобы когда-нибудь, в далёком "завтра" мы могли сказать своему далёкому потомку: "Ну, здравствуй!.... Мы стали интересны тебе? - Тогда слушай!"

4.3. Реферат-рецензия «Протестантской этики» М.Вебера

Из введения. «В "Протестантской этике" Вебер ставит проблему, которой, по существу, посвящена вся его научная деятельность, проблему происхождения западной

цивилизации и современного капитализма, как одной из ее сторон».

Всемирно известный труд знаменитого западного социолога переведен в 1972г. лишь частично и для служебного пользования, т.е. для профессиональных критиков "буржуазной идеологии". Но, тем не менее, он находит отклик и в самиздатской среде (ссылки на него встречаешь все чаще). А для меня эта книга стала началом больших раздумий, как это станет ясным из дальнейшего изложения. Но сейчас я приведу выдержки из своего конспекта Веберова труда (цитаты из книги закурсивлены мною – Л.Т., 2016г.).

Некое сцепление обстоятельств привело к тому, что только на Западе возникли такие явления культуры, которые - как мы, по крайней мере, склонны предполагать - развились в направлении, получившем универсальное значение.

Только на Западе существует "наука" на той стадии развития, "значимость" которой мы признали в настоящее время! Эмпирические знания, размышления о проблемах жизни и мироздания, философия, а также глубокая теологическая мудрость жизни, познание и наблюдения поразительной тонкости - все это существовало и в других странах, прежде всего, в Индии, Китае, Вавилоне и Египте... Однако ни вавилоняне, ни какая-либо иная культура не знала математического обоснования астрономии, его дали лишь эллины... В индийской геометрии отсутствовало рациональное "доказательство" - это также является продуктом эллинского духа, как, впрочем, и механика, и физика. Естественные науки в Индии, чрезвычайно развитые с точки зрения эмпирического знания, не знают ни рационального эксперимента (начатки его относятся к античности, а полное развитие - к эпохе Возрождения), ни современных лабораторий, поэтому в высокоразвитой по своим эмпирическим наблюдениям и техническим методам медицине Индии отсутствуют биологические и, прежде всего, биохимические основы. Ни одна культура, кроме западной, не знает рациональной химии. Высокоразвитая

историография не знает прагматизма, укоренившегося на Западе со времен Фукидида. У Макиавелли есть предшественники в Индии. Однако, ни в одном учении о государстве, возникшем в странах Азии, нет ни систематики, подобно аристотелевской, ни рациональных понятий вообще... Здесь нет того, что позволило бы говорить о рациональной теории права, нет строго юридических схем и форм юридического мышления, присущих римскому и сложившемуся на его основе западному праву...

Аналогично обстоит дело и в области искусства, музыки, архитектуры... Книгопечатание существовало в Китае. Однако, печатная литература, т.е. литература, рассчитанная только на печать, возможная только с появлением печатного станка,.. возникла на Западе. Всевозможные вузы, в том числе такие, которые формально напоминают наши университеты и академии, существовали у разных народов (Китай, страны ислама). Однако лишь Западу известна рациональная и систематическая, т.е. профессионально научная деятельность специалистов-ученых, специалистов-чиновников.

Вообще "государство", как политический институт с рационально разработанной конституцией, рационально разработанным правом и ориентированный на рационально сформулированные правила, на "законы", управляемый чиновниками-специалистами, известно только Западу в данной, существенной для него комбинации признаков, хотя начатки всего этого были и в других культурах.

Также обстоит дело и с самым могучим фактором нашей современной эпохи - с капитализмом. Стремление к "предпринимательству", к "наживе", к наибольшей денежной выгоде само по себе ничего общего не имеет с капитализмом. Это стремление наблюдалось и наблюдается у официантов, врачей, кучеров, художников, кокотов, взяточников-чиновников, солдат, разбойников, крестоносцев, посетителей игорных домов и нищих - можно с полным правом сказать, что оно свойственно людям всех типовых сословий всех эпох

и всех стран мира, повсюду, где для этого существуют какие-либо объективные возможности. Подобное наивное представление о сущности капитализма принадлежит к тем истинам, от которых раз и навсегда следовало бы отказаться еще на заре изучения культуры. Безудержная алчность в делах наживы ни в коей мере не тождественна капитализму, и еще менее его "духу", капитализм может быть даже идентичным обуздыванию этого иррационального стремления, во всяком случае, его рациональному регламентированию. Капитализм, безусловно, тождественен стремлению к наживе - в рамках рационального капиталистического предприятия и непрерывно возрождающейся прибыли, капиталистической рентабельности. И таковым он должен быть. Ибо в рамках капиталистической системы хозяйства предприятия, не ориентированные на рентабельность, неминуемо осуждены на гибель...

Капитализмом мы будем здесь называть такое ведение хозяйства, которое основано на ожидание прибыли посредством использования возможностей обмена, т.е. мирного (формально) приобретательства. Основанное на насилии (как формально, так и по существу) приобретательство следует своим особым законам и нецелесообразно (хотя это и нельзя воспретить) подводить его под одну категорию с той деятельностью, которая (в конечном итоге) ориентируется на возможность получения прибыли посредством обмена...

Здесь я переведу дух, чтобы осмыслить вышесказанное. Вебер перечисляет и ищет причины рациональности и эффективности западной цивилизации вместе с ее "самым могучим фактором - капитализмом". Но как только он упомянул это ключевое для нашей эпохи слово, как потребовалось тут же уточнить его содержание, отделить от "плохого, авантюристического капитализма", и этим самым открыть новую важнейшую для всех нас тему: "сводится капитализм к наживе или нет?" - Ответ Вебера отрицателен и

столь не двусмысленен, что некоторые читатели, ссылаясь на него, вообще отрицают связь капитализма (и, след., западной цивилизации) со стремлением к наживе, а отождествляют докапиталистические устои лишь с протестантской этикой. Мне, однако, кажется, что сам Вебер не дает достаточного повода к такому примитивному истолкованию. Ведь, по его словам, капитализм противоположен не извлечению прибыли (наживы) вообще (без этого он погибнет), а стремлению к извлечению ее с помощью насилия, т.е. стремлению к наживе, неограниченному никакой этикой, никаким запретом на насилие. Капитализм же извлекает свои прибыли только из взаимовыгодного обмена, т.е. на рынке равноправных производителей.

В этом разделении Вебер, кстати, близок к марксизму, который также считает кардинальным различие между неэкономическими и экономическими способами извлечения прибыли (эксплуатации) или "способами производства". Именно по этому признаку разделяются рабовладельческий и феодальный способ производства с одной стороны, а капитализм - с другой (причем феодализм занимает между ними некоторое промежуточное место). Конечно, отделяя капиталистических предпринимателей, извлекающих прибыли из самого "дела", т.е. из своего труда и доступных ему природных и пр. ресурсов, - от любителей наживы с помощью насилия и грабежа, Вебер тем самым морально полностью обеляет капитализм и, очевидно, вступает в резкое противоречие с марксизмом, который своим главным тезисом об "экономической эксплуатации", о "наемном рабстве" на деле замазывает эти различия и, тем самым, играет на руку первобытно-коммунистическим пережиткам людей. Нечего и говорить, что здесь мои симпатии - на стороне Вебера.

Однако это согласие оказывается далеко не абсолютным.

В этом (формальном) смысле "капитализм" и "капит".предприятия с достаточно рациональным учетом движения капитала существовали во всех культурных

странах земного шара - насколько мы можем судить: в Китае, Индии, Вавилоне, Египте, в средневековых государствах древности, средних веков и нового времени... Во всем мире существовали торговцы, крупные и розничные, занятые местной торговлей и торговлей иноземной, производились ссудные операции всех видов, были банки с самыми различными функциями, по существу, напоминающие западные банки XVI века...

Заимодавцы и "спекулянты" - ...капиталистические авантюристы - существовали во всем мире. Их шансы на успех (вне торговых, кредитных и банковских операций) носили обычно иррационально-спекулятивный характер, либо ориентировались на насилие, прежде всего, на добычу - ...в ходе военных действий или фискальной эксплуатации подданных государства. Капитализм грюндеров, прочих спекулянтов, колонизаторов и финансистов часто сохраняет род подобных черт и в современной действительности Запада даже в мирное время; особенно же близок к нему капитализм, ориентированный на войну... Однако, наряду с этим типом капитализма, Западу нового времени известен и другой, нигде более не существовавший - рациональная капиталистическая организация свободного труда... ориентированная на товарный рынок, а не на политическую борьбу или иррациональную спекуляцию...

Безусловно, что так же, как всему миру, известны были городское хозяйство, меркантилизм, социальная политика правителей, рacionamento, регламентирование хозяйства, протекционизм и теории "свободы торговли" (в Китае), известны были и коммунистические и социалистические хозяйства самых различных видов: коммунизм, обусловленный семейными, религиозными и военными причинами, государственно-социалистические (в Египте), монополистические, картельные и потребительские организаций всевозможных типов. Однако так же как понятие "бюргер" не существовало нигде, кроме Запада, а понятия "буржуазия" - нигде, кроме современного Запада,

нигде не было "пролетариата" как класса, поскольку не было рациональной организации свободного труда в форме предприятия... Поэтому нигде, кроме Запада, не могла сложиться та проблематика, которая свойственна современному социализму.

След., для нас в чисто экономическом аспекте главной проблемой всемирной истории культуры является не капиталистическая деятельность как таковая, которая в разных странах и в разные периоды меняет только свою форму. Капитализм, как было указано выше, может быть по своему типу авантюристическим, торговым, ориентированным на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы. Нас же здесь интересует возникновение буржуазного промышленного капитализма с его рациональной организацией свободного труда... а в культурно-историческом аспекте - возникновение западной буржуазии во всем ее своеобразии, в тесной связи с капиталистической организацией труда.

Но он связан в значительной степени с развитием техники, а его рациональность - с исчисляемостью решающих технических факторов, которые образуют основу точной калькуляции. А это значит, что такая рациональность зиждется на своеобразии западной науки, прежде всего естественных науках с их рациональным математическим обоснованием и точными экспериментальными методами...

Почему кап.интересы не привели к аналогичным результатам в Китае или Индии? Почему в этих странах вообще не вступили на характерный для Запада путь рационализма ни наука, ни искусства, ни государство, ни экономика?

Вопрос сводится к объяснению своеобразия западного рационализма и его развития. Любая попытка толкования должна, ввиду фундаментального значения экономики, принимать во внимание, прежде всего, экономические условия. Однако нельзя упускать из вида и обратную каузальную связь. Ибо в такой же степени, как от

рациональности техники и права, экономический рационализм зависит и от способности и предрасположенности людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения. Там, где определенный психологический фактор служит ему препятствием, там и развитие хозяйственно-рационального жизненного поведения наталкивается на серьезное внутреннее противодействие...

Примечание: Эту противоположность не надо, конечно, понимать, как абсолютную. В рамках ориентированного на политику (прежде всего фискального) капитализма уже в средиземноморских и восточных государствах древности, а также в Китае и Индии возникают длительно действующие предприятия, где ведение бухгалтерских книг (до нас дошли лишь небольшие отрывки), по всей видимости, носило рациональный характер. Теснейшим образом связан ориентированный на политику авантюристический капитализм с рациональным промышленным капитализмом в период возникновения современных банков. Границы вышеуказанного противопоставления не могут быть точно обозначены, но они существуют - крупные грондеры и финансисты не создают рациональной организации труда, так же как (в целом и с отдельными исключениями) не создали ее типичные представители финансового и политического капитализма - евреи. Сделали это совсем другие люди (вернее, тип людей).

Невозможно упрекнуть Вебера в необъективности, но стремление выделить западно-европейский капитализм из всех остальных явлений мировой истории приводит его, на мой взгляд, к невольному искажению истинной картины: практическому отрицанию во всем мире, кроме Европы, начатков капиталистического, прогрессивного развития. Надо прибавить сюда явное непонимание Вебером конструктивной экономической роли спекуляции, если здесь не виноват переводчик, и если под спекуляцией Вебер понимает общепринятое: перепродажу с целью извлечения прибыли в процессе обмена. Такие перепродажи - необходимое

средством самого обмена, рынка, из которого только и могут извлекать свои законные прибыли истинные капиталисты. Объединяя спекулянтов и, следовательно, всех торговцев и ростовщиков - с грабежом (как несколько раньше он объединил кучеров и врачей с разбойниками и солдатами), Вебер неправомерно лишает их связи с обычным промышленным капитализмом (который, кстати, без торговли и банков жить не может). Конечно, при таком зачеркивании всяких начатков капитализма, его истоки придется искать только в протестантской этике.

Нет, я убежден, что капитализм, т.е. извлечение прибыли из рыночного обмена, из свободных экономических взаимоотношений так же стар, как и мир, и возник вместе с первыми случаями обмена между еще дикими племенами. Другое дело, что он долгое время не был главной жизненной основой человеческого существования, т.е. основным "способом производства", что выполнял во все времена лишь вспомогательную роль, иногда даже укрепляя позиции прямой насильственной эксплуатации и грабежа (как, например, в случае работорговли), но сам по себе он всегда был рационален, ибо основан на рыночных, т.е. расчетных и взаимовыгодных отношениях. На мой взгляд, существование капитализма надо связывать, прежде всего, с существованием рынка и людей, живущих им. А поскольку у всех народов существовал рынок, значит, у всех была и есть дорога к капитализму.

Другое дело, что она впервые была реализована в полной мере, т.е. как почти полное господство свободных экономических отношений именно в Западной Европе, этом относительно безопасном от внешних разрушений сообществе разных народов, удобно соединенных морями для торговли, обмена. Только при учете таких долговременных географических и экономических факторов (о необходимости этого учета Вебер говорил, но не успел осуществить) можно понять и причины рациональной выучки европейских народов, и появление самого протестантизма, окончательно

обуздавшего хищническое, иррациональное устремление людей к грабежу и наживе (авантюристы, грабители, военный капитализм - ничем, по сути, не отличаются от рабовладельцев и феодалов). Мне кажется очень важной мысль Вебера, что и сегодня возможно появление и функционирование подобных видов грабительского "извлечения прибыли", не имеющего в целом ничего общего с нормальным, этически ограниченным, т.е. ненасильственным капитализмом. В истории нет резких граней, и если в древности мы должны признать наличие начатков капитализма, то и в будущем будут сохраняться серьезные возможности для возрождения и функционирования самых зверских видов рабского принуждения и грабежа (вроде труда заключенных в концлагерях).

Начиная рассмотрение самой связи протестантизма с происхождением современного капиталистического духа, Вебер приводит убедительные статистические данные по Германии конца прошлого века о том, что среди протестантов удельный вес предпринимателей и лиц квалифицированного труда много выше, чем среди католиков и прочих групп населения. Касаясь же истории, он полемизирует с традиционным взглядом, что протестантизм был принят крупными торговыми городами именно потому, что он освобождал свободных горожан от сковывающих их канонов католической доктрины.

Но не следует упускать из виду и то, что теперь часто забывают: что реформация означала не полное устранение господства церкви в повседневной жизни, а лишь замену прежней формы господства иной, причем замену господства не обременительной, практически в те времена малоощутимой, подчас едва ли не чисто формальной - в высшей степени тягостной и жесткой, регламентирующей все поведение, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни. С господством католической церкви мирились и мирятся сейчас богатые страны... Господство же кальвинизма, в той степени, в какой оно существовало в 16-м и в начале 17-го века, в большей части Нидерландов, в 17-

м веке у Новой Англии, а порой - и в самой Англии, ощущалось бы нами теперь, как самая невыносимая форма церковного контроля над личностью. Именно так и понимали это господство широкие слои тогдашнего старого патрициата в Женеве, Голландии и Англии. Ведь реформаторы, проповедовавшие в экономически наиболее развитых странах, порицали отнюдь не чрезмерность, а недостаточность церковно-религиозного господства над жизнью. Чем же объяснить то, что именно экономически наиболее развитые страны того времени, а внутри их (как мы увидим из дальнейшего изложения) именно носители этого экономического подъема, т.е. буржуазия, средние классы не только мирились с этой доселе им неведомой пуританской тиранией, но и защищали ее с таким героизмом, который до того "буржуазные" классы, как таковые, проявляли редко, а впоследствии не обнаруживали больше никогда?..

Сейчас католики предпочитают давать детям гуманитарное образование (классические гимназии), а протестанты - техническое (реальные училища). Подмастерья-католики проявляют больше склонности остаться ремесленниками-мастерами, в то время как подмастерья-протестанты в большем количестве устремляются в ряды квалифицированных рабочих и служащих... Причина: своеобразный склад психики, привитый воспитанием...

При поверхностном подходе и под влиянием современных представлений легко может сложиться следующая интерпретация данного противоречия: большая "отчуждаемость от мира", свойственная католицизму, аскетические черты его высших идеалов должны были воспитать в его сторонниках известное равнодушие к земным благам. Эта аргументация, действительно, лежит в основе распространенной в наши дни сравнительной оценки обоих вероисповеданий. Протестанты, используя эту схему, подвергают критике аскетические (действительные или мнимые) идеалы жизненного уклада католиков. Католики же, в свою очередь, упрекают протестантов в материализме, к

которому привела их секуляризация всего содержания жизни...

Один писатель так определил: "Католик спокойнее, наделен значительно более слабой склонностью к приобретательству, он предпочитает устойчивое обеспеченное существование, пусть с меньшим доходом, - рискованной, тревожной жизни, подчас открывающей путь к почестям и богатству». Народная мудрость гласит: "Либо хорошо есть, либо спокойно спать". В данном случае протестант склонен хорошо есть, тогда как католик предпочитает спокойно спать. Но протестантов прошлого характеризует как раз аскетизм, "отрицание радостей жизни", серьезность и подчинение всего жизненного уклада религиозным интересам...

Ряд обстоятельств наводит на мысль, не следует ли перевернуть соотношение между неприятием мира, аскезой и церковной набожностью, с одной стороны, и участием в капиталистическом предпринимательстве, с другой. Не следует ли рассматривать данные явления не как противоположные, а как связанные внутренним родством?.. Поразительно большое количество сторонников самого глубокого христианского благочестия происходит из купеческой среды (в частности, пиетисты) - сочетают набожность и виртуозность в "делах"...

И другие примеры свидетельствуют: "Дух трудовой деятельности", "прогресс" и пр., пробуждение которого обычно приписывают протестантизму, не следует понимать как "радость жизни" и вообще придавать этому понятию просветительский смысл, как это обычно делают в наши дни. Протестантизм Лютера, Кальвина,... был более далек от того, что теперь именуют "прогрессом". Он был откровенно враждебен многим сторонам современной жизни, которые в наше время прочно вошли в быт самых ревностных приверженцев протестантизма. Ответ надо искать в чисто религиозных чертах старопротестантизма. Еще Монтескье сказал, что англичане "превозмогли все народы в 3-х весьма

существенных вещах: в набожности, торговле и свободе". Не связаны ли успехи англичан в области приобретательства, а также их приверженность демократическим институтам (что, впрочем, относится к иной сфере причинных отношений) с тем рекордом благочестия, о которой говорит Монтескье...

Таким образом, Вебер переворачивает общепринятое представление о воздействии протестантизма на европейцев с ног на голову: вместо освобождения от религиозных и этических запретов католицизма он видит в протестантизме еще большее усиление таких запретов, если не сейчас, то в прошлом (в "старом протестантизме").

Точка зрения, действительно, неожиданная, но в то же время имеющая под собой серьезные основания: протестантизм, действительно, возник как реакция против аморализма и распущенности иерархов католической церкви времен Возрождения, против их безбожия. Достаточно вспомнить такого предшественника протестантизма, как монаха Савонаролу или нашего протопопа Аввакума. (Кстати, в связи с обсуждением нетерпимости и ригоризма старопротестантизма, его приверженности к догматам предопределенности и "дела", можно поставить такой вопрос: "А не является ли революционный коммунизм в России XX века также видом протестантизма - православия? И не ждет ли его общая судьба буржуазного перерождения?)

Какие же, по мнению Вебера, черты "старопротестантизма" определили ему роль отца "Духа капитализма"? - Прежде чем приступить к поискам ответа на этот вопрос, Вебер пытается определить саму суть этого Духа, и для этого, прежде всего, ссылается на проповедь одного из самых ярких идеологов этого Духа, знаменитого американца В.Франклина, на преподаваемую им своеобразную этику:

«Время - деньги, кредит - деньги... Деньги по природе своей плодородны и способны порождать новые деньги. Тот, кто пунктуально отдает долги - хозяин чужих кошельков. Прилежание, умеренность, пунктуальность и справедливость

во всех делах... Веди точный счет своим расходам и доходам"... «Идеал - кредитоспособный, добропорядочный человек, который рассматривает приумножение своего капитала, как самоцель. Суть дела заключается в том, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная "этика", нарушение которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о практической мудрости (это было бы не ново), а о выражении некоего этоса..." Хотя у Франклина все нравственные требования имеют, правда, утилитарное обоснование (через полезность)...

Нажива становится самоцелью, чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к "счастью" или "пользе" отдельного человека... Этот, с точки зрения непосредственного восприятия, бессмысленный переворот в том, что мы назвали бы "естественным" порядком вещей, в такой же степени является необходимым лейтмотивом капитализма, в какой он чужд людям, не затронутым его веяниями. Вместе с тем во Франклиновом подходе содержится гамма ощущений, которая тесно соприкасается с определенными религиозными представлениями... На вопрос, почему же "из людей следует делать деньги", В.Франклин отвечает библейским изречением своего отца-кальвиниста: "Если ты видишь мужа, проворного в своем деле, то он должен стоять впереди царей". Приобретение денег (при условии, что оно достигается законным путем,) является при современном хозяйственном строе результатом и выражением дельности человека, следующего своему призванию, а эта дельность, как легко заметить, составляет альфу и омегу морали Франклина...

Представление о профессиональном долге перед своей профессиональной деятельностью - характерно для "социальной этики" капиталистической культуры...

Откуда же берется у людей такая "иррациональная" вера в дело, призвание, профессиональный долг, как главную, самодовлеющую ценность? Откуда же берется эта этика?

Что касается современности, то Вебер готов допустить решающую роль "экономического отбора".

Еще меньше, конечно, мы сможем утверждать, что субъективное усвоение этих этических положений отдельными носителями капиталистического хозяйства... является необходимым условием дальнейшего существования современного капитализма... Достигнутое господство в современной хозяйственной жизни капитализма создает ему необходимых хозяйственных субъектов-предпринимателей и рабочих посредством экономического отбора. Однако здесь... проступают границы применения понятия "отбор" для объяснения исторических явлений. Для того чтобы мог произойти соответствующий специфике капитализма "отбор" в сфере жизненного уклада и отношений к профессии, т.е. для того, чтобы определенный вид поведения и представлений одержал победу над другим, он должен был, разумеется, сначала возникнуть, притом не из отдельных изолированных личностей, а как некое мироощущение, носителями которого являлись группы людей. Именно это возникновение и требует объяснения.

Говоря биологическим языком, Вебер признает главную роль в формировании "капиталистического духа" за "экономическим (естественным) отбором", но интересует его больше другое: откуда взялась первая мутация, которая содержала в себе идею профессионального долга, зарабатывания денег честным путем, а впоследствии - развинулась в западный капитализм.

Вообще говоря, такое сужение Вебером своей задачи, делает менее интересным его будущий ответ. Ведь самые разные мутации (даже в масштабе целых обществ) могут возникнуть в разных условиях, хотя бы случайным образом - но важно, почему в одних условиях (например, Европы нового

времени) они получили ход, а в других (например, Азии), гибли на корню?

Тем не менее, последуем за Вебером дальше...

"Капиталистический дух"... утвердился лишь в ходе тяжелой борьбы против целого сонма враждебных ему сил. Тот образ мыслей, который нашел свое выражение в цитированных выше строках В.Франклина и встретил сочувствие целого народа, в древности же и в средние века был бы заклеен как недостойное проявление грязной скаредности. Подобное отношение и в наше время свойственно всем тем социальным группам, которые наименее связаны со специфическим современным капиталистическим хозяйством или наименее приспособлены к нему. Данное обстоятельство объясняется отнюдь не тем, что "стремление к наживе" было неведомо докапиталистической эпохе или не было тогда достаточно развито, как часто утверждают...

Жажда золота стара, как мир, и известна всей истории человечества, однако, отнюдь не те люди, которые полностью отдавались этой инстинктивной склонности, были представителями того образа мыслей, из которого возник специфический современный "дух" капитализма, как массовое явление... Абсолютная и вполне сознательная бесцеремонность в погоне за наживой часто сочеталась с самой полной верностью традициям. Ослабление традиций и более или менее глубокое проникновение свободного приобретательства и во внутреннюю сферу социальных взаимоотношений обычно влекло за собой отнюдь не этическое признание и оформление новых воззрений: их лишь терпели, рассматривая либо как этически индифферентное явление, либо как печальный, но, к сожалению, неизбежный факт. Такова была не только оценка, которую мы обнаруживаем во всех этических учениях докапиталистической эпохи, но и, что для нас значительно важнее, точка зрения обывателя этого времени, проявлявшаяся в его повседневной практике... Упомянутое отношение к приобретательству и было одним из сильнейших

внутренних препятствий, на которое повсеместно наталкивалось приспособление людей к предпосылкам упорядоченного буржуазного капиталистического хозяйства. Первым противником, с которым пришлось столкнуться "духу капитализма", и который являл собой определенный стиль жизни, нормативно обусловленной и выступающей в "этическом обличье", был тип восприятия и поведения, который может быть назван традиционализмом... Так, рабочий - человек, по своей природе не склонный зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни... Повсюду, где современный капитализм пытался повысить производительность труда или увеличить его интенсивность, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистических отношений к труду, за которым скрывалось чрезвычайно упорное сопротивление: на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с нашей точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело.

У протестантов способность к концентрированному мышлению, а также приверженность идее "долга по отношению к труду", чаще всего сочетаются со строгой хозяйственностью, в виду чего они принимают в расчет высоту своего заработка, с трезвым самообладанием и умеренностью - все это необычайно повышает производительность труда. Здесь мы находим благоприятную почву для того отношения к труду, как самоцели, как к призванию, которое необходимо капитализму...

Таким образом, "капиталистический дух", т.е. идеология, этос, при своем возникновении был встречен двумя идейными реальными противниками:

- традиционализмом, т.е. отказом от наживы напрочь, от дела - для простой жизни по нормам традиционной (или какой иной) морали;

- неограниченной жадной наживы с помощью грабежа и принуждения. В целом, эти два типа идеологии как бы дополняют друг друга: покорность и власть, бескорыстие - хищничество, пассивность масс - активность власти, создавая двуединую идеологию - этику традиционного, в частности, феодального общества, основанного на безрасчетном бескорыстии и безрасчетном насилии.

Капиталистический же Дух как бы соединяет в себе этику и активность, направляя последнюю не против людей, а на положительное дело. Он как бы вносит в общество расчет, разум, создавая условия для каждого человека проявлять одновременно свою активность и честность для выявления всех людских способностей, и потому делая общество в целом намного эффективнее.

Очень интересны и важны мысли Вебера о том, что "глубокое проникновение свободного приобретательства во внутренние сферы социальных взаимоотношений", т.е. буржуазная эволюция, отнюдь не встречала к себе положительного отношения и не влекла за собой перерождения сознания людей, а, напротив, вызывала сопротивление со стороны традиционной морали. И только возникновение новых этических учений протестантского типа позволило двинуться вперед капиталистическому прогрессу.

Капиталистический дух - систематическое и рациональное стремление к законной прибыли в рамках своей профессии... Носителями этого строя мышления, который мы определим как "дух капитализма", были на заре нового времени не только и не столько капиталистическими предпринимателями из кругов торгового патрициата, сколько поднимающиеся слои ремесленников. И в XIX веке классическими представителями подобного строя мышления были не благородные джентльмены Ливерпуля и Гамбурга с их унаследованным торговым капиталом, а выскочки Манчестера и Рейнской Вестфалии, родом из весьма скромных семей. Аналогично обстояло дело уже в XVI веке:

основателями возникающих тогда промышленных отраслей были преимущественно выходцы из средних слоев.

Совершенно очевидно, что такие предприятия, как банки, оптовая торговля, даже сколько-нибудь значительная розничная торговля и, наконец, даже скупка в больших размерах товаров домашней промышленности возможны лишь в форме капиталистической... (Но форма и капиталистический дух могут существовать раздельно)... И, тем не менее, эти предприятия могут быть преисполнены строго традиционалистского духа: дела крупных эмиссионных банков вообще нельзя вести иначе; заморская торговля на протяжении целых столетий опиралась на монополии и регламенты строго традиционного характера и т.п...

Жизнь скупщика прошлого века - капиталистическая форма организации. И тем не менее, это "традиционалистское хозяйство, если принять во внимание дух, которым оно проникнуто. В основе подобного хозяйства лежало стремление сохранить традиционный образ жизни, традиционную прибыль, традиционный рабочий день, традиционное ведение дел, традиционные отношения с рабочими и традиционный, по существу, круг клиентов, а также традиционность методов в привлечении покупателей и в сбыте - все это, как мы полагаем, определяло "этос" предпринимателей данного круга!

В какой-то момент, однако, эта безмятежность внезапно нарушалась, причем часто это не сопровождалось принципиальным изменением формы организации - переходом к замкнутому производству или к введению механических станков... Происходило часто скорее следующее: появлялся конкурент - молодой человек с капиталистическим духом... Прежней уютной, спокойной жизни приходил конец, наступила пора суровой трезвости: те, кто подчинялись законам времени - преуспевали, хотели не потреблять, а приобретать; другие стремились сохранить прежний строй жизни, но вынуждены были ограничить свои потребности.

При этом, что самое главное, - не приток новых денег совершал, как правило, этот переворот, - в ряде известных нам случаев, весь процесс революционизирования совершался при помощи нескольких тысяч, взятых взаймы у родственников, - но вторжение нового духа, а именно "духа современного капитализма"... Там, где он возникает и оказывает свое воздействие, там он добывает необходимые ему денежные ресурсы, но не наоборот.

Однако утверждение его шло отнюдь не мирным путем. Бездна недоверия, подчас ненависти, прежде всего морального возмущения всегда встречала сторонника новых веяний; часто - нам известны ряд таких случаев, - создавались даже настоящие легенды о темных пятнах его прошлого... Лишь необычайная сила характера могла уберечь его от морального и экономического краха... Он должен был обладать ярко выраженными "этическими" качествами, доверием клиентов и рабочих... Эти этические качества по самой своей специфике относятся к иному типу, чуждому традиционализму прежних времен с адекватными ему свойствами...

Этот сдвиг совершался не отважными и беспринципными спекулянтами или авантюристами или обладателями "больших денег", а людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительным и решительным одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу, со строго буржуазными воззрениями и "принципами"...

Читая эти строки, я вспоминаю то моральное негодование, которое часто охватывает нас самих при встрече в жизни с "преуспевающими и хорошо зарабатывающими" шабашниками, торговцами, "спекулянтами", "леваками", дельцами-"проходимцами"... Не повторяем ли мы описанную еще Вебером, реакцию замшелого традиционализма против возникающего в нашей стране Капиталистического Духа?

Приведенные отрывки мне кажутся важной иллюстрацией того, что не внешние атрибуты (форма

организации, денежные расчеты, использование наемных рабочих) определяет глубинную суть капитализма, а именно сам Дух творчества и инициативы, Дух взрывания всяческих традиций и устоявшихся норм жизни - ради Дела, ради Пользы, т.е. ради наживы в рамках общей этики...

Всяческие монополисты, менеджеры, управляющие и пр., на которых любят ссылаться сегодня, как на типичных представителей капитализма - на деле никакие не носители капиталистического Духа. Они скорее стали закорячавшими традиционалистами или феодалами, т.е. тем материалом, который годен лишь на слом для новых молодых людей, преисполненных капиталистического духа. Таким образом, истинный капитализм - это вовсе не родившаяся некогда, а теперь стареющая форма экономической организации. Нет, это творческий огонь, пожирающий раз за разом все окостенелые формы организации дела, которыми наполнена наша жизнь.

Здесь мне хочется отвлечься от Вебера к еще более знаменитым авторам, чтобы показать, что понимание столь творческой роли капиталистического, буржуазного духа совсем не является нонсенсом:

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль. Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть,

и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличает буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими им веками, освященными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устарелыми, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения...

Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, - какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда!(К.Маркс и Ф.Энгельс "Манифест Коммунистической партии", 1848 г.)

Возвращаясь же снова к Веберу, зададимся вопросом: в чем же смысл этой капиталистической этики, так чудодейственно и эффективно ограничившей иррациональное стремление людей в простой наживе? Вебер не считает, что ее отличительный признак - религиозность. Уже В.Франклин свою предпринимательскую мораль обосновывает не верой, а в духе просветительства - утилитаризмом. Еще дальше пошел

процесс потери религиозных основ у современных носителей капиталистического духа:

На первый взгляд кажется..., что адекватной подобному деловому образу жизни должна быть скорее способность освободиться от власти традиций, т.е. нечто близкое либерально-просветительским устремлениям. И это в целом верно для нашего времени, когда связь между жизненным укладом и религиозными убеждениями обычно либо полностью отсутствует, либо носит негативный характер; так, во всяком случае, обстоит дело в Германии. Люди, преисполненные капиталистического духа, теперь если не враждебны, то совершенно безразличны по отношению к церкви. Благочестивая скука рая не прельщает столь деятельные натуры, а религия представляется им лишь средством отвлечь людей от трудовой деятельности в этом мире. Если опросить этих людей о "смысле" их безудержной погони за наживой, плодами которой они никогда не воспользуются, и которая именно при посторонней жизненной ориентации должна казаться совершенно бессмысленной - они в некоторых случаях, вероятно, ответили бы, ... что ими движет "забота о детях и внуках" (традиционный ответ) или..., что само дело с его неустанными требованиями стало для них "необходимым условием существования".

Надо сказать, что это единственно правильная мотивировка, выявляющая к тому же всю иррациональность подобного образа жизни, при котором человек существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и стремление к власти, и почести, которые даются богатством, - а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет неотразимое очарование для поэтов коммерческих кругов. Однако, ведущие предприниматели капиталистического мира, достигающие прочного успеха,

обычно не руководствуются в своей деятельности подобными соображениями...

Идеальный тип капиталистического предпринимателя - аскетически направленный, сдержанный и скромный. Самому предпринимателю богатство "ничего не дает", разве что иррациональное ощущение "хорошо исполненного долга" в рамках своего призвания. Именно это представление, однако, человеку докапиталистической эпохи кажется столь непонятным и таинственным, столь грязным и достойным презрения. Что кто-либо может сделать единственной целью своей жизненной деятельности накопление материальных благ, может стремиться к тому, чтобы сойти к обремененности деньгами и имуществом, люди иной эпохи способны были воспринять лишь как результат извращенных наклонностей (жажды золота)...

Хозяйственному строю капитализма необходима эта преданность делу, это служение своему "призванию", сущность которого заключается в добывании денег: это своего рода установка по отношению к внешним благам, столь адекватная данной структуре, столь связанная с условиями борьбы за экономическое существование, что в настоящее время, действительно, не может быть и речи о какой-либо обязательной связи между вышеназванным "хрематистическим" (т.е. ориентированным на рынок или "рыночным") образом жизни, и каким-либо цельным мировоззрением. Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь (в той мере, в какой оно вообще ощущимо) такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. "Мировоззрение" теперь, как правило, определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Однако все это - явления той эпохи, когда капитализм, одержав победу,

отбрасывает ненужную ему больше опору. Подобно тому, как он в свое время сумел разрушить старые средневековые формы регламентации хозяйства только в союзе со складывающейся государственной властью, он, быть может (пока мы еще только предполагаем это), использовал и религиозные убеждения...

Наконец, Вебер рассматривает и отвергает гипотезу порождения капитализма - просто развитием традиций европейского рационализма.

Создается впечатление, что развитие "капиталистического духа" может быть легче всего понято в рамках общего развития рационализма к последним вопросам Бытия. В этом случае историческое значение протестантизма сводилось бы к тому, что он сыграл известную роль в качестве "предтечи" чисто рационального мировоззрения. Однако при первой же серьезной попытке такого рода, становится очевидным, что подобная упрощенная постановка проблемы невозможна хотя бы по одному тому, что общая история рационализма отнюдь не является совокупностью параллельных прогрессирующих рационализаций отдельных сторон жизни... Если под "практическим рационализмом" понимать тот тип жизненного поведения, который базируется на сознательной оценке мироздания и отношения к нему с точки зрения посторонних интересов отдельной личности, то этот стиль жизни как в прошлом, так и в настоящем, типичен для народов "свободной воли", входит в плоть и кровь итальянцев и французов. Между тем, мы могли уже убедиться в том, что отнюдь не на этой почве взросло то отношение человека к своему призванию, как цели жизни, которое является необходимой предпосылкой для развития капитализма. Ибо жизнь можно "рационализировать" с весьма различных точек зрения и в самых различных направлениях (этот простой, часто забываемый тезис следовало бы ставить во главу угла каждого исследования проблемы.

Теперь остается рассмотреть саму концепцию протестантизма изнутри, к чему Вебер и переходит, начиная с лютеранства.

Лютер: "Выполнение мирянами своих обязанностей при любых обстоятельствах - единственное средство быть угодным Богу. Все дозволенные профессии равны перед Богом". Как безгранично далека эта концепция от глубокой ненависти, с которой созерцательно настроенный Паскаль отвергал всякую положительную оценку мирской деятельности, будучи глубоко убежденным в том, что в основе ее может лежать лишь суетность или лукавство. И еще более чужда она тому утилитаристскому приспособлению к миру, которое характеризует пробабализм иезуитов.

Но не может быть и речи ни о каком внутреннем родстве лютеровских взглядов с "капиталистическим духом" в том смысле, который мы вкладываем в это понятие, да и вообще в каком бы то ни было смысле... И уже, конечно, сам Лютер решительно отмежеввался бы от любой концепции, близкой к той, которая выражена в трудах Франклина. Вместе с тем, не следует ссылаться в этой связи на сетования Лютера по поводу деятельности крупных торговцев, подобных Фуггеру и др.! Ибо борьба, которая в XVI и XVII веках велась против юридических или фактических привилегий крупных торговых компаний, более всего напоминает современные выступления против трестов, и также, как эти выступления, сами по себе, отнюдь не являются выражением традиционалистского образа мыслей. Против упомянутых торговых компаний, против ломбардов, ... против монополистов, крупных спекулянтов и банкиров, пользовавшихся покровительством англиканской церкви, а также королей и парламентов, вели борьбу и пуритане, и гугеноты...

Результатом Реформации как таковой было, прежде всего, то, что в противовес католической точке зрения, моральное значение мирского профессионального труда и религиозное воздаяние за него чрезвычайно возросло. Дальнейшее развитие

идеи "призвания", в которой нашло свое выражение это новое отношение к мирской деятельности, зависело от конкретной интерпретации благочестия в отдельных реформированных церквях.

Авторитет Библии, из которой Лютер, как ему представлялось, почерпнул идею призвания, в действительности, может скорее служить опорой традиционалистским концепциям... (Каждый пусть остается при нужде своей, предоставляя безбожникам погоню за прибылью)... Лишь Талмуд, да и то не полностью, становится на иную точку зрения... Что касается отношения Иисуса к этому вопросу, то оно с классической ясностью отражено в типичной для Востока молитве: "Хлеб наш насущный дай нам днесь".

Сначала Лютер был настроен традиционно, стоял на платформе ап. Павла ("Жизненный путь краток, поэтому значение характера профессии не важно, а стремление к излишней материальной выгоде достойно порицания"). По мере того, как Лютер все более погружался в мирские дела, он все выше оценивал значение профессиональной деятельности... После борьбы с "фанатиками" и крестьянских волнений, объективный исторический порядок, в котором каждый человек занимает отведенное ему Богом место, становится для Лютера прямой эманацией Божественной Воли... приводит Лютера к идее "покорности" чисто традиционалистской окраски... Профессиональное призвание есть то, что человек принимает, как веление Господне, с чем он "примиряется". Этот оттенок преобладает у Лютера, хотя в его учении есть и другая идея, согласно которой профессиональная деятельность является задачей, поставленной перед человеком Богом, притом главной задачей. По мере развития ортодоксального лютеранства эта черта проступает все резче. Таким образом, этический вклад лютеранства носит, прежде всего, негативный характер: отрицание превосходства аскетического долга перед мирскими обязанностями,

сочетавшиеся с проповедью послушания властям и примирением со своим местом в мире...

У других протестантских форм - кальвинизма и др. - связь жизненной практики с религиозными основами менее скрыта... Католицизм с давних пор и поныне видит в кальвинизме своего противника... но без кальвинизма дело Лютера не получило бы широкого распространения и прочного утверждения. Одно общее католикам и лютеранам отвращение к кальвинизму находит свое обоснование в его этическом своеобразии...

У античных и пр. авторов в их учениях о "трудолюбии" присутствуют достаточно разработанные элементы хозяйственного "рацио". Но разве можно допустить мысль, что подобная литературная теория способна была совершить столь коренной переворот всего жизненного уклада, переворот такого размаха, который оказался под силу религиозному верованию, предлагавшему в качестве награды за определенное поведение (в данном случае поведение методически-рациональное) - спасение души... Таким образом, решающая черта этого различия: этика, уходящая своими корнями в религию, предоставляет за предписываемое ею поведение совершенно определенные и (до того момента, когда вера в данное религиозное учение жива) - чрезвычайно действенные психологические награды (не экономического характера, которыми чисто практические учения...просто не располагают.)

К сожалению, здесь кончается доступный мне текст Веберовского сочинения. Очевидно, в последующем Вебер более подробно исследует другие виды протестантизма, и, особенно, - кальвинизм (пуританизм) с целью выявления в них начатков Капиталистического Духа.

Правда, чтение одной полузабытой у нас книги Ф.Капелюша "Религия раннего капитализма", Москва, 1931г., написанной с учетом и использованием веберовских исследований, дает представление об этой проблематике, особенно о самой важной ее части, о доктрине

предопределения кальвинистов, придавшей их хозяйственной и прочей жизненной деятельности огромную активность. Но в общем-то, остальные историко-религиозные тонкости уже не столь интересны, как поиски ответов на главный вопрос: "Ну, а все же, какова причина возникновения и расцвета в Европе нового времени Капиталистического Духа?"

Мало того, более детальное знакомство с историей Реформации и предшествующих ей ересей способно даже породить недоумение: все они, по большей части, носят далеко не буржуазный, а напротив, резко коммунистический, ригористический характер. И только впоследствии, в ходе реальной жизни, первоначальное стремление "старопротестантизма" к заветам евангельской общинной жизни сменяется известными нам сегодня идеалами профессионального призвания и долга - как главному средству спасения. Собственно, эту эволюцию взглядов и догматов у Лютера отмечает сам Вебер. Аналогичное изменение взглядов Кальвина и его последователей, например, на "процент", т.е. на важную разновидность капиталистической прибыли, проследил Бем-Баверк в книге "Капитал и процент" и т.д. Получается, что главный тезис Вебера: "Протестантская этика (сама по себе) как главный источник западноевропейского капитализма" - повисает в воздухе. Выходит, что Капиталистический Дух не родился спонтанно в воззрениях основателей протестантизма, а был выработан в ходе жизни самих протестантских общин из их первоначального традиционализма (коммунизма). Так в чем же причина такой эволюции этих общин?

Однако в книге Вебера в неявном виде присутствует и иное объяснение происхождения капиталистического духа. Так, выявляя связь между протестантизмом и капитализмом на статистических данных, он вынужден учитывать в качестве неоспоримого статистического факта связи между существованием национальных и религиозных меньшинств и их склонностью к капиталистической деятельности.

Издавна наблюдается и поныне действующая закономерность: национальные и религиозные меньшинства, противостоящие в качестве "подчиненных" какой-либо другой, "господствующей" группе, обычно, в силу того, что они добровольно или вынужденно отказываются от политического влияния и политической деятельности, концентрируют все свои усилия в сфере предпринимательства; этим путем наиболее одаренные их представители стремятся удовлетворить свое честолюбие, которое не находит себе применения на государственной службе. Так обстояло дело с поляками в России и Вост.Пруссии, где они, несомненно, шли по пути экономического прогресса (в отличие от поляков Галиции, оставшихся у власти), также - с гугенотами во Франции Людовика XIV, с нонконформистами и квакерами в Англии... и с евреями на протяжении 2-х тысячелетий.

Можно считать установленным, что самый факт переезда на работу в другую страну является одним из наиболее мощных средств повышения производительности труда (жизнь в общих бараках, низкий уровень жизни и пр.)... Воспитующим здесь является самый факт работы в новых условиях. Именно он разрушает традиционализм. Вряд ли надо указывать на то, в какой степени этот фактор влияет на развитие американской экономики. В древности подобное значение имело для иудеев вавилонское пленение.

Вопреки мнению Вебера, именно факт независимого существования различных религиозных меньшинств после Реформации и делает понятным, как развитие капиталистического духа в самих первоначально коммунистических сектах, т.е. причин их идейной эволюции, так и причин возникновения капиталистического духа именно в Европе, этом Старом Свете, когда он завоевал себе религиозную свободу, когда прежде единая католическая вера распалась на множество независимых и потому прогрессирующих сект.

4.4. О книге М.Поповского "Куда девались толстовцы"

Тема связи религиозного, этического протестантизма и возникновения Капиталистического Духа, т.е. творческого преобразования нашего традиционалистского общества, меня волнует до сих пор. Размышления ну эту тему отразились в... отклике на самиздатскую книгу М.Поповского, посвященную судьбе и жизнедеятельности в нашей стране последователей Л.Н.Толстого, его религиозно-этического учения, т.е. одной из самых поздних и рационалистических христианских сект в России.

Дорогой Марк Александрович! Никогда ещё я не читал Вашу книгу с таким сочувствием и пониманием. За исключением некоторых мыслей (особенно в конце), я воспринимал Вас как единомышленника. Это так удивительно и хорошо ощущать! Вы так тепло пишете об этих простых людях, так любовно повествуете о толстовских коммунах, не боитесь их коммунизма, так терпимы к мыслям и чувствам этих людей, так родственны этим крестьянам, которых я тоже ощущаю родственниками, что мне стало просто больно от Вашего скорого отъезда. Только-только открылся новый, любящий нас Поповский - и вот скоро его не будет с нами...

Но это, конечно, не по теме. Сейчас мне хочется поговорить на тему Вашей книги, вернее, выводов из нее.

Конечно, Вы правы. В мире ничего не исчезает, и жизнь двух или больше тысяч толстовцев не прошла даром. И нравственный подвиг, и чистота жизни оказывала и оказывает невидимое глазу воздействие - пусть не на детей, так на внуков. Но только не надо считать, что в своей моральной жизни и примере толстовцы были одиноки, были исключением. Нет, они были лишь небольшой группой великого, всенародного и даже всеисторического движения народа, выразившегося в создании коммун - как вполне религиозных, так и сугубо атеистических.

Как раз тот советский ученый, которому в своей книге Вы неоднократно даете нелестную характеристику -

А.К.Клибанов - в последней своей книге "Народная социальная утопия в России", 1977г. - хорошо показал, как идеал социальной правды, братской любви и коммунистической жизни через византийскую "отреченную" литературу и апокрифы распространялся уже в древней Руси, чтобы потом вновь и вновь возникать и развиваться на собственно русской почве - в спорах нестяжателей и иосифлян, в ересь XV-XVIIвв, в расколе и его разных толках, в идеологии крестьянских войн и восстаний - Болотникова, Разина, Булавина, Пугачева. Весьма доказательно разбивает Клибанов утвердившуюся в советской исторической науке антирелигиозную догму о том, что крестьянские восстания были нерелигиозными и даже выше современных им религиозных достижений. С большой симпатией обрисовывает он учения народных вероучителей - создателей толков и сект, и вместе с тем создателей народных коммунистических утопий: Федора Косого, Аввакума, Феодосия Васильева ("федосеевское согласие"), Андрея Денисова ("поморское согласие"), Евфимия (секта "бегунов"), Колесникова ("духоборы"-молокане), Еленского и др. - эта цепь тянется и усиливается в XIX веке. Не меньше внимания уделяет Клибанов и практике осуществления этих, вырабатываемых русской народной мыслью раннекоммунистических идеалов "праведного общежития". Сюда же он справедливо относит и те учения и коммуны, которые заносили на русскую почву западноевропейские протестанты (проповедь "коммуниста" К. Кульмана, коммуна геттерских братьев на Черниговщине и т.д.)... Книга кончается началом XIX века, но мы знаем, конечно, сколь бурно и богато эта история продолжалась в последние два века.

В непрерывных духовных поисках и экспериментах русского народа, несомненно, существует эволюция. И она заключается не только в расширении силы и влияния независимых религиозных вероисповеданий, но вместе с тем, как мне кажется, в том, что они приобретают все более светский характер. Народное сознание стремилось не только к

праведной коммунистической старине, не только к старой вере ранних христиан, но одновременно осваивало и перерабатывало достижения мировой культуры. Уже вероучение духоборов в изложении Г.Сковороды резко отличается своим уровнем от проповеди Аввакума, "Благовесть" Еленского - вообще полусветский документ. А ведь были еще такие экзотические религиозные толки, как "вольтеровщина" - когда часть городских крепостных и мещан возвела в христианского вероучителя Вольтера. Так будем ли мы удивляться, что позже такую роль вероучителей сыграли для русских крестьян и горожан поэт-символист А.Добролюбов, писатель Л.Толстой, экономист К.Маркс?

Толстовство с его предельно обобщенным и потому размытым христианством, готовым слиться с иными религиями на общей почве пантеизма, мне представляется переходным звеном к марксистскому, материалистическому вероучению.

Отмечая, что после 1917 года, кроме толстовских коммун, были еще и сектантские, чисто религиозные коммуны, Вы почему-то не упоминаете о существовании в эту же (и предшествующую ей) эпоху других коммун - атеистического и даже марксистского толка. А ведь их было гораздо больше, чем толстовцев и сектантов и, соответственно, их влияние на судьбы народа было существенней, хотя и такое же по основному характеру. Да и судьба у этих коммун была аналогичной: те из них, которые возникали вне воли властей, стихийно, по велению души энтузиастов, оказывались эффективными и хорошо работали, но в 30-е годы были разогнаны и переведены в разряд "большевистских колхозов".

Реальные "ростки коммунизма" были безжалостно задавлены самой сталинской властью, именовавшей себя - "коммунистической". Обычный для нас парадокс! И не играло большой роли, какого именно вероисповедания придерживались коммунары (следует различать "коммунаров", как людей, осуществляющих реальный

коммунизм, от "коммунистов-членов государственной партии)... Не помогало даже рекламируемое покровительство самих "органов": например, детские коммуны Макаренко, долго жившие под эгидой НКВД, были уничтожены в тех же 30-х годах. Материалистические и религиозные, толстовские или марксистские - все они могли существовать только в обстановке собственной свободы и неуправляемости (хотя бы относительной), и именно по этой причине и погибли от тотальной сталинской власти.

Но этого мало. Большинство исследователей (в том числе и А.И.Клибанов) уверенно отмечает, что все секты, первоначально коммунистические, все их коммуны-общежития при продолжительной жизни приходят к хозяйственному процветанию и неминуемо перерождаются в крепкие буржуазные организации, крупные капиталистические предприятия. Так происходило с Выгодским общежитием поморцев, с Преображенской общиной федосеевцев, с духоборами и молоканами и т.д. и т.п.

Аналогичные явления наблюдались и в Европе, и в Америке. Этот процесс дал основание Максу Веберу именно от протестантских общин и вероучений вести происхождение капиталистического духа, этической основы современной западной цивилизации. Правда, он пытался разглядеть корни этого духа в самой сути теологических концепций западного протестантства. Но, мне кажется, главные причины рождения Капиталистического Духа, духотворческой, независимой, могучей работы лежит не столько в характере и деталях самого свободного существования, а в том факте, что группа людей, свободно и независимо избравших свою веру, твердо ее держится и начинает истово трудиться, работать, преобразуя мир вокруг себя по вере своей. Сама жизнь, сама свободная деятельность корректирует то неверное, что было заложено в первоначальной их концепции, и выводит эту группу людей на оптимальный режим работы и существования.

Мне представляется естественным стихийное изначальное стремление свободных людей к братству, к коммунистическим, семейным принципам общечеловеческого, к полноценной и творческой работе, к раскрытию всех своих способностей на благо всех. Так было и будет всегда и везде. Такой коммунизм вечен, как вечна этика и сама человеческая жизнь.

Однако семьей-коммуной люди могут жить только в очень ограниченном числе (единиц, а не десятков) и при очень большом сходстве целей и убеждений. Что же происходит, когда эти протестанты-коммунары пытаются распространить свои принципы, допустим, на всю страну? - Тут, на мой взгляд, возможны два исхода:

Первый. Разные группы таких людей вырабатывают разные идейные и религиозные платформы и потому создают разные организации, конкурирующие между собой. Иные особенности заставляют делиться даже общины одних взглядов. Если в результате соперничества они не будут уничтожать друг друга, а веротерпимость и свободу начнут ценить выше успехов "собственной веры", то установится их мирное сосуществование - не по законам братской любви, конечно, а по законам обычного нейтралитета и на основе эквивалентности услуг, т.е. на основе рыночных, капиталистических законов. Будучи внутренне коммунистическими, вовне они становятся капиталистическими организациями, притом, весьма эффективными. Так коммунистические намерения основателей приводят к созданию процветающих капиталистических хозяйств. Обычный исторический процесс. И когда Сталин и его присные обвиняли наши эффективные коммуны в кулацком духе, они были недалеко от истины, если под - "кулаком" понимать не ругательное слово, а нормального мелкого или среднего предпринимателя. Я не буду сейчас касаться дальнейшего эволюционирования таких коммун, когда на рынке наряду с отдельными производителями и коллективами производителей появляются

предприятия с наемными "рабами" (рабочими) - это слишком длинная история...

Но есть и другая возможность: пользуясь тоталитарными, азиатскими традициями страны, какая-то из сект захватывает полную власть и начинает преобразовывать страну монопольно, согласно своим идеалам. В этом случае на первый план выдвигаются элементы подавления, всеобщего планирования, диктатуры, рабства, которые, в конечном счете, становятся самодовлеющими и подминают под себя первоначальную цель секты. Так, это произошло и со сталинским марксизмом, и с маоистским коммунизмом, и с... да мало ли примеров? - Историческая случайность не выдвинула к власти после 1917 года эсеров - тогда бы к сталинщине могло придти не марксистское, а народническое учение. У Н.Ф.Федорова в его философии было очень много тоталитарных черт, но история не судила осуществиться его программе, и потому секта "федоровцев" осталась малочисленной и высоконравственной. Но то же самое могло бы произойти и с толстовским учением, если бы судьба вручила его последователям власть. Деятельность преемников М.Ганди, основателя столь родственного толстовству учения - особенно деятельность Индиры Ганди - тому неплохая иллюстрация.

Итак: все начинается со свободно выбираемых коммунарских идеалов разного вероисповедания, но дальше развитие может идти или к "капитализму" (к рыночному сосуществованию разных семей и коммун) или к "тоталитаризму" (всеобщей казарме, рабству).

Понятно, что произошло у нас. Но что можно ожидать теперь? Что обещает нам будущее? Возродятся ли прошлые коммуны? Восстановится ли прежнее движение? - Конечно, да! Чтобы убедиться в этом, достаточно оглянуться окрест. В стране не исчезает море самодеятельных студенческих коммун, шабашных артелей, невидимых миру товариществ. Различны их веры и цели, и пусть эти цели часто очень

прозаичны: важно, что они организуются свободно, независимо, и на коммунарских практически началах.

Конечно, большинство нынешних коммун и их участников - далеки от религиозности, да и вообще от любых форм идеологии, даже заземлены; что позволяет не узнавать в них реальных потомков и продолжателей многовекового устремления народа к свободе и коммунизму. Я думаю, что такое внеидеологическое состояние - временное явление, что вся массовая идеология нужна современным людям - для внутренней уверенности и прочности. Но какой она будет?

Я думаю, что формы идеологии меняются и исчезают безвозвратно. Думаю, что христианству идейно уже не подняться, как не подняться толстовству и даже марксизму. Впрочем, с марксизмом положение пока иное: сегодня именно он является господствующей идеологической формой мировоззрения советских людей, и потому именно его будут расшатывать и модернизировать будущие массы протестантов. И поэтому мне представляется наиболее перспективной в ближайшем будущем идеология возврата к "старой, истинной коммунистической и марксистской вере", к гуманизму молодого Маркса и демократизму Ленина (к партмаксимуму, НЭПу, терпимости и гласности, решающей роли беспартийных на партчистках и т.д. и т.п.), т.е. идеология возврата не к исторически реальным Марксу и Ленину, а к мифологизированным Марксу-Ленину. И чем больше будет разных пониманий и толкований Маркса-Ленина (а рядом с ними - Толстого, Лютера, Магомета, Христа, Будды и др.), тем лучше, тем короче будет путь к нашему демократическому завтра. "Через проповедь истинного коммунизма - к капитализму" - это мировой опыт. И наша страна здесь не исключение.

Вот Вы возмущаетесь А.И.Клибановым, когда он в ответ на критику толстовства отвечает заявлением о своей марксистской вере. Но ведь это типичная и вполне понятная реакция марксистского сектанта, который спорит с толстовским учением именно потому, что оно близко,

конкурентоспособно с его собственными верованиями. Я совсем не думаю его оправдывать, только хочу отметить, что наряду со столь огорчительной нетерпимостью, Клибанов и многие иные искренние коммунисты делает немало пользы как своими научными поисками родственных коммунизму черт в иных сектах, так и проповедью возврата к первоначальным коммунистическим (коммунарским) идеалам.

Вот, кажется, то основное, что хотелось бы добавить к Вашей самой симпатичной мне книге. Я ее считаю вполне законченной и завершенной, но если Вы будете возвращаться к истории толстовских коммун, то хотелось бы более подробного освещения их быта, истории их ссор и реального преодоления, способов их хозяйственной деятельности, обогащения, успехов и неудач. Хотелось бы уловить реальную динамику их внутреннего развития, подтвердить или опровергнуть опытным путем справедливость давно установленного правила: "Успешно действующая коммуна (товарищество) со временем буржуазно перерождается, становясь источником прогресса".

В вашей книге сейчас нарисована только идиллическая картина жизни толстовских коммун. С точки зрения главного вопроса-заголовка: "Куда девались толстовцы?" она вполне оправдана. Однако для строительства будущих коммун идиллий мало - хотелось бы использовать богатый опыт наших предшественников... Еще раз спасибо. 2.6. 1977 г.

4.5. Поповскому М.А.о книге «Жизнь и житие архиепископа Луки, профессора Войно-Ясенецкого» , 1971-75гг.

Дорогой Марк Александрович!

I. Наверное, Вам будет интересна фиксация читательских впечатлений (главное – откровенных) о первых двух главах "Жизнь и Житие архиепископа Луки, профессора Войно-Ясенецкого". С удовольствием повторяю название, так оно мне нравится своей парадоксальностью и точностью

смысла. Правда, кажется немного тяжеловесным из-за разделенности. А может, можно сделать название несколько короче и слитней? Допустим, так: "Жизнь и Житие Войно-Ясенецкого, профессора и епископа" (или длиннее: "..., профессора медицины и архиепископа Луки") – А то сейчас Лука забивает Войно и парадоксальность смазывается.

Так вот, прочитал 230 стр. за два вечера с неослабным вниманием. Правда. Спасибо от читателя. Особенно было интересно следить за легендами "Жития", как они рождаются на глазах. Ведь Лука был действительно святым, а то обстоятельство, что его еще не канонизировала церковь, ни о чем не говорит: времени прошло мало, православная церковь нетороплива и подобострастна – время для признания святого Луки еще впереди. Так что сегодняшняя запись легенд и создание "Жития святого Луки" – дело вполне благое, даже "богоугодное".

Я долго думал, в чем бы мог Вас покритиковать. Цепляться за наши разногласия в понимании мира – глупо, но вот что касается самой литературы, то вот что надумал.

Название книги обещает "Жизнь" и "Житие" как равноправные линии повествования, идущие и переплетающиеся через всю книгу. На деле есть только научно-художественная биография, а самого "Жития" почти нет. Есть только его фрагменты – легенды, собранные в Прологе совместно с Вашими комментариями. Но этого слишком мало: автор "Жития" обязан сам творить легенду, соединяя разрозненные куски народных преданий в свою связную религиозную легенду. Может быть, я хочу слишком многого, и Вы не можете стать на уровень народа, творящего мифы, и взглянуть на жизнь профессора гомеровскими глазами. Задача, действительно, громадная, а для интеллигента-атеиста – просто дерзкая. Может, она пока никому из ныне живущих писателей не по плечу. Но тогда следовало бы просто отказаться от обещания "Жития" в заголовке, оставив лишь "Жизнь профессора-епископа". Я

думаю, что рано или поздно, но "Житие св.Луки Войно-Ясенецкого" будет написано.

Какая конструкция книги мне представляется идеальной? Прежде всего, "Пролог" освобождается от житийских легенд, до первых 14 страниц. По всем же главам идет сначала "Житие", а за ним - "Жизнь" в качестве научно-художественного комментария. В конце же книги могут быть примечания (может, до половины книги, или трети), в которые включено все богатство источников, вариантов легенд, воспоминаний и прочих научный материал.

Конечно, мне совсем не хотелось бы, чтобы "Житие" точно походило по стилю и наивности на канонические православные "Жития святых". Совсем необязательно его писать на уровне безграмотной старушки о "чудесном батюшке-исцелителе". Но совершенно необходимо, чтобы "Житие" было на уровне современного культурного верующего (отнюдь не отрицающего даже возможность чуда), на уровне самого епископа Луки. Наверное, здесь будут уместны и мысли Бердяева и других веховцев, и повести о борьбе с вепром - "живой церковью", и все самые абстрактные положения (ведь и само Евангелие полно философской зауми вроде - "в начале было слово"). Но абсолютно недопустимо, чтобы в "Житие" включались материалистические нотки Вашего сомнения в реальности чудесных указаний Бога – Луке (вроде голоса в душе или отворачивания лика Христа, или чекистов, как "орудия Божия"). Недопустимо предпосылать им эпитаф о сплетнях, окружающих историческую личность, хотя в Прологе такой эпитаф вполне уместен.

Думаю, что при написании этой книги Вы должны почти реально раздвоиться: на 1) автора "Жития" – глубоко религиозного, везде видящего мистику, чудо, Божий Промысел; 2) автора "Жизни" – вполне нашего человека, ученого и светского писателя, во всякой мистике выявляющего только факты, объясняющего религиозное "Житие" и развивающего его доступным для нас,

атеистического большинства, образом (да Вы это прекрасно и делаете). Только тогда и "Жизнь", и "Житие" сольются в одну великую книгу.

Конечно, все в меру, и "Житие" хоть по форме может походить на церковные каноны, соответствовать прежним традициям, во всяком случае, впитать их опыт. Выходит, я требую, чтобы Вы научились писать церковные "Жития", стали церковным писателем, почти Красновым. Но ведь я сейчас говорю лишь об идеале, фантазирую...

Конечно, трудно описывать в "Житии" доцерковную жизнь Войно-Ясенецкого, но ведь можно начать его с 1921 г., оставив первую главу сугубо светской, хотя это и убавит стройность книги. И потом, почему все же нельзя сфантазировать религиозную повесть о верующем докторе до 1919 г.? Ведь в "Житии" никто не требует очевидности каждой детали. Ведь здесь широкое поле для домыслов, фантазии, описания по догадкам, соединения черт и событий жизни многих людей.

Но как необходима в "Житии" Ваша религиозность, так необходим Ваш атеизм в "Жизни" – для нынешнего атеистического читателя (вроде меня хотя бы) и для собственной правды (ведь Вы все же атеист!), для полного разбора основного вопроса и книги, и всех нас: "Можно ли жить по совести?" "Житие" решает его на религиозном уровне (кстати, какие замечательные факты Вы мне раскрыли понятиями "акривии" и "икономии"), а в "Жизни" это решение переведено на наш атеистический язык. И опять же я не знаю, насколько это возможно, раз Вы считаете, что религия необходима для "морали" (с другой стороны, Ваш черновик-статья о естественном происхождении чувства "совести" говорит о твердом атеизме).

И не нужно в "Жизни" бросать тень сомнения на собственную нерелигиозность и допускать такие, например, насмешки и иронию, как над словами А.В.Стекольниковца: "Я убежденный атеист и коммунист". Лично я очень поежился под этой насмешкой, приняв ее полностью на себя: ведь и я

убежденный атеист и коммунист (и одновременно мещанин-буржуа и демократ).

Но, в общем, к "Жизни" у меня нет таких больших пожеланий, как к "Житию". Ведь здесь Вы чувствуете себя в родной стихии, как рыба в воде. Конечно, это не означает, что я согласен со всеми Вашими утверждениями и выводами. Но я понимаю, что не может автор угодить на каждого.

Одного только коснусь: очень часто огорчился Вашими резкими выражениями в адрес "семнадцатого года", "властей" и пр... Огорчался по двум причинам.

Первая: потому что эти выражения осуждения просто несправедливы. Ведь если считать 17-й год неизбежным (а он, наверное, все же был неизбежным – в этом убеждает наличие революций в истории почти всех цивилизованных стран), то большевистская партия была, в общем, положительным и конструктивным фактором в деле противодействия крестьянской анархии и разгулу, в деле собирания и упорядочивания России. И хотя Ленину принадлежат призывы к гражданской войне, экспроприации и террору, но после своей победы – главным в его лозунгах стало иное – положительная работа по удержанию прочной власти, призыв всех к труду, дисциплине, закону, обеспечению условий работы для "спецов", нэпманов и пр. и т.д. Поэтому нельзя отрицать положительную роль интеллигентных "партийцев", которые, сидя на вершине клокочущей народной волны и невольно санкционируя этот террор и разгул, тем не менее, сохраняли, спасали некоторую культуру (пример освобождения Войно-Ясенецкого из мастерских) и организацию. И только это обстоятельство может помочь нам понять, почему Войно-Ясенецкий и другие интеллигенты были "искренне за советскую власть". В тексте же книги эта "искренняя поддержка" – воспринимается лишь как непонятная слабость героя, его наивность или глупость.

Вообще, на мой взгляд, одной из важнейших черт и заповедей Войно-Ясенецкого является "подчинение власти, ибо всякая власть от Бога". Это положение требует более

подробной разработки, а для этого прежде – Вашего на то душевного согласия. Сейчас же Вы невольно делаете упор на моменты противостояния Луки властям (на суде проф. Ситновского особенно). И может, вся разгадка удивительного благополучия жизни Войно-Ясенецкого (ибо пройти с достоинством через все последние десятилетия – это редчайшая удача) как раз и заключается в соединении полной лояльности и работоспособности (полезности) с внутренней независимостью. Вспоминается примерно такой случай в МВТУ им. Баумана: дореволюционный профессор, зав.кафедрой гидравлики Куколевский, ученый с мировым именем, так и не отказался от своих с.-р. убеждений, оставаясь до 60-х годов на своей кафедре. Среди студентов ходили удивительные рассказы о презрительных отзывах профессора и об Октябрьском празднике, и о своей непричастности к большевикам...

Но не будем влезать в дебри споров. Вторая причина, по которой я огорчился резкостью Ваших выражений, помимо их неправоты, - та, что они будут мешать публикации книги. Понятно, что сегодня трудно представить официально изданной книгу о хирурге-епископе. Но все же следовало ее хотя бы символично представить к печати (не обязательно представлять, но чтобы можно было представить: ведь узнать автора не составляет никакого труда).

Я кончаю. Как бы там ни было, для меня – это самая интересная и важная Ваша книга, интереснее Максимова. С нетерпением жду продолжения. И тешу себя надеждой, что дальше Вы станете больше похожи на своего героя, что опыт отца Луки нам всем пойдет впрок. 15.4.1972 г.

II. О главе III биографии Войно-Ясенецкого

Выжимаю из себя максимум критицизма, на который способен, отложив в сторону свою глубокую благодарность за захватывающее меня чтение.

1. Двойной эпитаф выявляет в главе две смысловые части:

- Жертву Луки – своим благополучием и, что еще важнее – благополучием своих детей – ради Бога, ради своей веры и убеждений, чести и достоинства, и

-Бесчестие атеистических преследователей Луки.

Но я не уверен, что именно так она делится на самом деле. Так мне показалось. А не уверен я потому, что это противопоставление чести и бесчестия не нашло отражения в названии самой главы ("Как это делалось в 30-м" – название посвящает главу только бесчестию).

Наверное, первая тема все же важнее читателю для выяснения облика самого Луки, а в его лице – возможности для достойного поведения человека в недостойном мире. Ведь именно эта тема актуальна и сегодня и волнует каждого из нас.

Вы говорите – честь и достоинство, свои убеждения или веру в Бога можно сохранить, ставя под угрозу благополучие не только свое, но и своих близких. И не только благополучие, но и саму жизнь. Здесь заключено одно из мучительных моральных противоречий, из числа неразрешимых. Вернее, никому не дано выбраться из этой проблемы, когда она встает практически, избавиться от своей вины. Любое решение этой проблемы с одной стороны правильно, а с другой – нет ("кантовская антиномия").

Я бы, например, не стал категорически отвергать осуждающие слова Елизаветы Никаноровны в адрес Луки. В них, наверняка, сосредоточен ее жизненный опыт от встреч с "принципиальными людьми", которые свои абстрактные идеи ставили гораздо выше окружающих конкретных людей, близких и неблизких. Да что там Елизавета Никаноровна... Помните Достоевского: никакие принципы не стоят даже одной человеческой жизни. И если это очевидно по отношению к принципам коммунистическим, то столь же верно по отношению к религиозным принципам Луки.

Авраам, приносящий в жертву сына, и Лука, которого Вы ему уподобляете – это одно решение проблемы. А Достоевский не соглашается принять даже счастье всего мира,

если оно завязано со смертью одного невинного ребенка – это другое решение. Разве здесь нет контраста? Разве нет почвы для признания вопроса слишком сложным для лобового решения, для предоставления читателю права самостоятельно и по разному в конкретных случаях решать эту проблему выбора? А не только как Лука-Авраам?

И потом, не опасно ли это деление морали на один род – для массы, и другой – для "крупных личностей"? Конечно, неприятно, когда ташкентская профессура не понимает права Луки на подвиг и жертву себя и своих близких. Однако, неприятие автором морали "массы" (к которой принадлежит большинство будущих читателей книги) – тоже не очень приятно.

2. "Дело Михайловских" – жуткая своей обыденностью история. Поведение отчима, методично насилловавшего свою падчерицу во время сна жены – омерзительно, положение падчерицы показалось мне ужасным своей безысходностью. Даже изнасилование отцом родной дочери кажется мне более извинительным – как род помешательства, психического выверта, ненормальности. Здесь же – с физиологической точки зрения все нормально, но зато какое надругательство над боязнью и дочерними чувствами молодой девушки, какой цинизм к взятым на себя перед людьми отцовскими обязанностями! Этого отчима, наверное, даже к суду трудно привлечь, но у меня он вызывает только одно, чисто физическое и определенное желание – раздавить, стереть с лица земли, добиться, чтобы таких не было.

И как дополнение к этому чувству – щемящая жалость к этой Кате, к ее страху и метаниям, ко всей поломанной, растоптанной в самом начале жизни. Жалость к ее злосчастной судьбе, которая прилипает ко всем, на кого она пыталась опереться и спастись – Михайловский застрелился, Лука – арестован. Сколько же нужно душевных сил, чтобы вынести все эти удары? Вряд ли ей их хватило.

Но, по-видимому, дело Михайловских Вас волновало только в его отношении к Луке. И, наверное, поэтому все

члены семьи Гайдебуровых – и дочь, и отчим, и мать – обрисованы одной презрительной интонацией. Мне даже показалось, что у Вас для дочери и матери находится больше отрицательных слов, чем для преступного отчима. Странно... Но главное – участие Луки выглядит лишь бесполезной благоглупостью большого человека, но, наверняка, это было не так. Лука был более проницательным человеком и действительно хотел помочь мятущейся Кате, и даже решившийся ради нее на полуправду. Акценты тогда в этой истории расставляются несколько по-другому. Самоубийство Михайловского было не провокацией, в которой Катя была на стороне атеистического следствия, а напротив, сама Катя стала жертвой следствия. А может быть, даже в некоторой степени стала невольной "жертвой" непреклонности Луки, которого следствию было очень удобно осудить, приписав Кате убийство мужа, т.е. использовать ее против Луки в качестве необходимого звена-пешки. И ведь именно с Лукой связан первый шаг Кати к распрямлению, когда она приносит следствию в надежде на облегчение участи Луки свою страшную тайну, стыд всей своей несостоявшейся жизни. Нет, доброта Луки – не блажь, она не могла не приносить плоды. И "ненужное" письмо-признание Кати – прямое тому доказательство.

3. Мне очень понравилось описание механизма осуждения Луки, описание того, "как это делалось в тридцатом". Вся свистопляска поисков "поповских происков" – дана очень рельефно и ярко. Смущает только упоминание А.Сольца. Все же доказательств для обвинения его, на мой взгляд, мало. А ведь в главе он утверждается как главный идейный вдохновитель травли Луки. Один запрос-телеграмма Сольца по делу Михайловских мог иметь и положительные даже результаты – мы этого не знаем. Во всяком случае, речь Сольца на 15-м съезде ВКП(б) и раннее исчезновение с политической сцены свидетельствуют как раз о такой возможности. Ей-богу, лучше бы убрать эту сомнительную в своей отрицательности фигуру. Тем более что почти

невозможно найти конкретных виновников всех преступлений этих лет. Виновны были все, виновно само время. Это правильнее и сильнее, чем вина какого-то Сольца.

4. Однако самое сильное впечатление произвело на меня перевоплощение уголовной истории о самоубийстве помешанного профессора Михайловского в литературно-политический миф об "антинаучных происках священника Луки". Я просто радовался – как только удалось Вам раскопать это перевоплощение!

Спасибо. 31.III.73 г.

III.О книге о Войно-Ясенецком.

Спасибо Вам за книгу о Луке и за доверие и интерес к моему мнению. Извините, если буду нахальным в советах.

Мы с Лилей прочли книгу очень быстро и с неослабным интересом. Это естественно – ведь в ней содержится одна объективная, несомненная и восхитительно обнаженная правда. Обнажали Вы ее очень старательно. Да и подумать только: что для советского читателя может быть привлекательнее голой истины? Когда умный автор ведет тебя по лабиринту человеческих судеб, показывает все без утайки, ничего не скрывает? А Ваш отказ от идеализации Луки и с ним заодно – сталинского православия – по-моему, одно из основных достоинств последнего тома книги.

Только я не называл бы верноподданничество Луки во время войны и после – его грехопадением. По моим представлениям, грехопадение – это всегда измена своим принципам. При грехопадении человек сознает свою невинность и мучается ею. Для Луки же его официозные статьи были только исполнением церковного долга, были вполне в духе древних традиций православной церкви, ее безусловного подчинения власти и безусловной защиты отечества. Скорее отказ от них был бы для Луки отказом от безусловной работы на пользу церкви, был бы признанием своей гордыни, умствования и грехопадения. В этом термине невольно сказалось Ваше авторское отрицательное отношение

к позднему этапу жизни Луки, что несколько исказило житие св.Луки.

А вообще в книге много Вашей убеждающей силы, Вашей личности. Такая страстность усиливает интерес к книге, но, как мне кажется, способна иногда помешать объективности самого жизнеописания. Читательское внимание невольно отвлекается с анализа позиций Луки на анализ авторской позиции, путает их и делает неверные выводы (не по Вашей воле, а в силу перегруженности книги). Вот если бы Вы были основным, главным героем книги, а не Лука, то читательское внимание было бы приковано целиком к Вашим убеждениям и смогло бы справиться с правильной их оценкой. А поскольку главный герой – Лука, то авторские оценки, конечно, не совпадающие с читательскими, должны быть спрятаны или выделены в эпилог и примечания.

Лука был цельным и непреклонным человеком. Наверное, это в нем главное. А христианские или коммунистические убеждения – это уже вторичное, результат воспитания и судьбы. Именно эта цельность позволила ему не совершить грехопадения (с его точки зрения, а не с Вашей). У него не было больших грехов: отречения, гордыни перед Богом и церковью, сребролюбия, нарушения десяти заповедей и т.д.... С православной точки зрения он – несомненный святой. О нем в будущем, когда тюрьмы и ссылки будут официально упоминаться как "страдания за веру", будет создано настоящее "Житие св.Луки". Но для нас важно не будущее Житие, а важно объективное жизнеописание святого, потому что тогда можно будет реально оценить возможности и поведение всей православной церкви по судьбе и возможностям ее реального святого.

Жизнеописание святого невольно становится книгой о русском православии XX века, его роли в общественной жизни, науке и пр., об истории советского православия. И притом – совсем не апологетической истории, а объективно-критической. И в этом я – Ваш самый искренний доброжелатель, потому что не хотел бы, чтобы на смену

коммунистическому православию люди реставрировали в прежней силе православие христианское, с его декларированием своей исключительной православности, с его неперменным оправдыванием и обожествлением любой земной власти. Сам термин "православие" мне антипатичен.

Я сочувствую христианству угнетенному, неофициальному, умеющему уважать другие мировоззрения, и мне заранее не нравится победившее христианство, потому что при этом его плюсы станут минусами.

Теперь об основном, на мой взгляд, недостатке книги. Мне кажется, он – в огромном объеме, большом количестве тем и аспектов – социальных, религиозных, исторических, философских, нравственных, хирургических и пр. и пр. Калейдоскоп проблем, море, в котором я, читатель, тону, как перегруженная баржа. Я помню, что Лука Вас лично обязал не разделять в его биографии судьбу хирурга и епископа. Но ведь нельзя этот наказ принимать как догму, ведь истинный его смысл состоит в его обращении к официальному писателю, члену ССП (по иному он Вас и не знал): "Не смейте замалчивать мое епископство". Так почему Вы теперь не вольны разделить, например, аспекты: религиозно-научный и религиозно-социальный на отдельные книги? Тогда каждая часть-книга выиграла бы за счет стройности изложения, логики повествования, глубины выводов и нашла бы своего заранее заинтересованного читателя, а перед этим – издателя.

Ведь на деле с жизнью и подвигами архиепископа Луки соотносится не научная деятельность профессора Войно-Ясенецкого, во всей ее глубине, а сам факт врачебной деятельности, "исцеления больных", как значительный фактор его популярности в Церкви. Так же и для научной деятельности Войно-Ясенецкого важны не столько епископство и связанные с ним страдания, сколько религиозные мировоззренческие и нравственные стороны его убеждений. Епископство и научная деятельность соотносятся в Луке лишь внешне, они текут параллельными струями, что Вы сами неоднократно отмечаете. Я согласен, что для

понимания нравственных основ хирургической деятельности Войно-Ясенецкого очень важны его религиозные убеждения, соглашусь и с тем, что это очень богатая тема, отнюдь не приводимая к тезису о том, что священник может быть ученым (архиепископ и профессор). Такой тезис доказывать – значит встать на уровень нашей антирелигиозной пропаганды или ниже ее. А вот раскрыть на исканиях и работе Войно-Ясенецкого темы – наука и религиозная нравственность или религиозное мировоззрение – огромные задачи, которым одним размером книги не хватит.

Совсем другая тема – советская власть и православная церковь. Конечно, история архиепископа Луки и его популярности, как у прихожан, так и у властей, неотделима от его хирургической знаменитости – защиты. Но здесь эта связь – лишь дополнительное обстоятельство, а главное – история стойкого мученика за веру и в то же время фактического сталиниста, верного подданного верховного гонителя церкви и людей. Трагическая, великая тема! Зачем же ее разжижать научно-религиозной тематикой? Не понимаю. А Вы еще включаете свои воспоминания, характеристики иных лиц, изложение собственной позиции. И чем более этот материал интересен, тем хуже для восприятия читателем главного.

Иногда мне кажется, что проделана огромная работа, полностью собран весь наличный материал, приведен в порядок и мастерски записан, согрет авторским сердцем и раздумьями, но чего-то последнего и важного в книге не хватает. Какой-то последней операции высветления, что ли – не сделано. И потому читатель тонет в море фактов.

Конечно, можно возразить примером "Войны и мира", ссылкой на иные многотомные и многоплановые произведения. Однако разные сюжетные линии, различные миры в таких книжных гигантах носят соподчиненный характер. Сплетаясь, они высвечивают какую-то общую, главную тему. Так мне кажется. Помните, например, даже в "Анне Карениной" две главные линии Анны-Вронского и Кити-Левина текут внешне совершенно разобщено, а на деле

они вместе дают общую картину полной жизни, тьмы и света, добра и порока.

У Вас же четких линий нет, а если их выявить, разделить, то окажется, что их не нужно связывать, ибо истинной целью Вашей книги является не описание полноты жизни или еще что-то, а решение отдельных нравственно-научных и общественно-религиозных проблем.

Поэтому мой совет: не надо считать работу над книгой о Луке и свою жизнь в нашем мире – законченной. Дела еще – навалом. Обидно же работать дома, никуда не уезжая и рассчитывая если не на публикацию в Союзе, то на отсутствие наказаний при появлении "Луки" в Самиздате (кстати, почему бы Вам кроме основного и удачного названия не принять второе, удобное и укороченное - "Лука" – языку этого хочется).

Написанную же книгу оставить, как она есть – как первый и нужный вариант, но для себя, а не для печати (во всяком случае, сейчас, когда распространение ее может повредить и Вам, и тем, от кого Вы получали информацию).

А для печати и Самиздата – разделить книгу на две или больше книг. И, наконец, убрать все источники информации в книгах, предназначенных для печати. Я вообще не понимаю, зачем нужны точные ссылки на конкретные источники информации не в научном трактате, а в художественном произведении. Подойти строже к вольности своих оценок, что даст выигрыш в глубине разработки самих тем.

Я уверен, что такая работа над книгой будет очень полезной и даже необходимой. Понимаю, что свои наглые советы даю Вам не вовремя, что по Вашим представлениям книга требует лишь некоторой правки – и все, в добрый путь! И побыстрее, а то устареет... Но, Марк Александрович, зачем Вам издавать книгу, которая стареет? Не лучше ли потратить еще время и силы, чтобы создать ценность долговечную? Ведь Вы можете это сделать... Неужели жалко времени? Неужели так надоело? Неужели так не терпится и не сидится у нас? – Сделайте вечное, Марк Саныч, пожалуйста! 4.10.75.

4.6. С.А.Желудкову после прочтения его "К размышлениям о всечеловеческой церкви", 1979 г.

Уважаемый Сергей Алексеевич! Простите за сбивчивость моего письма, но в своей работе Вы подняли столь важную тему, что, чувствую, и при длительной подготовке я не смогу ей соответствовать. Хотя уже давно ощущаю потребность разобраться в своих, скажем, онтологических убеждениях, сформулировать для себя, атеиста, кредо веры, но... ни сил, ни времени. И я рад поводу, рад Вашему разрешению написать это в письме.

Прежде всего, я должен заявить, что мне чрезвычайно понравилась Ваша работа (так же как и более ранняя книга "Почему я христианин"), она близка душе и вдохновляет на любовь, она воочию говорит: "Все мы братья". Некоторые огорчительные резкости, например, в адрес толстовства или атеизма, воспринимаются лишь как неважные частности. В главном же мне просто не о чем спорить с Вами. Я могу только сообщить Вам нюансы своего атеистического понимания поднятых Вами проблем.

Главное, что я услышал в Вашей работе – это призыв к терпимости и взаимопониманию, обращенный к людям доброй воли, очень ценный и современный в наше время начинающегося в интеллигенции разномыслия и разделения. Я убежден, от того, насколько мы сможем сохранить взаимопонимание и приязнь сейчас, зависит сила и эффективность будущей оппозиции, а значит, и будущее страны.

Вы говорите, главным образом, о веротерпимости и основу ей находите во взаимной скромности и смирении, в признании своего незнания последних ответов, т.е. в агностицизме – как у христиан, так и у атеистов. И мне кажется, Вы правы! Только стоя перед Бесконечностью и сознавая ее непредставимость, мы можем ощутить себя

бесконечно малыми и в этом качестве – равными, несмотря на действительные различия. Наши перегородки, действительно, ни в коей мере не достигают и не могут достигнуть непостижимой Бесконечности. Об этом говорят и математика, и жизненная логика. По мне, это ясно как день. А люди, которые твердят о своей исключительной правде, о своей монополии на абсолютную истину, просто ограничены, им на деле просто не знакомо чувство Бесконечности, или, говоря Ваши языком,- чувство Бога, раз они смеют утверждать, что могут знать и уже знают Его. На деле они даже не видят Бесконечности и верят не в Бога, а в свои или унаследованные мифы о Нем.

Эти мифы, т.е. уверенное постулирование якобы окончательных знаний о Бесконечности, свойственны разным верованиям: и религиозным, и атеистическим. И все они могут быть препятствием к открытости перед миром, препятствием к его относительному познанию. Скепсис и агностицизм, уважительное рассмотрение разных гипотез и оснований – необходимый компонент научного познания. И наука доказала, что она не может строить прочное здание, исходя из разных и даже противоречивых гипотез и моделей Мира. Достаточно вспомнить взаимоотношения корпускулярной и волновой теории в физике, противоречивые основания в математике и др.

Однако безусловная правота научного скепсиса, агностицизма, не должна заслонять от нас его жизненную недостаточность. Загипнотизированный непостижимой Бесконечностью и собственной ничтожностью и невежеством, агностик не способен на активное действие, ибо не знает, к добру или к злу оно приведет в практическом, т.е. в абсолютном, "бесконечном", "божественном" смысле. Для практических действий, для дела нужна уверенность в их конечной правильности, нужна вера. Таково великое жизненное противоречие: мы знаем, что ничего не знаем и знать не можем о Бесконечности, о Боге и о его оценке наших поступков, но... должны действовать, а для этого знать Бога и

его оценки, чтобы быть уверенным в конечной правильности своих действий, т.е. должны знать все.

Приходится одновременно быть и агностиком, и твердоверующим, т.е. совмещать несовместимое. Весь вопрос, как совместить терпимость и практическую активность, незнание – с уверенностью, смирение перед Бесконечностью, перед Богом – и фанатизм дела...

Конечно, я не знаю ответа. Но думаю, что все мы, разноверующие люди, должны сближаться друг с другом не за счет утраты различий собственной, ранее принятой веры (христианской, инославной, атеистической), а укрепляться в ней и развивать ее, познавая Бесконечного Бога каждый на своем поле. Из споров о вере мы должны выходить не с общим агностицизмом, не с общим неверием (ибо общая, компромиссная вера была бы ублюдочной и невозможной), а с обогащением и обновлением собственной веры.

Каждому из нас необходима вера, не догматическая, а живая и развивающаяся, укрепляющая нас в добрых делах на благо мировой жизни. Развиваться же вера может только в общении с Богом или Бесконечным миром, т.е. в реальных делах.

"Практика – есть критерий истины" – расхожий, но справедливый тезис. Ибо в практике, в делах и экспериментах человеческое знание соприкасается с Бесконечной Реальностью, с Богом и проверяется им. Даже если человеку развитие веры дается в прозрениях, или в религиозной интуиции, я думаю, что в них отражается все тот же Бесконечный Свет самой практики. И нам, разновевающим, надо очень стараться получше уловить этот свет истины, чтобы дополнить и развить свои духовные основы, укрепить свою веру. И помогать друг другу в этом.

Ведь вполне возможно, что какие-то новые идеи, выражающие новые аспекты Бесконечного Мира, впервые будут замечены и выражены христианами или иными религиозными людьми, и мы, атеисты, должны понять их и усвоить, т.е. переложить на язык своей веры и претворить в

дела. Наверное, такое отношение пристало и христианам. Используя уже упомянутую физическую аналогию, развиваться должна и корпускулярная, и волновая теории.

Истинный атеизм (я не говорю о господствующем у нас вульгарном безбожии, антитеизма) вырос из христианства и до сих во многом живет в русле христианской этики и культуры, пользуется достижением верующих ученых и философов (назову как примеры – Тейяр де Шардена и Вернадского...) Способно ли христианство к такому же восприятию, такому же развитию? Судя по двум вышеназванным ученым – да; судя же по распространенному христианству, к сожалению, пока нет.

А ведь и в атеизме, как доктрине, я убежден, много поучительного для верующих. И в качестве примера я хотел бы, Сергей Алексеевич, взять под защиту упоминаемый Вами грубый, невозможный атеизм, отрицающий даже Сверх-Разум, поскольку сам его придерживаюсь. Вам такой атеизм кажется невозможным, простой непродуманностью, почти глупостью, используя известное доказательство Бытия Божьего (раз видимый мир закономерен, значит, он разумен, следовательно, имел творца, устроившего все так целесообразно). Вы основное внимание уделяете рассмотрению характера творца – то ли это Мировой внеэтический Разум (ответ интеллигентного атеиста), то ли Всеблагий Бог (ответ христианина). На основной аргумент интеллигентного атеиста: если Всемогущий Бог допустил зло, значит, он не всеблаг, а равнодушен к людям, Вы отвечаете: "Бог дал человеку свободу, в том числе и для зла. И считаете, что главный аргумент атеизма бледнеет перед откровением о свободе.

Однако это откровение о свободе, на мой взгляд, равно тезису о самоустранении Бога из видимого мира, о невмешательстве его в земную жизнь, противоречит преданию о явлении на землю Бога Иисус Христа, что ведь и было прямым вмешательством Неба в земные дела...

Получается, что главный тезис против атеизма практически согласуется с самим атеизмом (только не интеллигентного, а моего типа), который состоит в том, что наш видимый мир, доступный для нашего познания в принципе, развивается совершенно свободно, по собственным законам, без Божественного вмешательства, что в нашем мире – нет Бога.

Что мир закономерен и свободно развивается – это факт, но был ли он создан чудесным образом из ничего, несуществующим материально Сверх-Разумом, или существовал таким свободным и закономерным всегда, не имеет значения. Ибо этот момент уходит в бесконечно далекие времена – и назад (к началу времени) и вперед (к его концу). Нас же реально волнует именно существование во времени.

Итак, либо реальный мир несвободен и непрерывно управляется сверхъестественной силой, и тогда надо, не обращая внимания на реальность, познавать законы этого Божественного управления (Божественные заповеди, слова вероучителей и чудотворцев) и выполнять их, либо мир свободен и управляется собственными законами, и тогда мы должны познавать их, ориентироваться на практику своих дел. Я думаю, Вам близка вторая точка зрения. Атеизм же здесь лишь более последователен и монолитен. Он знает только одну Реальность и Человека в ней. Знает, что мир (эта движущая и взаимосвязанная, т.е. одушевленная материя) не абсурден, а упорядочен и закономерен, что он не холоден к человеку, а теплый – ибо породил человека и способствует его жизни и развитию, как может. Однако мать-природа не всесильна и может разрушиться и погубить с собой и своих детей. На людях лежит огромная ответственность – продолжить жизнь и передать накопленное богатство развития в века будущим поколениям. У нас есть впереди светлая надежда. Миллиарды лет существования жизни и миллионы лет горения разума утверждают нас в надежде на многие миллионы лет вперед, на практическую бесконечность жизни

человечества. У атеистов есть уверенность в существовании своей души и надежда на ее бессмертие – в детях и делах, в общечеловеческой памяти и опыте. Надежда, а не уверенность.

Я надеюсь, что хоть немного открыл атеизм изнутри, что поможет верующим понять "тайну, как неверующие могут быть нравственными людьми"...

Мне не нужно хвалить христианство. Оно доказало свою жизненную силу и энергию. Но и атеизм, в котором я воспитан – эта наиболее простая (хотя трудно согласиться со словом "примитивная"), цельная и прочная вера предоставляет большие возможности для развития, позволяет познавать и действовать.

Я согласен с Вашим советом, что атеистам необходимо изучение духовного и этического богатства, накопленного в христианской культуре (глубоко сожалею о своем невежестве), что там можно найти если не прямые ответы, то подходы и намеки на то, как следует себя вести в нашем непонятном и меняющемся мире. Но не будем забывать и о главном учителе атеистов – самой Реальности, о практической деятельности, как критерии истины.

Мне чрезвычайно симпатично Ваше положение об анонимном христианстве, христианстве всех людей совести и доброй воли (Ваша секторная модель человеческих ценностей против концентрической модели), симпатично признание духовного родства с ищущими и нравственными атеистами. Уверен, что эта главная мысль симпатична не только мне, но и многим другим атеистам. Тем более тем, кто защищает права не только единомышленников, но и верующих людей доброй воли. И я надеюсь, что это единство, эта "спасительная общность всех людей доброй воли" будет укрепляться в мыслях, и, что еще важнее, в реальных поступках.

Я надеюсь, что все мы – верующие и неверующие – в совместных поисках правильно угадаем правду о Мире и, последовав ей, принесем добро людям.

4.7. Ответ священника С.А.Желудкова, март 1979 г.

Дорогой Витя! Позвольте мне назвать Вас так. После Вашего письма я имел возможность ближе познакомиться с Вами и Вашей женой и мысленно причислил Вас обоих к светлым атеистам. Так я решил и впредь именовать для себя людей, которых прежде называл "анонимными христианами". Этот термин был слишком уж условен и подвергался нареканиям со всех сторон.

Я согласен с Вами, что в главном, решающем, нам не о чем спорить. Вы имеете в виду, конечно, единство наших этических оценок. Да, у нас с Вами – единый Идеал духовной Красоты, перед которым мы преклоняемся вместе. Замечательно, что само это слово: человечность – стало священным для всех.

Мы расходимся только в объяснениях этого таинственного единства. Но и здесь, в сфере идеологий, нам с Вами незачем спорить. Ибо своей веры ни Вы мне, ни я Вам передать в споре не можем. В споре можно способствовать разрушению веры другого. А это может быть опасно – может привести человека к отчаянию, повредить ему в самом главном – в практике достойной жизни.

Итак, не надо нам спорить. Другое дело – правдивая информация сторон о положительном содержании веры. Думаю, что я правильно понял Ваше описание "изнутри" оптимистического атеизма. Привлекательна Ваша вера в человека, в его великое призвание в мире. Это соответствует начальному гуманизму Библии: "И сказал Бог: сотворим Человека по образу Нашему и по подобию Нашему". Привлекает еще Ваше глубочайшее принципиальное доверие к Действительности: не может быть, чтобы Бытие было бессмысленно, абсурдно!... Вспоминается изречение Гете (кажется, в "Разговорах" с Эккерманом): Она (Природа-Мать) меня привела, она меня и выведет". В этих моментах

вера оптимистического атеизма соответствует вере Христианства.

Со своей стороны я должен поправить Ваше описание Христианства веры. Вы неправильно представляете себе дело так, будто Явление Христа на земле нарушило нашу свободу. Напротив, это и было откровение свободы. Бог явился не в силе и славе. Явился человек, Который возвестил волю Бога. Оказалось, что воля Бога в том, чтобы мы были свободны. Христос отказался от насилия власти, от насилия чуда; за Свою проповедь свободы Христос был замучен и умер. Бог воскресил Иисуса, принял Его в Свою Божественную славу, но это осталось таинством веры, это скрыто от всяких принудительных доказательств- чтобы мы были свободны... Н.А.Бердяев писал, что именно в этом откровении свободы он впервые полюбил Христа.

Мы свободны – и вместе с тем чувствуем, что Бог всегда с нами. Как это совершается – мы не знаем, это тайна Христианства. И еще я заметил, что в Ваших представлениях о Христианстве Вы как-то не замечаете измерения Вечности. А это очень важно для понимания – что такое Христианство веры. Вечность – это не здешняя Бесконечность пространства и времени. Имею в виду Вечность Божественную, духовную, таинственную, о которой дальше я не смею слова сказать, которая объемлет все существующее и в которой все, все получит свое завершение.

Боюсь, что спорить нам придется каждому со "своими". Возможно, найдутся атеисты, которые не согласятся с Вашим столь искренним признанием, что оптимистический атеизм есть вера. Не смущайтесь, Вы абсолютно правы. Прошу Вас, не смущайтесь и в том случае, если услышите, что мои "свои" обвиняют меня в уклонении от "православия". Термин "православие" многозначен, он может иметь даже и отрицательное значение. Это у нас свои споры и поиски, свои проблемы современного Христианства.